

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов VII Международной
научно-практической конференции

(Могилев, 5 апреля 2019 года)

[Начать чтение](#)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов VII Международной
научно-практической конференции

(Могилев, 5 апреля 2019 года)

Научное электронное текстовое
деривативное издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2019

ISBN 978-985-7155-22-4

© Учреждение образования «Могилевский
институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2019

© Учреждение образования «Могилевский
институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», электронное издание,
2019

[Перейти к сведениям об издании 1 2 3](#)
[Перейти к статьям](#)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов VII Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 5 апреля 2019 года)

Научное электронное текстовое деривативное издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Борьба с преступностью: теория и практика [Электронный ресурс] : тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции (Могилев, 5 апреля 2019 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Загл. с экрана.

ISBN 978-985-7155-22-4.

Основу данного издания составляет печатное издание «Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции (Могилев, 5 апреля 2019 года)». В сборник вошли тезисы докладов участников VII Международной научно-практической конференции «Борьба с преступностью: теория и практика» (Могилев, 5 апреля 2019 года) по актуальным проблемам совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы в уголовном процессе.

Может быть полезен научным работникам, преподавателям, адъюнктам (аспирантам) и курсантам (студентам), а также практическим работникам.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Издание не требует установки на жесткий диск компьютера. При необходимости пользователи могут осуществлять с электронной книгой различные операции. Предусмотрен полноэкранный режим просмотра, печать страниц и возможность загрузки файла в формате PDF непосредственно на жесткий диск. На диске расположены 2 файла с именем «Читать сборник тезисов» в форматах HTML, EXE и файл movie с расширением SWF.

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», электронное издание, 2019

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к статьям](#)

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов VII Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 5 апреля 2019 года)

Научное электронное текстовое деривативное издание

Основу данного издания составляет печатное издание:

Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции (Могилев, 5 апреля 2019 года) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – 424 с.
ISBN 978-985-7155-21-7.

Редакционная коллегия:

Шаплеров Ю. П., кандидат юридических наук, доцент
(ответственный редактор);

Лаппо Е. А., кандидат юридических наук;

Демидова И. А., кандидат юридических наук, доцент;

Лубенков А. В., кандидат юридических наук

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент *Ж. В. Третьякова*;

кандидат юридических наук, доцент *Н. В. Пантелеева*

[Перейти к титульному экрану](#)
[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)
[Перейти к статьям](#)

Научное электронное текстовое деривативное издание

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тезисы докладов VII Международной
научно-практической конференции
(Могилев, 5 апреля 2019 года)

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox; Adobe Flash Player ; CD-Rom ; мышь.

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz , Intel® Atom 1.6GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8 and Windows 10. Оперативная память: 512 Мб (1GB рекомендуется для нетбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии. Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera. Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33GHz, Intel Atom 1.6GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше, openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox. Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *Н. А. Наумович*
Корректоры *Т. Ю. Лухтанова, Н. А. Родионова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. 8 (0222) 72-41-58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 29.03.2018.
Тираж 70 экз. Объем 32 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 2.

[Перейти к титульному экрану](#)
[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)
[Перейти к статьям](#)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

[Перейти к титульному экрану](#)

УДК 344.22

*М. А. Акимов
доцент кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В ноябре 2018 года впервые за время независимости Украины введено военное положение на части территории государства (десять областей, а также акватория Черного и Азовского морей у побережья страны) сроком на один месяц. Военное положение несет среди прочего и определенные уголовно-правовые последствия, касающиеся особенностей квалификации общественно опасных деяний, совершенных в период его действия. Речь в первую очередь идет о преступлениях, предусмотренных разделом XIX «Преступления против установленного порядка несения воинской службы (воинские преступления)» Особенной части Уголовного кодекса (далее — УК) Украины.

Прежде всего, относительно целого ряда таких преступлений подлежит применению квалифицирующий признак (в предусмотренных законом случаях — особо квалифицирующий) «совершенное в условиях военного положения». Это деяния, предусмотренные:

- частью 3 ст. 403 «Невыполнение приказа», ст. 413 «Утрата военного имущества», ст. 418 «Нарушение уставных правил караульной службы или патрулирования», ст. 419 «Нарушение правил несения пограничной службы», ст. 420 «Нарушение правил несения боевого дежурства», ст. 421 «Нарушение уставных правил внутренней службы», ст. 428 «Оставление погибающего военного корабля» УК Украины;

- частью 4 ст. 402 «Неповиновение», ст. 404 «Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей», ст. 405 «Угроза или насилие в отношении начальника», ст. 408 «Дезертирство», ст. 409 «Уклонение от воинской службы путем члено-

вредительства или иным способом», ст. 410 «Хищение, присвоение, вымогательство военным служащим оружия, боевых припасов, взрывчатых или других боевых веществ, средств передвижения, военной и специальной техники или другого военного имущества, а также завладение ими путем мошенничества или злоупотребления служебным положением», ст. 411 «Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества», ст. 425 «Халатное отношение к воинской службе», ст. 426 «Бездействие военной власти» УК Украины;

- частью 5 ст. 407 «Самовольное оставление воинской части или места службы», ст. 426-1 «Превышение военным должностным лицом власти или служебных полномочий» УК Украины;

- частью 2 ст. 435 «Незаконное использование символики Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла и злоупотребление ей» УК Украины.

Указанный квалифицирующий (особо квалифицирующий) признак с учетом ч. 1 ст. 4 УК Украины и в соответствии с положениями Закона Украины от 26 ноября 2018 года, которым было введено военное положение, должен быть инкриминирован виновному лицу в любом случае совершения одного из вышеперечисленных деяний во временном промежутке между началом (14 часов 00 минут 26 ноября 2018 года) и окончанием (14 часов 00 минут 26 декабря 2018 года) военного положения.

Следует отметить, что признак «совершенное в условиях военного положения» не подлежит исключению из квалификации деяния лица после прекращения военного положения. Подобная ситуация не подпадает под определение обратной силы Закона об уголовной ответственности во времени (ст. 5 УК Украины) и не является основанием для освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 48 УК Украины). Согласно ч. 2 ст. 4 УК Украины преступность и наказуемость, а также иные уголовно-правовые последствия деяния определяются законом об уголовной ответственности, действовавшим в период совершения данного деяния.

Кроме этого, Конституционный Суд Украины своим решением от 9 февраля 1999 года по делу относительно официального толкования ч. 1 ст. 58 Конституции Украины (дело об обратной силе во времени законов и иных нормативно-правовых актов) постановил, что указанное положение Конституции следует понимать так, что действие нормативно-правового акта во времени начинается с момента вступления в силу и заканчивается с момента утраты силы (то есть к событию (факту) применяется тот закон или иной нормативно-правовой акт, в период действия которого оно настало либо произошло).

Военное положение (как обязательный, а не факультативный признак объективной стороны состава преступления) выступает не только квалифицирующим (особо квалифицирующим), но и конститутивным признаком ряда воинских преступлений.

Именно в подобной обстановке возможно совершение деяний, предусмотренных ст. 427 «Сдача или оставление противнику средств ведения войны» (в форме сдачи врагу начальником вверенных ему военных сил), ст. 430 «Добровольная сдача в плен», ст. 431 «Преступные действия военнослужащего, находящегося в плену», ст. 434 «Плохое обращение с военнопленными» УК Украины.

Для перечисленных выше посягательств необходимым является наличие врага (что обусловлено военным положением). Это, однако, совсем не предполагает обязательного наличия качественно иного признака объективной стороны состава преступления — боевой обстановки. В отличие от военного положения боевая обстановка предусматривает ведение боевых действий, а именно применение сил и средств военной организации государства для поражения живой силы и техники противника, его военно-промышленных объектов, коммуникаций, транспорта и связи.

Только в подобной обстановке и в сочетании с другими признаками объективной стороны (например, полем боя как местом совершения преступления) возможно вменение виновным деяний, предусмотренных ст. 427 «Сдача или оставление врагу средств ведения войны» (в форме не обусловленного боевой обстановкой оставления врагу укреплений, боевой и специальной техники или иных средств ведения войны, если указанные действия совершены не с целью содействия врагу), ст. 429 «Самовольное оставление поля боя или отказ действовать оружием», ст. 432 «Мародерство», ст. 433 «Насилие над населением в районе военных действий» УК Украины.

Подводя итоги, необходимо отметить, что отечественная следственно-судебная практика впервые столкнулась с подобным вызовом в современной истории Украины. Выявленные ранее и появляющиеся вновь проблемы уголовно-правовой квалификации, равно как и разрабатываемые пути (способы) их разрешения, требуют надлежащего анализа и дальнейшего изучения всеми методами науки уголовного права.

О. А. Бакиновская

*начальник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

В соответствии со статьей 25 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «О борьбе с коррупцией» (далее — Закон о борьбе с коррупцией) нарушение государственным должностным или приравненным к нему лицом установленного актами законодательства порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок относится к правонарушениям, создающим условия для коррупции. Сфера государственных закупок в Республике Беларусь всегда находилась в центре внимания как законодателя, деятельность которого направлена на создание законодательства, так и правоохранительной системы, препятствующего коррупционным проявлениям, а деятельность которой связана с выявлением и пресечением имеющихся фактов коррупционной направленности. Субъектами таких правонарушений являются государственные должностные лица и лица, приравненные к государственным должностным лицам.

Принятая 17 июля 2018 года новая редакция Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее — новый Закон о госзакупках), вступающая в силу с 1 июля 2019 года, значительно усилила антикоррупционные меры в сфере государственных закупок. Сделан акцент на полный процесс осуществления государственной закупки на электронной торговой площадке, предусмотрены заключение и изменение договора государственной закупки в виде электронного документа по результатам конкурентных процедур государственных закупок (открытого конкурса, электронного аукциона, запроса ценовых предложений). И именно сам договор государственной закупки, а не сведения о нем, будет размещаться в открытом доступе в реестре договоров, который, в свою очередь, должен формироваться в государственной информационно-аналитической системе управления государственными закупками (далее — ГИАС). Все эти и иные новшества нового Закона о госзакупках

позволят значительно повысить прозрачность и открытость процесса осуществления государственных закупок в Республике Беларусь.

Вместе с тем имеется еще ряд предложений по совершенствованию законодательства о государственных закупках, носящих, возможно, дискуссионный характер, но направленных, по нашему мнению, в том числе на предупреждение коррупционных правонарушений в данной области общественных отношений.

Из всех возможных процедур государственных закупок только процедура закупки из одного источника проводится не на электронной торговой площадке, и, соответственно, договор государственной закупки, заключаемый по ее результатам в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, не будет подлежать размещению в реестре договоров в ГИАС. Данный договор заключается в простой письменной форме, в том числе путем подписания сторонами одного документа. После заключения договора составляется соответствующая справка, которая содержит информацию, определенную пунктом 3 статьи 49 нового Закона о госзакупках. Именно данная справка в конечном итоге будет размещена в ГИАС. Однако нормы нового Закона о госзакупках предусматривают возможность проведения процедуры закупки из одного источника и по результатам ранее не состоявшихся конкурентных процедур госзакупок. Соответственно, в ГИАС о договорах, заключенных по результатам таких процедур, будет содержаться информация в крайне усеченном объеме, что, по нашему мнению, не будет способствовать проведению должной аналитической работы по предупреждению коррупционных правонарушений. По информации, содержащейся в ГИАС, можно четко отследить, как трансформировались договорные взаимоотношения сторон в процессе исполнения договора государственной закупки, как изменялись условия соответствующего договора, повышалась ли цена, чем завершилось его исполнение, что в настоящее время не представляется возможным в отношении договора, заключаемого по результатам процедуры закупки из одного источника.

Полагаем, что если процедура закупки из одного источника проводится как следствие ранее не состоявшихся открытого конкурса, электронного аукциона или запроса ценовых предложений, то и сам договор государственной закупки по ее результатам должен быть размещен именно в ГИАС для целей надлежащего контроля за его исполнением.

Система мер борьбы с коррупцией, установленная статьей 5 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», в качестве одной из таких мер предусматривает принятие кодексов этики (стандартов поведения) государственных служащих и иных государственных должност-

ных лиц. В этой связи полагаем, что принятие стандарта добросовестного поведения членов комиссии по государственным закупкам на уровне законодательного акта (например, в качестве приложения к новому Закону о госзакупках) и требование от членов комиссии по государственным закупкам неукоснительного следования данному стандарту будут способствовать профилактике коррупционного поведения в данной сфере.

Стандарт добросовестного поведения членов комиссии по государственным закупкам должен предусматривать обязательства данных лиц незамедлительно реагировать в форме извещения руководителя заказчика (организатора) и председателя комиссии по государственным закупкам о всех возможных фактах, которые могут повлиять на результат проводимой процедуры, например, сообщение информации о допущенных нарушениях со стороны иных членов комиссии по государственным закупкам, о возникновении конфликта интересов, о наличии любых известных родственных или свойственных связей между членами комиссии и участниками процедуры государственной закупки. В такого рода стандарт должно войти обязательство члена комиссии заниматься постоянным самообразованием в сфере государственных закупок.

Полагаем также возможным прохождение предварительного тестирования для лиц, предлагаемых к включению в состав комиссии по государственным закупкам. Тестирование должно проводиться на предмет знания основных правил проведения процедур государственных закупок, законодательства о борьбе с коррупцией, ответственности за нарушение законодательства о государственных закупках. Такого рода тесты могут быть разработаны на уровне уполномоченного государственного органа по государственным закупкам.

Для предупреждения коррупционных правонарушений полагаем возможным также производить обязательную видео- и аудиофиксацию заседания комиссии по государственным закупкам, например, если обсуждается вопрос о закупке товаров (работ, услуг) свыше какого-то определенного порога (например, при проведении открытых конкурсов или электронных аукционов). Результаты видео- и аудиофиксации заседания комиссии по государственным закупкам должны храниться в течение определенного срока, например, в течение сроков хранения дела по процедуре госзакупки.

Принятие данных мер, по нашему мнению, позволит увеличить степень открытости процесса осуществления госзакупок в Республике Беларусь и снизить коррупционные риски в данной сфере. Вместе с тем особое внимание должно уделяться и моральной ответственности в данной области.

О. И. Бахур

*заместитель начальника кафедры уголовного права
и криминологии Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Проведение сравнительного анализа правовых норм об иных мерах уголовной ответственности по УК стран, входящих в ЕАЭС, позволяет выявить основные черты указанных мер уголовной ответственности, раскрыть сильные и слабые стороны уголовно-правового регулирования, осуществляемого в Беларуси и зарубежных странах, учесть достижения зарубежной уголовно-правовой науки. Среди уголовного законодательства стран, входящих в ЕАЭС, наибольший интерес в плане анализа норм, посвященных иным мерам уголовной ответственности, представляет уголовный закон Российской Федерации, Республики Армения и Республики Казахстан ЕАЭС в силу наиболее тесной интеграции в рамках данного межгосударственного объединения и актуализации задачи по унификации правовых систем государств-участников, связанной с политическими устремлениями к установлению более тесных экономических и социальных связей, основывающихся на правовых нормах.

Проведенный нами анализ норм уголовного законодательства стран ЕАЭС позволяет сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что в Российской Федерации, Республике Армения и Республике Казахстан на протяжении долгого времени действовала общая советская система права, явившаяся основой их современного уголовного законодательства, на современном этапе имеются существенные различия в регламентации иных мер уголовной ответственности. Это связано главным образом со стремлением законодателей включить в свою суверенную систему права элементы национальной правовой культуры с учетом исторических предпосылок и особенностей современной социально-политической и социально-экономической обстановки в стране, что выразилось в первую очередь в изменении в уголовном законодательстве институтов системы наказаний и их назначения.

Во всех рассмотренных уголовных кодексах присутствует мера, аналогичная осуждению с условным неприменением наказания (ст. 78 УК Республики Беларусь). При этом называется она по-разному:

«условное осуждение» (УК РФ и УК РК), «условное неприменение наказания» (УК РА).

Во всех рассмотренных УК, кроме российского, указанная мера рассматривается в рамках института освобождения от отбывания наказания. Лишь в УК РФ она относится к институту назначения наказания, что, по нашему мнению, не является обоснованным. Основания применения указанной меры регламентированы одинаково — вывод суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания назначенного наказания, к которому суд должен прийти с учетом данных, характеризующих личность виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность и наказание.

Разнятся и условия применения условного неприменения наказания (условного осуждения). Так, оно может быть назначено не только при осуждении к лишению свободы, но и к другим видам наказания (аресту (УК РА); исправительным работам, ограничению по военной службе (УК РФ)). Вместе с тем представляется необоснованным отсутствие ограничений применения данной меры, связанных с тяжестью, видом совершенного преступления и (или) со сроком назначенного наказания в виде лишения свободы (УК РА).

Продолжительность испытательного срока в уголовном законодательстве РФ, РА и РБ тоже определяется неодинаково.

Представляет интерес и законодательная регламентация налагаемых на осужденного обязанностей в течение испытательного срока. Так, во всех рассмотренных УК законодатель, кроме четкого перечисления соответствующих обязанностей, предоставляет суду право назначить по своему усмотрению обязанности, которые будут способствовать исправлению осужденного. Сугубо положительно стоит оценить и возможность применения анализируемой меры в случае, если лицо осуждается за совершение тяжкого преступления. Указанные положения зарубежного уголовного права являются весьма прогрессивными и могут быть восприняты белорусским законодателем.

Заслуживают внимания, по нашему мнению, положения УК РК и УК РФ, закрепляющие возможность досрочной отмены испытательного срока при условном неприменении наказания.

В целом анализ показал, что нормы рассмотренных уголовных кодексов стран ЕАЭС об условном осуждении, аналогично белорусским, характеризуются двумя основными чертами: 1) угрозой реального применения назначенного наказания, если осужденный нарушит соответствующие условия в течение испытательного срока; 2) обещанием неприменения наказания и погашения судимости при соблюдении условий испытательного срока.

Ни один из проанализированных УК стран ЕАЭС не предусматривает меры, идентичной осуждению с отсрочкой исполнения наказания. Вместе с тем все они предусматривают весьма близкий по содержанию вид отсрочки — отсрочка наказания для беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, для мужчины, имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющегося единственным родителем. Тут стоит отметить, что имея ряд аналогичных с белорусским УК положений, указанная мера в УК стран ЕАЭС предусматривает более мягкие условия применения и отмены.

Таким образом, ряд прогрессивных положений, касающихся регламентации правовых институтов, сходных по своей сущности с иными мерами уголовной ответственности, содержащихся в уголовных законах стран, входящих в ЕАЭС, заслуживают более пристального внимания с точки зрения дальнейшего развития института иных мер уголовной ответственности в Республике Беларусь.

Р. Г. Валеев

*преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат педагогических наук*

В. В. Фурса

*преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина)*

ЗАЩИТА ОТ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ СОГЛАСНО СОВРЕМЕННОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Тема половых преступлений всегда актуальна. Пытаясь защитить личность от сексуальных посягательств, законодатель довольно часто прибегает к изменению уже существующих норм уголовного законодательства.

12 января 2019 г. вступил в силу Закон Украины от 6 декабря 2017 г. «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины с целью реализации положений Конвенции Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия и борьбе с этими явлениями». Основной целью указанного закона выступает закрепление уголовной ответственности за домашнее насилие (ст. 126-1 УК Украины).

Наряду с такими нововведениями в новой редакции изложены ст. 152, 153 и 154 УК Украины. Эти изменения кардинально меняют представления о сущности изнасилования и насильственного удовлетворения половой страсти неестественным способом.

Законом Украины от 14 марта 2018 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно защиты детей от сексуальных злоупотреблений и сексуальной эксплуатации» изменены редакции ст. 155 и 156 УК Украины. Законом предложена новая редакция ст. 155 УК Украины. В части первой статьи законодатель изменил оценочное понятие «половая зрелость» на конкретный возраст, а также указал, что уголовной ответственности подлежат только совершеннолетние лица за совершение естественных или неестественных половых сношений. В части второй ст. 155 УК Украины перечень специальных субъектов преступления заменен общим понятием «близкие родственники или члены семьи». Изменений в ст. 156 гораздо меньше: в части второй статьи, по аналогии с ч. 2 ст. 155 УК Украины, перечень

специальных субъектов преступления заменен общим понятием «близкие родственники или члены семьи».

Указанные изменения вызвали существенный резонанс как в обществе, так и в научных кругах. Так, А. А. Дудуров указывает, что принятие законов от 6 декабря 2017 г. № 2227-VIII и от 14 марта 2018 г. № 2334-VIII, на основании которых внесены серьезные изменения в раздел IV Особенной части УК, не только возмутило профессиональное сообщество, вызвав противоречивые оценки, но и привело к тому, что значительная часть соответствующей юридической литературы становится морально устаревшей [1, с. 6].

И. И. Чугуников указывает, что какие-либо веские основания для таких изменений найти довольно трудно. Механические заимствования уголовно-правового материала не только других стран, но и других правовых систем, слепая имплементация положений международных конвенций, перманентные изменения национального уголовного законодательства обусловлены не объективной необходимостью, а желанием немедленно закрыть финансовые дыры. Все указанные факторы вполне способны повлечь за собой необратимые последствия [2, с. 117].

Считаем, что реформирование законодательства в сфере защиты необходимо, однако указанные изменения являются поспешными, несовершенно, порождают больше вопросов, чем ответов. Хотим обратить внимание на некоторые из них:

1. При внесении изменений в ст. 152 УК Украины законодатель акцентирует внимание на «согласии» на половые отношения, в результате чего из диспозиции статьи исключено такое понятие, как «пребывание в беспомощном состоянии». В науке уголовного права существуют понятия физической и психической беспомощности. Физическая беспомощность характеризуется, например, малолетним возрастом лица, тяжким непсихическим заболеванием, физическими недостатками (паралич, слепота и т. д.), состоянием сильного опьянения, нахождением тела потерпевшего в таком положении, которое исключает возможность сопротивляться и т. д. Психическая беспомощность же, как правило, ассоциируется с психическим заболеванием. У некоторых психически больных периодически наблюдается состояние усиленной сексуальности, находясь в котором они не только дают согласие на половой акт, но и могут самостоятельно выступать его инициаторами [3]. Если с физической беспомощностью все вполне понятно (физическая беспомощность = отсутствие согласия), то неопределенным остается, как воспринимать согласие на половой акт, например, от женщины, которая имеет психическое заболевание.

2. Диспозиция ч. 1 ст. 152 УК Украины устанавливает запрет на вагинальное, анальное или оральное проникновение в тело другого

лица с использованием гениталий или любого другого предмета без добровольного согласия потерпевшего лица. Такая конструкция является не совсем удачной. Анализируя смысловую нагрузку диспозиции ч. 1 ст. 152 УК Украины, можно прийти к выводу, что субъектом изнасилования является исключительно мужчина, а потерпевшим лицом может быть как женщина, так и мужчина, поскольку даже если предположить, что женщина может ввести в ротовую полость или анальное отверстие мужчины любой другой предмет, то не всегда такие действия могут квалифицироваться как изнасилование. Такие действия могут быть квалифицированы, например, как хулиганство (ст. 296 УК Украины), нанесение телесных повреждений (ст. 121, 122, 125 УК Украины), побои и истязания (ст. 126 УК Украины). Чтобы в некоторой степени исправить допущенную ошибку, приравнять права женщин и мужчин на защиту от сексуальной эксплуатации, а также чтобы правильно разграничивать изнасилования от того же хулиганства, законодателю желательно дополнить статью 152 УК Украины такими элементами, как мотив и цель. Также хотелось бы отметить необходимость дополнить все имеющиеся составы половых преступлений такими же элементами. Не выходя за рамки исследования, отметим, что указанные проблемы в большей степени касаются и ст. 153 УК Украины.

3. Изменения, внесенные в ст. 155 УК Украины, на первый взгляд, кажутся правильными. Мы также считаем такие изменения необходимыми и целесообразными, однако, если анализировать все изменения, внесенные Законом Украины от 14 марта 2018 № 2334-VIII, то можно сказать, что такие изменения являются неполными, в некоторой степени вызывают противоречивыми. Так, в ч. 1 ст. 155 УК Украины установлена ответственность за природные или неестественные половые сношения с лицом, моложе шестнадцати лет, совершенные совершеннолетним лицом. В то же время в статье 156 УК Украины положение о совершеннолетнем субъекте преступления почему-то не указано. Также при внесении изменений законодатель почему-то не дополнил статьи 155 и 156 УК Украины такими квалифицирующими признаками, как совершение преступления повторно и совершение преступления группой лиц, хотя необходимость дополнения такими квалифицирующими признаками неоднократно аргументировалась учеными и практиками.

Подытоживая изложенное, отметим, что внесенные изменения являются поспешными и требуют дальнейшей доработки. Нынешние редакции статей не способны максимально защитить лицо от сексуальных посягательств.

1. Дудоров А. А. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (основные положения уголовно-правовой характеристики) : метод. руководство; МВД Украины, Луган. гос. ун-т внутр. дел им. Е. О. Дидоренко. Северодонецк : РИО ЛГУВД им. Е. О. Дидоренко, 2018. 92 с. [Вернуться к статье](#)

2. Чугуников И. И. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности на пороге перемен // Актуальные вопросы отечественной юриспруденции. № 2. Т. 2. 2018. С. 117–126. [Вернуться к статье](#)

3. Научно-практический комментарий УК Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://legalexpert.in.ua/komkodeks/uk/81-uky/1833-152.html> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

О. Ф. Воспякова

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Могилевского института МВД
Республики Беларусь*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Борьба с преступностью несовершеннолетних является одним из важных направлений уголовно-правовой политики Республики Беларусь. При общей тенденции снижения уровня этого вида преступности удельный вес совершаемых подростками преступлений ежегодно составляет около 2 % от числа всех зарегистрированных преступлений. Так, по данным МВД Республики Беларусь в 2018 году было зарегистрировано 1544 таких преступления [1].

Одной из форм реализации уголовной ответственности несовершеннолетних является их осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных ст. 117 УК [2]. Данные меры достаточно часто назначаются судами Республики Беларусь при осуждении лиц, не достигших 18-летнего возраста. Так, по данным статистики в первом полугодии 2018 года было осуждено 485 подростков. Из них 54 (11 %) осуждены к лишению свободы, 109 (22 %) — с отсрочкой исполнения наказания, 43 (9 %) — с условным неприменением наказания, 140 (29 %) — с применением принудительных мер воспитательного характера, 6 (1 %) — без назначения наказания, 133 (27 %) — с применением иных мер наказания [3].

К принудительным мерам воспитательного характера законодатель относит предостережение, возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинения потерпевшему, возложение обязанности возместить своими средствами или устранить своим трудом причинённый ущерб, ограничение свободы досуга, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение. Основанием для осуждения несовершеннолетних с применением названных мер является установленная судом в процессе судебного рассмотрения дела возможность исправления несовершеннолетнего без применения к нему уголовного наказания. Критериями для определения возможности исправления несовершеннолетнего путем использования некарательных средств воздействия могут являться: его незначительная роль в совершенном преступлении; отсутствие противоправного

поведения до совершения преступления и примерное поведение после совершения преступления; добросовестное отношение к учебе, работе; искреннее признание вины и раскаяние в содеянном и другие обстоятельства, дающие основания полагать, что виновный стремится к законопослушному поведению. Также необходимыми условиями являются недостижение лицом 18-летнего возраста, соответствующая тяжесть совершенного преступления (преступление, не представляющее большой общественной опасности, либо менее тяжкое преступление).

Не во всех случаях назначения принудительных мер воспитательного характера суды должным образом учитывают вышеуказанные критерии. Так, судом Центрального района г. Минска по ч. 1 ст. 205 УК Республики Беларусь был осужден несовершеннолетний, совершивший кражу ноутбука стоимостью 400 долларов США. Суд назначил несовершеннолетнему принудительные меры воспитательного характера в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение сроком на 1 год. Из материалов дела усматривается, что подросток и по месту жительства, и по месту учебы характеризовался отрицательно, состоял на учете в ИДН. Ранее он уже совершил кражу, а также мелкое хищение. Участковым инспектором с несовершеннолетним проводилась профилактическая работа, однако поведение подростка свидетельствовало о том, что он не намерен исправлять свое поведение. При таких обстоятельствах представляется необоснованным применение в отношении него принудительной меры воспитательного характера [4].

Если подросток злостно уклоняется в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера, суд может заменить ее на более строгую, предусмотренную ч. 2 ст. 117 УК. Ни при каких обстоятельствах заменить назначенную судом принудительную меру воспитательного характера на наказание невозможно независимо от последующего поведения несовершеннолетнего. Но чем заменить такую меру воспитательного воздействия, как помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение, в случаях, когда он злостно нарушает установленные правила пребывания в таком учреждении, что свидетельствует о его нежелании исправиться? Как уже отмечалось, замена ее на наказание невозможна, так как осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности. Нельзя продлить и срок пребывания несовершеннолетнего в подобных учреждениях, так как это не предусмотрено нормами действующего законодательства. В таких си-

туациях цели уголовной ответственности по существу остаются нереализованными.

Уголовное законодательство некоторых стран (Литвы, России) рассматривает применение принудительных мер воспитательного характера мер не как форму реализации уголовной ответственности, а как вид освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Так, ч. 4 ст. 90 УК РФ предусматривает, что, если несовершеннолетний систематически не исполняет принудительную меру воспитательного воздействия, эта мера по представлению органа, контролирующего ее исполнение, отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности [5]. В белорусском уголовном законодательстве освобождение от уголовной ответственности носит безусловный характер. Это означает, что к дальнейшему поведению лица не предъявляется никаких правовых требований и освобождение является окончательным.

В этой связи представляется целесообразным выделить в УК Республики Беларусь самостоятельную правовую норму, предусматривающую возможность помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение как альтернативу наказанию и возможность реального применения наказания в случаях злостного нарушения несовершеннолетним условий исполнения данной меры.

1. Общая статистика за 2018 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?quid=319943> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Данные судебной статистики за 1-е полугодие 2018 года об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/621a57dbbd9e465e.html (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Распространение практики применения мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Администрация Центрального района г. Минска. URL: <https://centr.minsk.gov.by/en/sfery-devatelnosti/zakonnost-i-pravoporyadok/pravookhranitelye-organy/prokuratura-tsentralnogo-rajona-gminaska/1761-rasprostranenie-praktiki-primeneniya-mer-vospitatelnogo-kharaktera-v-otnoshenii-nesovershennoletnikh> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федер. 5 июня 2001 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

Р. С. Вульвач
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Могилевского института МВД
Республики Беларусь

ПРЕВЕНТИВНЫЙ НАДЗОР КАК МЕТОД ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Ключевой задачей преобразований в уголовно-правовой сфере Республики Беларусь является утверждение принципов демократического правового государства, таких как верховенство закона, уважение и соблюдение прав человека и гражданина. Проводимая государством уголовная политика устанавливает основополагающие требования, направленные на недопущение преступных проявлений, определяет меры, средства и методы предотвращения уголовно наказуемых деяний.

Действующее правовое понятие уголовной ответственности как осуждения от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применения на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом, создает для такого лица правовое состояние судимости [1].

Основными целями уголовной ответственности законодателем определены: исправление лица, совершившего преступление, предупреждение совершения новых преступлений осужденным (частное предупреждение) и предупреждение совершения преступлений другими лицами (общее предупреждение), которые в единстве направлены на ресоциализацию самого осужденного и на оздоровление общества в целом. Адаптация осужденных должна носить планомерный характер и включать в себя разноплановые меры, в том числе и профилактического характера. Особую значимость процесс адаптации приобретает для лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, допустивших рецидив преступлений, поскольку эффект предупредительного воздействия наказания в виде лишения свободы ослабевает по мере частоты и длительности срока пребывания осужденного в местах лишения свободы.

Одной из наиболее действенных мер профилактического воздействия на лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, в целях предупреждения рецидивной преступности в настоящее время является превентивный надзор, представляющий собой совокупность мер контроля и наблюдения за поведением лиц, освобожденных из мест

лишения свободы, с целью предупреждения с их стороны совершения новых преступлений и оказания на них необходимого профилактического воздействия.

В то же время, как справедливо указано В. М. Хомичем, отличительной чертой превентивного надзора за осужденными, по сравнению с другими формами социального контроля, является то, что его установление предполагает существенное вторжение в сферу субъективной свободы поднадзорного, и поэтому такой надзор должен осуществляться в строго определенных законом пределах [2, с. 111].

Правовые основания и порядок установления, продления, приостановления, возобновления и прекращения превентивного надзора регламентированы ст. 80 УК Республики Беларусь, которая закрепляет строго определенные требования по применению данного правового института.

Неукоснительность установления превентивного надзора предписана в отношении тех лиц, кто допустил особо опасный рецидив, а также тех, кто осуждался за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации.

Возможность принятия решения об установлении превентивного надзора распространяется на лиц, которые были осуждены за тяжкое или особо тяжкое преступление либо осуждались не менее двух раз за совершение умышленных преступлений любой категории тяжести к лишению свободы и которые на момент освобождения из мест лишения свободы были признаны злостно нарушающими установленный порядок отбывания наказания, или же если лицо в период срока судимости более двух раз в течении года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые предусмотрен административный арест. Неукоснительным условием установления превентивного надзора является достижение таким лицом восемнадцатилетнего возраста. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 14 от 21 декабря 2017 г. «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре» (далее — Постановление) установление превентивного надзора за лицом, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, допускается после достижения им совершеннолетия [3].

К числу обязательных требований превентивного надзора относятся: прибытие в установленный срок к избранному месту жительства и регистрация в органе внутренних дел, уведомление органа внутренних дел о перемене места работы и (или) жительства, а также выезд за пределы района (города) по служебным и личным делам только с согласия органа внутренних дел.

К ограничениям, которые устанавливаются по усмотрению суда, отнесены требования не посещать конкретные места, не покидать свое место жительства в определенное время и иные предписания. При выборе того или иного ограничения суд обязан учитывать весь комплекс имеющихся сведений. Положения п. 8 Постановления конституируют, что требования, предусмотренные ч. 7 ст. 80 УК и установленные с соблюдением всех положений законодательства, не подлежат изменению в течение всего срока превентивного надзора. В то время как требования, предусмотренные ч. 8 ст. 80 УК, и связанные с ними ограничения по представлению территориального органа внутренних дел могут быть изменены в течение срока осуществления превентивного надзора.

Немалое значение в части предупреждения рецидивной преступности имеют и сроки, на которые превентивный надзор устанавливается, так как данный срок напрямую зависит от характеристики лица, за которым превентивный надзор устанавливается. Так, за лицом, допустившим особо опасный рецидив, превентивный надзор устанавливается до снятия судимости, в иных случаях — на срок от шести месяцев до двух лет, но в пределах срока судимости. При этом для усиления эффективности профилактического воздействия данного правового института законодателем предусмотрено не только установление превентивного надзора на определенный срок, но также его продление в случаях и пределах, установленных уголовным законом. Согласно ч. 12 ст. 80 УК продление превентивного надзора возможно в пределах срока судимости, при соблюдении указанных в законе условий. В соответствии с п. 13 Постановления продление превентивного надзора может носить неоднократный характер, однако лишь только в пределах срока судимости лица. Особое значение превентивного надзора по предупреждению рецидивной преступности обусловлено наличием оснований криминализации несоблюдения требований превентивного надзора либо уклонения от превентивного надзора, закрепленных в ст.ст. 421 и 422 УК.

Таким образом, представляется возможным отметить, что, несмотря на правоограничительный характер превентивного надзора, данный правовой институт в настоящее время обладает целым комплексом действенных профилактических мер, позволяющих ему оказывать эффективное правовое и фактическое воздействие по предупреждению рецидивной преступности.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Минск : БГУ. 1998. 132 с. [Вернуться к статье](#)
3. О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 14: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.36

I. А. Гааг

*дацэнт кафедры крымінальнага права і крыміналогіі
Юрыдычнага інстытута
Кемераўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія),
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт*

АБ ЗМЕСЦЕ СУБ'ЕКТЫЎНАГА БОКУ ЗЛАЧЫНСТВАЎ СУПРАЦЬ ПРАВАСУДДЗЯ, ШТО ЎЧЫНЯЮЦА СЛУЖБОВЫМІ АСОБАМІ, ЯКІЯ ЗАБЯСПЕЧВАЮЦЬ АЖЫЦЦЯЎЛЕННЕ ПРАВАСУДДЗЯ

У большасці саставаў злачынстваў супраць правасуддзя, якія ўчыняюцца службовымі асобамі органаў дзяржавы, папярэдняга следства і суда, наўмысная форма віны фармулюецца пры дапамозе прыслоўя «заведама», якое з'яўляецца сінонімам да слоў «свядома», «знарок» і такім чынам сведчыць аб тым, што суб'ект усведамляе незаконны характар сваіх дзеянняў.

У сярэдзіне мінулага стагоддзя выказвалася меркаванне, нібыта «заведамасць» уласцівая не толькі для наўмыснай формы віны, але і злачыннай саманадзейнасці [1, с. 8–9]. Гэты падыход справядліва крытыкаваўся ў працах шэрага навукоўцаў [2, с. 201; 3, с. 45].

На першы погляд праз «заведамасць» можа адзначацца толькі наўмысная форма віны, але пры гэтым трэба звяртаць увагу на тое, якой прыкметы саставу злачынства яна тычыцца і як сканструяваны адпаведны састаў. У матэрыяльных саставах злачынстваў заведомасць сведчыць аб наяўнасці прамога намеру толькі ў тым выпадку, калі яна характарызуе вынікі, з якімі заканадаўца звязвае крымінальную адказнасць; ва ўсіх іншых выпадках заведомасць можа спалучацца як з прамым, так і з ускосным намерам. Што датычыцца фармальна-прававых саставаў, выкарыстанне тэрміна «заведама» пры апісанні любой з іх прыкмет непазбежна прыводзіць да высновы, што адпаведнае злачынства можа ўчыняцца толькі з прамым намерам.

У дыспазіцыі арт. 299 Крымінальнага кодэкса (далей — КК) РФ «заведомасць» належыць да прыкмет пацягнення, але сведчыць аб усведамленні правапарушальнікам незаконнасці сваіх дзеянняў. Жаданне вінаватай асобы скіравана на другое дзеянне (прад'яўленне абвінавачвання), а першае дзеянне (вынясенне пастановы аб прыцягненні асобы ў якасці абвінавачванага) адыгрывае дапаможную ролю, хоць без яго гэтае другое аказваецца цалкам немагчымым. Правапарушальнік усведамляе (з улікам спецыяльных ведаў) не-

магчымасць дабіцца прад'яўлення пацярпелыму жаданага для яго абвінавачвання без складання адпаведнага працэсуальнага дакумента, бо яго воля скіравана аднолькава на абодва дзеянні і праяўляецца ў жаданні ўчыніць іх.

У арт. 300 КК РФ, нягледзячы на адсутнасць у ім згадкі пра «завадасць», інтэлектуальны момант ахапляе ўсведамленне суб'ектам з усёй выразнасцю незаконнага характару сваіх дзеянняў па вызвальненні ад крымінальнай адказнасці. Адсюль вынікае, што і ў гэтым выпадку гаворка вядзецца выключна аб прамым намерам, невыяўленне якога не дазваляе паставіць у віну дадзены састаў злачынства.

Толькі з прамым намерам учыняюцца незаконныя затрыманне, узяцце пад варту і трыманне пад вартай (ч. 1 і 2 арт. 301 КК РФ), аб чым сведчыць вызначэнне ў дыспазіцыях дадзеных нормаў заведама незаконнага характару гэтых дзеянняў. Як і ў вышэй разгледжаных выпадках, тут патрабуецца не проста ўсведамленне злачыннасці сваіх паводзін, але ўсведамленне выразнае, яснае, з усёй пэўнасцю. У той жа час кваліфікуючая прыкмета цяжкіх вынікаў (ч. 3 арт. 301 КК РФ) ператварае састаў з фармальнага ў матэрыяльны, а гэта значыць, што стаўленне вінаватага да самога дзеяння і яго рэзультатаў можа быць неаднародным: воля суб'екта можа быць скіравана выключна да супрацьпраўнага абмежавання асабістай свабоды пацярпелага, тады як цяжкія вынікі гэтага ўчынку могуць толькі свядома дапускацца. Такім чынам, злачынства, прадугледжанае арт. 301 КК РФ, у яго кваліфікаванай разнавіднасці можа ўчыняцца як з прамым, так і з ускосным намерам.

Сапраўды, гэтак жа вырашаецца пытанне аб змесце суб'ектыўнага боку фальсіфікацыі доказаў: асноўныя (фармальныя) саставы гэтага злачынства (ч. 1 і 2 арт. 303 КК РФ) дапускаюць толькі прамы намер, бо фальсіфікацыя — гэта сукупнасць дзеянняў, незаконнасць якіх не можа не ўсведамляцца, прычым усведамленне гэтае мае абсалютна канкрэтны і крайне ясны характар; з іншага боку, кваліфікуючыя «цяжкія вынікі» (ч. 3) могуць быць прычыненыя як з прамым, так і з ускосным намерам. Не застаецца месца ўскоснаму намеру ў саставе фальсіфікацыі вынікаў аператыўна-вышуковай дзейнасці (ч. 4 арт. 303 КК РФ), які не толькі сканструяваны як выключна фармальны, але, апрача таго, змяшчае ў сабе ў якасці абавязковага элемента мэту, якой можа быць або крымінальнае праследаванне асобы, заведама не звязанай з учыненнем злачынства, або нанясенне ўрон у гонару, годнасці і дзелавай рэпутацыі.

Дзеянне, прадугледжанае арт. 302 КК РФ (прымушэнне да дачы паказанняў), гэтаксама належыць да злачынстваў з фармальным саставам. Інтэлектуальны момант віны ахапляе ўсведамленне асобай,

па-першае, незаконнасці выкарыстаных спосабаў уздзеяння на іншых удзельнікаў працэсу і, па-другое, таго факту, што ўжыванне любога з гэтых спосабаў прыгнятае волю ахвяры; пры гэтым злачынныя паводзіны скіраваныя на атрыманне паказанняў у іх крымінальна-працэсуальным сэнсе, што характарызуе валявы момант віны — жаданне падпарадкаваць іншую асобу сваёй волі, прымусіць яе даць паказанні. Такім чынам, прымушэнне да дачы паказанняў можа ўчыняцца толькі з прамым намерам. Гэты вывад не закранае згадка ў законе маўклівай згоды следчага або асобы, што праводзіць дазнанне, бо тут вядзецца гаворка пра спосабы, якія ўжываюць іншыя асобы, з чаго непазбежна выцякае, што гэтыя асобы дзейнічаюць выключна з прамым намерам. З прамым намерам дзейнічае ў такой сітуацыі і следчы або асоба, якая праводзіць дазнанне, якая, даючы маўклівую згоду, не проста дапускае незаконныя дзеянні, а менавіта жадае, каб яны былі ўчыненыя, і таму не спыняе відавочна супрацьпраўны і недапушчальны націск на падазронага, абвінавачанага, пацярпелага, сведку, эксперта або спецыяліста. Матыў і мэта з'яўляюцца для дадзенага злачынства факультатыўнымі прыкметамі і могуць брацца пад увагу толькі падчас прызначэння пакарання.

Пры апісанні саставу вынясення заведама неправасуднага прысуду, рашэння або іншага судовага акта (арт. 305 КК РФ) заканадаўца адзначае «заведамую неправасуднасць» як уласцівасць прадмета дадзенага злачынства. Гэта значыць, што суддзя, прымаючы адпаведны працэсуальны акт, не памыляецца, а свядома дзейнічае насуперак палажэнням заканадаўства, гэта значыць дзейнічае з прамым намерам. Што датычыцца «іншых цяжкіх вынікаў» дадзенага дзеяння, якія прадугледжваюцца ў ч. 2 арт. 305 КК РФ, яны (таксама як у вышэйзгаданых выпадках з ч. 3 арт. 301 і ч. 3 арт. 303 КК РФ) могуць прычыняцца не толькі з прамым, але і з ускосным намерам. Неасцярожнасць пры вынясенні заведама неправасуднага судовага акта здаецца нам немагчымай, паколькі суб'ект дадзенага злачынства, які мае спецыяльную адукацыю і пэўны прафесійны досвед, не можа не прадбачыць калі не непазбежнасць, дык рэальную магчымасць цяжкіх наступстваў свайго дзеяння. Канешне, прадбачанне гэтых наступстваў часцей за ўсё мае неканкрэтызаваны, а іх дапушчэнне — толькі імавернасны характар, але гэта не значыць, што прадбачанне і дапушчэнне адсутнічаюць.

Падводзячы вынікі, можна зрабіць наступныя высновы:

1. Прыкметы, якія характарызуюць суб'ектыўны бок, з'яўляюцца не толькі абавязковым элементам саставаў злачынстваў супраць права-суддзя і, такім чынам, неабходнай умовай прыцягнення да крымінальнай адказнасці, але таксама размежавальнымі крытэрамі, па якіх такія

злачынствы адрозніваюцца ад сумежных грамадска небяспечных дзеянняў.

2. У суб'ектыўных прыкметах у найбольшай ступені праяўляецца матэрыяльная ўласцівасць злачынстваў супраць правасуддзя — іхняя грамадская небяспечнасць, гэта значыць пагроза інтарэсам не толькі дзяржавы і грамадства ў цэлым, але і асобных грамадзян.

3. Злачынствы, прадугледжаныя ў арт. 299–303, 305 КК РФ, учыняюцца толькі наўмысна, прычым для іх асноўных саставаў характэрны прамы намер, а ў саставах кваліфікаваных магчымы як прамы, так і ўскосны намер. Наўмысны характар злачынстваў супраць правасуддзя часцей за ўсё падкрэсліваецца ў законе пры дапамозе прыкметы заведомасці.

4. Матывы і мэты ў большасці выпадкаў не ўплываюць на кваліфікацыю злачынстваў супраць правасуддзя і прымаюцца пад увагу толькі падчас прызначэння пакарання (выключэнне — ч. 3 арт. 299, ч. 4 арт. 303 КК РФ).

1. Чельцов М. А. Спорные вопросы учение о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 7–9. [Вернуться к статье](#)

2. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М. : Госюриздат, 1957. 364 с. [Вернуться к статье](#)

3. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве ; науч. ред. Б. В. Здравомыслов. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 186 с. [Вернуться к статье](#)

Э. В. Густова

*старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

О ПРОБЛЕМАХ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Сегодня юридическая наука во многом оказывается на острие перемен, происходящих в нашем обществе, определяя правовые условия проводимых в стране социальных и экономических реформ. Это налагает особую ответственность на правоприменителей за выносимые ими решения, их существо и обоснование, что особенно актуально в сфере уголовного судопроизводства [1, с. 3]. Действующий Уголовный закон РФ характеризуется высокой степенью абстрактности правовых норм, наличием бланкетных и отсылочных норм, правовых предписаний, содержащих оценочные признаки, норм, которые предлагают несколько вариантов поведения, спецификой терминов и понятий [2, с. 3]. В связи с чем в правоприменительной деятельности возникает много вопросов, касающихся толкования отдельных норм уголовного закона и их правильного применения. Так по официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, за январь–ноябрь 2018 г. на досудебной стадии уголовного судопроизводства было выявлено 1 283 222 нарушения закона при производстве следствия и дознания. Значительная часть из них связана с ошибкой квалификации деяния [3].

На необходимость толкования закона в процессе его применения указывали основоположники марксизма-ленинизма. Так, К. Маркс отмечал, что проблема толкования закона состоит в том, чтобы определить смысл последнего в качестве юридического основания для вынесения правильного решения по конкретному случаю [4, с. 67].

Толкование — это совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементам (выражениям, формулам, символам) какой-либо теории. Результат толкования каких-то правовых актов также представляет собой совокупность значений (смыслов), которые придаются предложениям правового текста и его отдельным словам и терминам. В УК РФ содержится ряд норм, где законодатель использует слова и выражения, которые в языке права приобретают иной смысл, нежели в обиходном, а также использует термины других отраслей знания — медицины, экономики, различных областей техники и т. п. Наличие противоречий между словесной формой юридической нормы и ее буквальным содержанием, а также от-

сутствие легального определения некоторых понятий (экстремизм, критическая информационная инфраструктура, угон), используемых в нормах УК РФ, и употребление идентичных формулировок, содержащиеся в разных статьях УК РФ (неоднократно, значительный ущерб), налагает запрет на придание разных значений этим формулировкам в рамках одного и того же нормативного акта при отсутствии специальной оговорки об этом в самом акте.

Полагаем, при конструировании правовых норм и введении новых терминов в УК РФ необходимо обращаться к толковым словарям, что позволит довести совокупность суждений, раскрывающих смысл нормы до сознания правоприменителя. Так, например, законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ употребляет слово «предложения» («предложений к совершению самоубийства»). Такие предложения могут быть выражены в различных формах, обстановке и с различным умыслом. Возникает вопрос, как при определении состава преступления правоприменителю интерпретировать данное слово. Согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова, «предложение — то, что предлагается выбору, вниманию, что предложено на обсуждение, рассмотрение кого-нибудь или для исполнения кому-нибудь». Таким образом, при «предложении к совершению самоубийства» у лица есть альтернатива поведения, и установить в данном деяния совершение умышленного преступления очень проблематично. Словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет оснований для иной их интерпретации.

В процессе толкования норм УК РФ необходимо учитывать законы логики. А. Ф. Черданцев отмечал, что логический способ толкования предполагает такой мыслительный процесс, направленный на установление содержания нормы права или извлечение из нормы права ответа на вопрос юридического характера, поставленный практикой, в ходе которого правоприменитель с помощью различных логических приемов оперирует материалом только самой нормы или статьи закона, не обращаясь к другим средствам толкования [5, с. 97].

Идентичным формулировкам в рамках одного и того же акта нельзя придавать разные значения, если из этого акта не следует иное. Значение сложных выражений в нормах УК РФ следует устанавливать в соответствии с синтаксическими правилами языка, на котором сформулирована интерпретируемая норма. Большое количество уголовно-правовых норм УК РФ сконструированы так, что их содержание не имеют абсолютно императивного характера. Некоторые из них изложены с оговорками, другие отсылают к каким-то иным правилам или источникам.

В отечественной уголовно-правовой науке высказывалось предложение о дополнении Общей части УК РФ специальной главой 2.1 «Толкование уголовного закона» [6; 7], в статьях которой пояснялись бы условия и порядок реализации принципа строгого толкования при интерпретации уголовного закона, однако данное предложение не нашло отражения в действующем УК РФ.

В настоящее время уделяется большое внимание совершенствованию уголовного законодательства как важнейшего условия упрочнения законности и правопорядка, создания прочных основ нормальной жизнедеятельности.

Толкование норм уголовного закона в процессе уголовно-правовой квалификации является одной из наиболее сложных проблем, стоящих перед правоприменителем. ЕСПЧ констатировал, что «норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие» [8]. На аналогичных позициях стоит Конституционный Суд РФ: «Правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа правового государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом» [9]; равенство граждан может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания толкования правовой нормы всеми правоприменителями [10]. Следует отметить, что принцип строгого толкования нашел законодательное закрепление и в ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь: «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию».

В настоящее время в уголовном праве России толкование проводится в соответствии с реалиями современных событий общественной жизни и меняющимися условиями функционирования государства и права по формуле: «новые условия — новый смысл закона».

Несмотря на особую важность проблематики толкования уголовного закона для правоприменительной деятельности, теория уголовного права не содержит единой методики толкования. В этой связи актуальным представляется разработка Концепции единообразного применения и толкования уголовного закона, содержащая предложения и методики осуществления толкования уголовного закона, применяемые в ходе правоприменительной деятельности, в законотворческом процессе и в разработке разъяснений применения уголовного законодательства Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

1. Морозов Б. П. Правоприменительное толкование Уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень., 2008. 29 с. [Вернуться к статье](#)
2. Савельева О. А. Роль судебного толкования в применении Уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с. [Вернуться к статье](#)
3. Портал правовой статистики Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1-е изд., Т. 1. 1928. 653 с. [Вернуться к статье](#)
5. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права : учеб. пособие. Свердловск, 1972. 192 с. [Вернуться к статье](#)
6. Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2002. С. 371–373. [Вернуться к статье](#)
7. Панченко П. Н. Законодательная техника как фактор системности законов (на примере уголовно-правовой проблематики) // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 118. [Вернуться к статье](#)
8. Постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74) [Электронный ресурс]. URL: https://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/eurup_practice89/ (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
9. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 №174-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4. [Вернуться к статье](#)
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 г. № 29-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7323. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.37

Т. И. Дудко

*ведущий специалист по научно-методическому обеспечению
образования отдела научно-методического обеспечения
образования и международного сотрудничества
Института повышения квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОМАНО-GERMANСКОЙ И АНГЛОСаксонСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Отечественное уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность, неизменно трансформировалось под влиянием различных событий, происходящих в политической и экономической сферах государства. Последние изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь в этой части были внесены в январе 2015 года. Вместе с тем специалистами отмечается, что уголовно-правовая норма о незаконной предпринимательской деятельности далека от совершенства и ее применение негативным образом сказывается на развитии экономических отношений в государстве [1, с. 10].

На современном этапе развития общества возникает тенденция сближения уголовного законодательства разных государств и поэтому на развитие отечественных уголовно-правовых норм оказывает как прямое, так и косвенное влияние зарубежный опыт [2, с. 6]. Именно поэтому изучение уголовного законодательства зарубежных государств представляет особый интерес для поиска оптимальных решений по совершенствованию отечественного законодательства.

Абсолютно все зарубежные государства осуществляют регулирование предпринимательской деятельности для обеспечения экономической безопасности государства. В целях недопущения причинения вреда общественным и государственным интересам государства принимают меры, направленные как на ограничение отдельных видов предпринимательской деятельности, так и на обеспечение соответствующего порядка ее осуществления.

Особенностью уголовного законодательства романо-германской правовой семьи является то, что оно не ограничивается наличием

только уголовных кодексов данных государств, так как существует большое количество законов, в которых содержатся уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности [3, с. 55–56, с. 64–65]. Во Франции, к примеру, источниками уголовного права являются Законы: «О деятельности кредитных учреждений и контроле за ними» (1984 г.), «О коммерческих обществах» (1966 г.), «О судебной реорганизации и ликвидации предприятий» (1985 г.) [3, с. 64]. В Германии, соответственно, — Германское торговое уложение (1897 г.), Акционерный закон (1965 г.), Закон о борьбе с хозяйственной преступностью (1976 г.), Закон о дальнейшем упрощении хозяйственного уголовного права в ред. (1975 г.) и др. [4, с. 83].

В уголовном законодательстве англосаксонской системы права отсутствуют специальные нормы, посвященные борьбе с незаконной предпринимательской деятельностью.

«Уголовное законодательство США содержит только нормы, относящиеся к общеуголовным преступлениям, связанные с посягательством на имущественные отношения (например, Федеральное уголовное законодательство США, представленное в части 1 Титула 18 свода законов США). То же самое характерно и для Великобритании, прецедентное право которой и статутное законодательство не касаются посягательств на порядок осуществления предпринимательской деятельности» [5, с. 49].

В законодательстве Великобритании можно найти лишь нормы, относящиеся к уголовным преступлениям, связанные с посягательством на имущественные отношения. Это объясняется тем, что в англосаксонской правовой системе права широкое распространение получили нормы частного права, административного права, которые четко регламентируют порядок осуществления предпринимательской деятельности и предусматривают меры ответственности за несоблюдение данного порядка.

Проведенный анализ уголовного законодательства зарубежных государств позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, при изучении уголовной ответственности за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности в зарубежном законодательстве необходимо учитывать особенности построения уголовного законодательства рассматриваемых государств, а также характер общественных отношений, защищаемый государством.

Уголовное законодательство романо-германской правовой семьи не исчерпывается наличием лишь уголовных кодексов, существует большое количество отраслевых нормативно-правовых актов, которые

регламентируют уголовную ответственность за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности. В то же время в законодательстве англо-саксонской правовой семьи широкое распространение получили нормы административного права.

Во-вторых, нельзя согласиться с мнением тех ученых, которые отмечают, что преступления, именуемые как предпринимательские, в зарубежном уголовном законодательстве не предусмотрены. Проведенный анализ законодательства показывает, что за определенные виды предпринимательской деятельности, где сфера осуществления деятельности обладает повышенной общественной опасностью, установлена уголовная ответственность, а общие нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность и предусматривающие ответственность за их нарушение, расположены в гражданском и административном законодательстве. Нормы частного права «четко предусматривают порядок осуществления предпринимательской деятельности и предусматривают меры ответственности за его нарушение вплоть до применения уголовно-правовых мер» [5, с. 53].

Так, в уголовных кодексах Франции, Германии, Испании не нашли свое отражение нормы, устанавливающие ответственность за нарушение порядка регистрации и лицензирования предпринимательской деятельности. Однако в законодательстве представленных государств указывается деятельность, которая запрещена для всех субъектов хозяйствования, а также та деятельность, которая связана с нарушением порядка обращения объектов повышенной опасности.

В уголовных кодексах Франции, Германии, Испании, Швейцарии, Голландии имеются уголовно-правовые нормы, которые схожи с уголовно-правовым запретом в белорусском законодательстве (осуществление предпринимательской деятельности без государственных полномочий, осуществление профессиональной деятельности без лицензии).

1. Иванова Я. Е. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 34 с. [Вернуться к статье](#)

2. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М. : Статут, 2005. 570 с. [Вернуться к статье](#)

3. Мелешко Н. П., Тарло Е. Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика). М. : Юрлитинформ, 2003. 304 с. [Вернуться к статье](#)

4. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М. : Проспект, 2006. 560 с. [Вернуться к статье](#)

5. Аистова Л. С. Незаконное предпринимательство. СПб., 2002. 281 с. [Вернуться к статье](#)

Ю. Е. Духовник

*старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ ПРИ МНИМОМ ИСПОЛНЕНИИ ПРИКАЗА ИЛИ РАСПОРЯЖЕНИЯ

Видом ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является мнимое исполнение приказа или распоряжения. Законодательного закрепления в Беларуси данное правовое явление не имеет.

Мнимое исполнение приказа или распоряжения состоит в причинении вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, совершенного в ситуации, воспринятой заблуждавшимся лицом как наличие условий правомерности исполнения приказа или распоряжения при их реальном отсутствии. Условия правомерности причинения вреда рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, законодательно закреплены в ст. 40 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК).

В процессе осуществления управленческой деятельности различные органы и должностные лица этих органов издают различные акты, выраженные в различных формах, в том числе и в форме приказов или распоряжений, которые носят обязательный характер для исполнения подчиненными им по службе лицами. В свою очередь отданный приказ или распоряжение должен соответствовать установленной форме, а также находиться в пределах компетенции лица, его издающего.

Таким образом, как представляется, ошибка в исполнении приказа или распоряжения может быть вызвана заблуждением лица как относительно существа приказа или распоряжения, так и относительно его формальных признаков.

Большую значимость в уголовно-правовом смысле имеет мнимое исполнение приказа или распоряжения, обусловленное заблуждением лица относительно законности содержания приказа или распоряжения.

В ч. 2 ст. 42 УК закреплено, что применение уголовной ответственности к лицу, совершившему умышленное преступление при исполнении заведомо незаконного приказа или распоряжения, осуществляется на общих основаниях.

Но в случае заблуждения лица относительно преступности характера приказа или распоряжения представляется невозможным вменение лицу умышленного причинения вреда, так как лицо не осознавало общественную опасность приказа или распоряжения.

В данном контексте небезынтересно мнение Ю. В. Старостиной, которая отмечает, что при привлечении к уголовной ответственности в ситуациях, когда лицо не предвидело, но по обстоятельствам дела должно было предвидеть преступный характер приказа или распоряжения, значительную роль имеют фактические обстоятельства дела и прежде всего соответствие отданного приказа или распоряжения признакам законности [1, с. 93].

Некоторые уголовные законодательства зарубежных стран закрепляют нормы, которые освобождают от уголовной ответственности в состоянии мнимого исполнения приказа или распоряжения, когда лицо заблуждалось относительно законности приказа или распоряжения, когда он на самом деле был преступным. Так, в ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Голландии предусмотрено, что освобождение от уголовной ответственности невозможно при незаконном официальном приказе, за исключением случаев, когда подчиненный добросовестно не предполагал законность этого приказа, и он выполнил его.

Так, рассматривая подобного рода случаи мнимого исполнения приказа или распоряжения, следует привести следующий пример из правоприменительной практики. Линейным судом г. Москвы 30 сентября 1949 г. был осужден М., который по предварительному сговору с Л. похитил 90 килограмм краски. Материалами дела установлено, что М. виновным себя не признал. Из его показаний известно, что он, выполняя работы по устранению последствий аварии, по устному распоряжению мастера Л. получил со склада краску, так как был уверен в том, что распоряжение Л. законное, а получение краски вызвано необходимостью ее использования в ходе восстановительных работ. Впоследствии Верховным Судом СССР было вынесено решение о прекращении уголовного дела, в связи с необоснованным осуждением М. [2, с. 91].

В данном случае М. добросовестно заблуждался в законности распоряжения Л., в связи с чем, как представляется, решение Верховного Суда СССР является правильным.

Таким образом, вопрос об уголовно-правовой оценке деяний в случаях мнимого исполнения приказа или распоряжения также должен разрешаться, исходя из того, что данное правовое явление есть вид ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Следовательно, при мнимом исполнении приказа или распоряжения уголовная ответственность может быть исключена либо лицо привле-

чено к уголовной ответственности за превышение пределов, необходимых при исполнении приказа или распоряжения либо привлечено к уголовной ответственности за причинение вреда по неосторожности.

1. Старостина Ю. В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. 182 л. [Вернуться к статье](#)
2. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 94 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

*О. В. Ермакова**доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОБОСНОВАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В РАМКАХ ст. 282 УК РФ

Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 519-ФЗ в Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) были внесены изменения, частично декриминализирующие совершение такого преступления, как возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, относящегося к числу экстремистских.

В частности, для регламентации уголовной ответственности был использован институт административной преюдиции, предполагающий наличие преступления только в том случае, когда деяние совершается лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности. Соответственно, совершение данного действия при отсутствии административного наказания не образует преступления, а переведено в разряд правонарушений.

В связи с серьезной деформацией уголовного закона возникает вопрос, по каким причинам законодатель пересмотрел общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ (хотя на протяжении 21 года с момента принятия УК РФ возбуждение ненависти или вражды традиционно признавалось преступлением и без наличия административного наказания).

По нашему мнению, основной причиной частичной декриминализации и изменения содержания общественной опасности данного преступления выступает возросшее в последние годы количество уголовных дел по написанию комментариев в сети Интернет, копированию изображений, когда лицо, совершившее подобные действия, даже не осознает их опасность и сущность и не преследует экстремистские мотивы.

Например, Евгения Корта обвинили в публикации в социальной сети «ВКонтакте» за картинку с националистом Максимом Марцинкевичем (Тесаком) и человеком, похожим на поэта Александра Пушкина. На картинке Тесак прижимает Пушкина к стене, сопровождая это комментарием с ксенофобным оскорблением. В ходе расследования было установлено, что изображение содержит «совокупность психологических и лингвистических признаков унижения нерусских». Подсуди-

мый утверждал, что не публиковал изображение, а случайно сохранил его в альбом на своей странице.

Полагаем, что в подобных примерах вообще не идет речь о преступном деянии в связи с тем, что объективная сторона части 1 ст. 282 УК РФ содержит признаки двух самостоятельных составов преступлений:

1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды.

При этом возбуждающей является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них. Она порождает напряженность в обществе, формирует негативные стереотипы, создает питательную почву для конфликтов [1, с. 454].

2. Действия, направленные на унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо к какой-либо социальной группе [2, с. 26].

При этом преступление должно совершаться только с прямым умыслом, т. е. виновный осознает характер совершаемых действий по возбуждению ненависти или унижению достоинства и желает их совершения.

По нашему мнению, вопрос соответствия приведенных в примерах действий и обозначенных признаков достаточно спорный. В частности, очень сложно при проведении экспертизы мема, картинки определить умысел и цель публикующего. Кто-то сохраняет картинки нечаянно, кто-то видит в картинках сарказм. Но с правовой точки зрения необходимо закрепить перечень запрещенной символики, которая бы четко определяла ненависть или вражду, а также унижение человеческого достоинства. Кроме того, необходимо в обязательном порядке проведение психологической экспертизы лиц, публикующих записи в Интернете, для выявления признаков экстремистской направленности.

Что касается использованного института административной преюдиции в рамках ст. 282 УК РФ, считаем, что, безусловно, совершение таких действий повторно повышает общественную опасность содеянного, однако, даже первичное действие может обладать не меньшей вредоносностью в том случае, если оно на самом деле совершается с умыслом и экстремистским мотивом. В связи с этим считаем, что следовало бы вернуться к первоначальной редакции ст. 282 УК РФ и признать преступлением любое возбуждение ненависти или вражды, ко-

торое содержит признаки общественно опасного, виновного, противоправного деяния.

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. М. Лебедева. М. : ЭКСМО, 2013. 629 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ермакова О. В., Манянин П. А., Мамаев Н. Ю. Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз : учеб. пособие. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. 55 с. [Вернуться к статье](#)

*В. А. Иващенко
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Национальной академии внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Проблема борьбы с торговлей людьми не ограничивается рамками отдельного государства, а касается всего мирового сообщества. В полной мере это затрагивает и Украину, где криминализировали указанное преступление еще в 1998 году.

Со временем были приняты также специальные законодательные и другие нормативные акты, направленные на противодействие торговле людьми, привлечение виновных к ответственности, оказание помощи потерпевшим лицам.

Так, Закон Украины «О противодействии торговле людьми» от 20 сентября 2011 года определил организационно-правовые принципы противодействия этому преступлению, гарантируя гендерное равенство, основные направления государственной политики и принципы международного сотрудничества в этой сфере, полномочия органов исполнительной власти, порядок установления статуса лиц, которые пострадали от торговли людьми, и предоставления им помощи.

Также Украина является участником универсальных международных и европейских документов, направленных на борьбу с торговлей людьми. Например, в 2004 году была ратифицирована Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, а в 2010 году — Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми.

Национальное законодательство, в том числе уголовное, должно соответствовать ратифицированным международным документам.

Так, Уголовный кодекс Украины (далее — УК) содержит статью 149 «Торговля людьми» [1]. Часть 1 указанной статьи предусматривает ответственность за торговлю человеком, а также за вербовку, перемещение, сокрытие, передачу или получение человека, совершенные с целью эксплуатации, с использованием принуждения, похищения, обмана, шантажа, материальной или иной зависимости потер-

певшего, его уязвимого состояния или подкупа третьего лица, которое контролирует потерпевшего, для получения согласия на его эксплуатацию. Преступление предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет. По степени тяжести это тяжкое преступление.

Часть 2 ст. 149 УК содержит квалифицирующие признаки торговли людьми, а именно действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего или в отношении нескольких лиц, или повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или служебным лицом с использованием служебного положения, или соединенные с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего или его близких, либо с угрозой применения такого насилия. Наказывается преступление лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

Действия, предусмотренные частью первой или второй данной статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего его родителями, усыновителями, опекунами или попечителями, или совершенные в отношении малолетнего, или организованной группой, или соединенные с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего или его близких, либо с угрозой применения такого насилия, или если они повлекли тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 3 ст. 149 УК). Преступления, предусмотренные частями 2 и 3 статьи 149 УК, — особо тяжкие.

Для привлечения к ответственности за торговлю людьми необходимо устанавливать наличие общественно опасного деяния, способа его совершения и специальной цели.

Общественно опасное деяние предусмотрено в виде торговли, вербовки, перемещения, сокрытия, передачи или получения человека.

Возможными способами совершения преступления являются использование принуждения, похищения, обмана, шантажа, материальной или иной зависимости потерпевшего, его уязвимого состояния или подкупа третьего лица, которое контролирует потерпевшего, для получения согласия на его эксплуатацию, а также применение насилия в отношении потерпевшего или его близких либо угроза его применения. Обратим внимание, что ответственность за вербовку, перемещение, сокрытие, передачу или получение малолетнего или несовершеннолетнего по статье 149 УК наступает независимо от того, совершены ли такие действия с использованием указанных способов или нет.

Целью совершения преступления является эксплуатация человека, под которой следует понимать все формы сексуальной эксплуата-

ции, использования в порнобизнесе, принудительный труд или принудительное предоставление услуг, рабство или обычаи, сходные с рабством, и тому подобное.

В то же время, несмотря на наличие специальной правовой базы по противодействию торговле людьми, актуальным проблемным вопросом остается привлечение к ответственности за это преступление виновных лиц. Так, в Украине в 2016 году было зарегистрировано 115 случаев торговли людьми, в 2017 году — 340, в 2018 году — 270 [2]. Судебная же статистика свидетельствует о том, что количество осужденных за это преступление в разы ниже. Так, если в 2007 году по статье 149 УК было осуждено 89 лиц, то в 2016 году — только 26 [3, с. 39]. Суды часто освобождают от реального отбывания наказания за торговлю людьми, несмотря на тяжесть преступления.

Таким образом, с учетом накопленной судебной и следственной практики необходимо особое внимание уделять обеспечению неотвратимости наказания торговцев людьми, возмещению причиненного вреда потерпевшим. Торговля людьми — преступление, которое сопровождается вопиющим нарушением прав человека и требует от правосудия не только адекватного наказания для виновных лиц, но и возобновления прав человека.

1. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г., № 2341-III : принят Верховным Советом Украины // Верховный Совет Украины. Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Статистическая информация о состоянии преступности и результаты прокурорско-следственной деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Украины. URL: https://www.gp.gov.ua/ua/stst2011.html?dir_id=113653&libid=100820&c=edit&c=fo# (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Горох А. П. Практика применения некарательных мер уголовно-правового влияния за торговлю людьми // Противодействие незаконной миграции и торговле людьми : материалы II Междунар. науч.-практ. симпоз., Ивано-Франковск, 16-17 марта 2018 г. / Частное высшее учебное заведение «Университет Короля Данила». Ивано-Франковск : Редакционно-издательский отдел Университета Короля Данила, 2018. С. 39–43. [Вернуться к статье](#)

*Д. В. Каменский
заведующий кафедрой правоведения
Бердянского государственного
педагогического университета (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «МОШЕННИЧЕСТВО» В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Исследовательское погружение в материю «экономического» уголовного закона и практики его применения побуждает выявить один ключевой признак, в принципе характерный для всех видов экономических посягательств и позволяющий раскрыть их общую сущность. Речь идет об обмане, о латентной и мошеннической форме поведения злоумышленника, который эффективно искажает экономически значимую информацию, а нередко — ее огромные объемы в свою пользу с целью улучшения своего финансового состояния незаконным способом. Этот тезис позволяет по-другому посмотреть и попробовать переосмыслить сущность экономических посягательств и соответственно реагирующих на них запретов в рамках уголовного законодательства. Действительно, если условно рассматривать обман как о некий фундаментальный фактор (первоисточник) противоправного поведения в сфере экономических отношений, то можно четко проследить на уровне отдельных статей соответствующих разделов УК Украины и Беларуси явно мошенническую сущность такого противоправного поведения, проявления в нем обмана различного содержания, уровня сложности и форм применения.

Тут целесообразно будет обратиться к точному, по нашему мнению, высказыванию В. А. Навроцкого о том, что практически все новеллы раздела о преступлениях в сфере хозяйственной деятельности можно отнести к разновидностям мошенничества в его широком смысле [1, с. 281].

Размышляя над вопросами выделения ключевых системообразующих признаков преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, В. В. Хилjuta приводит, в частности, такой признак: подавляющее большинство подобных преступлений связаны с фальсификацией, обманом в обязательствах и злоупотреблением доверием [2, с. 16].

Корреспондирующую приведенным выше точку зрения высказывает А. Г. Безверхов. Он пишет о том, что система «мошеннических» уголовно-правовых норм в условиях рыночной экономики требует распространения своего воздействия на имущественные отношения, ко-

торые приобретают различные юридические формы проявления и не сводятся исключительно к охране права собственности. Более того, следует, как считает автор, уделить более пристальное внимание правовой конструкции «злоупотребление доверием, полномочиями», которая призвана предупреждать (реагировать на) случаи ненадлежащего управления и распоряжения чужими активами (в т. ч. капиталом коммерческих организаций) вопреки законным интересам доверителя [3, с. 24].

Продолжая размышления на тему обмана в бизнесе и адекватной реакции на это явление со стороны общества и государства, обратимся к оригинальной научной позиции И. А. Клепицкого. Ученый обращает внимание на специфическое общественное восприятие нормы о мошенничестве: якобы используя соответствующий запрет (запреты), работники правоохранительных органов осуществляют чрезмерное вмешательство в предпринимательскую деятельность и таким образом существенно мешают экономическому развитию. Здесь же прослеживается и заметная коррупционная составляющая. В связи с этим российский автор даже вспоминает известное выражение «не обманешь — не продашь», то есть мошенничество якобы является неотъемлемой частью ведения бизнеса, с которой стоит смириться ради стимулирования экономического развития. В то же время согласимся с мнением И. А. Клепицкого в том, что на самом деле серьезные, самодостаточные предприниматели, которые образуют основу национальной экономики, совершают мошеннические преступления крайне редко [4, с. 48].

При этом наиболее опасными, по сравнению с «общеуголовными», являются мошенники «от бизнеса» — именно их общественно опасное поведение вредит свободному развитию гражданского оборота, повышает риски и транзакционные издержки, связанные с бизнесом, в конце концов лишает экономику столь желанной инвестиционной привлекательности. То есть речь идет о значительно большем размере наносимого материального ущерба, о негативных производных последствиях, описанных выше, а также в целом о более высоком уровне опасности для общества (особенно для участников экономических отношений — они становятся, так сказать, заложниками «цепной реакции» экономического мошенничества) по сравнению с традиционным мошенничеством как преступлением против собственности.

Хочется отметить, что анализ динамики развития наиболее успешных компаний, а также ознакомление с публичными выступлениями и интервью с их руководителями убеждает в правильности подхода, при котором для создания и развития серьезного бизнеса мошенничество и другие формы предпринимательских злоупотреблений недопустимы, они, по сути, разрушительны. Последствия от одного

лишь выявления факта противоправного поведения предпринимателя могут быть настолько негативными для его бизнеса (прежде всего ударом по деловой репутации и, соответственно, по его позиции на том или ином рынке), что возникают серьезные предпосылки для закрытия бизнеса — прежде всего из-за потери клиентской базы, что является жизненно важным для деятельности любой компании.

Показательно, что последнее наблюдение является тем более очевидным в Соединенных Штатах, где мошенничество корпоративного руководителя очень дорого стоит его компании в долгосрочной перспективе. В таких случаях даже используется специальный юридический термин «collateral damage» (с англ. — «объединенный (или совокупный) вред») — дискредитация лица и его компании, снижение или обесценения стоимости акций, потеря клиентской базы или государственных заказов, принудительное расторжение договоров контрагентами, дополнительные проверки со стороны регуляторных органов и т. д. В конечном итоге срабатывает правило, которое имеет, к счастью, больше сторонников, а именно — честным быть выгоднее.

В заключение обратимся к словам В. В. Хилюты, который справедливо указывает, что критический обзор нормативных конструкций, использованных в тексте уголовного закона для описания составов экономических преступлений, побуждает говорить о том, что сегодня правоохранительным органам необходима определенность и однозначность нормативных формулировок, а также четкое указание в правовых дефинициях на те юридические факты, которые на практике реально доказать [5, с. 196]. Иными словами, оптимизация формы и содержания уголовно-правовых запретов в сфере экономики — вот залог успеха в деле борьбы государства с экономическим мошенничеством во всем многообразии его проявлений.

1. Навроцкий В. А. Среднесрочные тенденции развития уголовного права Украины // Уголовный кодекс Украины: 10 лет ожиданий: тезисы докладов и сообщений участников Международного симпозиума, 23–24 сент. 2011 г. Львов : Львов. гос. ун-т внутр. дел, 2011. С. 279–282. [Вернуться к статье](#)

2. Хилюта В. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения : монография. Гродно : ГрГУ, 2014. 456 с. [Вернуться к статье](#)

3. Безверхов А. Безвозмездность как признак экономического преступления // Уголовное право. 2016. № 5. С. 18–27. [Вернуться к статье](#)

4. Клепицкий И. Мошенничество: проблемы юридической техники и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 48–62. [Вернуться к статье](#)

5. Хилюта В. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения : монография. Гродно : ГрГУ, 2014. 456 с. [Вернуться к статье](#)

А. Г. Карпович

*младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права
Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ И НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время одной из актуальных проблем с теоретической и практической точек зрения является разграничение незаконной предпринимательской деятельности и так называемой самостоятельной занятости. Существующая связь требует высокого уровня согласованности уголовно-правовых норм, касающихся незаконной предпринимательской деятельности и положений иных отраслей права, определяющих понятие и содержание предпринимательской деятельности.

Так, в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) закреплено определение предпринимательской деятельности, а также перечень видов деятельности, которые не относятся к ней (оказание услуг по разработке веб-сайтов, штукатурные, малярные, стекольные работы, ремонт часов, мебели и т. д.). Полный перечень таких видов деятельности содержится в Указе Президента Республики Беларусь от 19.09.2017 № 337 «О регулировании деятельности физических лиц» (далее — Указ № 337) [1] и ст. 337 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) (далее — НК).

Однако следует отметить, что такое разделение предпринимательской деятельности и иных видов, не относящихся к ней, вызывает ряд проблем, связанных с таким понятием, как «самостоятельная занятость». Во всем мире последняя рассматривается в качестве особого феномена, способного привести к интеграции интересов общества и человека, прежде всего, через обеспечение реализации права на труд, содействие развитию предпринимательской инициативы и деловой активности. При этом до сих пор в национальной и зарубежной литературе отсутствует единая точка зрения относительно соединения и разграничения самостоятельной занятости и предпринимательской деятельности. Учитывая тот факт, что государство заинтересовано в дальнейшем развитии самостоятельной занятости, что предусмотрено в ряде нормативных правовых актов (Программа социально-экономического развития на 2016–2020 годы; Закон Республики Беларусь «О занятости

населения Республики Беларусь»), требуется дальнейшее теоретико-правовое осмысление рассматриваемого феномена.

В настоящее время, несмотря на существующий со стороны государства интерес, законодательство Республики Беларусь не содержит определение самостоятельной занятости, до сих пор не закреплены ее основные признаки, которые позволили бы четко разграничить самозанятость и предпринимательскую деятельность.

Единственная попытка определения рассматриваемого феномена была предпринята в глоссаторе Национального статистического комитета Республики Беларусь, в соответствии с которым самостоятельно занятые лица — это лица, самостоятельно осуществляющие с одним или несколькими деловыми партнерами деятельность, приносящую доход, и не нанимающие работников на постоянной основе [2]. Такое определение нельзя назвать удачным по ряду причин.

Первая из таких причин — это невключение в рассматриваемое определение главного признака любой занятости, а именно ее легальности. Исходя из указанной выше формулировки, к самостоятельно занятым лицам можно относить в том числе граждан, осуществляющих незаконную деятельность, которая, как и легальная, будет направлена на получение дохода.

Вторая причина связана с невозможностью определения «самостоятельной занятости» и выделения ее признаков, на основании которых можно было бы отделить самостоятельную занятость от предпринимательской деятельности.

По нашему мнению, самостоятельная занятость — это вид нестандартной формы занятости, при которой граждане, соединяя в одном лице собственника средств труда и труженика, самостоятельно организуют свой труд и управляют им, осуществляют в собственном интересе и под личную ответственность определенную, не запрещенную законодательством деятельность в условиях самоорганизации и самоуправления трудом, и участвуют в финансировании государственных расходов.

В-третьих, формулировка «не нанимающие работников на постоянной основе», отражает продолжительность трудовых отношений, а не отсутствие возможности заключать трудовые договоры с другими гражданами. Так, если за основу для определения круга самостоятельно занятых лиц взять положения гражданского законодательства, закрепляющего перечень видов деятельности, которые не относятся к предпринимательской, необходимо учесть следующее. В частности, в Указе № 337 определен примерный перечень видов деятельности, которые не относятся к предпринимательской, а также предусмотрено, что данная деятельность осуществляется самостоятельно без при-

влечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам [2].

При этом в некоторых из закреплённых видов деятельности допускается возможность привлечения к работе других физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам (данные виды деятельности содержатся в ст. 1 ГК). К таким лицам, в частности, относятся: адвокаты, осуществляющие адвокатскую деятельность индивидуально; нотариус, осуществляющий нотариальную деятельность в нотариальном бюро; физические лица, осуществляющие деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма.

В силу этого выделяемый многими авторами признак того, что самостоятельная занятость отличается от предпринимательской деятельности тем, что самостоятельно занятые лица не могут нанимать иных граждан по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам не может быть использован как таковой.

Следовательно, для решения вопроса о возможности привлечения граждан, осуществляющих деятельность, которая носит спорный характер, к уголовной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности требуется выработка правовой определенности. В частности, необходимо: закрепить определения самостоятельной занятости и самостоятельно занятых лиц, включающие в себя в том числе обязательные признаки родового понятия занятости (легальность, доходность, добровольность); установить признаки самостоятельной занятости; выработать позицию относительно возможности всем или некоторым видам самостоятельно занятых лиц привлекать других физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам; разработать примерный перечень видов деятельности, в результате осуществления которых граждане будут приобретать статус самостоятельно занятых лиц (при соблюдении ряда условий).

Таким образом, решение проблем уголовно-правового характера, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью и феноменом самостоятельной занятости, невозможно без согласованности норм различных отраслей права.

1. О регулировании деятельности физических лиц [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 сент. 2017 г., № 337 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.01.2018 г., № 29. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Минск, 1998–2006. URL: <http://www.belstat.gov.by/metodologiya/kratkiy-glossariy-statisticheskikhterminov/-16/> (дата обращения: 16.01.2019). [Вернуться к статье](#)

А. В. Ковальчук
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ КАК КОНСТРУКТ ЭКОНОМИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Уголовное право, представляя собой систему юридических норм, устанавливающих запреты на совершение общественно опасных деяний и предусматривающих меры уголовной ответственности либо иные меры принудительного характера, внешне исключает постановку вопроса о привилегиях, предоставляемых лицам, преступившим уголовный закон. Это подтверждается положением, закрепляющим в ч. 3 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) принцип равенства лиц перед законом, согласно которому лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Вместе с тем анализ УК дает основание полагать, что данный нормативный правовой акт допускает исключение из упомянутого уголовно-правового принципа, регламентируя привилегии для лиц, совершивших общественно опасные деяния. Такие привилегии находят свое отражение как в Общей, так и в Особенной его частях. В частности, к привилегиям следует отнести нормы Общей части УК, регламентирующие особенности уголовной ответственности женщин (п. 2, ч. 2 ст. 58, п. 2 ч. 2 ст. 59 и др.), мужчин, достигших ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет (п. 3 ч. 2 ст. 58, п. 3 ч. 2 ст. 59), несовершеннолетних (раздел V и др.), лиц общеустановленного пенсионного возраста, престарелых, а также инвалидов и др. (привилегированные субъекты). К примеру, на основании п. 1, 2, 3 ч. 2 ст. 58 УК и п. 1, 2, 3 ч. 2 ст. 59 УК пожизненное заключение и смертная казнь к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, женщинам, а также мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет, не применяются, что является своего рода преимуществом по отношению к мужчинам, достигшим совершеннолетия, но не достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет.

Особенная часть УК включает в себе ряд привилегированных составов преступлений, ответственность за совершение которых законодателем дифференцируется в зависимости от особой обстановки, в которой они совершены. Речь идет об именуемых в теории уголовного права привилегированных составах убийств, к которым относятся: 1) убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 140 УК); 2) убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 141 УК); 3) убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 142 УК); 4) убийство, при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143 УК). Сконструированные санкции свидетельствуют об уменьшенной наказуемости данных видов преступлений (совершенных при наличии психотравмирующей ситуации роженицы, вызванной родами, либо обстоятельств, исключаящих преступность деяния) по сравнению с наказуемостью иных видов убийств, совершенных вне названной обстановки.

Как представляется, экономный законодательный подход уголовно-правового воздействия к «привилегированным субъектам» преступлений вызван, во-первых, необходимостью максимального учета индивидуальных особенностей личности, в том числе обстановки совершения преступления, и, во-вторых, необходимостью дополнения принципа равенства принципами справедливости и гуманизма уголовного закона и уголовной ответственности.

В уголовно-правовой литературе можно обнаружить мнение относительно того, что к уголовно-правовым привилегиям следует отнести поощрительные нормы о добровольном отказе от преступления (ст. 15 УК), обстоятельствах, исключаящих преступность деяния (Гл. 6 УК), освобождении от уголовной ответственности и наказания (Гл. 12 УК) и специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК. Полагаем, что обозначенные нормы уголовно-правовыми привилегиями не являются, так как подлежат применению лишь после того, как лицо, совершившее преступление, выполнит определенные в законе действия. Уголовно-правовые привилегии же предоставляются безотносительно осуществления субъектом преступления каких-либо позитивных, постпреступных и иных действий, свидетельствующих о снижении или утрате общественной опасности совершенного деяния либо лица, его совершившего.

Таким образом, суть уголовно-правовых привилегий состоит в проявлении законодателем снисхождения к лицам, совершившим запрещенное УК деяние, в зависимости от наличия у последних особых личностных свойств либо наличия особой обстановки, в которой это деяние совершено. Именно особые личностные (привилегированные)

свойства лица, совершившего общественно опасное деяние, или особая (привилегированная) обстановка его совершения предоставляют возможность законодателю скорректировать общественную опасность таких лиц или деяний в сторону уменьшения и в этой связи минимизировать уголовно-правовое воздействие.

Сказанное позволяет прийти к выводу о том, что уголовно-правовые привилегии представляют собой конструкт экономии уголовно-правового воздействия, который выражается в преимуществах в виде существенного уменьшения объема уголовной ответственности, предоставляемых лицам, обладающим предусмотренными УК особыми свойствами, либо находящимся в особой преступной обстановке и совершившим общественно опасные деяния.

Вопрос отнесения соответствующих уголовно-правовых норм к уголовно-правовым привилегиям, их классификации и дифференциации на группы представляет собой предмет самостоятельного исследования в теории уголовного права.

Н. И. Козелецкая
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ

За последние несколько лет было внесено значительное число изменений и дополнений, которые коснулись различных аспектов уголовно-правового регулирования общественных отношений, в том числе вопросов обеспечения защиты чести и достоинства человека. Так, Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» простое оскорбление было декриминализировано и перешло в разряд административных правонарушений [1].

В ныне действующей редакции ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) ответственность предусмотрена за умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (оскорбление), в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети.

С объективной стороны оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего.

Обязательным условием признания в действиях субъекта состава преступления является их неприличная форма, отсутствие которой исключает квалификацию содеянного по ст. 189 УК. Определение понятия «неприличная форма» законодателем не раскрывается.

По мнению А. С. Горелика, неприличной является форма, противоречащая общепризнанным правилам обращения между людьми [1, с. 459–460]. В. П. Степанин предлагает рассматривать в качестве неприличной формы откровенно циничное, глубоко противоречащее принятым в человеческом обществе нормам нравственности и морали, элементарным правилам поведения между людьми унижительное обращение с человеком, непристойные телодвижения, жесты, обнажение интимных частей тела или прикосновение к ним, плевков в лицо, пощечина и т. д. [2].

Отдельные авторы при решении вопроса о том, выражена ли отрицательная оценка в неприличной форме, предлагают суду исходить из норм нравственности общества, а не из ее восприятия самим потерпевшим, ибо он может обладать повышенным самомнением и любые критические высказывания в свой адрес считать оскорбительными [3].

Полагаем, вопрос о том, дана ли отрицательная оценка личности в неприличной форме, должен решаться правоприменителем как из субъективного восприятия потерпевшим допущенного с ним обращения, так и с учетом общепринятых норм и правил поведения, сложившихся в обществе.

В правоприменительной практике под неприличной формой суды понимают такие действия, при которых отрицательная оценка личности потерпевшего дается нарушителем в циничном виде, резко противоречащем принятым нормам общения между людьми, правилам общежития, моральным устоям.

Такая трактовка признака оскорбления не позволила судье областного суда признать написанные в приложении Viber в сообщении слова «амеба», «инфузория», «семейка неадекватных» фразами оскорбительного характера, унижающими честь и достоинство потерпевшей в неприличной форме, а лицо — виновным в административном правонарушении.

Учитывая то, что районный суд при наличии сомнений в оценке формы высказываний, не назначил лингвистическую экспертизу высказанных слов и фраз на предмет наличия в них неприличной формы, не мотивировал, в чем состоят циничность, резкое противоречие принятым нормам общения между людьми, правилам общежития, моральным устоям при употреблении указанных слов и фраз для оценки личности потерпевшей, вышестоящая судебная инстанция отменила постановление суда, а дело направила на новое рассмотрение [4].

Применительно к действующей редакции статьи под распространением следует понимать опубликование позорящих сведений в печати, сообщение по радио, телевидению, с использованием других средств массовой информации или технических средств, в листовках, демонстрацию (вывешивание) в публичных местах плакатов, лозунгов.

Оскорбление может сопровождаться не только облаченными в нецензурную форму словами и прозвищами, но и циничными жестами. Оскорбительными действиями в юридической литературе признаются также забрасывание яйцами, помидорами, грязью, обливание краской, помоями, оплевывание [5, с. 81]. Оскорбить человека в печатном или публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации можно посредством изображения, с помощью карикатур,

рисунков, коллажей. Главное — доказать, что у лица был умысел на то, чтобы унижить достоинство потерпевшего.

Оскорбление всегда адресуется конкретному человеку. Если унижаются честь и достоинство лица, которое невозможно идентифицировать, состав оскорбления отсутствует. Так, уголовная ответственность не наступает, если виновный высказывал в неприличной форме некие обобщающие положения, персонально никому не адресованные. При наличии определенных условий такие действия могут образовывать состав административно наказуемого хулиганства.

Оскорбление следует считать юридически завершенным с момента доведения до потерпевшего оскорбительных сведений либо совершения действий в неприличной форме, унижающих его честь и достоинство.

Однако в литературе можно встретить и иной взгляд на конструкцию объективной стороны рассматриваемого преступления. Так, по мнению И. В. Сидоровой, оскорбление признается оконченным с момента наступления общественно опасного последствия — эмоционального вреда в виде унижения достоинства потерпевшего [6]. Такая же позиция высказана и Ю. М. Ткачевским. Ученый считает, что оскорбление является материальным преступлением и признается оконченным с того момента, когда потерпевший сочтет себя оскорбленным и суд установит наличие оскорбления [7, с. 73].

Таким образом, если наступление последствий безразлично потерпевшему и учитывая законодательную конструкцию состава рассматриваемого деяния, то нравственные страдания, испытываемые потерпевшим в результате совершения действий, унижающих его честь и достоинство, находятся за рамками состава преступления и должны учитываться лишь при индивидуализации наказания.

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2019 г., № 171-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/ofitsialnoe-opublikovanie/novye-postupleniya/?p0=18.01.2019&p1> (дата обращения: 23.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Полный курс уголовного права : в 5 т. / Ассоц. юрид. центр ; под ред. А. И. Коробеева. Т. 2 : Преступления против личности / Ю. В. Голик [и др.]. СПб., 2008. 680 с. [Вернуться к статье](#)

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / Ю. В. Грачева [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2011 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / В. И. Булавин [и др.] ; под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат., 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Постановление областного суда от 19 июня 2018 г. (извлечение) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
6. Чередниченко Е. Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики) : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 144 с. [Вернуться к статье](#)
7. Сидорова И. В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: www.dissercat.com (дата обращения: 11.10.2019). [Вернуться к статье](#)
8. Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность за оскорбление // Законодательство. 2000. № 1. С. 69–76. [Вернуться к статье](#)

В. А. Круглов

*профессор кафедры правовых дисциплин
филиала Российского государственного социального университета
в г. Минске, доктор юридических наук, профессор*

УНИФИКАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (сравнительный анализ законодательств Беларуси и России)

Существуют тенденции парадоксальных эмоций, и если рассматривать проблему категорий преступлений по законодательствам Беларуси и России, то сравнительный диалектический анализ указанных категорий не является единой базой для стабилизации данного вопроса в союзе Беларуси и России, а также в Евразийском экономическом союзе.

Указанной проблеме посвящены работы таких авторов, как А. А. Краснов [1, с. 3], А. У. Баринов [2, с. 33], П. С. Стаханов [3, с. 16–17], У. П. Ремизов [4, с. 6–7], Г. П. Горлохватов [5, с. 28] и многих других, а также работы автора данной публикации.

Все преступления в Беларуси и России вначале исследователями, а затем и законодателем разделены на четыре разновидности. Первые две в законодательствах этих государств именуются по-разному. Так, в Беларуси преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления в России именуются как преступления небольшой степени тяжести и преступления средней тяжести соответственно. Названия этих терминов в Беларуси и России различны, но их содержание идентично.

В данной публикации указанные категории будем именовать «первая», «вторая», «третья» и «четвертая».

Не вдаваясь в дискуссию, какой из указанных терминов более соответствует заложенному в нем содержанию, заметим, что в рамках союза Беларуси и России, а также в рамках Евразийского экономического союза их необходимо привести к единому знаменателю.

В Беларуси и России к первой категории относятся как умышленные, так и неосторожные преступления. За них в Беларуси установлено лишение свободы на срок менее двух лет или более мягкое наказание. В России соответственно — менее трех лет лишения свободы. Как мы видим, российский законодатель не указал, что за данные преступления может быть установлено более мягкое наказание чем лишение свободы.

В Беларуси и России ко второй категории относятся также и умышленные, и неосторожные преступления. За умышленные в Беларуси установлено лишение свободы на срок не более шести лет, в России — не более пяти лет. За неосторожные в Беларуси установлено лишение свободы на срок более двух лет, в России — более трех лет.

В Беларуси и России к третьей категории относятся умышленные преступления, за которые в Беларуси установлено лишение свободы не более двенадцати лет, в России — не более десяти.

В Беларуси к четвертой категории относятся умышленные преступления, за которые установлено лишение свободы более двенадцати лет, пожизненное заключение или смертная казнь, в России — лишение свободы более десяти лет или более строгое наказание.

Не вдаваясь в дискуссию, как именовать первые две категории преступлений и какой срок лишения свободы надо установить за преступления первой категории (не более двух или трех лет), за преступления второй категории (за умышленные — не более шести или пяти лет, за неосторожные — более двух или трех лет), за преступления третьей категории (не более двенадцати или десяти лет), за преступления четвертой категории (более двенадцати или десяти лет), отметим, что указанные сроки в рамках союза Беларуси и России, а также в рамках Евразийского экономического союза необходимо привести к единообразию.

Мы полагаем целесообразным (так же, как изложено в ст. 15 УК) России дополнить ст. 12 УК Беларуси еще одной позицией. В этой части необходимо указать, что, учитывая именно обстоятельства конкретного преступления, в том числе степень общественной опасности, смягчающие вину обстоятельства и отсутствиеотягчающих, суд может изменить категорию преступления. При этом надо учитывать, какое осужденному вынесено наказание. Оно должно быть не более двух лет или более мягкое. За совершение преступления, указанного в ч. 4 ст. 12 УК Беларуси, осужденному должно быть вынесено лишение свободы не более пяти лет или более мягкое. За совершение преступления, указанного в ч. 5 ст. 12 УК Беларуси, осужденному должно быть назначено лишение свободы не выше семи лет.

Исследование проблем категорий преступлений, проведение сравнительного диалектического анализа показали, что попытки ученых что-либо изменить в законодательстве, в том числе и наши рассуждения, не стабилизируют данный вопрос в союзе Беларуси и России, а также в Евразийском экономическом союзе. Дискуссии будут продолжаться и далее. Внедрение наших предложений позволит всем применяющим указанные термины, исходя из общеуголовных принци-

пов, индивидуально подходить к определению рецидива или особо опасного рецидива, а также позволит подсудимым реально стремиться использовать смягчающие вину обстоятельства для изменения категории преступлений.

1. Краснов А. А. Как определить категорию преступлений // Закон и примитивная экономика. М., 2018. С. 1–28. [Вернуться к статье](#)
2. Баринев А. У. Преступность и кара за преступление // Общество в современном мире. Минск, Амалфея. 2014. С. 33–40. [Вернуться к статье](#)
3. Стаханов П. С. Как победить преступность // Вестник Итальянского института управления и права. 2008. № 2 (3). С. 16–26. [Вернуться к статье](#)
4. Ремизов У. П. О принципах и задачах уголовного права // Вестник Акад. МВД Республики Дагестан. 2006. № 2(20). С. 6–17. [Вернуться к статье](#)
5. Горлохватов Г. П. Задачи уголовного права в условиях формирования правового государства // Актуальные проблемы совершенствования законодательства Беларуси России на современном этапе : материалы конф. Минск : БГЭУ, 2014. С. 28–31. [Вернуться к статье](#)

*Н. С. Луценко
адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России*

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
(сравнительно-правовой анализ)**

Борьба с преступностью — главная задача каждого государства. Во все времена основными средствами противодействия преступности являлись карательные меры, среди которых определяющая роль отводилась наказанию. В последнее десятилетие принцип гуманизма, как никогда ранее, проник в сферу уголовно-правовых отношений. В результате большую востребованность в уголовном законодательстве многих стран получил институт освобождения от уголовной ответственности, посредством которого восстановление социальной справедливости, нарушенной преступлением, происходит путем добровольного и не растянутого во времени разрешения возникшего уголовно-правового конфликта.

Российская Федерация и Республика Беларусь реализуют стратегию развития национальной уголовной политики путем оптимизации подходов к применению уголовной ответственности за преступления, не относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, расширяя перечень видов освобождения от уголовной ответственности.

Последней новеллой в российском уголовном законодательстве явилось введение освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, применение которого возможно к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести и возместившему ущерб либо иным образом загладившему вред, причиненный преступлением (ст. 76² УК РФ) [1].

Актуальным является обращение к опыту Республики Беларусь, в уголовном законодательстве которой существует широкий перечень видов освобождения от уголовной ответственности (гл. 12 УК РБ).

Особый интерес представляет вид освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответ-

ственности по законодательству Республики Беларусь. Так, статья 86 УК РБ позволяет освобождать от уголовной ответственности лицо, которое впервые совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместило ущерб, либо уплатило доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладило нанесенный преступлением вред, если будет признано, что для его исправления достаточно применения мер административного взыскания. В данном случае лицо освобождается от уголовной ответственности и привлекается к административной ответственности, при этом к нему может быть применено одна из таких мер административного взыскания, как штраф в пределах от пяти до тридцати базовых величин [2].

Анализ уголовных норм Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности по многим чертам схож с новым российским институтом освобождения от уголовной ответственности — судебным штрафом. Общими условиями применения данных видов освобождения от уголовной ответственности являются:

- совершение лицом преступления впервые;
- совершение преступления определенной категории, которое не должно быть тяжким или особо тяжким (по уголовному законодательству Республики Беларусь — преступлений, наказание за которые не превышает шести лет свободы, по российскому уголовному законодательству — не более пяти лет лишения свободы);
- согласие лица, привлекаемого к уголовной ответственности, уплатить денежное взыскание в доход государства.

Общим основанием применения рассматриваемых видов освобождения от уголовной ответственности является возмещение ущерба либо заглаживание вреда, полученного в результате совершения преступления. Кроме того, в уголовном законодательстве Республики Беларусь предусмотрено дополнительное альтернативное основание применения ст. 86 УК РБ — это уплата дохода, полученного преступным путем, и дополнительное основное — признание меры административного взыскания достаточным для исправления виновного лица.

Отличительной особенностью освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности является возможность применения различных мер административного воздействия не только денежного характера (штраф), но и исправительных работ, административного ареста (до пятнадцати суток), лишения специального права.

Кроме того, примечательным и отличительным в уголовном законодательстве Республики Беларусь является тот факт, что уплата уголовно-правовой компенсации (в данном случае таковой является штраф) как меры административного взыскания является предшествующей решению об освобождении лица от уголовной ответственности, которое принимается после внесения такой компенсации на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс. При этом уплата уголовно-правовой компенсации не освобождает лицо от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем. В случае освобождения лица от уголовной ответственности денежные средства, внесенные на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, обращаются в доход государства. В случае отклонения ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности денежные средства, внесенные на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, возвращаются лицу, их внесшему.

Согласно нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующим порядок освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, уголовное преследование (уголовное дело) прекращается и одновременно с этим назначается судебный штраф, подлежащий выплате в бюджет государства. Освобождение от уголовной ответственности, которое предшествует выплате денежного взыскания в доход государства, осуществляется как бы «в кредит». В случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок данная мера уголовно-правового характера отменяется (судья отменяет свое постановление о прекращении уголовного дела) и лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РФ (предварительное расследование по уголовному делу возобновляется) [3].

Институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности имеет и ограничения: ст. 86 УК РБ не применяется к лицу, совершившему преступление, предусмотренное содержащей административную преюдицию статьей указанного кодекса. В настоящее время российский институт «судебного штрафа» не имеет какие-либо ограничений в применении.

Завершая сравнение двух институтов освобождения от уголовной ответственности, отметим, что в большей степени российский «судебный штраф» схож с институтом освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности по законодательству Республики Беларусь. Вместе с тем анализ уголовно-правовых норм рассматриваемых оснований освобождения

от уголовной ответственности двух стран показал и существенные различия, в том числе и в механизме их реализации. Как отмечают представители уголовной науки, институты освобождения от уголовной ответственности используются для поддержания дальнейшего поведения лица, совершившего преступное деяние, в режиме законопослушания без применения уголовного наказания, тем самым являясь достаточно тонким инструментом воздействия на преступность.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. от 29.07.2018 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900275#scrollInto#&Chapter=12> (дата обращения 15.11.2018). [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 19.07.2018 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2; 347.1

А. А. Ляшко*младший научный сотрудник**отдела исследований в области гражданского, экологического**и социального права Института правовых исследований**Национального центра законодательства**и правовых исследований*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Категория «правосубъектность» как неотъемлемая часть механизма правового регулирования относится к числу методологических понятий в юридической науке. Однако, несмотря на то, что категория «правосубъектность» напрямую закреплена в статье 6 Всеобщей декларации прав человека [1] и статье 16 Международного пакта о гражданских и политических правах [2], где за каждым человеком независимо от места его нахождения признается право на признание его правосубъектности, проведенные многочисленные исследования до сих пор не разрешили вопросы, связанные с определением ее сущности и содержания, а также с моментами возникновения ее элементов и возможностей правообладания в различных отраслях права. Особый интерес при этом представляет элементный состав, а также моменты возникновения «правосубъектности» в гражданском и уголовном праве, что обусловлено наиболее ранним появлением данных отраслей права в хронологической ленте развития права, их взаимосвязью, а также значимостью тех общественных интересов, которые они регулируют.

Отметим, что ни гражданское, ни уголовное законодательство сегодня не содержит легального определения правосубъектности. Однако в отличие от уголовного гражданское законодательство содержит определения основных элементов, входящих в состав категории «правосубъектность», — правоспособности и дееспособности. При этом, разделяя точку зрения ряда исследователей (Н. В. Витрук, Т. И. Илларионова, С. С. Алексеев, Е. И. Бурьянова, Р. Ф. Гарипов), считаем необходимым рассматривать в качестве третьего элемента правосубъектности также и деликтоспособность, которая имеет особое значение не только для гражданских правоотношений, но и для уголовного права в целом.

Несмотря на отсутствие в уголовном законодательстве легальных определений понятий уголовной дееспособности и уголовной право-

способности, следует признать, что они подразумеваются. Так, например, анализ статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) [3], устанавливающих задачи и принципы уголовного законодательства, позволяет прийти к выводу о закреплении в этих нормах также и основ уголовной правоспособности, которая имеет сходство с гражданской правоспособностью в части возникновения ее в момент рождения и признания равной за всеми гражданами.

Рассматривая уголовную дееспособность как способность лица приобретать права и обязанности, предусмотренные уголовным законом, следует обратиться к статьям 27–30 УК Республики Беларусь, где законодательно устанавливаются понятия, аналогичные «гражданской недееспособности» и «ограниченной дееспособности», — «невменяемость» и «уменьшенная вменяемость». Исходя из определения невменяемости (состояния, в котором лицо не может сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики [3]), можно сделать вывод, что лицо, признанное недееспособным в соответствии с гражданским законодательством, признается невменяемым и в уголовном деле.

Деликтоспособность не имеет определения ни в гражданском, ни в уголовном праве, однако выделяется учеными как один из элементов правосубъектности и характеризуется волевым и возрастным критерием. Так, например, в соответствии со статьями 942 и 945 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте до четырнадцати лет и недееспособным гражданином, несут законные представители и опекун соответственно [4]. А вот ответственность на общих основаниях возникает только у лиц с четырнадцати лет, при этом вред в недостающей части возмещается также законными представителями несовершеннолетнего [4].

Уголовное законодательство Республики Беларусь по общему правилу признает деликтоспособными лиц, достигших шестнадцати лет. В исключительных случаях, предусмотренных статьей 27 УК Республики Беларусь, уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет или в ряде случаев только с восемнадцати лет, например, состав статьи 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» [4].

Анализ уголовного законодательства Республики Казахстан, Украины, Республики Молдова, Российской Федерации позволил сде-

лать вывод, что существует необходимость расширения границ деликтоспособности несовершеннолетних в части возрастного критерия путем внесения изменений в нормы, регламентирующие привлечение к уголовной ответственности лиц, достигших четырнадцати лет. Так, целесообразно в перечень преступлений, предусмотренных статьей 27 УК Республики Беларусь, внести такие составы, как акт терроризма, в т. ч. публичные призывы к совершению терроризма; бандитизм; надругательство над местами захоронения; шантаж; мошенничество; незаконный оборот наркотиков; участие в массовых беспорядках; самовольная остановка поезда без надобности. При таком подходе ответственность лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, будет возникать по наиболее опасным преступлениям с учетом способности современной молодежи по достижении четырнадцатилетнего возраста трезво осознавать общественную опасность. По нашему мнению, это может также способствовать повышению эффективности профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

Таким образом, можно сделать вывод о схожести элементного состава гражданской и уголовной правосубъектности. Уголовная правоспособность и гражданская правоспособность возникают в момент рождения и признаются равными между всеми гражданами. Существует также тесная взаимосвязь между уголовной и гражданской дееспособностью в рамках признания лица недееспособным и невменяемым. Кроме того, проведенное исследование позволило прийти к выводу о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство Республики Беларусь в части деликтоспособности несовершеннолетних, достигших четырнадцати лет.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 03.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol (дата обращения: 03.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

С. М. Мальков

начальник кафедры уголовного права и криминологии

Сибирского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ УСТАНОВЛЕННЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ СОУЧАСТИИ

Правовая природа квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 333, п. «а» ч. 2 ст. 334, п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, основывается на институте соучастия.

Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Стоит отметить, что лица должны быть соисполнителями, то есть полностью или частично выполнять объективную сторону состава преступления. При такой форме соучастия возникновение субъективной связи между соучастниками возникает непосредственно при совершении преступления, причем объективная связь между ними незначительная и в большей степени носит односторонний характер.

Так, действия двух военнослужащих, которые в ответ на требование начальника патруля предъявить документы одновременно напали на него и причинили побои, надлежит квалифицировать как оказание сопротивления, совершенное группой лиц. Если же при задержании оказывается сопротивление патрульным одним военнослужащим, при этом другой задержанию не препятствует, но при следовании в комендатуру оказывает сопротивление, то каждый из военнослужащих действует самостоятельно, в данном случае их действия, при отсутствии квалифицирующих признаков, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 333 УК РФ [1, с. 178–179].

Обращая внимание на особенности квалификации группового преступления, следует указать на необходимость совершения всеми соучастниками совместных преступных действий, то есть причинения совместного преступного результата общими (объединенными) усилиями соучастников. Указанный признак означает, во-первых, объединение усилий соучастников в процессе совершения преступления, во-

вторых, наличие общего для всех соучастников преступного результата, в-третьих, наличие объективной связи между действиями каждого из соучастников и общим преступным результатом [2, с. 9].

Действия виновных надлежит квалифицировать по предварительному сговору, если в преступлении участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ). Предварительный сговор предполагает возникновение субъективной связи, т. е. согласованности преступных действий между соучастниками до начала выполнения действий, входящих в юридические границы объективной стороны состава преступления. Если субъективная связь между соучастниками возникает в процессе выполнения объективной стороны состава преступления, то предварительный сговор отсутствует [2, с. 28]. Сговор на преступление может быть достигнут различными способами, форма же достижения соглашения значения не имеет. Как групповые при совершении преступлений оцениваются действия только соисполнителей-военнослужащих, а действия подстрекателей, организаторов и пособников, которые не принимали непосредственного участия в выполнении объективной стороны, не могут признаваться соисполнительством [3, с. 56].

В качестве примера приведем архивное уголовное дело. После издания Указа Президента Российской Федерации и приказа Министра обороны Российской Федерации «Об увольнении в запас определенной категории военнослужащих срочной службы и об объявлении очередного призыва на действительную военную службу» в одной из воинских частей Сибирского военного округа военнослужащие, подлежащие демобилизации, решили «отметить» это важное событие. Находясь в состоянии алкогольного опьянения А., У., И., пользуясь отсутствием ответственного офицера, ночью подняли военнослужащего последнего призыва С. и стали его заставлять читать стихи и петь песни про «дембель». После того, так С. отказался это делать, они нанесли ему несколько ударов в область груди, после чего заставляли отжиматься от пола, мыть полы, ползать, периодически нанося С. удары руками и ногами, прижигали ему руки сигаретами и кололи ноги шомполом от автомата. Данные действия были пресечены ответственным офицером. При судебно-медицинском освидетельствовании у С. обнаружены на теле ссадины, кровоподтеки, небольшие раны, которые не влекут за собой утраты трудоспособности. Приговором Кемеровского гарнизонного военного суда военнослужащие А., У., И. были осуждены по п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ, они были признаны виновными в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанном с унижением чести и достоинства военнослужа-

жащего, издевательством над ним, а также сопряженным с насилием, группой лиц по предварительному сговору [4, с. 112–113].

Следует также обратить внимание, что преступные факты неоднократного нарушения правил взаимоотношений между военнослужащими, часть из которых совершены в группе, а часть единолично, надлежит квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных как за совершение группового преступления, так и преступления без квалифицирующих признаков.

Так, вряд ли следует согласиться с юридической оценкой в приговоре Военного суда Северного флота, вынесенном в отношении военнослужащих воинской части 41452 А., Д. и К., осужденных по ч. 3 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в отношении двух и более лиц, повлекшее тяжкие последствия).

Военнослужащие А., Д. и К. в течение длительного времени, как совместно, так и единолично, неоднократно применяли физическое насилие к не состоявшим с ними в отношениях подчиненности военнослужащим, в том числе и к военнослужащему более позднего срока призыва Л. Не выдержав избиений и издевательств со стороны названных военнослужащих, Л. покончил жизнь самоубийством (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими).

Системообразующим признаком организованной группы является признак устойчивости. Характеристика такого признака, как устойчивость, является довольно сложной [5, с. 41–43, 49].

В соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» об устойчивости группы может свидетельствовать наличие в ее составе организатора (руководителя), наличие заранее разработанного плана совместного совершения преступления, предварительная подготовка, распределение функций между членами группы, длительность подготовки преступления [6, с. 4]. На устойчивость группы могут указать стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности.

2. Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. [Вернуться к статье](#)
3. Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1959. [Вернуться к статье](#)
4. Мальков С. М. Преступления против военной службы. М., 2015. [Вернуться к статье](#)
5. Личность организованного преступника: криминологическое исследование / под ред. А. И. Долговой. М., 2013. [Вернуться к статье](#)
6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 6. [Вернуться к статье](#)

А. А. Морозова

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ

Практика применения статьи 204¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) об ответственности за посредничество в коммерческом подкупе сопряжена с необходимостью разрешения ряда сложных вопросов, связанных с его квалификацией.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 204¹ УК РФ, посредничество в коммерческом подкупе выражается в непосредственной передаче предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа, либо иное содействие этим лицам в достижении или реализации соглашения между ними о передаче и получении предмета коммерческого подкупа, в значительном размере. Таким образом, коммерческий подкуп может выражаться в содействии осуществлению его активной и (или) пассивной разновидностей, то есть посредник может выступать в качестве связующего звена между двумя сторонами подкупа либо оказывать помощь одной из них, как передающей, так и получающей предмет данного преступления в значительном размере. Кроме того, в ч. 4 данной статьи выделен самостоятельный состав обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе. По своей сути, посредничество в коммерческом подкупе представляет собой расширенное пособничество в незаконных передаче и получении предмета подкупа в значительном размере, выделенное из пособничества как вида соучастия в преступлении, предусмотренном ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Установление уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе было призвано повысить эффективность противодействия коррупции, а также способствовать пресечению соответствующих преступных связей уже на этапе их возникновения. Вместе с тем состоявшиеся законодательные решения по регламентации рассматриваемой статьи не в полной мере учли требования системности и правовой определенности уголовно-правового регулирования общественных отношений. Обоснованным, на наш взгляд, было бы установление уголовной ответственности лишь за те посреднические действия, которые не охватываются перечнем пособничества, описан-

ного в ч. 5 ст. 33 УК РФ. Такой законодательный подход существенно сократил бы проблемы правоприменения норм, описанных в ст. 204¹ УК РФ.

Отметим, что посредничество в коммерческом подкупе, равно как и любое другое умышленное преступление, может прерваться на стадии предварительной преступной деятельности, когда планируемое деяние не доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного лица. Поэтому в практике применения ст. 204¹ УК РФ не следует исключать возможности квалификации содеянного как приготовления к посредничеству в коммерческом подкупе или покушения на него. В приведенных ситуациях следует вести речь о неудавшемся посредничестве в коммерческом подкупе, когда лицо, выступающее посредником, не может в полном объеме осуществить оказываемое им содействие по обстоятельствам, не зависящим от его воли (например, вследствие задержания).

Могут иметь место и ситуации, когда получатель незаконного вознаграждения вводит в заблуждение другую сторону подкупа, равно как и посредника в его осуществлении, относительно своих полномочий и намерений, фактически желая похитить предоставляемые ценности. В таких случаях действия мнимого получателя предмета подкупа надлежит квалифицировать как мошенничество, а действия лица, содействовавшего его передаче и (или) получению и не знавшего об истинных намерениях данного лица, — как покушение на посредничество в коммерческом подкупе. Если же оно состоит в сговоре с лицом, похитившим переданное ему имущество, то его следует рассматривать в качестве пособника состоявшегося мошенничества. В последней ситуации речь идет о мнимом посредничестве в коммерческом подкупе, которое необходимо отличать от неудавшегося посредничества, когда лицо имеет намерение выполнить соответствующие действия, однако ему препятствуют в этом объективные факторы.

Посредничество в коммерческом подкупе, будучи выделенным из института соучастия, одновременно приобретает такую особенность его юридической оценки, как отсутствие полной зависимости квалификации действий посредника от квалификации действий подкупающих и подкупаемых лиц. То есть подкуп может быть прерван на стадии приготовления или покушения, однако лицо будет нести ответственность за оконченное посредничество в его осуществлении, если оно выполнило все действия, входившие в объективную сторону его преступления, и тем самым полностью реализовало свой преступный умысел. Полагаем, что данная особенность подтверждает отмеченную выше позицию, согласно которой в ст. 204¹ УК РФ целесообразно было предусмотреть ответственность только за те действия, которые не

охватываются соучастием в виде пособничества в преступлении, поскольку ответственность пособника зависит от завершенности преступления его исполнителем.

По поводу мнимого посредничества, когда виновное лицо вводит в заблуждение одну или обе стороны подкупа в целях хищения его предмета, справедливо вести речь о мошенничестве. Вместе с тем в данном случае возникает ситуация, требующая, на наш взгляд, разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ, связанная с необходимостью ответа на вопрос о том, как оценить посредничество в коммерческом подкупе, если размер незаконного вознаграждения не является значительным, в том числе относится к размеру, свойственному мелкому коммерческому подкупу, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 204² УК РФ. Если исходить из устоявшейся практики, согласно которой такое посредничество не образует состава преступления, в том числе пособничества в коммерческом подкупе, то в нашем случае возникает противоречивая ситуация, когда мнимый посредник в мелком коммерческом подкупе понесет ответственность за мошенничество по ст. 159 УК РФ, а реальный посредник в совершении такого же преступления останется безнаказанным.

Кроме того, требует своего разъяснения и вопрос о квалификации действий посредника, который изначально намеревался передать предмет подкупа его получателю, однако в процессе осуществления этого деяния обратил все имущество, образующее этот предмет, или его часть в свою пользу. Как представляется, в данной ситуации справедливо квалифицировать подобные деяния как мошенничество, совершенное путем злоупотребления доверием.

Таким образом, специфика состава посредничества в коммерческом подкупе обуславливает особенности квалификации относящихся к нему действий, а равно неудавшегося и мнимого вариантов их совершения. Эти особенности целесообразно разъяснить на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также учесть при дальнейшем совершенствовании положений ст. 204¹ УК РФ и практики ее применения.

О. А. Нарбутович

*старший инспектор отдела таможенных расследований
Брестской таможни (Беларусь)*

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ В ГОСУДАРСТВАХ — ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) является международной организацией региональной экономической интеграции, созданной в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [1]. Государствами — членами ЕАЭС являются Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика.

В соответствии со ст. 351 Таможенного кодекса (далее — ТК) ЕАЭС таможенные органы в пределах своей компетенции выполняют функции по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений [2], в том числе и контрабанды, которая представляет наибольшую общественную опасность.

Сравнительный анализ норм, устанавливающих ответственность за контрабанду, позволил выделить различный подход государств — членов ЕАЭС в определении места контрабанды среди других преступлений.

Предмет контрабанды в государствах — членах ЕАЭС является общим, однако в соответствии с ч. 2 ст. 215 УК Республики Армения гладкоствольное охотничье оружие и патроны к нему не могут быть предметом контрабанды [3, ч. 2 ст. 215]. Данное обстоятельство является основанием уклонения от уголовной ответственности.

В УК Российской Федерации отсутствует указание в статьях, предусматривающих ответственность за контрабанду, на способ совершения преступления как на обязательный признак объективной стороны, а в других государствах — членах ЕАЭС способ указан в каждой статье.

УК каждого из государств — членов ЕАЭС распространяет свое действие только на территорию своего государственного суверенитета, что не соответствует действующему таможенному законодательству. Например, ст. 215 УК Республики Армения устанавливает ответственность за «...перемещение через таможенную границу Республики Армения» [3], а УК Российской Федерации предусматривает ответственность за перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС — Евразийского экономического сообщества, которое в 2014 году было упразднено в связи с созданием ЕАЭС.

В УК государств — членов ЕАЭС уществуют различия в определении крупного размера. Во всех государствах — членах ЕАЭС данный показатель является динамичным, кроме Российской Федерации, где крупный размер установлен в точной сумме в рублях. Так, применительно к размеру базовой величины (далее — б. в.), установленной в Республике Беларусь, крупный размер в пересчете составляет (примерно): в Российской Федерации — 318 б. в. в отношении алкогольной продукции и (или) табачных изделий и 127 б. в. в отношении стратегически важных товаров и ресурсов, в Республике Казахстан — 2 688 б. в., в Кыргызской Республике — 121 б. в., а в Республике Армения — 9 460 б. в., в Республике Беларусь — 2 000 б. в. Данное обстоятельство предоставляет возможность признавать преступление в одном из государств-членов и не признавать его в другом при наличии идентичных признаков состава.

Различными являются и квалифицирующие признаки. Так, например, квалифицирующий признак «особо крупный размер» выделяется в УК Российской Федерации, УК Республики Казахстан и УК Кыргызской Республики; «неоднократность (повторность)» — в УК Республики Казахстан (УК Республики Беларусь); «лицом, ранее совершившим преступления, выразившиеся в незаконном перемещении наркотических средств, психотропных веществ (их прекурсоров или аналогов), сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ и др.» — в УК Республики Беларусь.

В УК Республики Беларусь и Российской Федерации предусмотрено специальное основание освобождения лица от уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов [4, ст. 228; 6, ст. 200.1], а в УК Кыргызской Республики — за совершение «экономической контрабанды» [5, ст. 223].

Санкции статей, предусматривающие ответственность за контрабанду, в государствах — членах ЕАЭС в целом идентичны. Однако только в Республике Армения санкции предусматривают лишь два вида наказания: штраф или лишение свободы, а в Российской Федерации возможность конфискации имущества прямо в санкции статьи не предусмотрена, а регулируется специальной конфискацией [6, ст. 104.1]. Такой вид наказания, как исправительные работы, предусмотрен УК Кыргызской Республики и Республики Казахстан; арест — УК Республики Казахстан [7]. Только УК Российской Федерации (ч. 4 ст. 229.1) за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под

специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, совершенную при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы [7].

Таким образом, считаем целесообразным место совершения преступления «экономическая контрабанда» определить как «таможенная граница ЕАЭС», а в отношении товаров, запрещенных или ограниченных к перемещению, — «и государственная граница», что позволит привлекать к ответственности за контрабанду не только при перемещении из государств, не являющихся государствами — членами ЕАЭС, но и из государств — членов ЕАЭС; установить единый для всех государств — членов ЕАЭС критерий определения крупного и особо крупного размера для криминализации содеянного; унифицировать иные признаки и соответствующие статьи УК. Указанные меры позволят повысить эффективность уголовного законодательства.

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Минск : Белтаможсервис, 2017. 760 с. [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Армении. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. // Параграф-WWW — информационно-правовая система. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=37444652#sub_id=20501 (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 27 дек. 2018 г., № 569-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Параграф-WWW — информационно-правовая система. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

Е. В. Новикова

*доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

О МОМЕНТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОКОНЧАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

В последние годы проблемы, связанные с уголовно-правовой охраной здоровья населения от того вреда, который причиняет или может причинить незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее — наркотики), находятся в центре повышенного внимания как государства, так и общества. Среди многочисленных споров и проблем, связанных с квалификацией преступлений в сфере оборота наркотиков, наиболее острой является проблема определения момента юридического окончания сбыта (приобретения) наркотиков в ситуациях использования так называемых закладок. Прежде всего отметим, что предложенная нами ниже аргументация отстаиваемой позиции, которая, как нам известно, в большинстве случаев не разделяется правоприменителем, будет касаться всех форм передачи-приема наркотиков: из рук в руки, через посредников, путем оставления в камерах хранения, путем закладок и любых иных тайников, пересылки и т. п. То есть подход определения указанного момента должен быть единым к всевозможным вариантам незаконного сбыта. Отстаиваемый нами тезис заключается в том, что сбыт следует считать юридически оконченным преступлением с момента возникновения у приобретателя возможности фактически и непосредственно обладать наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами и осуществлять контроль над их обладанием. Поэтому закладка указанных средств и веществ в тайники или в автоматические камеры хранения с оповещением предполагаемого приобретателя о месте закладки, номера и кода камеры хранения образует только покушение на сбыт наркотиков. В поддержку выдвинутой точки зрения предлагаем следующее обоснование.

Во-первых, момент окончания сбыта наркотического средства следует устанавливать с учетом общественной опасности данного преступления (его объекта), которая заключается в причинении или создании угрозы причинения вреда физическому или психическому

здоровью неперсонифицированному кругу лиц (здоровью населения). С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), представляет собой незаконный оборот наркотических средств, то есть фактическое обращение, движение соответствующих предметов, что и создает опасность для здоровья населения, и чего еще не происходит при передаче информации о месте закладки.

Во-вторых, сбыт есть передача предмета другому лицу, которая не может быть признана завершённой без факта получения его новым владельцем. По своему содержанию сбыт есть двухсторонняя сделка, стороны которой находятся в состоянии обязательного (необходимого) соучастия. Для того, чтобы сбыт был окончен, приобретатель должен принять предмет сбыта. Завладение информацией о месте нахождения закладки не равнозначно завладению самим наркотическим средством. Сбыт есть распространение, именно оно причиняет или создаёт угрозу причинения существенного вреда здоровью населения. Передача же информации представляет собой лишь выполнение части процесса распространения. Лицо, получившее информацию о месте закладки, может распорядиться этой информацией (например, передав ее другому лицу), что не равносильно распоряжению самим наркотическим средством. Таким образом, получение информации о месте закладки является деянием, непосредственно направленным на такую передачу, а не самой передачей и должно квалифицироваться как покушение на сбыт у одной стороны и покушение на приобретение — у другой.

В-третьих, следует помнить, что стадия совершения преступления оказывает существенное влияние не только на квалификацию, но и на величину ответственности. Пресечение преступления на более ранней стадии означает, что совершено менее опасное преступление, а следовательно, и наказание виновному должно быть менее строгим. Кроме того, другой подход к определению момента окончания сбыта исключает возможность добровольного отказа от совершения данного преступления (как быть, если лицо, например, сделав закладку и передав приобретателю информацию, передумает осуществлять сбыт и изымет наркотическое средство из тайника или приобретатель, получив информацию о месте закладки, откажется забирать ее содержимое). По своему содержанию закладка если и отличается от передачи при встрече, то как раз наличием у распространителя значительно большего времени для того, чтобы прервать процесс передачи. Возможность применения примечания к ст. 328 УК не решает указанной проблемы, так как закрепляет совокупность условий освобождения виновного от уголовной ответственности по нереабилитирующим ос-

нованиям, что далеко не равнозначно непривлечению к уголовной ответственности в рамках института добровольного отказа. Полагаем, что стимулирование добровольного отказа от доведения преступления до конца является важнейшей задачей государства в аспекте предупреждения незаконного оборота наркотиков и служит ярким примером соблюдения принципа справедливости, когда человеку дается шанс вовремя сойти с преступного пути.

В-четвертых, немаловажным фактором является и то, что сбыт как признак состава преступления встречается в 21 статье Особенной части УК, и требует единообразного толкования.

В-пятых, несмотря на то, что варианты взаимодействия преступников при сбыте, использующих в том числе информационные технологии, могут быть самыми различными и замысловатыми, правовая оценка должна строиться на общепринятых подходах учения о неоконченном преступлении. Сбыт наркотика может не состояться, несмотря на выполнение виновным всех необходимых для этого действий по разным причинам, в том числе при отказе приобретателя забрать наркотические средства с места закладки или при случайном завладении указанным средством посторонним лицом. Согласно хорошо известным и устоявшимся теоретическим положениям института неоконченного преступления момент выполнения лицом всех необходимых действий связывается не только с понятием оконченного преступления, но и с понятием оконченного покушения.

С. А. Петров

*старший преподаватель кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического института МВД России*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Изучение зарубежного законодательства в форме сравнительного правоведения является неотъемлемой частью исследования правовых систем и явлений в различных странах, позволяет увидеть общие закономерности развития уголовного законодательства в определенных сферах общественных отношений. В процессе проведения исследований международного и зарубежного законодательства ученые не только приобретают определенный опыт, но и получают научный продукт, позволяющий познать общие и (или) отличительные свойства зарубежного права, глубже вникнуть в проблемы права своей страны, распознать специфику юридикотехнических приемов, используемых в конструировании правовых положений [1, с. 164–167].

В уголовном законодательстве России и Республики Беларусь транспортные составы преступлений систематизированы и объединены в самостоятельные главы. В УК России глава «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» содержит тринадцать статей, в УК Республики Беларусь эта глава имеет такое же название, и в ней содержится четырнадцать статей.

Рассматривая составы транспортных преступлений в УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь, обращает на себя внимание разнообразие подходов к проблеме установления в уголовно-правовых нормах ответственности субъектов правоотношений за нарушение установленных на транспорте правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. При этом следует заметить, что в УК Республики Беларусь диспозиции транспортных составов сконструированы по аналогии с соответствующими статьями транспортных преступлений УК РФ. Как замечено некоторыми учеными, «по большому счету УК государств ближнего зарубежья, особенно стран — участниц СНГ, воспроизводят, причем с достаточно высокой точностью, соответствующие положения отечественного законодательства» [2, с. 13–16].

Уголовно-правовые нормы в уголовном законодательстве Беларуси, как и в УК России, сформулированы бланкетным способом и по типу материального состава, где ответственность наступает при определенных последствиях. В качестве общественно опасных последствий в нормах предусмотрены различные по тяжести виды вреда здоровью, причинение по неосторожности смерти человеку или нескольким лицам, а также материальный ущерб. При этом можно заметить, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь законодатель расширил рамки общественно опасных последствий, за наступление которых предусмотрена уголовная ответственность лиц, нарушивших правила безопасности движения или эксплуатации транспортных средств.

Так, в ст. 312 УК РБ «Самовольная без необходимости остановка поезда», ст. 314 УК РБ «Нарушение правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного транспорта или метрополитена», ст. 316 УК РБ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации маломерных судов», ст. 317 УК РБ «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств», ст. 321 УК РБ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта», одним из условий наступления уголовной ответственности является причинение по неосторожности менее тяжкого телесного повреждения.

В транспортных составах УК РФ основания привлечения лица к уголовной ответственности начинаются с причинением тяжкого вреда здоровью. По нашему мнению, нет необходимости расширения гипотез уголовно-правовых норм и введения в составы транспортных преступлений в качестве условия привлечения лица к уголовной ответственности такого последствия, как «причинение вреда здоровью средней тяжести». Нужно заметить, что ранее указанный признак опасности поведения субъектов правоотношений также содержался в составах транспортных преступлений УК РФ.

Именно в последствиях, которые наступают от нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, содержится общественная опасность неправомерных действий участников движения. Вред общественным отношениям, который устанавливается через вред здоровью или смерть человека, предопределяет признание противоправного поведения преступлением.

В свое время криминализация транспортных преступлений была сужена за счет исключения из составов общественно опасного последствия «причинения вреда здоровью средней тяжести». Была частично декриминализована ст. 118 УК РФ, предусматривающая ответственность за причинение по неосторожности вреда здоровью

средней тяжести [3]. Все деяния, где вред здоровью средней тяжести был причинен по неосторожности, по степени общественной опасности были переведены в разряд административных правонарушений.

Декриминализация неправомерных действий, повлекших по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью, была вызвана распространенностью досудебного соглашения потерпевшего с виновным лицом о примирении и, как следствие этого, прекращения уголовных дел по ст. 25 УПК РФ (Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон). По степени общественной опасности и характеру уголовно-правовых последствий нарушение действующих на транспорте правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью, в большей степени соответствует административно-правовому деликту, который влечет возмещение ущерба потерпевшему (расходы на лечение, на лекарство, материальный ущерб и т. п.).

Проводя сравнительный анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, можно заметить, что в уголовных кодексах Беларуси, Таджикистана, Грузии, Казахстана, Украины, Литвы, Эстонии, Молдовы имеется уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном. Необходимость криминализации данного правонарушения весьма спорная, так как противоправные действия пассажира, заключающиеся в самовольной, без надобности остановке поезда, при наступлении общественно опасных последствий полностью подпадают под признаки статьи, предусматривающей ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. В российском законодательстве самовольная без надобности остановка поезда влечет административную ответственность по ст. 11.17 КоАП РФ, и при наступлении тяжких последствий действие лица квалифицируется по ст. 268 УК РФ. Как справедливо заметил А. И. Коробеев, едва ли целесообразным можно признать установление в специальной норме уголовной ответственности за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном [4, с. 37].

Более того, совсем не логично выглядит ужесточение санкций по данной норме к статье, предусматривающей ответственность за нарушение действующих на транспорте правил со схожими последствиями.

Например, по ст. 321 УК РБ, за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрена максимальная мера наказания до пяти лет лишения свободы, а за самовольную без надобности оста-

новку поезда с такими же последствиями предусмотрено до семи лет лишения свободы.

По уголовному законодательству Российской Федерации водители маломерных судов, нарушившие правила судовождения или эксплуатации транспортного средства, при наступлении общественно опасных последствий привлекаются к уголовной ответственности по ст. 268 УК РФ. Водители маломерных судов отнесены к другим участникам движения и при совершении противоправных действий несут ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта равно как пассажиры и пешеходы.

В УК Республики Беларусь самостоятельным составом выделена уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации маломерных судов (ст. 316 УК РБ). Причем максимальный срок наказания по части второй указанной статьи, квалифицирующей действия водителя маломерного судна при наступлении тяжких последствий в виде гибели человека, составляет семь лет, что на два года превышает максимальный срока по статье, предусматривающей наказание пассажира, пешехода и другого участника движения за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Водители маломерных судов, по нашему мнению, наряду с пассажирами и пешеходами относятся к другим участникам движения, и при нарушении правил безопасности движения на водных путях и эксплуатации маломерного судна, при условии наступления тяжких последствий, их действия охватываются общей нормой (ст. 321 УК РБ) и в дополнительной квалификации не нуждаются.

В уголовных кодексах России и Беларуси санкции уголовно-правовой нормы транспортных составов дифференцированы в зависимости от тяжести наступивших последствий и усиливаются по мере возрастания общественной опасности противоправного деяния. Возрастает размер наказания по основному, превалирующему наказанию — лишение свободы — и, соответственно, уменьшается количество альтернативных наказаний.

Убывание альтернативных санкций с возрастанием тяжести наступивших последствий логично, так как из последующей части статьи более тяжкого преступления должны исключаться наименее суровые виды наказания. Справедливо замечено, что «решение об альтернативности (безальтернативности) санкций должно базироваться на степени общественной опасности преступления: чем меньше степень общественной опасности, тем шире (альтернативнее) спектр мер воздействия на виновное лицо» [5, с. 51–55].

В целом нужно отметить, что уголовное законодательство России и Республики Беларусь в области регулирования ответственности за совершение транспортных преступлений достаточно систематизировано и хорошо дифференцировано. Установление в санкциях уголовно-правовых норм более строгой ответственности субъектов правоотношения за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее общественно опасные последствия, оправдано, так как законодатель, определяя максимальные размеры наказания, взял в расчет повышенную общественную опасность совершенного преступления.

1. Кузнецов А. П. Уголовно-правовые принципы в законодательстве зарубежных стран: теоретическое исследование // Пробелы в российском законодательстве. М., 2015. № 4. С. 164–167. [Вернуться к статье](#)

2. Медведев Е. В. Средства уголовно-правового обеспечения транспортной безопасности в УК России и зарубежных стран // Науч. вестник. 2009, № 3 (34). С. 13–16. [Вернуться к статье](#)

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 8 дек. 2003 г., № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. 406 с. [Вернуться к статье](#)

5. Густова Э. В. Совершенствование санкций уголовно-правовых норм как один из способов уголовно-правового воздействия на предупреждение преступлений // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. Воронеж. 2016. № 2. С. 51–55. [Вернуться к статье](#)

А. С. Политова
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин и судебных экспертиз
Донецкого юридического института МВД (Украина),
кандидат юридических наук

НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВООПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Установление в 2011 г. уголовной ответственности за незаконное обогащение (ст. 368-2 УК Украины) является реализацией ст. 20 Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003 г., которая предлагает признать незаконное обогащение уголовно наказуемым деянием, когда оно совершается умышленно (то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать). Имплементация этой новеллы в национальное законодательство является ярким свидетельством стремления Украины приблизиться к требованиям и стандартам международного, в том числе европейского сообщества в сфере противодействия и предотвращения коррупции. Этот закон соответствует антикоррупционным европейским стандартам и направлен на выполнение Украиной международных обязательств в сфере противодействия коррупции и призван, прежде всего, кардинально изменить ситуацию и стать существенным шагом на пути приближения Украины к мировым стандартам.

Проведенный нами анализ приговоров в Едином государственном реестре судебных решений показал, что с 2011 г. по октябрь 2016 г. было вынесено 19 приговоров в первой инстанции по ст. 368-2 УК Украины. При более детальном анализе относительно осуждения обвиняемых в незаконном обогащении выяснили, что к этой категории дел в Едином государственном реестре судебных решений отнесены: 14 приговоров по ч. 2 или ч. 3 ст. 368 УК Украины; 4 приговора по ст. 368-3 УК Украины и только 1 — по ст. 368-2 УК Украины. В 2 приговорах действия обвиняемых также квалифицированы по совокупности преступлений — ст. 366 и ст. 190 УК Украины. Следует также отметить, что 65 % приговоров — это соглашение о признании виновности и что в каждом приговоре применяется ст. 75 УК Украины.

Вместе с тем, если сравнить количество уголовных преступлений, внесенных в Единый реестр досудебного расследования, то, например, по статистической информации Генеральной прокуратуры Украи-

ны, по факту совершения незаконного обогащения в 2013 зарегистрировано 6 уголовных производств, в 2014 г. — 20, в 2015 г. — 23, в 2016 г. — 43, 2017 — 104, по ноябрь 2018 г. — 77 [1].

Проведенный нами анализ приговоров в Едином реестре судебных решений и приведенные статистические данные свидетельствуют о несовершенстве нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное обогащение. Вместе с тем следует отметить, что ученые уже неоднократно обращали внимание на указанную проблему и законодатель также уже вносил изменения в данную статью, в частности, в 2014 г. появляется ряд законодательных инициатив по изменению действующей редакции ст. 368-2 УК Украины, которые выносятся на рассмотрение Верховной рады Украины.

Анализ диспозиций (частей 1, 2, 3) статьи 368-2 УК Украины позволяет нам выделить некоторые спорные вопросы практики применения этой нормы специально уполномоченными субъектами в сфере противодействия коррупции (органами прокуратуры, Национальной полиции, Национального антикоррупционного бюро Украины, Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции).

Так, в частности, исходя из содержания ч. 1 ст. 368-2 УК Украины непонятно, что такое «активы». Ведь в примечании 2 к данной статье указано, что под активами в значительном размере в этой статье понимаются денежные средства или иное имущество, а также доходы от них, если их размер (стоимость) превышает одну тысячу необлагаемых минимумов доходов граждан. А в примечании 3 — под передачей активов в этой статье понимается заключение любых сделок, на основании которых возникает право собственности или право пользования на активы, а также предоставления другому лицу денежных средств или иного имущества для заключения таких сделок.

В соответствии с Законом Украины от 16.07.1999 г. № 996-XIV «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности» активы — ресурсы, контролируемые предприятием в результате прошлых событий, использование которых, как ожидается, приведет к получению экономических выгод в будущем [2].

Авторы учебника «Экономика предприятия» исходя из понятия активов, определенного в Законе Украины от 16.07.1999 № 996-XIV «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности», выделяют три вида активов, в частности: активы материальные, активы нематериальные и финансовые активы [3].

Под активами материальными следует понимать собственность юридических или физических лиц, имеющих вещественную форму и денежную стоимость. К ним относятся: земля, находящаяся в собственности; здания и сооружения производственного и непроизвод-

ственного назначения; административные здания; жилые, учебные, детские, лечебные, оздоровительные, спортивные и другие дома, помещения, находящиеся на балансе предприятия; установленное и не установленное производственное оборудование; движимое имущество непроизводственного назначения; запасы сырья, топлива, полуфабрикатов (на складах, в цехах и в дороге), готовая продукция; имущество, основные средства, земельные участки, сданные в аренду, принадлежащих предприятию филиалы, дочерние компании, если они не имеют статуса юридического лица, а их балансы не разделены с балансом головного предприятия [3].

Активы финансовые — средства физических или юридических лиц; объекты, от которых в будущем ожидается получение прибыли. К ним относятся: кассовая наличность; депозиты в банках; взносы; чеки; страховые полисы; вложения в ценные бумаги; потребительский кредит; акции других предприятий, дающие право контроля; паи; специфические активы (монетарное золото и специальные права заимствования) [3].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что по своему содержанию понятие активов определяется шире, чем то, что содержится в примечании к ст. 368-2 УК Украины.

Таким образом, проведенный нами анализ судебной практики и трактовки законодателем некоторых понятий показал, что установление уголовной ответственности за незаконное обогащение поставило больше вопросов, чем дало ответов. Кроме того, переквалификация в судах ст. 368-2 УК Украины на ст. 368 УК Украины или закрытие уголовных производств, свидетельствует о ее неэффективности, а нарушение принципа презумпции невиновности — о нарушении прав человека и гражданина. Это позволяет нам внести предложение о необходимости исключения ст. 368-2 «Незаконное обогащение» из Уголовного кодекса Украины.

1. Про зареєстровані кримінальні правопорушення та результати їх досудового розслідування : Статистична інформація Генеральної прокуратури України [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сайт Генеральної прокуратури України. URL: <http://www.gp.gov.ua/ua/stat.htm> (дата звернення: 30.01.2019). [Вернутись к статье](#)

2. Про бухгалтерський облік та фінансову звітність [Електронний ресурс] : Закон України від 16.07.1999 № 996-XIV. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/996-14/print1464030723153702> (дата звернення: 30.01.2019). [Вернутись к статье](#)

3. Економіка підприємства : електронний підручник [Електронний ресурс]. URL: <http://readbookz.com/book/124/3364.html> (дата звернення: 30.01.2019). [Вернутись к статье](#)

УДК 342.9+343.343.6

*Н. В. Полякова**начальник кафедры административного права**Воронежского института МВД России,**кандидат юридических наук, доцент*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Современное российское законодательство устанавливает как уголовную, так и административную ответственность за правонарушения в сфере миграции. Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) содержатся отдельные составы административных правонарушений в сфере миграции, которые при наличии определенных признаков могут квалифицироваться как уголовно наказуемые деяния. К ним относится ч. 1 ст. 18. 9 КоАП РФ. В свою очередь, Уголовный Кодекс РФ (далее — УК РФ) закрепляет ст. 322.1.

Проблемы соотношения, разграничения и интеграции административной и уголовной ответственности, в том числе и за нарушения миграционного законодательства, являются актуальными для представителей различных наук и носят межотраслевой характер.

С. В. Смолин указывает, что возникновение межотраслевой конкуренции норм уголовного и административно-деликтного права, с одной стороны, обусловлено недостатками законодательной техники, вызванными наличием оценочных понятий в правовых нормах [1].

Наиболее распространенными являются составы административного правонарушения по ч. 1 ст. 18.9 КоАП РФ и преступления по ст. 322.1 УК РФ, объективная сторона которых включает действия, в первом случае осуществляемые должностными и юридическими лицами, которые выступают в качестве принимающей или приглашающей стороны, выражающиеся в обеспечении пребывания, проживания и перемещения по территории РФ с нарушением требований миграционного режима, а также транзитного проезда. Во втором случае уголовная ответственность наступает за организацию незаконной миграции.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела необходимо четко отграничивать деяния, имеющие признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, от деяний, образующих состав ч. 1 ст. 18.9 КоАП РФ, что позволит дать правильную юридиче-

скую оценку содеянному, а также совершенствовать и повысить эффективность деятельности правоохранительных органов.

В литературе под организацией незаконного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства чаще всего понимается «совершение любых действий, направленных на обеспечение пребывания или проживания на территории РФ этих лиц при отсутствии у них необходимых документов... или с нарушением порядка регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства» [2]. Судебные решения, которые выносятся по уголовным делам по ст. 322.1 УК РФ, также не раскрывают данного понятия. Поэтому в соответствии с объективной стороной это могут быть разнообразные действия, которые осуществляются в целях организации незаконного въезда, незаконного пребывания, транзитного проезда по территории Российской Федерации.

Так, проблемным вопросом является то, что не определено количество иностранных граждан или лиц без гражданства, организация незаконной миграции в отношении которых квалифицируется как преступление, что вызывает отсутствие единства в правоприменительной деятельности. В судебной практике встречаются случаи, когда организация незаконной миграции квалифицируется как единое продолжаемое преступление вне зависимости от количества мигрантов, единства действий во времени (Приговор Хорошевского районного суда города Москвы от 6 сентября 2013 г. в отношении Магеррамова Н. Г.) [3], в других случаях организация незаконной миграции (в частности, незаконное пребывание) квалифицируется за каждого иностранного гражданина и лица без гражданства (Приговор Мытищинского городского суда от 24 апреля 2013 г. в отношении Холодкова) [3].

При привлечении к административной ответственности данная проблема не возникает, т. к. примечание к ст. 18.9 КоАП РФ определяет, что административная ответственность наступает в отношении каждого иностранного гражданина или лица без гражданства, если нарушение миграционных правил принимающей и приглашающей стороной допускается в отношении двух и более иностранных граждан и лиц без гражданства.

В связи с этим при разграничении составов необходимо устанавливать иные обстоятельства, которые будут характеризовать большую степень общественной опасности деяния.

Кроме того, формулировка диспозиции ч. 1 ст. 322 УК РФ не соответствует миграционному законодательству, т. к. говорит только о незаконном пребывании иностранных граждан, хотя наказуемыми могут быть и действия, которые связаны с предоставлением иностранным гражданам для проживания помещения при отсутствии у них регистрации по месту проживания, но при наличии статуса временно про-

живающего в РФ, подтверждаемого наличием у них разрешения на временное проживание.

Анализ судебной практики показывает, что объективная сторона преступлений по ст. 322.1 УК РФ складывается из следующих действий: а) предоставления жилого помещения для проживания иностранным гражданам с нарушением миграционного режима; б) предоставления возможности осуществления трудовой деятельности, в том числе на основании гражданско-правового договора; в) действий, связанных с постановкой на миграционный учет, но без намерения проживания иностранного гражданина или лица без гражданства (в настоящее время данные действия охватываются специальным составом ст.ст. 322.2 и 322.3 КоАП РФ, введенных в 2013 г.); г) проставления в паспортах и миграционных картах поддельных штампов о пересечении Государственной границы и других.

Изложенные отдельные проблемы свидетельствуют о сложности миграционного законодательства, что обуславливает отсутствие ясности в понимании диспозиции ст. 322.1 УК РФ и других составов преступлений в сфере миграции, вытекающих из соответствующих федеральных законов и иных нормативных актов, а также неверного разграничения их с аналогичными составами административных правонарушений. Отдельно следует отметить и отсылочный (бланкетный) характер диспозиций норм КоАП РФ и УК РФ в сфере миграции, вызывающий трудности при установлении объективной стороны, т. к. необходимо знание неопределенно большого количества федеральных законов и подзаконных актов, не систематизированных, сложных в правоприменении и в отдельных вопросах, противоречащих друг другу.

Думается, что необходимо разъяснение материально-правовых норм, связанных с привлечением к уголовной и административной ответственности в сфере миграции, Верховным Судом Российской Федерации.

1. Смолин С. В. Конкуренция уголовно-правовых и административно-деликтных норм, регламентирующих ответственность за нарушения в сфере миграционного учета // Уголовное право. 2016. № 2. С. 84–87. [Вернуться к статье](#)

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 4-е изд. / под ред. Г. А. Есакова. М. : Проспект, 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».. [Вернуться к статье](#)

3. Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

А. А. Примаченок

профессор кафедры уголовного права и криминологии

Академии МВД Республики Беларусь,

кандидат юридических наук, доцент

**ИСТОКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА
КАК ОТРАСЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(к 100-летию принятия руководящих начал
по уголовному праву РСФСР 1919 года)**

Октябрьская революция 1917 г. изменила социально-экономическое устройство в России, а также и в Беларуси, которая входила в ее состав. При этом следует иметь в виду, что в этот период значительная часть территории Беларуси находилась под оккупацией сначала Германии, а потом Польши. Вновь созданным правительством — Советом народных комиссаров РСФСР — (далее — СНК) был издан ряд различных нормативных правовых актов. Наиболее важное значение для становления и развития уголовного права государства нового типа имело принятие постановлением Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. систематизированного документа «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» (далее — Руководящие начала). Во введении к этому документу указывалось, что можно подвести итог почти двухлетнему «проявлению пролетарского права» и «пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов» и прежде всего «это должно относиться к уголовному праву». Определялись его цели и задачи: свержение «буржуазных и промежуточных классов» и в перспективе обеспечение соответствующих интересам трудящихся масс условий общежития.

В ст. 1 Руководящих начал содержалось общее определение понятия «право». В ней указывалось: «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой». В ст. 2 данного акта понятие уголовного права определялось следующим образом: «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания)». Приведенные определения отражают уровень правосознания руководителей победившего пролетариата. Примечательно то, что в Руководящих началах было закреплено понятие «советское право», так как до этого времени употреблялось понятие «пролетарское право».

В соответствии с Руководящими началами преступлением признавалось действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, а наказание — как мера принудительного воздействия. Наказание не должно причинять преступнику «бесполезных и лишних страданий». При определении меры наказания следовало исходить из виновности, степени опасности для общества как самого преступника, его «принадлежности к имущественному классу», так и совершенного им деяния, а также следовало учитывать, насколько совершенное преступление нарушает «основы общественной безопасности». Указывалось также, что, назначая наказание, следует учитывать цели совершения преступления (например, в «интересах восстановления власти угнетающего класса», из чувства голода, из мести или жестокости).

В Руководящих началах приводилось содержание некоторых основных институтов уголовного права, в частности, стадий преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление), форм соучастия в преступлении (группа, шайка, банда), функциональной роли соучастников преступления (исполнитель, подстрекатель, пособник), а также рекомендовалось учитывать, совершено преступление осознанно или «по невежеству», «принадлежность к имущественному классу» лица, совершившего преступление, совершено преступление впервые или профессиональным преступником (рецидивистом), вменяемость виновного, указывался возраст наступления ответственности (уголовная ответственность наступала с 14 лет), состояние обороны от преступного посягательства как основание освобождения от ответственности. Определялись пределы действия уголовного закона, в частности, определены территориальный принцип и принцип гражданства (за совершенное преступление на территории РСФСР были ответственны граждане государства и иностранные граждане, за преступления, совершенные за пределами государства, граждане РСФСР несли ответственность, если они «не уклонялись от суда и наказания» по месту совершения преступления).

В Руководящих началах определялась уголовно-правовая политика в отношении лиц, совершивших преступление: 1) они должны были приспособляться «к данному общественному порядку»; 2) «если они не поддаются приспособлению — изоляцией их, а в исключительных случаях — их физическим уничтожением».

В ст. 25 названного документа содержался перечень видов наказаний, применяемых судами и трибуналами (всего 15). Они назывались примерными. Допускалось сочетание видов названных наказаний. Предусматривалось условное осуждение. В примечании указывалось, что народные суды не вправе назначать смертную казнь.

С принятием Руководящих начал фактически была создана Общая часть уголовного права нового типа. По этому поводу А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов и другие авторы писали, что «Руководящие начала стали прообразом Общей части первого советского Уголовного кодекса» (первый Уголовный кодекс РСФСР был принят и введен в действие 1 июня 1922 г.). На территории Беларуси УК РСФСР был введен в действие с 1 июля 1922 г. постановлением Центрального исполнительного комитета БССР, а с 1924 г. он стал называться УК БССР. Полагаем, что данное изменение было произведено в связи с существенными дополнениями УК, обусловленными менталитетом и национальными особенностями белорусского народа.

Последующие УК БССР были приняты в 1928 г., 1960 г., а с 1991 г. УК 1960 г. стал называться Уголовным кодексом Республики Беларусь (в связи с принятием 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете). Ныне действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь принят 9 июля 1999 г., а вступил в силу с 1 января 2001 г. Следует иметь в виду, что каждый последующий кодекс создавался на основе предыдущего. В свою очередь, принятию кодексов предшествовало издание общих положений по уголовному праву. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР явились предвестником принятия в 1924 г. Основных начал по уголовному законодательству СССР и союзных республик и в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Таким образом, принятие Руководящих начал по уголовному праву, во-первых, официально закрепило наименование отрасли уголовного права как «советское», до этого оно называлось «пролетарским». Во-вторых, хотя они и носили явно выраженный классовый и бескомпромиссный характер (непримиримость к «классовым врагам»), отражая происходящий в этот период этап истории государства — период гражданской войны, вместе с тем, в них содержались основные понятия институтов уголовного права, которые не только сохранились в современном уголовном праве, но и получили свое развитие. В-третьих, они способствовали закреплению принципа законности в деятельности правоприменительной системы. В связи с этим представляется, что более полному и глубокому усвоению и пониманию современного уголовного закона будет способствовать знание его истоков и преемственности от пролетарского до советского и от советского до современного.

Л. А. Рябцева

*преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Уголовным законом каждого отдельно взятого государства закрепляются ключевые понятия, имеющие правовое значение для судебно-следственной практики. Вместе с тем некоторые из них не нашли отражения в уголовно-правовых нормах, а выработаны теорией уголовного права, что не умаляет их значения. К таковым относится понятие «специальный субъект преступления», под которым понимается субъект преступления, обладающий наряду с общими признаками хотя бы одним дополнительным, специальным. В качестве последнего могут выступать пол, профессия, род деятельности, гражданско-правовой, социально-правовой статус лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, и т. д.

Уголовный закон Республики Беларусь является тому подтверждением. Так, каждый из разделов Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) содержит ряд составов преступлений, требующих наличия специального субъекта преступления в качестве обязательного элемента состава.

Признак специального субъекта преступления в большинстве своем несложно выявить, поскольку он явно обозначен в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы. Так, в ст. 392 УК «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» [1] вид субъекта преступления определяется не только содержанием самой диспозиции, но и названием статьи. Однако в ряде других случаев прямое указание на наличие специального признака в отношении субъекта преступления в уголовно-правовой норме может отсутствовать, что, в свою очередь, требует обращения к ее расширительному толкованию посредством анализа признаков субъекта преступления, не прямо указанных в законе, но подразумеваемых. Примером может служить преступление, предусмотренное ст. 122 УК «Подготовка либо ведение агрессивной войны» (глава 17 УК) [1]. Данный состав диктует обязательное наличие у субъекта преступления такого дополнительного признака, как должностное положение лица. При этом названный субъект должен также обладать полномочиями в проведении подготовительных действий либо ведении такого рода войны и быть компетентным в подобного рода вопросах.

В случае отсутствия необходимого для специального субъекта преступления признака совершенное деяние не будет являться преступным и, как следствие, такое лицо к уголовной ответственности привлечено не будет. Вместе с тем возможен вариант, при котором уголовная ответственность наступит ввиду того, что законодатель предусмотрел таковую за аналогичное преступление, но совершенное лицом, не обладающим признаками специального субъекта и, соответственно, выступающим в роли общего субъекта преступления.

Каждое из обозначенных положений можно проиллюстрировать, обратившись к статьям уголовного закона. Так ст. 386 УК «Самовольное занятие земельного участка» устанавливает уголовную ответственность за самовольное занятие земельного участка [1]. Вместе с тем не всякое лицо, самовольно занявшее земельный участок, — субъект описанного преступления, поскольку субъектом данного состава преступления может выступать только лишь лицо, ранее понесшее административную ответственность за такое же нарушение и, несмотря на это, в течение года после наложения административного взыскания пожелавшее действовать аналогичным образом (административная преюдиция). Соответственно, за отсутствием обозначенного признака специального субъекта такое лицо уголовной ответственности подлежать не будет.

Содержание диспозиции ч. 1 2 ст. 202 УК «Нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан» [1] наглядно демонстрирует тот случай, когда при полном совпадении объективной и субъективной сторон преступлений, предусмотренных обеими частями статьи, составы имеют выраженное отличие по субъекту. Так, в ч. 1 ст. 202 УК субъект общий, а в ч. 2 является специальным (должностное лицо). Таким образом, лицо, совершившее описанное преступление, в обязательном порядке будет привлечено к уголовной ответственности. А отсутствие признака специального субъекта лишь изменит квалификацию преступления, и такое лицо понесет уголовную ответственность согласно ч. 1 ст. 202 УК.

Следует отметить, что если преступление со специальным субъектом совершается в соучастии, то наличие признака специального субъекта у исполнителя есть обязательное условие признания его в качестве такового. На соучастников, выполняющих при совершении преступного деяния иные роли, данное правило не распространяется.

Таким образом, именно специальный субъект, если того требует норма уголовного закона, устанавливающая ответственность за то или иное преступление, выступает в ряде случаев обязательным элементом состава преступления. Это, в свою очередь, влияет на привлече-

ние / непривлечение лица к уголовной ответственности, квалификацию деяния, учитывается при назначении наказания.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

А. Ф. Свиб

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права

Могилевского государственного университета

им. А. А. Кулешова, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Подростковая организованная преступность — это опасное негативное явление. Она является частью организованной преступности, ее опасность проявляется в том, что она оказывает существенное влияние на характер и динамику развития будущей организованной преступности в целом. Именно поэтому борьба с подростковой организованной преступностью и, соответственно, снижение роста подростковой преступности, составляющей значительную долю от числа общей преступности, является в белорусском обществе сложным и многоплановым процессом.

На сегодняшний день количественные показатели организованной преступности несовершеннолетних не так уж малы, что, в свою очередь, свидетельствует о неэффективности принимаемых мер по предупреждению данного негативного социального явления и указывает на недостатки в деятельности судебно-правоохранительных органов.

Профилактика преступности несовершеннолетних, в том числе совершивших преступные деяния в составе организованных групп, включает в себя целый комплекс мероприятий. Обязанность по проведению таковых мероприятий должна возлагаться на ряд министерств, различных учреждений, ведомств, непосредственно на органы внутренних дел. Основными субъектами профилактики преступности несовершеннолетних в соответствии с Законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 31 мая 2003 г., № 200-3 (в ред. от 12.12.2013 г.) признаются комиссии по делам несовершеннолетних и инспекции по делам несовершеннолетних [1]. Однако для обеспечения эффективной профилактики преступности несовершеннолетних необходимо объединение усилий всех судебно-правоохранительных органов. Особую роль при этом играет обмен информацией.

Кроме того, хотелось бы отметить, что к несовершеннолетним нельзя применить какие-либо строгие меры административно-правового воздействия, что не позволяет эффективно предупреждать

совершение преступлений в дальнейшем, в том числе в составе организованных групп.

Г. Г. Шиханцов также указывает на то, что борьба с организованной подростковой преступностью эффективно может осуществляться лишь высококвалифицированными специалистами. Видится целесообразным привлекать специалистов не только с юридическим, но и с педагогическим и психологическим образованием для участия в проведении мероприятий и разработке мер, направленных на борьбу с подростковой организованной преступностью [2, с. 101].

Особое значение в нейтрализации подростковой организованной преступности имеет наличие действенной правовой базы, т. е. совокупности нормативных правовых актов, направленных на предупреждение подростковой организованной преступности. Необходимо, чтобы данная правовая база выступала в качестве адекватной и эффективной меры реагирования на сложившуюся криминальную ситуацию. Однако при анализе действующего национального законодательства было установлено, что фактически отсутствует институт правового регулирования деятельности судебно-правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, совершенными несовершеннолетними в составе организованных преступных групп. Указанное обстоятельство значительно усложняет реализацию судебно-правоохранительными органами профилактических мероприятий в данном направлении. Таким образом, видится целесообразным разработать свод нормативно-правовых актов, которые бы регламентировали цели и задачи деятельности по борьбе с преступностью несовершеннолетних, в том числе с организованными формами ее проявления; конкретные права и обязанности судебно-правоохранительных органов при осуществлении деятельности по борьбе с преступностью несовершеннолетних; примерный перечень мероприятий по профилактике подростковой преступности. Также в указанном своде нормативных правовых актов необходимо определить направления взаимодействия судебно-правоохранительных органов и иных субъектов предупреждения преступности несовершеннолетних.

Но, несмотря на то, что современная организованная преступность несовершеннолетних является общественно опасной, жестокой и ее формы приобретают более организованный и профессиональный характер, не отпадает необходимость подлинного гуманного отношения к тем, кто совершает в составе группы менее опасные преступления и может исправиться без применения суровых мер уголовного наказания либо вообще с помощью мер, их заменяющих. Сейчас в Республике Беларусь активно обсуждается вопрос о введении в УК понятия «уголовный проступок». Считаем, что это действительно за-

служивает внимания, так как позволяет квалифицировать некоторые малозначительные с точки зрения уголовного права общественно опасные деяния не как преступления, а как проступок. Под «уголовным проступком» подразумевается что-то среднее между административным проступком и уголовным преступлением. Главным отличием проступка от преступления является то, что за него не лишают свободы и не закрепляют судимость, ведь именно судимость является «черным пятном» на личности гражданина. Особенно это касается личности несовершеннолетнего гражданина, так как позволяет «не сломать» его судьбу и дальнейшую профессиональную жизнь.

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-3 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 12 дек. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Шиханцов Г. Г. Криминология : учебник. Минск : Изд-во Гревцова, 2009. 296 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.544

*С. М. Свило**доцент кафедры уголовного права и криминологии**Академии МВД Республики Беларусь,**кандидат юридических наук, доцент*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОСТИТУЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблема противодействия проституции актуальна, поскольку от того, как она разрешается в настоящее время, зависит процесс формирования и развития личности, культурное наследие, нравственный климат в обществе, а также становление демократического и правового государства. Проституция неизбежно ведет к деформации психологических качеств человека и моральной деградации личности, к разрыву социально-полезных, в том числе семейных, связей, распространению заболеваний, передающихся половым путем, созданию условий для совершения более тяжких правонарушений. Отечественный законодатель в этом отношении ограничился двумя статьями, установив уголовную ответственность за организацию и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией (ст. 171 Уголовного кодекса (далее — УК)) и за вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституций (ст. 171-1 УК).

Официальные данные о количестве лиц, занимающихся в Республике Беларусь проституцией, отсутствуют, а результаты выборочных исследований неполно отражают положение дел в рассматриваемом аспекте. В то же время анализ статистических данных с 2010 по 2018 г. свидетельствует о том, что наметилась тенденция небольшого роста количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по вышеуказанным статьям. При этом, как утверждают эксперты, латентность проституции и связанных с ней явлений составляет более 70 %. Судебная практика по данной категории дел настолько противоречива, что деяния с идентичными обстоятельствами совершения преступления, но с разными фигурантами правоприменитель в одних случаях относит к уголовно наказуемым, а в других — признает непреступными.

Изучение и анализ соответствующих нормативных правовых актов и литературы позволяют сделать вывод о существовании различных подходов в понимании такого социального явления, как проституция. Так, установив уголовную ответственность за деяния, предусмотренные ст. 171 и 171-1 УК, законодатель не раскрывает понятие «прости-

туция», отсутствует оно и в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, где установлена ответственность за занятие проституцией (ст. 17.5).

Следует отметить, что ученые, как правило, придают проституции исключительно женский характер. Например, Н. А. Аверина считает, что проституция — «это социальное явление, представляющее собой систему актов удовлетворения женщинами сексуальных потребностей мужчин за вознаграждение и с целью удовлетворения собственных материальных потребностей, а также связанное с этими актами поведение» [1, с. 11–12]. С. Н. Красуля полагает, что проституцией является продажа женщиной тела за деньги каждому желающему для удовлетворения его половой потребности [2, с. 10]. Несовершенство рассматриваемого определения состоит не только в том, что в нем не учтена мужская проституция, но и в том, что оплата услуг лиц, занимающихся проституцией, может быть выражена не только в деньгах.

Впервые правовые основы понятия проституции даны в международной Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией третьими лицами 1950 г. (далее — Конвенция). Согласно ст. 1 Конвенции проституцией является удовлетворение похоти другого лица.

Соглашаясь с тем, что доступность лица, занимающегося проституцией, любому желающему удовлетворить свои сексуальные потребности является обязательным признаком проституции, считаем данную формулировку неполной, т. к. за ее рамками остается ряд важных элементов.

Во-первых, именно систематичность является определяющим признаком проституции [3, с. 462]. Если лицо вступает в сексуальную связь хотя и за плату, но однократно, его поведение нельзя расценивать как проституцию. Несмотря на то, что отдельные авторы указывают на неоднократность действий, считаем, что в рассматриваемом аспекте целесообразно вести речь о систематичности (более двух тождественных или однородных деяний), т. к. это наиболее точно отражает суть проституции как продолжительной во времени деятельности. При этом необходимо уточнить, предполагает ли это прямые половые контакты или достаточно опосредованного характера оказания сексуальных услуг характера (например, секс по телефону, стриптиз). Полагаем, что демонстрация сексуальных действий или обнаженного тела находится за рамками данного состава преступления.

Во-вторых, в определении проституции, которое дает Конвенция, не нашел отражения такой признак, как вступление в половую связь за вознаграждение. Основу сексуальных отношений при проституции составляют не взаимное влечение, симпатия, привязанность, а стремление получить за них соответствующее вознаграждение. Оно чаще все-

го бывает денежным, однако не исключаются и иные формы, в частности натуральная оплата в виде одежды, косметики, парфюмерии, ювелирных украшений, оплаты тех или иных услуг. Помимо этого, полагаем, неотъемлемой чертой проституции является предварительная (до вступления в половую связь) договоренность относительно вознаграждения. Не имеет значения, получает ли вознаграждение за услуги такого рода субъект преступления или потерпевший.

В-третьих, обязательным признаком проституции является вступление в половую связь с разными лицами, что предполагает беспорядочные сексуальные связи. Следует согласиться с Я. Подгайновой относительно того, что понятие «проституция» по своей сути сближается с эротической нечистоплотностью, которая может быть связана с частой сменой половых партнеров и иногда сопряжена с получением подарков и денег одной из сторон [3, с. 20]. В отличие от нее, проституция заключается в систематических половых связях с различными лицами за плату, что является основным или дополнительным источником существования.

Таким образом, учитывая все существенные признаки проституции, а также лингвистические особенности построения дефиниции, под проституцией, применительно к ст. 171 и 171-1 УК, мы предлагаем понимать систематическое вступление лиц в случайные, внебрачные сексуальные отношения (половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера) с неопределенным кругом партнеров за предварительно оговоренное вознаграждение.

1. Аверина Н. А. Криминологическое изучение и предупреждение органами внутренних дел проституции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 21 с. [Вернуться к статье](#)
2. Красуля С. Н. От жриц любви до обитательниц борделей // Проституция и преступность / ред. Ю. М. Хотченков. М. : Юрид. лит., 1991. 303 с. [Вернуться к статье](#)
3. Подгайнова Я. Коррекция понятия проституции // Мировой судья. 2009. № 5. С. 19–21. [Вернуться к статье](#)

Д. П. Семенюк

*доцент кафедры административной деятельности
органов внутренних дел факультета милиции
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРИЗНАКИ ОТЛИЧИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА

Установление признаков отличия административного правонарушения от преступления и дисциплинарного проступка имеет не только важное теоретическое значение, так как позволяет понять правовую природу рассматриваемых правонарушений, но и практическое значение, так как способствует правильной квалификации противоправного деяния.

Как отмечает А. И. Сухаркова, «отграничение административных проступков от иных правонарушений является одной из первоочередных и весьма важных задач органа (должностного лица), применяющего нормы законодательства. Сложность ее решения обусловлена наличием ряда общих признаков, присущих всем типам правонарушений. Все они являются опасными (вредными) для общества, государства и граждан. Любое из них нарушает требования (предписания) тех или иных правовых норм. Однако они различаются по иным существующим признакам» [1, с. 98–99].

По мнению А. Н. Крамника, близость административного правонарушения к преступлению и дисциплинарному проступку не ведет к их тождественности. В связи с этим он предлагает выделить общие и специальные критерии их разграничения. К общим он относит критерии, присущие всем административным правонарушениям и отличающие их от любых преступлений. К специальным критериям он относит такие, которые предусмотрены в КоАП или УК и касаются отдельного конкретного правонарушения, т. е. которые законодатель закрепляет в составах как конкретные отличительные признаки [2, с. 93–94].

Методологически общие критерии рассматриваются при изучении Общей части КоАП, а специальные — при изучении отдельных составов административных правонарушений, закрепленных в Особенной части КоАП. Поэтому рассмотрим важные общие критерии разграничения.

Степень общественной опасности является основным материальным признаком, позволяющим разграничить административное право-

нарушение от преступления и дисциплинарного проступка. Преступление является общественно опасным деянием, а административное правонарушение является общественно вредным деянием, так как причиняет вред, но оно не опасно для общества. Например, безбилетный проезд (ст. 18.30 КоАП).

Дисциплинарный проступок нарушает трудовые и служебные отношения, однако законодатель не считает его опасным для общества.

Характер противоправности является формальным признаком разграничения. Преступление запрещено нормами уголовного права. Только УК определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляет основания и условия уголовной ответственности, устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния. Административное правонарушение определено нормами административно-деликтного законодательства (КоАП, указов и декретов Президента Республики Беларусь). Противоправность дисциплинарного проступка определена нормами Трудового кодекса РБ, дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине.

Наказуемость является еще одним критерием разграничения административного правонарушения, преступления и дисциплинарного проступка и также установлена перечисленными выше правовыми нормами.

Степень общественной опасности, характер противоправности и наказуемость являются основными критериями разграничения. Их устанавливает законодатель, исходя из оценки состояния общественно политической жизни, характера и опасности угроз обществу, которые представляют противоправные деяния. В разные периоды развития государства и общества одни и те же деяния могли быть законодательно закреплены как преступления либо как административные правонарушения либо вообще не считались правонарушениями. Аналогичным образом дифференцировались и меры ответственности за данные правонарушения.

Кроме перечисленных основных признаков отграничения можно выделить и иные признаки.

Так, одним из таких признаков является мера ответственности, к которой относится налагаемое взыскание. За совершение преступления налагаются более суровые взыскания, такие как ограничение по военной службе, арест, ограничение свободы, лишение свободы, пожизненное заключение, смертная казнь (до ее отмены). За совершение административного правонарушения налагаются более мягкие

взыскания. Чаще всего такие, как предупреждение, штраф, лишение специального права, лишение права заниматься определенной деятельностью. Совершение дисциплинарного проступка влечет применение дисциплинарных взысканий, преимущественно выговора либо строгого выговора.

Преступления, административные правонарушения и дисциплинарные правонарушения можно разграничивать и по субъектам ответственности. Субъектом уголовной ответственности является только физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста уголовной ответственности. Субъектами административной ответственности являются физическое лицо, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель (как отдельный субъект в установленных КоАП случаях). Субъектом дисциплинарной ответственности является лицо, находящееся в служебных либо трудовых отношениях и нарушившее эти отношения.

В качестве еще одного признака отграничения можно выделить субъектов, привлекающих лицо к ответственности (имеющих право налагать взыскание). Так, в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовной ответственности иначе как по приговору суда и в соответствии с законом. Налагать административные взыскания в соответствии со ст. 3.1 ПИКоАП имеют право суды и еще 26 органов государственного управления, в том числе органы внутренних дел, органы пограничной службы и др. Дисциплинарные взыскания налагают соответствующие начальники.

Также отличиями преступления от административного правонарушения можно считать состояние судимости в случае вынесения приговора за совершение преступления и административной наказанности при привлечении к административной ответственности.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что основными признаками (критериями) отличия преступления, административного правонарушения и дисциплинарного проступка являются степень общественной опасности, характер противоправности, наказуемость.

Кроме этого, можно выделить и иные признаки, такие как меры ответственности, сроки давности привлечения к ответственности, субъекты ответственности и субъекты, привлекающие лицо к ответственности. Однако они являются производными от степени общественной опасности, характера противоправности и наказуемости.

1. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И. В. Козелецкого, А. И. Сухарковой. Минск : Акад. МВД, 2013. Ч. 2 : Административно-деликтное право. Процессуально-исполнительное право / И. В. Козелецкий [и др.]. 454 с. [Вернуться к статье](#)

2. Крамник А. Н. Административное право. Ч. 2. Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для студ. высш. учеб. заведений по юрид. специальностям. Минск : Изд. центр БГУ, 2009. 379 с. [Вернуться к статье](#)

С. А. Сілаеў

*старшы выкладчык кафедры крымінальнага права
і крыміналогіі Юрыдычнага інстытута
Кемераўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)*

ДА ПЫТАННЯ АБ ПРАЦЯГЛЫМ ХАРАКТАРЫ ЗЛАЧЫНСТВАЎ, ЗВЯЗАНЫХ З НЕВЫКАНАННЕМ АБАВЯЗКАЎ ПА ВЫПЛАЦЕ ГРАШОВЫХ СРОДКАЎ

У тэорыі крымінальнага права няма адзінства ўяўленняў аб тым, якія злачынствы належаць да ліку працяглых. Аднак жа вырашэнне гэтага пытання мае велізарнае практычнае значэнне, бо, як вядома, працяглыя злачынствы характарызуюцца несупадзеннем у іх юрыдычнага і фактычнага сканчэння, прычым менавіта па моманце фактычнага сканчэння працяглага злачынства вызначаюцца прымянімы закон, пачатак цячэння тэрмінаў даўнасці крымінальнага праследавання, магчымасць прымянення актаў амністыі і г. д.

На працягу доўгіх гадоў у расійскай юрыдычнай навуцы не сціхаюць спрэчкі аб тым, ці лічыць працяглымі злачынствы ў сферы падаткаабкладання. Часцей за ўсё гаворка ідзе аб ухіленні ад выплаты падаткаў і збораў (арт. 198 і 199 КК РФ); але тую ж самую канструкцыю саставу маюць ухіленне ад выплаты мытных плацэжаў (арт. 194 КК РФ), невыкананне абавязкаў падатковага агента (арт. 199.1 КК РФ) і ўхіленне страхавальніка ад выплаты страхавых узносаў на абавязковае сацыяльнае страхаванне ад няшчасных выпадкаў на вытворчасці і прафесійных захворванняў (арт. 199.3 і 199.4 КК РФ).

Некаторыя з тэарэтыкаў лічаць падатковыя злачынствы простымі (аднамомантавымі). Дадзеная пазіцыя грунтуецца на тым, што Падатковы кодэкс РФ выразна вызначае тэрміны выканання падаткаплацельшчыкамі і падатковымі агентамі сваіх абавязкаў [1, с. 695; 2, с. 360–361]. Пры гэтым калі адны аўтары хаця б праяўляюць паслядоўнасць, адмаўляючы трываласць усіх злачынстваў-ухіленняў [3, с. 751], то астатнія кіруюцца нейкай цалкам неспасціжнай логікай. Так, Н. Ф. Кузняцова сцвярджала, быццам «нявыплата падаткаў, у адрозненне, напрыклад, ад ухілення ад выплаты аліментаў, не з'яўляецца працяглым злачынствам» [4, с. 311], але ў чым заключаецца гэтае адрозненне паміж двума цалкам ідэнтычнымі па сваім аб'ектыўным боку саставамі злачынстваў, не тлумачылася. Той факт, што нявыплата падаткаў ва ўстаноўлены тэрмін утварае скончаны састаў злачынства, сам па сабе не сведчыць на карысць такога пункта гледжання, паколькі аліментныя абавязацельствы гэтаксама павінны выконвацца ва

ўстаноўленыя судовым рашэннем тэрміны (з пэўнай перыядычнасцю), а іх невыкананне ў гэтыя тэрміны (пры наяўнасці акалічнасцей, што пацвярджаюць зламыснасць ухілення, у тым ліку падвойнай грамадзянска-адміністрацыйнай прэюдыцыі) сапраўды гэтак жа азначае поўнае ажыццяўленне саставу злачынства. Нягледзячы на слабасць такой пазіцыі, яе, тым не менш, займаюць, акрамя Н. Ф. Кузняцовай, цэлы шэраг навукоўцаў — як з Расіі, так і з Беларусі [5, с. 38–39], са Славацкай [6, с. 129, 238] і з некаторых іншых усходнееўрапейскіх краін.

У п. 3 пастановы Пленума Вярхоўнага Суда Расійскай Федэрацыі ад 28 снежня 2006 г. № 64 «Аб практыцы прымянення судамі крымінальнага заканадаўства аб адказнасці за падатковыя злачынствы» сапраўды гаворыцца, што момантам сканчэння такіх злачынстваў трэба лічыць фактычную нявыплату падаткаў (збораў) у тэрмін, што ўстаноўлены падатковым заканадаўствам. Але, здаецца, у прыведзеным кіруючым тлумачэнні найвышэйшага федэральнага органа судовай улады маецца на ўвазе толькі юрыдычнае, а не фактычнае сканчэнне, бо на «фактычную нявыплату падатку» Пленум паказвае: «зыходзячы з таго, што, паводле падатковага заканадаўства, тэрмін падачы падатковай дэкларацыі і тэрміны выплаты падатку (збору) могуць не супадаць». Інакш кажучы, тут гаворка пра тое, што па сканчэнні тэрміну выплаты падатку ўхіленне робіцца скончаным злачынствам згодна ч. 1 арт. 29 КК РФ, г. зн. яно больш не з’яўляецца ні падрыхтоўкай, ні замахам. Абавязак, які не быў своечасова выкананы, нікуды не знікае, а таму і ажыццяўленне складу злачынства не спыняецца, а працягваецца далей, аб чым сведчыць, напрыклад, арт. 75 Падатковага кодэксу, што прадугледжвае налічэнне пені за кожны каляндарны дзень пратэрміноўкі ў якасці спосабу забеспячэння выканання падатковых абавязацельстваў. Беручы пад увагу гэтую акалічнасць, трэба прызнаць правату тых спецыялістаў, якія разглядаюць падатковыя злачынствы як працяглыя [7, с. 40; 8, с. 209–210; 9, с. 79–80].

Заўважым, што пры абгрунтаванні працяглага характару злачынстваў, звязаных з невыкананнем абавязкаў па выплаце грашовых сродкаў, сягоння можна абапірацца не толькі на п. 1 пастановы 23-га Пленума Вярхоўнага Суда СССР ад 4 сакавіка 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делам и продолжаемым преступлениям», дзе пры пераліку працяглых злачынстваў прама паказваецца, сярод іншага, на зламыснае ўхіленне ад выплаты аліментаў, але і на зусім новы акт афіцыйнага судовага тлумачэння. У п. 20 пастановы Пленума Вярхоўнага Суда Расійскай Федэрацыі ад 25 снежня 2018 г. № 46 «Аб некаторых пытаннях судовай практыкі па справах аб злачынствах супраць канстытуцыйных правоў і свабод чалавека і гра-

мадзяніна (арт. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 КК РФ)» недвух-сэнсоўна адзначана, што тэрміны даўнасці крымінальнага праследавання за ўчыненне злачынства, прадугледжанага артыкулам 145.1 КК РФ (г. зн. за нявыплату зароботнай платы), лічацца з моманту яго фактычнага заканчэння, у прыватнасці з дня пагашэння запазычанасці, звальнення вінаватай асобы або яе часовага зняцця з пасады. Пры гэтым звальненне работніка, якому не выплачвалася зароботная плата, не ўплывае на падлік тэрмінаў даўнасці крымінальнага праследавання працадаўцы. Як відаць, Пленум у дадзеным выпадку не размяжоўвае невыкананыя абавязкі на «крымінальна-прававыя» і «некрымінальна-прававыя», а наадварот, лічыць, што суб'ект бесперапынна ўчыняе злачынства і пасля яго юрыдычнага сканчэння, г. зн. знаходзіцца ў тым самым «злачынным стане», што складае аснову крымінальна-прававой канструкцыі працяглага злачынства. І хоць абавязкі плаціць падаткі і зароботную плату рэгулююцца рознымі галінамі права, па сваім фактычным змесце яны цалкам аднолькавыя, таму аднолькавым павінен быць і падыход да крымінальна-прававой кваліфікацыі іх невыканання як працяглых злачынстваў.

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 765 с. [Вернуться к статье](#)
2. Соловьев И. Н. Налоговые преступления и преступность. М. : Экзамен, 2006. 526 с. [Вернуться к статье](#)
3. Молчанов Д. М. Длющиеся преступления: уголовно-правовая оценка в соответствии с принципом справедливости // Lex Russica. 2011. № 4. С. 741–752. [Вернуться к статье](#)
4. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений»; науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. М. , 2007. 336 с. [Вернуться к статье](#)
5. Марчук В., Белокопытов В. О некоторых вопросах правоприменительной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174 УК // Законность и правопорядок. 2017. № 1. С. 37–43. [Вернуться к статье](#)
6. Ivor J. Trestné právo hmotné. Zväzok 2: Osobitná časť. Bratislava : Iura Edition, 2006. 608 str. [Вернуться к статье](#)
7. Яни П. С. Длющиеся преступления с материальным составом (К вопросу о квалификации преступного уклонения от уплаты налогов) // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 40–42. [Вернуться к статье](#)
8. Шумихин В. Т. Конструктивные признаки длящегося преступления // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Юрид. науки. 2010. № 2. С. 207–210. [Вернуться к статье](#)
9. Корнеева А. В. К вопросу о длящихся преступлениях // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2015 г. М. : РГ-Пресс, 2015. С. 177–180. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

*И. И. Соколовска**доцент кафедры права и управления проектами
Колледжа Государственной полиции Латвии,
магистр юридических наук**В. А. Бригманис**доцент кафедры права и управления проектами
Колледжа Государственной полиции Латвии,
магистр юридических наук*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЗАВЕРШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РАЗУМНЫЙ СРОК ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ

В настоящее время в мире увеличился объем различных национальных и международных разбирательств, в том числе уголовно-процессуальных. Это характерно и для Латвии, которая является членом Европейского Союза с 2004 года. Такая тенденция, по нашему мнению, обуславливает необходимость поиска решений, способствующих более быстрому рассмотрению уголовных дел.

Одним из таких решений является современная инновационная технология — видеоконференцсвязь, использование которой дает возможность сократить время рассмотрения уголовных дел. Поэтому данная тема является актуальной.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с применением норм Уголовного процессуального закона Латвийской Республики относительно рассмотрения дел в разумные сроки. Для того, чтобы понять, есть ли у видеоконференцсвязи потенциал в уголовном процессе, проведены анализ опыта Латвии в использовании видеоконференций в уголовных процессах как на национальном, так и на международном уровне, а также интервью с сотрудниками правоохранительных органов и латвийскими судьями о внедрении и использовании видеоконференцсвязи в уголовно-процессуальных разбирательствах в Латвии.

Уголовно-процессуальный закон Латвии говорит о следующем (статья 14 «Право на завершение уголовного процесса в разумный срок» [1, с. 41]): любой человек имеет право на завершение уголовного процесса в разумный срок, то есть без неоправданной задержки. Разумный срок связан с объемами расследования, юридической сложностью, многочисленностью процессуальных действий, отношением задействованных лиц к своим обязанностям в уголовном про-

цессе и с другими объективными обстоятельствами. При проведении процесса следователь, прокурор или суд обязаны выбрать те процессуальные средства, которые в кратчайшие сроки приведут к определенному результату завершения дела. Авторы указывают, что проблема исполнения данной нормы заключается в том, что в связи с вышеупомянутыми обстоятельствами нередко не удается исполнить заданное в определенные сроки, задержка часто происходит в связи с невозможностью получить доказательственную базу, используя прямой метод общения, особенно если речь идет о межрегиональном или межгосударственном расследовании, судебными процессами. В этом случае необходимо использовать видеоконференцсвязь как средство быстрого достижения результата и продвижения хода досудебного следствия или судебного следствия.

Авторы указывают, что легитимное применение видеоконференцсвязи как средства получения доказательственной базы или быстрого проведения необходимых процессуальных действий важно утвердить определенными нормами закона. На уровне Европейского союза существует ряд международных законов, которые регулируют использование видеоконференцсвязи. Например, в области уголовного права — Конвенция Совета Европы о взаимной помощи по уголовным делам между государствами — членами Европейского союза от 29 мая 2000 года, принятая Советом в соответствии со статьей 34 Договора о Европейском союзе. В Латвии этот международный акт действует с 23 августа 2005 года. Несколько параграфов данного международного закона определяют сферу правовой основы для использования видеоконференцсвязи (статья 10 «Свидетельство о проведении видеоконференций» [2]). В содержание нормы включены условия проведения видеоконференций между государствами, т. е. лицо присутствует на территории одного государства-члена и должно давать показания в судебном процессе другого государства ЕС, но его личное присутствие на территории другого государства — нежелательно или невозможно. Для запроса другим государством ЕС материалов видеоконференций необходимы особые условия — проведение видеоконференций не должно противоречить основополагающим принципам национального права и государство должно располагать техническими средствами для предоставления доказательств, если таких возможностей нет, запрашивающее государство ЕС может предоставить такие средства на основе взаимного соглашения.

Договор о Европейском Союзе считается основополагающим международным правовым актом для использования видеоконференцсвязи. Согласно статье 34 этого Договора «государства-участники координируют свои действия в международных организациях и на

международных конференциях. На таких форумах они поддерживают позиции Союза. Эта координация организуется Высоким представителем Союза по иностранным делам и политике безопасности» [3].

Анализируя национальное законодательство, мы столкнулись с проблемой отсутствия одного общего нормативного акта, регулирующего проведение видеоконференций. Каждое учреждение, проводящее такое мероприятие, руководствуется своими внутренними нормативами, что осложняет тактику быстрого проведения расследования, например, проведение следственных действий. Хотя Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики предусматривает использование видеоконференций. В статье 140 говорится, что «руководитель процесса может выполнять процессуальные действия с использованием технических средств (телефонная конференция, видеоконференция), если этого требуют интересы уголовного процесса» [1, с. 107]. При проведении исследования нами констатирован и ряд других проблемных вопросов, исследование которых окажет положительное влияние на применение видеоконференцсвязи, например: высококачественное техническое обслуживание помещений для проведения следственных действий. Но чаще всего проблемы применения видеоконференций проявляются в уголовно-процессуальном аспекте при решении вопросов предварительного следствия для быстрого допроса лица и предъявления необходимых материалов.

Таким образом, внедрение видеоконференцсвязи является только частью решения проблемы достижения цели по внедрению принципа уголовного процесса — права на завершение уголовного процесса в разумный срок.

1. Уголовно-процессуальный закон Латвии [Электронный ресурс] : 1 окт. 2005 г. // Латвияс Вестнесис. 2005. 74 (3232). [Вернуться к статье](#)

2. Конвенция Совета Европы о взаимной помощи по уголовным делам между государствами — принятая Советом в соответствии со статьей 34 Договора о Европейском союзе [Электронный ресурс] // Латвияс Вестнесис. 2004. 69(3017). URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=217416> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс] : 7 февраля 1992 г. URL: <http://www.l2d.lv/leul.php?i=87460> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

И. А. Сороковик

*доцент кафедры теории и истории государства и права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат исторических наук, доцент*

ГЕНЕЗИС ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ

Лучшее осмысление современного развития уголовного права Республики Беларусь невозможно без знания его становления и развития, что позволяет понять основные тенденции его развития, а следовательно, предположить и его будущее развитие. Такой подход полностью относится и к возрасту уголовной ответственности по законодательству.

Уже в первом кодифицированном акте на территории ВКЛ — Судебнике Казимира 1468 г. — впервые со времен раннего Средневековья в ст. 1 отмечается, что при совершении отцом конкретного злодеяния «малый дети, ниже семи годов, тыи в том невинни» [1]. Другими словами, дети до семи лет не будут привлекаться к уголовной ответственности за совершенное отцом преступление. Эта норма намного гуманнее, чем норма «Русской Правды», когда за злодеяние отца к уголовной ответственности привлекали всех членов семьи, не обращая внимания даже на то, что они могли не знать о правонарушении отца. К тому же важно отметить, что если жена и дети не знали о воровстве отца, то «злоди трьпи, а жена и дети, и дом их невинень» (ст. 5) [2, с. 110].

Характерно, что законодатель на этом не остановился и в статутный период прописал нововведения. По Статуту 1529 г. был повышен возраст уголовной ответственности несовершеннолетних — после 12 лет, по Статуту 1566 г. — после 14, а по статуту 1588 г. — после 16 лет. К примеру, в ст. 11 р. XIV III Статута прописано: «Калі б здарылася, што шляхціц шаснаццаці гадоў, а не больш, быў абвінавачаны ў крадзяжы або прыведзены з рэчавымі доказамі, тады такому па маладосці гадоў яго не павінна быць гэта палічана за крадзёж і ён не можа быць аддадзены ў рукі ката і на катаванне». Однако это еще не означало отсутствие наказания за это воровство. За эту «шкоду» должны были нести наказание «бацька яго, або маці, або кроўныя». Эта же норма применялась и к «непаўналетнім дзецям простых людзей». В то же время этот Статут предусматривал иную меру наказания при повторном воровстве: «Аднак жа такі непаўналетні хлопец, калі б быў

злоўлены ў некалькіх выпадках крадзяжу з рэчавымі доказамі, такога суд павінен караць па свайму меркаванню, гэта значыць не смерцю, але якім-небудзь цялесным пакараннем» [3, с. 201]. Следовательно, с одной стороны, законодатель отличает первичный случай воровства, который мог быть осуществлен не осмысленно в силу несовершеннолетия, от рецидива, когда правонарушение явилось осмысленным деянием. Поэтому и различные виды наказания.

Анализируя нормы возраста уголовной ответственности по законодательству ВКЛ, следует признать очевидную гуманистическую тенденцию законодателя. Она была определена рядом фактором. Прежде всего, влиянием идей Возрождения и Реформации на развитие права Княжества.

Не меньшее значение имело и повышение уровня правовых знаний и правосознания. В XVI в. представители 77 семей Княжества с большим числом студентов получали высшее образование в лучших университетах Западной Европы [4, с. 79]. Одновременно в ВКЛ, пользуясь покровительством магнатории и великих князей, селились представители разных течений протестантизма, особенно кальвинисты, а также иезуиты.

В этот период в ВКЛ начинают зарождаться и товарно-денежные отношения, что также оказало влияние на развитие гуманистических норм права. Законодатель стал больше учитывать психолого-возрастные особенности несовершеннолетних («лета незупольные»), так как возраст совершеннолетия («лета зупольные») по законодательству Княжества наступал у мужчин с 18 лет, у женщин — с 15 лет (по Статуту 1566 г.) и с 13 лет (по Статуту 1588 г.), что влекло дееспособность.

В советский период времени законодатель не однозначно ставил к возрасту уголовной ответственности. «Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных Республик» 1924 г. запрещали применять к несовершеннолетним смертную казнь, ссылку, высылку и другие наказания.

Однако 7 апреля 1935 г. за № 3/598 было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В нем за ряд преступлений (совершение краж, причинение насилия, телесные повреждения, увечия, убийство или попытка убийства) была введена уголовная ответственность с 12-летнего возраста. В связи с этим отменялась ст. 8 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» [5], что нашло отражение в ст. 14 УК БССР.

В послевоенный период наблюдается определенная демократизация уголовного права, в том числе и по отношению к возрасту уго-

ловной ответственности. В 1960 г. был принят новый Уголовный кодекс БССР. Минимальный возраст наступления уголовной ответственности был повышен с 12 до 14 лет [6].

В соответствии со ст. 27 УК Республики Беларусь «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». В то же время законодатель предусмотрел уголовную ответственность в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет за 22 деяния, в том числе за: убийство (ст. 139); причинение смерти по неосторожности (ст. 144); умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147); изнасилование (ст. 166) и ряд иных [7, с. 18].

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что возраст уголовной ответственности по законодательству Беларуси в конкретный период истории определялся формой управления государством, его политическим режимом, уровнем социально-политического развития и правовой культурой как всех граждан, так и законодателей.

1. Судебник Казимира [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XV/1460-1480/Kazimir_IV/frameset.htm (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)
2. Вішнеўскі А. Ф., Юхо І. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. 311 с. [Вернуться к статье](#)
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2002. 207 с. [Вернуться к статье](#)
4. Бардах Ю. Литовские Статуты — памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М. : Наука, 1976. С. 71–93. [Вернуться к статье](#)
5. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 81. 1935. 8 апр. [Вернуться к статье](#)
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Верховным Советом БССР 29 дек. 1960 г. : введен в действие с 1 апр. 1961 г. (с изм. и доп. по сост. на 1 мая 1994 г.) / сост.: В. Божко, С. М. Колос. Минск : Репринт, 1994. 208 с. [Вернуться к статье](#)
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по состоянию на 3 марта 2017 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. 304 с. [Вернуться к статье](#)

П. В. Тепляшин

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России (Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОГО ТИПА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

Теоретическое выделение и рассмотрение уголовно-исполнительных систем Республики Беларусь и Российской Федерации обусловлено развитием сравнительно-правовой пенитенциарной науки, наличием типичных концептуальных подходов и направлений в сфере обращения с осужденными, использованием схожих методов исследования, процессом заимствования наиболее эффективных средств и методов исправления преступников и усилением международных контактов и взаимовлияний в этой сфере. Взглянуть в инновационном ключе на правоприменительную деятельность, сопутствующую реформированию сферы исполнения уголовных наказаний, позволяет исследование основных уголовно-исполнительных характеристик зарубежных пенитенциарных систем. Особый интерес представляет пенитенциарная система Республики Беларусь, поскольку данное государство и Россия находятся в тесных добрососедских отношениях, имеют во многом общие исторические корни и схожую уголовно-правовую политику.

С позиций метода сравнительного правоведения важно заметить, что среди многообразия правовых систем (семей) самостоятельное место занимает славянская правовая семья. При этом советская правовая система оказала значительное воздействие на национальные правовые системы многих постсоветских государств. Тесные геополитические, социально-экономические, демографические и культурно-исторические межгосударственные связи России с Белоруссией позволяют включить их в правовую семью «славянского» типа, что, в свою очередь, предопределяет выделение соответствующих правовых систем частного уровня, а именно — славянской пенитенциарной системы. При этом корректность использования термина «пенитенциарная система» обусловлена, во-первых, подчеркиванием цивилизационного и исторического подхода в исследовании феномена исправительного воздействия на осужденного, находящегося в местах лишения свободы, а во-вторых, акцентом на систему учреждений, ис-

полняющих уголовные наказания, связанные именно с изоляцией от общества.

Славянский тип пенитенциарной системы базируется на устойчиво консолидирующей цивилизационно-культурной платформе, элементами которой являются русская культура с определенными чертами общей исторической ментальности, русский язык, Русская православная церковь и русско-белорусская диаспора. При этом ряд известных компаративистов обосновывают существование славянской правовой семьи, для которой характерна культурно-историческая специфика славянских народов [1, с. 202–220]. Кроме того, с государственно-правовых позиций объединяющим фактором выступает такое уникальное для современного мира международно-правовое образование, как Содружество Независимых Государств.

Включение уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь в славянский тип пенитенциарных систем является авторской гносеологической позицией, которая, безусловно, не претендует на «истину в последней инстанции» и, возможно, заслуживает конструктивной критики, но призвана привлечь внимание научной общественности на перспективы исследования уголовно-исполнительной системы России и Беларуси именно в данном методологическом ракурсе.

Пенитенциарная система славянского типа до сих пор характеризуется слабым системным характером взаимодействия на межгосударственном уровне (например, в Беларуси Департамент исполнения наказания подведомственен МВД Республики Беларусь, тогда как в России Федеральная служба исполнения наказаний — Министерству юстиции Российской Федерации), но обладает исторически сложившимся и во многом незаменимым механизмом многоаспектного межнационального сотрудничества на постсоветском пространстве, значительным и долгосрочным латентным потенциалом сохранения культурно-правового суверенитета входящих в него пенитенциарных моделей. Совпадение интересов обеспечения совместной безопасности, в том числе за счет единообразных подходов в пенитенциарной практике, объективно обусловлено достигнутым существенным уровнем взаимной экономической, национальной, политической, международно-правовой, военно-стратегической культурно-правовой интеграции государств — членов СНГ.

Объединяющим фактором славянского типа пенитенциарной системы выступает наличие системообразующих правовых актов, в частности Модельного Уголовного кодекса и Модельного Уголовно-исполнительного кодекса.

Таким образом, славянская пенитенциарная система, охватывающая в том числе уголовно-исполнительные системы Республики Бе-

ларусь и Российской Федерации, является самостоятельным типом теории и практики воздействия на осужденное лицо, в котором система исполнения наказаний базируется на евразийской концепции, предполагающей органичное сочетание Западного и Восточного векторов развития пенитенциарной парадигмы, складывающейся веками на протяжении всей истории России и тесно связанных с ней стран.

Для славянского типа пенитенциарной системы традиционно характерна достаточно четкая правовая регламентация элементов прогрессивной системы. Как правило, прогрессивная система включает такие формы, как изменение условий отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение. Однако во многом достижение исправительного эффекта при применении прогрессивной системы строится на формальных подходах к степени исправления осужденного и, соответственно, неадекватной оценке возможностей реализации осужденными их субъективных прав и законных интересов.

Можно заключить, что уголовно-исполнительные системы Республики Беларусь и Российской Федерации, охватываемые славянским типом пенитенциарных систем, имеют технико-юридические и культурно-исторические особенности, отражающие более общие свойства правовой системы соответствующих государств: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование (соответственно, наблюдается преваширование «отрядно-колонийской» модели размещения осужденных в местах лишения свободы над «покамерно-тюремной»); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не его инструментом (как результат, обнаруживаются традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты, как «государство», «общество» и «личность», тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, а не автономны и самостоятельны (в итоге отсутствуют частные исправительные учреждения, присутствует достаточно крепкая криминальная субкультура в местах отбывания уголовных наказаний).

Таким образом, рассмотрение уголовно-исполнительных систем Республики Беларусь и Российской Федерации «в связке» позволяет по-новому взглянуть на особенности развития сферы исполнения уголовных наказаний в данных государствах, продемонстрировать перспективы внутренней интеграции относительно решения взаимовыгодных задач обеспечения безопасности и правопорядка, обнаружить

резервы дальнейшего развития и оптимизации соответствующих сфер исполнения уголовных наказаний.

1. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2010. 672 с. [Вернуться к статье](#)

А. И. Терских
доцент кафедры уголовного права
Уральского государственного
юридического университета (Россия, Екатеринбург),
кандидат юридических наук

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ
ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ
(на примере уголовного законодательства
Российской Федерации и Республики Беларусь)**

С появлением нового вида финансовых отношений, связанных с оборотом криптовалют, правоприменители столкнулись с проблемой их правовой оценки. Уголовно-правовые отношения в этом плане также не являются исключением, поскольку отрицать наличие криптопреступности [1, с. 52] в современных реалиях информационного общества бессмысленно.

На законодательном уровне в РФ не определены понятия криптовалют, криптовалютной деятельности, ее правовой природы, не решены вопросы о преступности и наказуемости деяний в сфере криптовалютных отношений. В связи с этим в государстве складывается ситуация, при которой правоохранительные органы вынуждены реагировать на посягательства в области оборота криптовалют на основании немногочисленных актов государственных органов, судебной практики и действующего уголовного законодательства.

Органами государственной власти на сегодняшний день предложены только направления дальнейшей деятельности в сфере криптовалютной деятельности. В частности, Минфин России в Публичной декларации целей и задач на 2018 год указал, что для повышения качества оказываемых финансовых услуг планируется определить статус цифровых технологий, включая регулирование криптовалют путем размещения токенов, расширить практику противодействия хищению денежных средств (утв. Минфином России 30.03.2018 г.). Об опасности использования криптовалют в экономической деятельности высказался Банк России в Информационном письме «О национальной оценке рисков ОД/ФТ» от 14.08.2018 г.: криптовалюты могут использоваться на различных этапах движения наркодоходов, включая расчеты наркопотребителей за наркотики, легализацию полученного преступного дохода и распределение денежных средств между организаторами ОПГ, а также выплату вознаграждений закладчикам, наркокурьерам, работникам нарколабораторий.

В судебной практике РФ отсутствует единая позиция относительно правовой природы криптовалюты. А вместе с тем признание ее «иным объектом гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ) позволило бы конкретизировать предмет и объект преступления в случаях неправомерных посягательств, к примеру на криптокошельки граждан и организаций. Доводы судов в отношении правовой природы криптовалюты можно обобщить по двум направлениям: 1) действия в отношении криптовалюты близки к полномочиям собственника, предусмотренным ч. 2 ст. 35 Конституции РФ и ст. 209 ГК РФ (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017); 2) отсутствие в системе криптовалюты контролирующего центра и анонимность пользователей криптовалют, невозможность установления принадлежности криптовалюты конкретному лицу — факторы, препятствующие отнесению криптовалюты к объектам гражданских прав (Определение Арбитражного суда города Москвы от 05.03.2018 г. по делу N А40 124668/17 71-160 Ф).

Вместе с тем есть и еще одно направление деятельности судебных органов, которое касается признания информации о криптовалюте, распространяемой путем размещения в сети Интернет, информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено. Обращаясь в судебные инстанции, надзорные органы аргументируют свою позицию тем, что криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью, не содержит информации о ее держателях, процесс выпуска и обращения полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, что противоречит федеральному законодательству (Определение № 57-КГ18-1 из «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018)», Решение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга от 05.09.2017 г. № 2 8532/17).

Законодательством же РФ вопросы о правовой природе криптовалюты и связанных с ней экономических отношениях нашли отражение в Декрете № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. Согласно Декрету криптовалюта — это биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. В свою очередь, цифровой знак (токен) определен как запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав. Таким образом понятие криптовалюты в Декрете сводится к цифровой репрезентации определенного гражданского права, реализованной на базе технологии блокчейн [2].

По действующему уголовному законодательству РФ и РБ специальных составов преступлений в сфере оборота криптовалют нет. Однако выделить ряд составов преступлений, позволяющих привлекать лицо к уголовной ответственности за данные посягательства, можно лишь исходя из особенностей, которые присущи данной группе преступлений. На наш взгляд, ключевые признаки заключаются в следующем:

1) в качестве основных объектов посягательств в сфере незаконного оборота криптовалюты могут выступать: право собственности, экономическая деятельность, интересы службы в коммерческих и иных организациях, общественная безопасность, безопасность компьютерной информации, безопасность государства, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления;

2) криптовалюта выступает в качестве предмета или используется в качестве средства совершения преступления;

3) преступления совершаются посредством использования информационно-телекоммуникационной среды (сети Интернет).

Таким образом, охрана интересов личности, общества и государства в сфере криптовалютных отношений возможна посредством привлечения к уголовной ответственности по следующим составам преступлений:

1) ст. 163, 165, 204, 204.2, 272, 273, 290, 291, 291.2 УК РФ, ст. 208, 216, 252, 349, 350, 430, 431, 433 УК РБ, где криптовалюту можно рассматривать в качестве предмета преступления;

2) ст. 158-162, 172.2, 174, 174.1, 185.3, 185.6, 205.1, 282.3 УК РФ, ст. 205–207, 209–212, 226/3, 235, 290/1 УК РБ, где криптовалюта используется в качестве средства совершения преступления.

1. Долгиева М. М. Система преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты в Российской Федерации // Вестн. ДВЮИ МВД России. 2018. № 3 (44). С. 52–55. [Вернуться к статье](#)

2. Савельев А. И. Комментарий на положения о регулировании операций с криптовалютами и иных отношений, основанных на технологии «Блокчейн» Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» № 8 от 21 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/articles/213716092> (дата обращения: 28.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*И. О. Ткачев
доцент кафедры уголовного права
Уральского государственного
юридического университета (Россия, Екатеринбург),
кандидат юридических наук*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТОВ СУДЕБНОГО ШТРАФА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОМПЕНСАЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уголовное законодательство РФ и РБ переживает период реформации, обусловленный поиском наиболее оптимальных моделей реализации уголовной ответственности. В этой связи особый интерес вызывают близкие по своему содержанию институты уголовно-правовой компенсации (УК РБ) и судебного штрафа (УК РФ).

Институт уголовно-правовой компенсации введен Законом РБ от 05.01.2015 г. № 241-З. Появление в УК РБ указанной категории является следствием реализации п. 16.10 Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 г. № 672. Хотя в специальной литературе предложения о введении соответствующего правового института встречались и ранее [1, с. 6].

В соответствии с ч. 16 ст. 4 УК РБ под уголовно-правовой компенсацией понимается мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности.

Правовая природа уголовно-правовой компенсации и ее социальное назначение точно не определены [2, с. 17]. Уплата компенсации выступает условием освобождения от уголовной ответственности или элементом содержания одной из форм ее реализации (условного не применения наказания).

В этой связи более удачным выглядит решение, содержащееся в Федеральном законе от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ, которым УК РФ был дополнен не только ст. 76.2, предусматривающей самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности, но и главой 15.2, которая относит судебный штраф к иным мерам уголовно-правового характера.

Напротив, в РБ в связи с введением рассматриваемой категории не стали создавать новое основание освобождения от уголовной ответственности. Уплата компенсации предусмотрена ч. 1 ст. 88 УК РБ как проявление деятельного раскаяния в качестве формы заглаживания вины перед обществом (ч. 16 ст. 4 УК РБ).

При этом условия освобождения, предусмотренные ст. 76.2 УК РФ и ч. 1 ст. 88 УК РБ, имеют много общего: законодатель связывает возможность освобождения с совершением преступления определенной категории (не относящегося к тяжкому или особо тяжкому) впервые, а также возмещением вреда, причиненного таким преступлением.

Вместе с тем указанные нормы имеют и принципиальное различие. Все основания освобождения от уголовной ответственности по УК РБ являются безусловными и не ставятся в зависимость от дальнейшего поведения лица после принятия соответствующего решения. Уголовно-правовая компенсация выплачивается виновным путем внесения денежных средств на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, в течение трех дней с момента получения соответствующего уведомления (ч. 2 ст. 263 УПК РБ). До внесения денежных средств на депозит решение об освобождении от уголовной ответственности не может быть принято.

В то же время, согласно ст. 76.2 УК РФ уплата судебного штрафа производится после освобождения лица от уголовной ответственности. При этом подразумевается, что исполнение соответствующей обязанности должно производиться добровольно в подтверждение факта исправления лица. В связи с этим неисполнение без уважительных причин обязанности по уплате судебного штрафа в установленный судом срок является основанием для отмены освобождения и привлечения лица к уголовной ответственности.

Принудительное взыскание судебного штрафа противоречит его правовой природе. Впрочем, данные судебной статистики свидетельствуют, что в 2017 г. судами РФ было назначено 279 379 976 руб. судебного штрафа, из которых добровольно уплачено 107 273 695 руб., а принудительно — 63 856 120 руб. За первое полугодие 2018 г. из 226 125 766 руб. судебного штрафа добровольно было уплачено 91 054 303 руб., принудительно — 51 493 001 руб. При этом, несмотря на то, что неуплата судебного штрафа является единственным основанием его отмены, за 2017 г. было отменено всего 328 постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи назначением судебного штрафа, а за первое полугодие 2018 г. — 324 таких постановления [3].

Согласно ч. 1 ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотрен-

ного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если штраф санкцией не предусмотрен, размер судебного штрафа определяется судом и не может быть более 250 000 рублей. В то же время размер компенсации при освобождении от уголовной ответственности определен законодателем в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда). Иными словами, в отличие от судебного штрафа по УК РФ, размер уголовно-правовой компенсации привязан не к размеру наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части, а к размеру причиненного преступлением ущерба (вреда), что более соответствует его восстановительной природе. При этом обязанность по уплате уголовно-правовой компенсации возлагается на лицо, совершившее преступление, независимо от усмотрения должностного лица органа, ведущего уголовный процесс. Размер такой компенсации также является фиксированным и не может быть изменен. При этом удачным решением законодателя представляется ограничение минимального размера компенсации (30 базовых величин), чего не было сделано применительно к судебному штрафу в УК РФ.

Однако установление уплаты уголовно-правовой компенсации в качестве обязательного условия освобождения от уголовной ответственности независимо от характера причиненного преступлением вреда, роли лица в совершенном им преступлении, личности виновного и его материального положения ставит под сомнение соблюдение принципа справедливости [4, с. 248]. В свою очередь указанные критерии заданы в ч. 2 ст. 104.5 УК РФ, что более отвечает задачам индивидуализации уголовной ответственности.

1. Василевич Г. А. Оптимизация мер уголовной ответственности — важнейший фактор влияния на криминогенную ситуацию // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2010. 303 с. [Вернуться к статье](#)

2. Барков А. В. Совершенствование мер уголовной ответственности: планы и результаты // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 239 с. [Вернуться к статье](#)

3. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Новикова Е. В. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Актуальные проблемы юридического образования в контексте обучения альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека : материалы междунар. науч.-метод. конф., Минск, 29 нояб. — 3 дек. 2016 г. / редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 359 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.79

*А. А. Харламова**заместитель начальника кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России (Екатеринбурга),
кандидат юридических наук, доцент*

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений уголовной политики многих государств, в том числе Российской Федерации и Республики Беларусь. Согласно рекомендациям межправительственной организации под названием Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force of Money Laundering — FATF) национальное законодательство должно рассматривать отмывание денег как уголовное преступление [1]. Во исполнение этих рекомендаций в УК РФ была включена норма, предусматривающая ответственность за легализацию, затем был принят Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2], и ратифицирована Страсбургская конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. [3].

На сегодняшний день Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [4] содержит ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» и ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления». В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК РБ) [5] охране аналогичных отношений посвящена ст. 235 «Легализация (“отмывание”) средств, полученных преступным путем».

Надо сказать, что уголовно-правовые нормы об ответственности за отмывание денежных средств или иного имущества вызывают достаточно много проблем при их применении. И в первую очередь это обусловлено непониманием сущности такого явления, как легализация.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, характеризуется не только прямым умыслом, но и специальной целью — приданием правомерного вида владению, пользова-

нию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом. Следовательно, в деле должны присутствовать доказательства того, что посредством совершения финансовых операций придается правомерность владению, пользованию и распоряжению имуществом, добытым преступным путем, о чем могут свидетельствовать характер сделок, их количество, достигаемый эффект маскировки [6, с. 18]. Если же действия лица не направлены на вуалирование происхождения имущества и состоят просто в их вложении, то состав легализации отсутствует. Однако это не всегда учитывается следственными органами при выявлении признаков легализации и квалификации действий виновных. Имеют место случаи, когда достаточно внимания уделяется установлению факта совершения финансовых операций, но остается за пределами расследования установление обстоятельств, свидетельствующих о намерении придать легальный статус имуществу, приобретенному в результате совершения преступления.

Так, приговором Котовского городского суда Тамбовской области А. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228¹, ч. 1 ст. 228 и ч. 1 ст. 174¹ УК РФ. Исходя из материалов дела, А. незаконно передавал и сбывал наркотические средства. На полученные в результате продажи наркотических средств 1200 руб. он приобрел в ювелирном магазине золотое кольцо. Судебная коллегия Верховного Суда РФ по уголовным делам пришла к выводу о неправильности квалификации по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ действий А. по приобретению золотого кольца на средства, полученные в результате совершения преступления, указав, что для такой квалификации необходимо совершение действий с доходами, полученными от незаконной деятельности таким образом, чтобы источники этих доходов казались законными, а равно наличие действий, направленных на сокрытие незаконного происхождения таких доходов. А так как действия А. были направлены лишь на приобретение имущества и он не имел цели придания правомерного вида владению деньгами, полученными в результате совершения преступления, то состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174¹ УК РФ, отсутствует [7, с. 24].

Аналогичная ошибка была допущена Бежицким районным судом г. Брянска, приговором которого С. за приобретение карты для оплаты услуг сотовой связи на полученные от сбыта наркотических средств денежные средства был признан виновным в легализации (отмывании) денежных средств, приобретенных им в результате совершения преступления. Рассмотрев дело в порядке надзора, Верховный Суд отменил приговор в части осуждения по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ [8, с. 18].

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума № 32 от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации

(отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указывает на необходимость установления цели придания правомерности виду владения (п. 2, 5, 7, 8, 10 постановления) и резюмирует: «О направленности умысла на легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), не свидетельствует распоряжение ими в целях личного потребления (приобретение продуктов питания, товаров первой необходимости, получение бытовых услуг и т. п.)» [9].

В ст. 235 УК Республики Беларусь в диспозиции нормы прямо прописано, что совершение финансовых операций должно осуществляться в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности средств, полученных заведомо преступным путем, и, возможно, такое указание упрощает правоприменение.

1. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. М. : МУМЦФМ, 2012. [Вернуться к статье](#)

2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федер. закон, 7 авг. 2001 г., № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3418. [Вернуться к статье](#)

3. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N 141 [Страсбург, 8 ноября 1990 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 203. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

6. Журбин Р. Расследование легализации преступных доходов // Законность. 2006. № 2. С. 17–19. [Вернуться к статье](#)

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2008 г. № 13-Д08-2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 7. [Вернуться к статье](#)

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2007 г. № 83-Д06-20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1. [Вернуться к статье](#)

9. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федер., 7 июля 2015 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9. [Вернуться к статье](#)

Б. А. Херцмане
доцент кафедры правовых дисциплин
Колледжа Государственной полиции Латвийской Республики
m. iur; m. educ. sc.

ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Согласно статье 94 Конституции Латвийской Республики, каждый человек имеет право на свободу и неприкосновенность личности. Право на неприкосновенность личности является отдельной гарантией права на свободу и применимо к обязательству государства по обеспечению общей безопасности в стране, а также безопасности личности от угроз или нападений третьих лиц [1]. Насилие и проблемы, связанные с его проявлениями, существуют до тех пор, пока существует человек. В настоящее время выделяют различные формы насилия. Всемирная организация здравоохранения определяет насилие как преднамеренное использование силы против себя, другого человека, группы или сообщества, которое причиняет травму, смерть, психологический вред, нарушение развития. В частности, нельзя забывать о латентной природе данного негативного социального феномена. Физическое насилие, которое имеет негативные последствия для здоровья, относительно легко распознать. Эмоциональное насилие обнаружить очень трудно, ведь следы такого воздействия не очевидны. При материальном составе преступление в качестве обязательного признака требуется установить причинно-следственную связь между поведением правонарушителя (действием или бездействием) и его последствиями — в данном случае последствиями эмоционального насилия над человеком. Именно определение причинно-следственной связи и отсутствие критериев в таких случаях усложняют квалификацию эмоционального насилия. Причинно-следственная связь в уголовном праве понимается как объективная связь между незаконным поведением человека и вредными последствиями этого действия. Чтобы обвинять человека в совершении преступления, необходимо, чтобы он должен был быть осведомлен о такой причинно-следственной связи или, по крайней мере, знал о вероятности возникновения этих последствий. Эмоциональное насилие в контексте уголовной ответственности мало изучено, поэтому в данной статье автором уделено внимание уточнению и сопоставлению определенных концепций, а также возможных квалификационных решений в случае

эмоционального насилия. Термин «насилие» часто используется как в Общей, так и в Специальной части Уголовного закона (далее — УЗ) и обычно понимается как физическое насилие и воздействие на жертву, хотя термин «насилие» охватывает все формы насилия (физическое, сексуальное, эмоциональное и экономическое). Говоря конкретно об эмоциональном насилии, УЗ не дает юридических объяснений понятия «эмоциональное насилие», поэтому особенно важно выявить признаки эмоционального насилия и их отражение в уголовном праве. В различных литературных источниках эмоциональное насилие определяется как любое словесное, эмоциональное или психологическое домогательство, такое как регулярная угроза, физическая или сексуальная угроза, похищение ребенка, клевета, преследование (выслеживание, ожидание у дома, на работе, обычное и регулярное), нежелательные звонки и текстовые сообщения или сообщения по электронной почте). Конкретное определение эмоционального насилия дано в Законе о защите прав ребенка: эмоциональное насилие — это нарушение чувства собственного достоинства или психологическое воздействие на ребенка (угроза ему, ложь, унижение в присутствии ребенка близкого человека или иное вредное воздействие его эмоциональное развитие) [2].

В УЗ используются следующие термины: «угроза насилия», «преследование», «психическое страдание». Продолжая исследовать эти термины с точки зрения уголовного права, можно сделать вывод, что эмоциональное насилие в рамках УЗ можно квалифицировать как смягчающее обстоятельство, как привилегированное обстоятельство правовых норм и как самостоятельное уголовное преступление.

В 2016 году Латвия концептуально присоединилась к Конвенции Совета Европы о прекращении насилия в отношении женщин и насилия в семье и борьбе с ним (далее — Стамбульская конвенция), которая ставит вопрос об уголовной ответственности за все формы насилия, включая эмоциональное насилие.

В соответствии со статьей 47 УЗ, суд при определении наказания или прокурор при составлении наказания принимает во внимание смягчающие обстоятельства. Смягчающие обстоятельства характеризуют особенности совершенного преступления или лица, совершившего его, или особенности, которые должны быть приняты во внимание при определении приговора. Наличие этих обстоятельств является основанием для более легкого наказания виновного в рамках санкции статьи УЗ. Пункт 5 статьи 47 УЗ гласит, что смягчающее обстоятельство возможно, когда преступление совершается из-за незаконного или аморального поведения жертвы, т. е. эмоциональное насилие в отношении преступника стало катализатором следующего другого

(физического или сексуального) насилия. Это обстоятельство обязательно должно учитываться при определении цели справедливого урегулирования уголовного права при определении основного агрессора.

Статья 120 УЗ предусматривает ответственность за убийство в привилегированных обстоятельствах, а именно за убийство, совершенное в состоянии сильного психического возбуждения, если жертва была сильно оскорблена преступником. Аналогичным образом привилегированные условия также упоминаются в статье 127 УЗ, которая предусматривает ответственность за телесные повреждения, нанесенные в состоянии сильного психического возбуждения. Из содержания этих норм следует, что привилегированные условия нормы формируются эмоциональным насилием со стороны жертвы.

Ряд норм, которые предусматривают ответственность за ущерб, причиненный жизни или здоровью человека, за эмоциональное насилие, посвящены отдельным уголовным преступлениям. Например, статья 124 УЗ предусматривает ответственность за доведение до самоубийства или попытки самоубийства путем жестокого обращения с жертвой, систематического унижения ее личного достоинства. Статья 132 УЗ предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством или за угрозу нанесения телесных повреждений, если есть основания опасаться, что угроза может быть осуществлена. Однако эти статьи не охватывают все случаи эмоционального насилия, указанного в Стамбульской конвенции. Например, преследование. Относительно преследования какого-либо лица статья 34 Стамбульской конвенции требует принятия законов и других мер, необходимых для обеспечения того, чтобы такое преднамеренное поведение, когда жертва опасается за свою безопасность, признавалось уголовным преступлением. В Стамбульской конвенции говорится, что преследование — это любая повторяющаяся угроза конкретному человеку. Это многократное отслеживание другого человека, вступление в нежелательный контакт с ним или сообщение ему о том, что за ним следят. Это может быть физическое отслеживание жертвы по прибытии на рабочее место, в спортивное или образовательное учреждение, а также отслеживание жертвы в виртуальной среде (чаты, сайты социальных сетей и т. д.). Связи этим УЗ был дополнен новой статьей 132.1 «Преследование», которая предусматривает уголовную ответственность за многократные или долгосрочные слежку, угрозы или нежелательное общение с другим человеком, если у этого человека были основания бояться за свою безопасность или безопасность его родственников. При расследовании данного преступления необходимо установить, что действия были настойчивыми и продолжительными, поэтому для их

инкриминирования необходимо зафиксировать как минимум два эпизода преследования. Так как существенным элементом статьи 132.1 УЗ является опасение жертвы за свою безопасность, может быть проблематично доказать субъективную сторону — намерение запугать, вызвать беспокойство и страх. Это означает, что должны существовать объективные обстоятельства, свидетельствующие о том, что преследователь мог причинить вред преследуемому или его родственникам.

Признаки эмоционального насилия также очевидны в нормах УЗ, которые предусматривают ответственность за умышленное нанесение телесных повреждений. В связи с поправками, вступившими в силу 1 января 2018 года, в 3 Приложении к Закону «О порядке вступления в силу и применения уголовного закона» содержится объяснение механизма телесных повреждений, в котором, среди прочего, говорится, что психические травмы или травмы, вызванные психическими последствиями, сопоставимы с телесными повреждениями [3].

Как уже упоминалось выше, в статье указан некий общий криминальный аспект эмоционального насилия и предлагается квалификационное решение. Еще одно заслуживающее внимания понятие — это использование одного или нескольких признаков эмоционального насилия, таких составов преступления, в которых квалифицирующим признаком преступления является угроза насилия.

1. Latvijas Republikas Satversme: Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis. 1993. Nr.43. [Вернуться к статье](#)

2. Bērnus tiesību aizsardzības likums [Elektroniskais resurss]. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id> (pārsūdzības datums: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību : Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis. 04.11.1998. [Вернуться к статье](#)

Т. Г. Черненко

*заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кемеровского государственного университета (Россия),
доктор юридических наук, профессор*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

К числу сложных единичных преступлений относятся длящиеся преступления. Длящимся является преступление, которое начинается с акта противоправного действия или бездействия и, не оканчиваясь этим моментом, непрерывно осуществляется, образуя «преступное состояние» лица, до момента его прекращения по воле лица или по обстоятельствам, не зависящим от его воли [1, с. 121].

В научной литературе большинством авторов обоснованно выделяется юридическое и фактическое окончание длящегося преступления. Юридическое окончание имеет место с момента, когда в деянии лица появляются все признаки состава оконченного преступления (так, например, с момента начала незаконного хранения оружия наличествует юридическое окончание указанного преступления). Фактическое же окончание длящегося преступления может осуществиться с большим разрывом во времени с моментом юридического окончания преступления. Оно означает прекращение так называемого преступного состояния лица, являющегося сутью длящегося преступления, его специфической особенностью. Фактическое окончание длящегося преступления может осуществляться по воле лица, его совершающего, или по обстоятельствам, не зависящим от его воли. Удачная, на наш взгляд, классификация случаев прекращения «преступного состояния» была представлена С. А. Силаевым, который делит случаи прекращения преступного состояния на две группы: действия и события, — а затем в рамках указанных классификационных групп выделяет разновидности действий и событий [2, с. 150]. К числу действий автор относит правомерные действия самого виновного, направленные на прекращение «преступного состояния»; правомерные действия уполномоченных субъектов или потерпевшего; неправомерные действия виновного; неправомерные действия третьих лиц. В группе же событий в рамках указанной классификации выделяются утрата виновным признаков субъекта преступления; утрата запрещенных к хранению предметов по не зависящим от чьей бы то ни было воли причинам; снятие государством запрета на хранение тех или иных предме-

тов; естественная смерть потерпевшего; отпадение обязанности, невыполнение которой образует состав длящегося преступления [2, с. 150].

При фактическом окончании длящегося преступления (при наличии любого из обстоятельств, в силу которых это происходит) прекращается непрерывное его осуществление, перестает воспроизводиться объективная сторона состава преступления.

Правильное установление момента окончания длящегося преступления имеет немаловажное значение для решения ряда уголовно-правовых вопросов.

В частности, установление момента окончания длящегося преступления необходимо для решения вопроса о начале исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности. В научной литературе было высказано мнение, что в случае совершения длящихся преступлений сроки давности привлечения к уголовной ответственности следует исчислять с акта преступного деяния, которым начинается длящееся преступление [3, с. 8; 4, с. 5–6], то есть с момента юридического окончания преступления. Подобная позиция вызывает возражение, поскольку ее реализация в правоприменительной деятельности могла бы привести к тому, что после истечения срока давности, исчисляемого с момента начала совершения длящегося преступления, продолжение совершения длящегося преступления, по верному замечанию Ю. М. Ткачевского, станет легальным поведением (например, незаконное хранение оружия) [5, с. 189], что, безусловно, недопустимо. Не случайно в настоящее время преобладающей в доктрине уголовного права является позиция, в соответствии с которой сроки давности привлечения к уголовной ответственности применительно к длящимся преступлениям следует исчислять с момента фактического прекращения данного вида преступления.

С фактическим окончанием длящегося преступления связано решение вопроса о применении положений об обратной силе уголовного закона. Обратная сила уголовного закона (более мягкого в сравнении с предыдущим) распространяется на лиц, совершивших длящиеся преступления, которые были не только юридически, но и фактически окончены к моменту вступления в силу нового уголовного закона.

Освобождение от уголовной ответственности в силу акта амнистии также связано с фактическим окончанием длящегося преступления, которое должно состояться до издания акта амнистии, поскольку иное решение вопроса означало бы необоснованное проявление государственного гуманизма к лицу, чье преступное деяние продолжало осуществляться и после издания акта амнистии.

Фактическое окончание длящегося преступления необходимо учитывать при решении вопроса о назначении наказания за множественность преступлений. В правоприменительной практике встречаются ситуации, когда длящееся преступление началось до вынесения приговора за другое совершенное лицом преступление и продолжилось после вынесения приговора за это преступление. В таком случае, поскольку длящееся преступление фактически продолжало осуществляться и после вынесения приговора по другому делу, наказание должно назначаться с учетом фактического окончания преступления, по правилам статьи 70 УК РФ — по совокупности приговоров.

Заслуживают уголовно-правового поощрения лица, добровольно прекратившие совершение длящегося преступления, в связи с чем мы считаем обоснованным предложение «предусмотреть в законе специальное... основание освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших любые длящиеся преступления (а не некоторые, как это имеет место сегодня), которое сводилось бы к добровольному прекращению такими лицами своего “преступного состояния”», если это не связано с учинением нового преступления» [2, с. 152–153]. Разумеется, подобный вид освобождения от уголовной ответственности должен конструироваться с учетом категории преступлений.

1. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: Вопросы теории и практики: монография. Кемерово : КемГУ, 2012. 188 с. [Вернуться к статье](#)

2. Силаев С. А. К вопросу об окончании длящегося преступления // Российский юридический журнал. 2013. № 3 (90). С. 146–153. [Вернуться к статье](#)

3. Дурманов Н. Д. Давность и погашение судимости. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 24 с. [Вернуться к статье](#)

4. Зыков В. Истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности за длящиеся преступления // Советская юстиция. 1968. № 10. С. 5–6. [Вернуться к статье](#)

5. Ткачевский Ю. М. Освобождение от уголовной ответственности // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2 : Учение о наказании ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. [Вернуться к статье](#)

И. Е. Чупин
оперуполномоченный ОНПТЛ КМ УВД
администрации Октябрьского района г. Минска (Беларусь)

**АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ
ПО СООБЩЕНИЯМ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ОБ УТРАТЕ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ, СОДЕРЖАЩИХ
В СВОЕМ СОСТАВЕ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА,
ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА ПРИ ОТСУТСТВИИ
ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ (ст. 330 УК
Республики Беларусь)**

В настоящее время в связи с небольшим числом зарегистрированных материалов проверок (28 материалов) по фактам утраты в учреждениях здравоохранения лекарственных препаратов, содержащих в своем составе наркотические средства, психотропные вещества, отсутствует выработанная практика по разрешению сотрудниками ОВД таких материалов проверок, и зачастую при поступлении сообщения о происшествии указанной категории сотрудник ОВД будет поставлен в затруднительное положение, связанное с отсутствием не только у него, но и у коллег какого-либо опыта по действиям в сложившейся ситуации.

При получении от должностных лиц учреждений здравоохранения сообщения об утрате лекарственных препаратов, содержащих в своем составе наркотические средства, психотропные вещества, если отсутствуют какие-либо сведения, указывающие на то, что лекарственные препараты были похищены и наиболее вероятная версия произошедшего — это их утрата по неосторожности медицинского персонала, произошедшее событие следует рассматривать с позиции ст. 330 УК Республики Беларусь. Всего за период времени с 2002 по 2018 год зарегистрировано 64 материала проверки по ст. 330 УК Республики Беларусь, из которых под описанную ситуацию подпадают 28. По указанным материалам проверок принято 4 решения об отказе в ВУД (все на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь), принято решение о ВУД — по 24 материалам проверок. Из числа возбужденных уголовных дел прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК — 9, на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК — 6, по иным основаниям — 2, передано прокурору для направления в суд — 7 уголовных дел.

При принятии решения по материалу проверки следует учитывать, что в соответствии с п. 14 постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 51 от 28.12.2004 г. (далее — Постановление) в местах хранения наркотических средств и психотропных веществ (на постах медицинских сестер отделений больниц и в процедурных кабинетах больниц и поликлиник) наркотические средства и психотропные вещества хранятся в сейфах или металлических шкафах, прикрепленных к стене или полу. В соответствии с п. 15 Постановления в рабочее время сейфы и металлические шкафы должны быть закрыты на замок. Ключи от помещений, сейфов и металлических шкафов должны находиться у ответственных работников. В соответствии с п. 16 Постановления на постах медицинских сестер отделений больниц на ночь ключи от сейфов (металлических шкафов) передаются дежурной медицинской сестре, о чем делается соответствующая запись в журнале передачи ключей, печатей или пломбиров и содержимого сейфа (металлического шкафа, холодильника) [1]. Иных конкретных правил, связанных с деятельностью медицинского персонала при оказании медицинской помощи, не содержится.

Из полученного в рамках одного из материалов проверки ответа Министерства здравоохранения Республики Беларусь о предоставлении разъяснений положений п. 15, п. 48, п. 51 Инструкции о порядке приобретения, хранения, реализации и использования наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях, утвержденной Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28.12.2004 г. № 51, следовало, что в соответствии с п. 43 Правил подготовки проектов НПА, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11.08.2003 г. № 359 в НПА не формулируются индивидуальные правила, а также не используется чрезмерная детализация формулировок, поэтому в Инструкции не указано, где именно должны находиться ключи от сейфа, не расписано движение медицинского персонала при оказании им медицинской помощи. При проведении реанимационных мероприятий ключ от сейфа должен находиться у ответственного работника и мероприятия по выдаче, учету, оформлению медицинской документации, возврату использованных ампул должны находиться под его контролем. В экстренных случаях при оказании медицинской помощи пациентам выполняются устные назначения, а затем оформляется медицинская документация.

Следует учитывать, что разработанные в учреждении здравоохранения локальные правовые акты, скорее всего, фактически продублируют положения Инструкции о порядке приобретения, хранения, реализации и использования наркотических средств и психотропных веществ, и конкретных положений содержать не будут. Так, в них не

будут сформулированы конкретные индивидуальные правила, не будет расписано движение медицинского персонала при оказании им медицинской помощи.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние, характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания. В соответствии со ст. 26 УК Республики Беларусь деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего деяния, либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 330 УК Республики Беларусь, характеризуется прямой причинно-следственной связью между совершенным деянием и наступившими последствиями в виде утраты лекарственных средств, содержащих в своем составе наркотические средства, психотропные вещества [2]. Из сказанного следует, что установить конкретное правило (пункт), которое нарушено (что является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 330 УК Республики Беларусь) в сложившейся ситуации и состоит в прямой причинно-следственной связи с утратой лекарственного препарата, будет затруднительно и, скорее всего, невозможно. Таким образом, в настоящее время Инструкция о порядке приобретения, хранения, реализации и использования наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях нуждается в совершенствовании.

1. Об утверждении Инструкции о порядке приобретения, хранения, реализации и использования наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 28 дек. 2004 г., № 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

В. А. Шеслер
адъюнкт Сибирского юридического
института МВД России (Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ХИЩЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 229 УК РФ, И ЕГО ВЛИЯНИИ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» установлен особый порядок оборота наркотических средств и психотропных веществ. Исходя из терапевтической полезности, широты использования в медицине и степени воздействия на организм человека, эти средства и вещества полностью изъяты из гражданского оборота либо ограничены в нем. В зависимости от применяемых государством мер контроля в Перечне наркотических средств и психотропных веществ предусмотрено 3 списка [1]. Оборот средств и веществ, включенных в 1-й список Перечня, полностью запрещен в Российской Федерации. Средства и вещества, включенные во 2 список Перечня, ограничены в обороте с установлением в отношении них мер контроля. Психотропные вещества, включенные в 3-й список Перечня, также ограничены в обороте, но в отношении них допускается исключение некоторых мер контроля.

Оборот наркотических средств и психотропных веществ полностью запрещен либо ограничен в связи с тем, что эти средства и вещества обладают специфическими свойствами воздействия на центральную нервную систему: угнетающим, возбуждающим, галлюциногенным. В случае немедицинского потребления такое воздействие становится опасным для человеческого организма, так как вызывает психическую и физиологическую зависимость, ухудшает состояние здоровья, при передозировке влечет летальный исход.

Имущество, изъятое или ограниченное в гражданском обороте, обнаруживает не столько экономические, сколько иные свойства собственности (как элемента общественной безопасности, общественной нравственности и т. д.) [2]. Именно специфические свойства наркотиков, представляющие опасность для общества, повлияли на определение объекта уголовно-правовой охраны при их хищении, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения, связанную с немедицинским потреблением наркотиков. В связи с этим уголовная ответственность за хищение наркотиков выделена из массива имущественных хищений и

предусмотрена в отдельной статье Главы 25 УК РФ, устанавливающей наказание за преступления против здоровья населения и общественной нравственности.

К уголовной ответственности за хищение наркотических средств или психотропных веществ виновные лица привлекаются вне зависимости от размера похищенного средства или вещества. Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 229 УК РФ неважно, в какой список Перечня занесено похищенное наркотическое средство или психотропное вещество. Особенность данного состава преступления, в сравнении с хищениями других предметов, изъятых из оборота или ограниченных в обороте (оружие, ядерные материалы и др.), заключается в том, что законодатель дифференцирует уголовную ответственности за хищение наркотиков исходя из их качественных и количественных характеристик. Качественные характеристики влияют на определение стадии совершения преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ. Количественные характеристики: значительный, крупный или особо крупный размеры наркотиков — повышают степень общественной опасности таких хищений и предусмотрены в качестве квалифицирующих признаков в соответствующих частях ст. 229 УК РФ.

Примером дифференциации уголовной ответственности за хищение, предусмотренное ст. 229 УК РФ, исходя из количественных характеристик наркотика, служит Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.05.2014 г. о переквалификации действий гр. Х.С.А., осужденного по ч. 3 ст. 30, п. «д» ч. 2 ст. 229 УК РФ, на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 229 УК РФ. Основанием для изменения судебного решения послужил предмет преступления, а именно его количественные характеристики. Как следует из заключения эксперта, масса изъятого у Х.С.А. наркотического средства в виде жидкости, содержащей в своем составе дезоморфин, составила 7,82 г. Сухой остаток наркотического средства методом высушивания не определялся. Принимая указанное решение, суд кассационной инстанции не учел, что в соответствии с примечанием к списку № 1 Постановления Правительства РФ от 1 октября 2012 года № 1002 (в редакции от 23.11.2012 г. № 1215) [3] количество всех жидкостей и растворов, которые содержат в своем составе хотя бы одно наркотическое средство или психотропное вещество, перечисленные в списке № 1, определяется массой сухого остатка после высушивания при температуре +70 ... +110 градусов Цельсия (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.05.2014 г. № 89-УДП14).

Как было отмечено, предмет хищения влияет не только на квалификацию деяний по соответствующей части ст. 229 УК РФ, но и раз-

граничивает стадии совершения преступления. Качества предмета при таком хищении могут влиять на определение момента окончания преступления. Так, если виновный полагает, что похищает наркотическое средство и в результате похитил предмет, таковым не являющийся, то данные действия следует квалифицировать как покушение на хищение наркотиков, так как данным хищением создается только угроза причинения вреда охраняемым законом интересам, даже если виновный получит возможность распорядиться похищенным, дальнейший вред общественным причинен не будет, так как вещество не обладает теми свойствами, которые присущи наркотикам. Приведем пример: Северодвинским городским судом Архангельской области, гр. М.А.В. осужден по п. «б» ч. 3 ст. 30 УК РФ, ч. 3 ст. 229 УК РФ. М.А.В., полагая, что изымает наркотическое средство в крупном размере, изъял муляж наркотического средства из тайника, положенного туда другим лицом, действовавшим в рамках проведения оперативно-разыскного мероприятия «Оперативный эксперимент» и впоследствии принес его домой. Действия М.А.В. нарушили охраняемые уголовным законом общественные отношения, но отсутствие предмета преступления — наркотического средства, не позволяет оценивать данное преступление как оконченное (Приговор Северодвинского городского суда Архангельской области по Делу № 1-129/2017).

Подводя итоги, отметим, что количественные и качественные характеристики предмета, преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, влияют на дифференциацию уголовной ответственности. Количество наркотического средства или вещества позволяет отнести деяние к соответствующей части статьи, качественные позволяют определить наркотик либо предмет, таковым не являющийся. Качество предмета (похищенного наркотика, или вещества или средства, таковым не являющегося) определяет момент окончания преступления.

1. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон, 8 янв. 1998 г., № 3-ФЗ : в ред. от 29.12.2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Шеслер А. В. Проблема определения момента окончания хищения / Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2018. № 1 (46). С. 145–149. [Вернулась к статье](#)

3. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федер., 1 окт. 2012 г., № 1002 : в ред. от 19.12.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

И. С. Яцута
профессор специальной кафедры
Института национальной безопасности Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НАЦИЗМА

Депутатами Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 6 декабря 2018 года в первом чтении принят проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с пропагандой нацизма и экстремизма» [1], которым предусматривается введение уголовной ответственности за умышленные действия по реабилитации нацизма.

Законы, прямо запрещающие публичное отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдывание преступлений, совершенных нацистами, приняты в Австрии, Бельгии, Германии, Литве, Люксембурге, Польше, Словении, Франции, Швейцарии, Канаде, Израиле и ряде других государств [2].

В 2012 году на тридцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ был принят модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» [3], рекомендованный для использования в национальном законодательстве, основные положения которого были учтены при разработке белорусского законопроекта.

В Уголовном кодексе (далее — УК) Российской Федерации с 2014 года также установлена ответственность за реабилитацию нацизма, в т. ч. за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором...» [4, ч. 1 ст. 354.1]. В этой связи при криминализации в УК Республики Беларусь действий по реабилитации нацизма целесообразно обратить внимание на некоторые аспекты в части научного толкования и применения схожей нормы в следственно-судебной практике на примере Российской Федерации.

Так, в российской научной литературе высказывается мнение, что составы преступлений, предусмотренные ст. 354.1 УК РФ, не имеют никакого отношения к преступлениям против мира и безопасности человечества [5, с. 87]. Отдельные ученые задаются риторическим вопросом о том, «...каким образом должно осуществляться “одобрение”,

чтобы это деяние угрожало человечеству и ставило под вопрос мирное сосуществование и развитие государств?» [6, с. 77].

Несмотря на то, что в ст. 123 УК Республики Беларусь предусмотрена самостоятельная ответственность за пропаганду войны, т. е. распространение в любой форме взглядов, идей или призывов с целью вызвать агрессию одной страны против другой, действия по реабилитации нацизма представляют собой своеобразную скрытую форму пропаганды тоталитарной идеологии (доктрины) и практики ее применения путем не только оправдания, одобрения, нуждающимися в поддержке и подражании, но и распространении путем внедрения в общественное сознание, что не охватывается пропагандой войны, однако создает угрозу для мира и безопасности человечества.

Состав реабилитации нацизма нельзя рассматривать как преступление, совершаемое только против основ конституционного строя и безопасности государства [7, с. 266]. И хотя глава 32 УК Республики Беларусь к преступлениям против государства относит создание экстремистского формирования (ст. 361-1) и финансирование его деятельности (ст. 361-2), законодательство Республики Беларусь к экстремистским действиям относит и иные деяния, предусмотренные различными главами УК. Так, например, такие экстремистские действия, как «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности» [8, ст. 1], более близки к «умышленным действиям, направленным на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» (ст. 130 УК), однако они не в полной мере охватываются термином «реабилитация нацизма». «Понятие “экстремистская деятельность” не включает в себя признаки нацизма в полном объеме, не раскрывает всю сущность данного явления, не упоминает его идеологию и ее негативные правовые последствия» [6, с. 77], в связи с чем при принятии законопроекта действия по реабилитации нацизма также должны быть включены в перечень экстремистских действий.

Критикуя термин «реабилитация», значение которого «...имеет явно положительный контекст, не подходящий для характеристики действий, связанных с оправданием нацистской идеологии» [6, с. 75], отдельные ученые предлагают изменить название статьи на «Публичные призывы к совершению преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси или публичное распространение (пропаганда, публичное одобрение) нацистской идеологии» [6, с. 79], либо на «Публичное оправдание нацизма» [9, с. 146]. Полагаем, что данные предложения не являются принципиальными, т. к. законо-

датель признает преступными попытки представить в качестве «положительных» нацистскую идеологию и практику.

1. Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с пропагандой нацизма и экстремизма» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3951&p0=2018058001> (дата обращения: 14.01.2019). [Вернуться к статье](#)
2. Уголовное преследование отрицания Холокоста [Электронный ресурс] // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Уголовное_преследование_отрицания_Холокоста (дата обращения: 14.01.2019). [Вернуться к статье](#)
3. О модельном законе «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» : постановление Межпарлам. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств [принято в г. Санкт-Петербурге 17.05.2012 г.] // Информационный бюллетень Межпарлам. Ассамблеи СНГ. 2012. № 55. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». М., 2019. [Вернуться к статье](#)
5. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 86–91. [Вернуться к статье](#)
6. Кашапов Р. М., Кравченко К. М. Реабилитация нацизма: вопросы теории и практики // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Сер., Экономика и право. 2017. № 11. С. 75-80. [Вернуться к статье](#)
7. Князькина, А. К. Реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ) — еще одна «проблемная» статья уголовного закона // Современные проблемы уголовной политики : матер. Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 3 окт. 2014 г. / Краснодар. ун-т МВД России ; под ред. А. Н. Ляшенко. Краснодар, 2014. С. 262–268. [Вернуться к статье](#)
8. О противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. от 20.04.2016 г. № 358-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 15. 2/1300. [Вернуться к статье](#)
9. Игнатенко В. В. Некоторые проблемы законодательной регламентации реабилитации нацизма // Актуальные проблемы российской правовой политики : сб. докл. XVII науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, Таганрог, 15 апр. 2016 г. / Таганрог. гос. ун-т, 2016. С. 144–146. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

Ж. А. Борисова
старший следователь Партизанского (г. Минска)
районного отдела Следственного комитета
Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

На современном этапе развития преступность в социальных сетях носит международный и транснациональный характер. При этом определенные проблемы борьбы с указанным видом преступности обусловлены объективными и субъективными причинами, связанными с недостатками в межгосударственном взаимодействии в этой сфере. Все это предопределяет необходимость разработки способов устранения обозначенных препятствий.

В ходе доследственных проверок и предварительного расследования уголовных дел зачастую складывается ситуация, при которой потерпевший самостоятельно может сообщить IP-адрес предполагаемого преступника, дату и время совершения преступления. В этом случае следователь (лицо, производящее дознание) направляет соответствующему интернет-провайдеру постановление о предоставлении сведений о принадлежности данного IP-адреса конкретному лицу. При этом лишь по единичным подобным запросам имеется возможность идентифицировать личность. В большинстве же следственных ситуаций этому препятствует множество обстоятельств, обусловленных как самой технологией сети Интернет (например, механизмом присвоения IP-адресов), так и отсутствием надлежащего взаимодействия между различными государствами и поставщиками интернет-услуг.

Такие свойства социальных сетей, как трансграничность, персонифицированность и условная анонимность, в контексте развития преступности в сети Интернет рассматриваются нами не иначе как криминогенные факторы, не только способствующие совершению конкретных преступлений, но и позволяющие виновному лицу избежать уголовной ответственности. Нейтрализация перечисленных детерминирующих преступность факторов и криминогенных свойств социаль-

ных сетей требует согласованного международного сотрудничества, которое в настоящее время не достигло надлежащего уровня эффективности.

Например, социальная сеть Facebook раскрывает записи аккаунтов только в соответствии со своим пользовательским соглашением и законами, действующими на территории США [1]. Так, в 2017 г. из всего объема сведений, запрошенных специальными службами самих США, Facebook предоставил информацию только по 85 % аккаунтов, по запросам Индии — 53 %, Российской Федерации — 0 %, а в целом по всему миру — запросы удовлетворены по 74,5 % аккаунтов [2]. При этом, несмотря на относительно высокие общемировые показатели информационного взаимодействия указанной социальной сети с правоохранительными органами различных государств, для Республики Беларусь они сравнимы только с показателями Российской Федерации.

Еще более сложная ситуация складывается с таким мессенджером, как Telegram, который вовсе отказывается предоставлять какую-либо информацию по запросам компетентных органов государства. То есть фактически владельцы социальных сетей сами определяют, какой объем сведений о своих пользователях им надлежит раскрывать. При этом руководствуются они исключительно собственными внутренними правилами, которые составлены с явным акцентом на неприкосновенность тайны личной переписки и иных данных аккаунтов, ввиду чего нередко противоречат национальному законодательству даже тех государств, в интернет-сегменте которых размещены соответствующие ресурсы. Вследствие этого ключевым моментом при решении вопросов о предоставлении правоохранительным органам информации для владельцев социальных сетей является не прямое указание на использование того или иного аккаунта при совершении преступления, а субъективные цели сохранения высокого уровня своей деловой репутации и доверия пользователей. Обозначенная тенденция представляется недопустимой, поскольку нарушает не только права потерпевших как отдельных физических лиц, но ущемляет интересы целых государств и даже угрожает безопасности всего мирового сообщества (например, когда речь идет о пропаганде войны, актах международного терроризма и ряде иных преступлений против мира и безопасности человечества).

В связи с изложенным представляется, что улучшения сложившейся ситуации можно добиться только посредством принятия международного нормативного акта, который был бы обязательным для всех государств — участников той или иной международной организации, например Организации Объединенных Наций (далее — ООН).

В настоящее время действует лишь Конвенция ООН «Элементы для создания глобальной культуры кибербезопасности», в которой не установлен порядок международного сотрудничества правоохранительных органов по предупреждению преступности в сети Интернет, включая социальные сети [3]. Данное положение является неприемлемым.

В Совете Европы 23 ноября 2001 г. была принята Европейская Конвенция по киберпреступлениям, в которой не только даются определения соответствующих преступлений, но и регламентируется порядок взаимодействия участников Конвенции по противодействию им [4]. Однако у данной Конвенции есть один существенный недостаток: она не является обязательной для всех государств мира. Ее ратифицировало только 31 государство. При этом 13 государств, подписавших Конвенцию, так ее и не ратифицировали. То есть Конвенция не может стать универсальным инструментом борьбы с преступностью в социальных сетях, поскольку преступники всегда могут выбрать местом осуществления своей деятельности государство, на территории которого она не ратифицирована.

В связи с изложенным представляется необходимым принять на уровне ООН Конвенцию по борьбе с киберпреступностью, которая была бы обязательна для всех государств — участников ООН без исключения. При этом в данной конвенции должны быть определены строгие санкции для тех государств, которые препятствуют ее исполнению. Реализация указанного предложения будет способствовать тесному взаимодействию владельцев социальных сетей с правоохранительными органами, укреплению международного сотрудничества в данном направлении и унификации законодательства взаимодействующих государств по вопросам борьбы с преступностью в социальных сетях.

1. Информация для правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Facebook. URL: <https://ru-ru.facebook.com/safety/groups/law/guidelines> (дата обращения: 10.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Интерфакс [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/612814> (дата обращения: 10.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Элементы для создания глобальной культуры кибербезопасности [Электронный ресурс] : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей, 20 дек. 2002 г., A/RES/57/239 // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/239> (дата обращения: 10.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Европейская Конвенция по киберпреступлениям [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения: 10.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97:323.285

*Т. С. Вайда**заведующий кафедрой специальной физической
и огневой подготовки Херсонского факультета
Одесского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат педагогических наук, доцент*

«ЯЗЫК НЕНАВИСТИ» КАК СОСТАВЛЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

В течение длительного времени социальный феномен экстремизма находится в зоне пристального внимания ученых-теоретиков, сотрудников правоохранительных органов в процессе осуществления ими служебно-оперативной деятельности, аналитических центров государства и средств массовой информации. Экстремизм аккумулирует разрушительную энергию отдельных социальных групп, направленную на устранение с помощью доступных силовых механизмов нарастающего разрыва в уровнях и качестве жизни людей многих государств или отдельных регионов мира [1].

Под экстремизмом (от фр. *extremisme*, лат. *extremus* — «крайний») нами понимается предрасположенность лица (группы лиц, организации) к крайним взглядам и, особенно, к применению радикальных методов, осуществления противоправных действий и мероприятий в политике и повседневной жизни — деятельность физического лица и (или) юридического лица (объединения граждан) или их публичные призывы (подстрекательство), которые направлены на насильственный захват или удержание власти, незаконное вмешательство в деятельность государственных органов, посягательство на основы конституционного строя и национальной безопасности, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, которые являются следствием невосприятия общепринятых правовых норм или других правил поведения (социальных норм, морали). Среди организационных форм такой деятельности можно отметить распространение экстремистских материалов, провокацию беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции, использование методов партизанской войны и т. п.

Идентификация высказываний и публикаций с признаками экстремизма (противоправного радикализма) является достаточно сложным заданием, подобные выступления и публикации, которые разжи-

гают вражду или ненависть, а также оскорбляют национальные или религиозные чувства в западных криминологов получили название «язык ненависти» или «язык вражды» (*hate speech* — *англ.*) [2, с. 329, 672]. Определение понятия *языка ненависти* и критериев, за которыми те или иные высказывания относятся к нему, является актуальными не только для правоохранительных и судебных органов Украины, но и для ЕСПЧ. Попытку обобщить определение и критерии языка ненависти сделал эксперт Совета Европы по правам человека в поликультурном обществе А. Вебер в учебном пособии по языку ненависти [3].

Под словосочетанием «языке ненависти» следует понимать все виды высказываний, которые распространяют, разжигают, поддерживают или оправдывают расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм и др. формы ненависти, вызванные нетерпимостью, в том числе нетерпимостью, которая оказывается в форме агрессивного национализма и этноцентризма, дискриминации меньшинств и враждебного отношения к ним, а также лиц, которые за своим происхождением принадлежат к иммигрантам [4].

Системный анализ актов международных институций и практики ЕСПЧ относительно языка ненависти позволяет выделить следующие **признаки**, по которым определенные высказывания, публикации, действия и т. п. могут считаться такими, которые содержат «язык ненависти»:

1) высказывание или пропаганда, которые могут вызывать или вызвали акт агрессии, провоцировать серьезные и умышленные нарушения общественного порядка, содержат призывы к ненависти, дискриминации и насилию по отношению к лицу или группе лиц;

2) пропаганда национальной, расовой или религиозной ненависти, в которой содержится призыв к дискриминации, враждебному отношению или насилию, независимо от направленности ее цели конкретной страны; угрозы и насилие на расовой почве тянут за собой др. подобные действия и создают атмосферу вражды;

3) высказывания, которые подстрекают к насилию, ненависти или дискриминации, в том числе публичное подстрекательство к насилию или ненависти из расистских или ксенофобных мотивов, или другие виды расистского или ксенофобного поведения, которые могут нанести существенный вред соответствующим лицу или группе (группам) лиц;

4) высказывания, которые содержат публичные оскорбление и клевету или угрозы определенному лицу или группе лиц на основании их расовой принадлежности, цвета кожи, языка, религии, национальности, национального или этнического происхождения;

5) публичная пропаганда расистской идеологии или публичное отрицание с расистскими намерениями геноцида, нацистского Голокоста, преступлений против человечества или военных преступлений, в частности публичное их оправдание (согласно формулировкам, которые содержатся в статьях 6–8 устава Международного уголовного суда), что, в том числе, может вызывать нарушение общественного порядка;

6) пропаганда войны или пропаганда национальной, расовой или религиозной ненависти, которая призывает к дискриминации, враждебному отношению или насилию;

7) провокационные изображения объектов религиозного поклонения;

8) высказывания, которые задевают, оскорбляют, шокируют или же «провоцируют» верующих [4].

В то же время Европейская Комиссия против расизма и нетерпимости считает, что законом следует преследовать в уголовном порядке такие высказывания, если они были сделаны преднамеренно:

- 1) публичные призывы к насилию, ненависти или дискриминации;
- 2) публичные оскорбления или клевета; угрозы лицу или группе лиц вследствие их расовой принадлежности, цвета кожи, языка, религии, национальности или национального и этнического происхождения;
- 3) публичное выражение с расистскими намерениями идеологии, которая утверждает преимущество лиц по расовому признаку, цвету кожи, языку, религии, национальности или национальному и этническому происхождению, или же порочит или унижает такую группу граждан;
- 4) публичное отрицание, уменьшение, оправдание или одобрение с расистскими намерениями преступлений геноцида, преступлений против человечества или военных преступлений.

Таким образом, экстремизм целесообразно рассматривать в качестве социально-политического явления, активизация и трансформация которого на современном этапе предопределена противоречивыми региональными и глобальными процессами. Проблема организации противодействия экстремизму очерчивает комплекс вопросов, решение которых касается основ социально-политического обустройства общества, важных параметров его экономического, социального и политического развития, культурной идентичности, внутренней и внешней безопасности. В системе профилактической работы, которая проводится правоохранительными органами, важно отслеживать воинствующую риторику («язык ненависти») разных субъектов, своевременно ее минимизировать, предлагать государственным органам конструктивные пути решения возникших проблем.

1. Уголовный Кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апреля 2001 г., № 2341-III. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2341-14>. (дата обращения: 26.01.2019). [Вернуться к статье](#)
2. Мюллер В. К. Англо-русский словарь : 53 000 слов. 21-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1987. 848 с. [Вернуться к статье](#)
3. Вебер А. Учебное пособие по проблематике «языка ненависти» / пер. с англ. Восточноевропейского Института Развития; под общ. редакцией О. М. Павличенка. К. : Тютюкин, 2010. 96 с. [Вернуться к статье](#)
4. Расследование преступлений, совершенных на почве нетерпимости : учеб.-практ. пособие. Киев, 2012. 165 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3+343.9

К. В. Вишневецкий
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ТЕРРОРИЗМ КАК ФАКТОР МАССОВОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

В современном мире одним из наиболее серьезных факторов виктимизации социума становится терроризм. Борьба с терроризмом как составная часть общей борьбы с преступностью является важным элементом обеспечения безопасности мирового сообщества. Перерастание терроризма в глобальное международное явление, повышение уровня опасности террористических актов в различных регионах мира, степень их дерзости и беспрецедентной жестокости диктуют необходимость выработки и осуществления действенных мер по борьбе с этим злом.

Многоаспектный подход убедительно показывает сложный характер терроризма и предопределяет многообразие его определений, одновременно актуализируя необходимость выделения разных граней данного социального явления [1]. Последнее важно и с точки зрения углубленного профессионального их изучения соответствующими специалистами, и в аспекте целенаправленного адекватного воздействия на терроризм с учетом осведомленности о специфике разных его проявлений и сторон, использования всего спектра мер реагирования.

Соглашаясь с общей классификацией, мы все же сделаем акцент на интегративной составляющей терроризма. Основанием для этого является то, что фактически все виды терроризма включают в себя следующие характеристики: терроризм основан на использовании или угрозе насилия, имеет целью создать атмосферу страха и ужаса в аудитории косвенных жертв, куда можно в пределе включить все общество и, опираясь на это, добиться определенных изменений в общественном сознании, социальных отношениях, поведении людей. Это — конечная цель [2]. Выдвижение террористами каких-либо оперативных требований, пусть даже самых масштабных никогда не бывает самоцелью. Эта крайняя неопределенность цели терроризма, несоразмерность тех задач, которые ставят перед собой его участники, и масштаба их действий делает террористов крайне неразборчивыми относительно косвенных жертв. Эта хаотичность акта террора, его иррациональность создают ощущение уязвимости в большой мас-

се косвенных жертв. Это опосредованное воздействие производит и распространяет предчувствие катастрофы и постоянное ощущение тревоги, очень созвучное тому постоянно переживаемому чувству угрозы (можно даже сказать, чувству виктимизированности), которое присуще человеку, включенному в глобализационные социальные процессы.

Террористы со знанием дела воздействуют на инстинкты и, прежде всего, на подсознательную опасность смерти, утраты собственной индивидуальности, боли как нарушения физической целостности личности, на страх за сохранность всего рода, к которому принадлежит индивид, за детей, родителей, родных и близких. Такой страх становится рациональным, когда человек осознает источник постоянной угрозы своей безопасности, и поэтому приобретает формы наиболее сильного воздействия на общественное сознание. Важнейшим элементом в механизме терроризма является насилие как механизм культивирования страха. Насильственные действия террористов постоянно совершенствуются — по масштабам, субъектам, средствам, объектам, формам. Тактика насильственных действий носит динамический характер и быстро изменяется.

В целом, поскольку акции террористического характера могут быть самыми разнообразными, со временем изменяются, модифицируются, жертвами этих акций могут быть люди самых различных социальных групп и слоев.

Некоторые авторы подразделяют участников террористических актов на группы. Первые участники («партнеры») — это авторы, т. е. прямые исполнители и заказчики. Относительно указанной категории существует большое количество исследований. Это могут быть как отдельные лица, так и группа лиц, объединенных во временные или устойчивые группы, вплоть до организаций. В последнем случае заказчики, организаторы и непосредственные исполнители представляют все три категории лиц, входящих в объединение. Члены организации могут играть либо роль простого исполнителя, либо руководителя [3].

Кроме группы авторов и заказчиков, следует выделить категорию симпатизирующих, а именно представителей той же культуры и той же идеологии. Они временно или постоянно укореняются среди населения, но при этом ощущают, что более привязаны к идеологии и ценностям, распространяемым террористами, чем к идеологии и ценностям местного населения. Именно среди них рекрутируется пополнение, вербуются соучастники, сочувствующие и новые исполнители.

Вторая группа участников («партнеров») — это жертвы террористических актов. Оценивая теракт в аспекте виктимологической перспективы, можно выделить три основные категории жертв.

Прямые жертвы — лица, физически вовлеченные в исполняемый теракт: заложники, жертвы насилия (взрывов, массовых отравлений и т. п.), а также пострадавшие сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в пресечении деятельности преступников. Категория вторичных жертв включает в себя членов семей и близких знакомых прямых жертв, а также лиц, участвовавших в последующей работе с жертвами (профессиональные спасатели, врачи и др.).

Косвенные жертвы — те индивидуумы в сообществе, на которых воздействуют вторичные эффекты бедствия, члены общества, переживающие свою солидарность и сопричастность жертвам, осознающие себя в качестве потенциальных жертв. Жестокость и насилие террористов затронули их больше, чем все население в целом. Прежде всего, это родные и близкие прямых жертв, переживающие траур и горе в связи со смертью близких или их ранениями. Это также живые и неведимые свидетели террористических актов, а также лица, оказывавшие первую помощь пострадавшим. Кроме того, это спасатели, потрясенные смертью, страданиями и отчаянием, всем тем, что им пришлось пережить. Врачи приняли решение рассматривать эту категорию населения как жертвы, так как они перенесли эмоциональный шок и в большинстве случаев у них остаются тяжелые последствия.

Эти косвенные жертвы — основные цели терроризма, здесь масштаб неограничен. В качестве отдельной категории жертв могут быть названы сами террористы, которые нередко принуждаются к исполнению теракта посредством насилия, обмана, длительной и профессиональной психологической обработки. Нередко в качестве исполнителей актов террора использовались дети.

Местное население составляет третью группу жертв. Именно на нее направлены в конечном итоге действия террористов. Демонстрация насилия должна, по мнению исполнителей террористических актов, породить у населения чувство незащищенности и страха: страх перед возможным количеством жертв (даже если на самом деле реальное количество не может быть значительным), страх перед вероятностью оказаться подвергнутым насилию, страх перед невозможностью жить в безопасности, страх перед атмосферой войны. Чувство страха должно быть сильным, т. е. переживаться как физический и психический страх, ужас, отчаяние, которые провоцируют человека к поведению и принятию таких решений, которые не свойственны ему в нормальной жизни. В данном случае речь может идти о требовании уступок террористам и проведении переговоров.

Местное население может вести себя крайне эгоистично в отношении своей безопасности и комфорта. Оно может ставить во главу угла вопросы собственной безопасности, а не приоритеты сохранения национального достоинства или необходимости обороны. Население ведет себя скорее трусливо и не способно к мобилизации. Под влиянием толпы слухи и воображение превалируют над реальной действительностью.

Особенностью данного вида преступления является то, что его непосредственной целью выступает массовая виктимизация населения, превращение общества и личности в потенциальную и актуальную жертву насилия. Осознавая это, все большее число криминологов, анализирующих данную проблему, делают акцент именно на ее виктимологической составляющей. Нет нужды говорить о том, сколь важен и актуален для нас этот опыт [4].

1. Устинов В. В. Обвиняется терроризм. М., 2002. [Вернуться к статье](#)
2. Wilkinson P. Terrorism and propaganda // Terrorism & the Media: Dilemmas for Government, Journalists & the Public. Washington, 1990. P. 26–33. [Вернуться к статье](#)
3. Крок Л. Психологическое воздействие терроризма // Perspectives Psy. 2002. Vol. 41, N 4. [Вернуться к статье](#)
4. Terrorists, victims and society: psychological perspectives on terrorism and its consequences. Chichester, 2003. P. 131–211. [Вернуться к статье](#)

Т. И. Вишневецкая
преподаватель кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения — демографическое старение общества — сказывается на активизации представителей данной возрастной группы практически во всех сферах жизни, в том числе влечет неизбежные проявления криминологического характера — объективный рост преступности лиц пожилого возраста.

Важной характеристикой преступности является ее состояние. Состояние преступности определяется как количество преступлений и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени в абсолютных величинах [1, с. 59].

Вместе с тем для исследования преступности на различных территориях или в различные периоды времени используется такой показатель преступности, как уровень (коэффициент). Уровень преступности — это число преступлений или лиц, их совершивших, на той или иной территории за определенный период времени в расчете на определенное число населения (10 000, 100 000 человек) [1, с. 60]. Таким образом измеряются общий уровень преступности и уровень криминальной активности населения.

Главным из показателей, по которому оценивается интенсивность преступности, является уровень преступной активности ($У$ пр. акт.), который рассчитывается по следующей формуле:

$$У \text{ пр. акт.} = П \times 100000 / Н,$$

где $П$ — число лиц, совершивших преступления на определенной территории за определенный период времени; $Н$ — численность населения, проживающего на территории, для которой рассчитывается коэффициент; 100000 — единая расчетная база.

Согласно демографическим данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, сведениям о лицах, совершивших преступления, на основании единого государственного банка данных о правонарушениях по Республике Беларусь рассчитаем уровень преступной активности пожилых людей за 2017 г.: число лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших преступления в нашей стране за 2017 г. (1 710), необходимо умножить на 100 000 и разделить на

общее число населения, проживающего в Республике Беларусь за 2017 г. (9 504 704). Так, в 2017 г. уровень преступной активности пожилых лиц составил 17,9 ($1710 \times 100000 / 9504704$), по сравнению с другими годами мы наблюдаем рост данного показателя, например, в 2014 г. он составлял 10,6 ($1011 \times 100000 / 9468200$).

О росте криминальной активности людей старшего возраста свидетельствует и специальный коэффициент, который показывает уровень преступной зараженности именно в среде пожилого населения. Специальный коэффициент можно рассчитать по схожей формуле: спец. коэф. = $\Pi \times 100000 / H$, где Π — число лиц старше 60 лет, совершивших преступления на определенной территории за определенный период времени; H — численность населения в возрасте 60 лет и старше, проживающего на территории, для которой рассчитывается коэффициент; 100000 — единая расчетная база. В 2017 г. 1710 лиц пожилого возраста совершили преступления, в то время как численность населения в возрасте 60 лет и старше была 1996707, соответственно специальный коэффициент в 2017 г. составил 85,6 ($1710 \times 100000 / 1996707$), по сравнению с другими годами мы наблюдаем рост данного показателя, например, в 2016 г. он составлял 81,2 ($1588 \times 100000 / 1955490$).

Кроме того, одним из критериев, характеризующих геронтологическую преступность, является удельный вес преступников в возрасте старше 60 лет в общей массе лиц, совершивших преступления. В 2017 году 47 692 лица совершили преступления, из них 1 710 лиц старше 60 лет, что составляет 3,58 %. Указывая на этот незначительный, на первый взгляд, показатель, необходимо особо подчеркнуть, что и количество человек пожилого возраста в обществе меньше по сравнению с другими возрастными группами.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что проблема геронтологической преступности не только чрезвычайно актуальна, но и отличается новизной и сложностью как в теоретическом, так и практическом отношении. Находясь на стыке таких актуальных направлений, как социология, юриспруденция, философия, психология, медицина, проблема геронтологической преступности носит интегративный характер. Статистические данные свидетельствуют о возрастании правонарушений, асоциальных поступков, преступных действий среди представителей геронтологической группы. Соответственно, анализ основных криминологических показателей преступности, в том числе ее состояния и уровня, позволяет судить о реальных размерах, тенденциях, закономерностях и последствиях преступности, а также необходим для разработки эффективных мер предупреждения этого негативного явления.

1. Криминология и профилактика преступлений / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского. Минск : Акад. МВД, 2011. 428 с. [Вернуться к статье](#)

А. Д. Гетьман

*соискатель ученой степени доктора философии
(кандидата наук) кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Национальной академии внутренних дел (Украина)*

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЧУЖИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ

Международное сообщество стоит на страже защиты общественного порядка. Главной целью международного сотрудничества является обеспечение правопорядка во всем мире. Так, международная компания Gemalto занимается разработкой эффективных технологий защиты электронного паспорта более чем в 30 странах, среди которых Алжир, Дания, Финляндия, Франция, Гонконг, Италия, Корея, Марокко, Перу, Португалия, Норвегия, Сингапур, Швеция и США, на базе исследования наиболее уязвимых сторон паспорта [1].

Несмотря на внедрение новейших технологий, преступникам удается найти слабые места в системе защиты. Увеличение использования микропроцессорной технологии повысило защиту, но не остановило мошенников, преступные действия которых стали более уязвимыми.

Технологии защиты паспортов разрабатываются исходя из способов последующего использования личных документов. Согласно исследованиям Gemalto выделяет 4 основных способа манипуляции с паспортами: 1) полная подделка паспорта; 2) частичное изменение информации в действующем паспорте; 3) фальсификация паспорта; 4) использование действующего паспорта без изменений [2].

1. Полная подделка паспорта может предусматривать такие действия: использование подобных материалов для имитации подлинного документа (бумага, поликарбонат), сканирование действительного документа для его модификации с помощью компьютерного программного обеспечения; воспроизведение фона и логотипов с использованием альтернативных технологий печати; окончательное ламинирование; создание документа с помощью компьютерного программного обеспечения; использование оригинальных материалов, которые могут быть получены преступным путем.

2. Частичное изменение информации в действующем паспорте обычно включает в себя: замену фотографии; замену биографических

данных в визуальной или машиносчитываемой зоне; удаление записей на страницах паспорта; механическое и химическое стирание биографических данных; использование дополнительного ламинирования, с целью изменения портрета, страниц биографических данных, истории путешествий.

С целью предотвращения указанного вида вмешательства в современном паспорте предусмотрено использование тисненых черт лица на фотографии, защитных вторичных изображений и многослойной печати, для того чтобы любые признаки вторжения в паспорт легче было отслеживать.

3. Фальсификация паспорта предусматривает создание документов с использованием материалов, которые были изъяты из действующих документов, в частности изменение страниц, которые были изъяты из других действующих паспортов, вмешательство в функции безопасности настоящего документа для повторного использования в фальсифицированном виде.

Чтобы обеспечить безопасность паспорта, его печатают на особых материалах, используя различные слои печати, страницы сочетают с помощью сложных швов, которые практически нельзя воспроизвести, сочетают изображение на разных страницах, которые должны составлять единое целое [2; 3].

Паспорта есть и всегда будут символом национальной гордости и суверенитета, их безопасность зависит от того, как они созданы. Современные меры безопасности, которые используются при изготовлении паспортов позволяют легче выявлять подделку, фальсификацию и другие незаконные действия. В то же время преступники изобретают все более изощренные методы воздействия на паспорта и другие личные важные документы с целью их последующего использования, поэтому важно, чтобы наша паспортная безопасность могла развиваться и прогресс всегда был на шаг впереди преступников.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что с целью обеспечения надежной защиты и безопасности на международном уровне необходимо уделить особое внимание следующим мерам предотвращения преступлений:

- усовершенствовать защиту документов, которые удостоверяют личность или наделяют субъективными правами граждан; для реализации этого направления необходимо обратить внимание на дизайн и материалы, которые используются при создании новых национальных личных документов;

- усовершенствовать систему контроля при пересечении границ с целью идентификации людей с фото, которое есть на документах; об-

ратить внимание на подготовку кадров в органы таможенного контроля;

- разработать действенную систему учета утраченных и похищенных документов;

- проводить массовую просветительную деятельность, направленную на разъяснение гражданам правил поведения с личными важными документами.

Кроме того, следует отметить, что проблема использования чужих документов носит глобальный характер, в связи с чем в дальнейшем планируем проводить исследования, направленные на создание идеальной формулы предотвращения таких преступлений.

1. Gemalto enables biometric passports in 30 countries [Electronic resource]. URL: <http://it-online.co.za/2017/09/14/gemalto-enables-biometric-passports-in-30-countries/> (date of the application: 18.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Passport security features: 2018 report Anatomy of a secure travel document [Electronic resource]. URL: <https://www.gemalto.com/govt/travel/passport-security-design> (date of the application: 18.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Why Security is the Most Important Part of the Passport Making Process [Electronic resource] // Computer Business Review. URL: https://www.cbronline.com/opinion/security-in-passport-making-process#_ftn1 (date of the application: 18.01.2019). [Вернуться к статье](#)

И. А. Демидова
заведующий кафедрой правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В теории государства и права для обозначения поведения человека в правовой сфере все чаще используется термин «правовое поведение». В числе работ, посвященных системному изучению правового поведения как социально-правового явления, следует отметить монографии российских авторов В. Н. Кудрявцева «Правовое поведение: норма и патология» (1982) [1] и К. В. Агамирова «Прогнозирование правового поведения» (2017) [2]. Установление сущности правового поведения предполагает последовательное решение следующих задач: во-первых, определение специфики нормативного регулирования общественных отношений в исторической перспективе; во-вторых, обозначение особенностей и тенденций правового регулирования; в-третьих, нахождение общих признаков и выделение отличных черт отдельных видов и типов правового поведения. Обозначим базовые положения в контексте каждого этапа научного осмысления правового поведения.

1. Нормирование общественной жизни как объективный процесс в исторической перспективе эволюционировало от мононорм первобытного общества, единых нерасчлененных норм обычаев, ритуалов, религиозных табу, примитивных правил первобытной морали, календарей, базировавшихся на императиве «нельзя — можно — должно», к обычному праву, основу которого составляли правовые обычаи, имеющие казуистическую структуру и закрепляющие управленческий статус, полномочия и привилегии носителей общественных функций, а также общие правила поведения. Развитие общества, усложнение социальных отношений способствовали складыванию системы нормативного регулирования. В современных реалиях поведение членов общества определяется различными видами социальных норм — моральными, правовыми, корпоративными, религиозными, нормами обычаев, традиций. Кроме того, в повседневной жизни и деятельности люди руководствуются правилами этикета, деловыми обычкновениями, привычками и др. Выделяются также политические, эстетические и другие виды норм. При этом все разновидности норм выступают в качестве определенных стандартов, образцов, эталонов, моделей поведения участников социального общения, имеют свои особенности формирования и закрепления, отличные критерии оценки.

2. Особенности правового регулирования обуславливаются связью права с государством. Правовое регулирование определяется как осуществляемое при помощи права, всей системы правовых средств воздействия на общественные отношения, на поведение людей. Структуру механизма правового регулирования составляют: юридические нормы, субъективное право и юридическая обязанность, реализация прав и обязанностей. Принято различать два вида правового регулирования: общедозволительное (общее дозволение плюс исчерпывающий перечень конкретных запрещений) и разрешительное (общее запрещение плюс исчерпывающий перечень конкретных дозволений) [3, с. 62–63]. Несмотря на преобладание правового регулирования, по мнению известного теоретика права Ю. А. Тихомирова, в настоящее время имеет место «правовой хаос», проявляющийся в отсутствии необходимого эффекта в силу потока нормативной регуляции, в котором переплетаются международные, интеграционные, национально-государственные, отраслевые, локальные нормы, ориентированные на верховенство права, правовое государство [4]. Данное обстоятельство определяет теоретическую и практическую значимость систематизации правовых норм, а также научную ценность моделирования развития права. Выделяются такие наличные векторы развития права, как «расширение правовой регуляции и вектор отклонения; многослойность регуляции в цепи актов и норм, создающих паутину, но не систему; согласование и конфликт; норма или поведение; “невидимый вектор” права в других социальных нормах (политические, нравственные, религиозные, корпоративные и другие); масштабы институализации структур и институтов на всех уровнях жизни общества; вектор давления и насилия; влияние национального права на международные акты» [5, с. 87]. При этом в отношении сути и понимания современного права высказывается позиция о возможности формирования суперправа — метаправа, в теории — формирования макроправа. Данные обстоятельства определяют значимость правового поведения участников общественных отношений.

3. Правовое поведение как разновидность социального поведения характеризуется тем, что его содержание определяется нормами права. В данном случае критериями оценки поведения людей выступает соответствие / несоответствие нормам права. Имеют место общие признаки правового поведения и признаки его отдельных видов. Общая специфика правового поведения раскрывается в таких его признаках, как социальная значимость, которая имеет две формы — социальную полезность и социальную ценность; проявление в действии или бездействии; сознательно-волевой характер; правовая регламентация с возможной оценкой правового поведения; юридические по-

следствия; гарантированность со стороны государства. Обозначенные признаки позволяют определять правовое поведение как «предусмотренное нормами позитивного права и подконтрольное государству сознательно-волевое социально значимое поведение людей (индивидов или их коллективов), которое, как правило, влечет или способно повлечь определенные юридические последствия» [6, с. 13]. Классификация правового поведения проводится по разным основаниям: 1) по субъектам — на индивидуальное и коллективное; 2) в зависимости от внешнего проявления — на действие и бездействие; 3) с точки зрения социальной полезности — на социально полезное и социально вредное. По критерию оценки поведения со стороны позитивного права различается: правомерное (социально полезное поведение, соответствующее правовым предписаниям) и неправомерное правовое поведение или правонарушение (социально вредное поведение, нарушающее требования норм права); по социальной значимости поведения — злоупотребление правом (социально вредное поведение, но осуществляемое в рамках правовых норм); объективно противоправное (поведение, не наносящее вреда, но осуществляемое с нарушением правовых велений) [6, с. 13–14].

Таким образом, каждому этапу развития социума соответствует система социальных нормативных регуляторов. На начальных этапах развития человеческого общества — это недифференцированные синкретичные мононормы, позже — нормы обычного права, в настоящее время — совокупность нормативных регуляторов, важнейшее место среди которых принадлежит праву. Правовое поведение как поведение, которое предусмотрено нормами права, оценивается обществом с позиций соответствия правовым нормам. При различных критериях классификации правового поведения основным является различение его видов в зависимости от соблюдения норм позитивного права.

1. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М. : Наука, 1982. 287 с. [Вернуться к статье](#)
2. Агамиров К. В. Прогнозирование правового поведения : монография. М. : Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2017. 400 с. [Вернуться к статье](#)
3. Алексеев С. С. Государство и право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2015. 152 с. [Вернуться к статье](#)
4. Тихомиров Ю. А. Право в современном мире: векторы развития // Государство и право. 2017. № 5. С. 5–10. [Вернуться к статье](#)
5. Бачило И. Л., Шмаков М. А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // Государство и право. 2017. № 11. С. 81–88. [Вернуться к статье](#)
6. Пьянов Н. А. Правовое поведение: понятие и виды // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 11–14. [Вернуться к статье](#)

М. Д. Драгун

*старший преподаватель специальной кафедры
Института национальной безопасности Республики Беларусь*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В юридических науках преступления и деяния, с ними связанные, характеризуются различными понятиями и терминами, такими как уголовно-правовая характеристика; криминалистическая характеристика; криминологическая характеристика; оперативно-розыскная характеристика. Вместе с тем до сих пор существует дискуссия о соотношении вышеназванных характеристик.

Так, С. Э. Воронин рассматривает оперативно-розыскную характеристику как один из элементов криминалистической характеристики преступлений [1, с. 108].

По мнению А. И. Хмыза, криминалистическая, оперативно-розыскная и иные характеристики преступления являются составными частями единой информационной модели преступления [2, с. 165].

В свою очередь В. Д. Ларичев в структуру оперативно-розыскной характеристики экономической преступности включает: динамику и структуру экономической преступности, уголовно-правовые признаки конкретного преступления; место и способ совершения преступления; предмет преступного посягательства; личность преступника; мотивацию криминального поведения; организованные формы совершения преступления [3, с. 14]. В данном случае автор приводит элементы криминологической, уголовно-правовой, а также криминалистической характеристики преступлений.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу соотношения вышеназванных характеристик, представляется целесообразным для описания такого явления, как противодействие оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), использовать категорию «оперативно-розыскная характеристика» (далее — ОРХ).

Противодействие ОРД — умышленные деяния (действия или бездействие) проверяемых (разрабатываемых) лиц и их связей, направленные на воспрепятствование правомерной деятельности оперативных сотрудников по решению задач ОРД с целью ее прекращения или затруднения либо изменения ее характера в выгодном для проверяемых (разрабатываемых) лиц направлении [4, с. 27].

В структуру ОРХ противодействия ОРД в качестве основных структурных элементов целесообразно включать оперативно значимую информацию:

1) об объекте противодействия, который представляет собой правомерную деятельность оперативных сотрудников по решению задач ОРД, а также самих оперативных сотрудников как субъектов, непосредственно осуществляющих данную деятельность;

2) о субъектах, оказывающих противодействие, к которым относятся: а) проверяемые (разрабатываемые) по делам оперативного учета лица; б) связи проверяемых (разрабатываемых) лиц (близкие, близкие родственники, члены семьи, друзья, приятели, руководители по службе и т. п.);

3) о способах противодействия, которые могут быть дифференцированы: а) в зависимости от степени активности: активные способы противодействия; пассивные способы противодействия; б) по субъектам противодействия: способы, применяемые проверяемыми (разрабатываемыми) лицами; способы, применяемые связями данных лиц; в) в зависимости от вида воздействия на объект противодействия: физическое противодействие; психологическое противодействие; г) по правовой допустимости: правомерное противодействие; противоправное противодействие;

4) о мотивах субъектов оказания противодействия: корысть; неприязнь; зависть; месть за деятельность, осуществляемую оперативным сотрудником;

5) о целях оказания противодействия – прекращение или затруднение правомерной деятельности оперативных сотрудников по решению задач ОРД либо изменение ее характера в выгодном для субъекта противодействия направлении;

6) о результате оказанного противодействия: а) общий результат противодействия представляет собой достижение конечной цели деятельности по оказанию противодействия ОРД — прекращение или затруднение правомерной деятельности оперативных сотрудников по решению задач ОРД либо изменение ее характера в выгодном для субъекта противодействия направлении; б) конкретные результаты противодействия ОРД выражаются в достижении общего результата конкретного акта противодействия, например, подкуп оперативного сотрудника, т. е. таким образом создаются условия для достижения общего результата деятельности по оказанию противодействия ОРД.

Множество элементов в оперативно-розыскной характеристике противодействия ОРД позволяют выделить на основе анализа результатов практики из этих элементов те, которые можно признать типичными. Это способствует с большой степенью научной обоснованности

построению и проверке оперативно-розыскных версий относительно различных обстоятельств подготавливаемого либо оказываемого противодействия, наиболее качественному планированию отдельных оперативно-розыскных мероприятий, а также повышению эффективности их проведения и ОРД в целом.

1. Воронин С. Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. В. К. Гавло. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2000. 211 с. [Вернуться к статье](#)

2. Хмыз А. И. О криминалистической и оперативно-розыскной характеристиках преступлений и их соотношении // Вестн. Томского гос. ун-та. 2015. № 398. С. 163–166. [Вернуться к статье](#)

3. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2009. № 1. С. 11–16. [Вернуться к статье](#)

4. Драгун М. Д. Отдельные аспекты противодействия оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 2 июня 2017 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2017. С. 26–28. [Вернуться к статье](#)

ТЕСТИРОВАНИЕ НА ПРЕДМЕТ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ КАК ФОРМА РАННЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Декрет Президента Республики Беларусь № 6 от 28 декабря 2014 года «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», обозначив принципиальную важность пресечения распространения наркомании как угрозы для демографии и здоровья нации, обеспечения безопасности общества и государства, предписал активизировать усилия не только по противодействию незаконному обороту наркотиков, но и профилактике их потребления.

Одним из направлений профилактики наркомании, периодически обсуждаемым в нашей стране и за рубежом, является вопрос добровольного и принудительного тестирования на предмет потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В зависимости от вида исследуемого биологического материала анализы на наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги делятся на анализы по моче, по слюне, по крови, по волосам, ногтям, коже, смывам. По охватываемому периоду времени — классифицируются на анализы на текущее употребление и ретроспективные анализы. Стандартный экспресс-анализ на наркотики проводится по слюне и способен выявить от 2 до 10 видов наркотических средств и психотропных веществ, если с момента приема прошло, как правило, не более 5 дней. Анализ крови выявляет факты употребления различных наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов за последние 3–4 месяца. Анализ волос на наркотики информирует о возможном употреблении психоактивных веществ в период времени в зависимости от длины волоса (вплоть до нескольких лет). По анализу волос можно определить вид и периодичность потребления наркотических средств [1]. В настоящее время приборы и методы проведения подобных тестирований развиваются и делают процедуру более простой и менее затратной. Новый наркотестер, разработанный в Московском техническом университете имени Н. Э. Баумана и представленный в Российской Федерации в 2018 году [2], считывает информацию с биоактивной точки на коже и может определить факт упо-

ребления наркотических средств или психотропных веществ, имевший место когда-либо в течение всей жизни обследуемого лица.

В последние годы многократно обсуждался вопрос о целесообразности добровольного тестирования школьников на предмет потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [3; 4]. Не давая принципиальную оценку данному предложению, отметим, что, например, в 2014 году в России было протестировано 18 000 детей, из которых только у 3 % были выявлены следы психоактивных веществ [5], что, вероятно, может свидетельствовать о невысокой эффективности тестов, пройденных на добровольной основе.

Однако тестирование на предмет потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, на наш взгляд, не должно ограничиваться вышеуказанным подходом и категорией лиц. Мировой опыт показывает, что сфера применения результатов таких исследований может быть существенно расширена. Так, в соответствии с законодательством Филиппин обязательному тестированию для выявления фактов потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов подвергаются кандидаты на получение водительского удостоверения, кандидаты на получение лицензии на огнестрельное оружие, все кандидаты на государственные должности, задержанные или арестованные лица при наличии соответствующих признаков, лица, осужденные к лишению свободы на срок более 6 лет. Кроме того, ежегодному тестированию подвергаются сотрудники военных, полицейских и других правоохранительных органов. Учащиеся средних и высших учебных заведений должны в соответствии с правилами и положениями и с уведомлением родителей проходить выборочное тестирование. Должностные лица и сотрудники государственных и частных офисов подвергаются случайному тестированию. Любое должностное лицо или сотрудник, в отношении которого подтвержден факт потребления наркотического средства или психотропного вещества, привлекается к административной ответственности, что является основанием для приостановления или прекращения трудовых отношений. За выдачу ложных результатов тестирования предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от 6 до 12 лет и штрафа [6].

Действующее национальное законодательство не содержит запрета на потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Нормой, содержащейся в статье 328² Уголовного кодекса Республики Беларусь, установлена ответственность за публичное потребление или нахождение в состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, т. е. не за само по

себе их потребление, а за действия, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие законный, безопасный для здоровья населения оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, и общественный порядок.

В то же время, как представляется, введение обязательного тестирования может стать еще одним направлением противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. Считаем, что имеет смысл ввести обязательное тестирование (определив его периодичность, полноту охвата и длительность ретроспективного периода) на предмет потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов для следующих категорий лиц: кандидатов в депутаты, государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов, лиц, управляющих транспортными средствами, имеющих разрешение на хранение огнестрельного оружия, занимающих должности, связанные с доступом к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам или аналогам. В последующем данную практику можно будет расширить за счет предоставления работодателям права запрашивать от работников соответствующие справки при приеме на работу и решении вопроса о продлении контрактов.

Положительный эффект от внедрения данной практики может быть выражен, во-первых, в сокращении наркопотребителей за счет нежелания таких лиц быть изобличенными в употреблении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, уволенными с работы, отстраненными от управления автотранспортом и т. д.; во-вторых, в своевременном выявлении лиц, нуждающихся в помощи в преодолении наркотической зависимости; в-третьих, в недопущении лиц, периодически потребляющих наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, к деятельности, создающей опасность для других граждан, а также государственной службе, и, наконец, в сокращении количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов за счет снижения спроса.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что введение обязательного тестирования на предмет потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, как представляется, может стать еще одной действенной формой профилактики наркомагии и противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

1. Анализы на наркотики: анализы на наркотики в Москве и области. Анализ веществ на наркотики [Электронный ресурс] // Profnauka.ru. 2006–2013. URL: <http://profnauka.ru/testirovanie11.html> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)
2. Новые методы проверки на наркотики [Электронный ресурс] // 1tv.ru. 1996–2019. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/reportazh/novye-metody-proverki-na-narkotiki> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)
3. Держать в страхе или уберечь от болезни? В школах собираются ввести обязательный тест на склонность к наркотикам [Электронный ресурс] // News.tut.by. 2000–2019. URL: <https://news.tut.by/society/404803.html> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Романова Л. И. Проблемы развития наркополитики в России // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 22–28. [Вернуться к статье](#)
5. Оспенникова Т. Обязательные наркотесты в российской школе: за и против [Электронный ресурс] // Ввс.com. 2019. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150129_russia_schools_drug_tests (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)
6. An Act Instituting the Comprehensive Dangerous Drugs Act Of 2002, Repealing Republic Act No. 6425, otherwise known as the Dangerous Drugs Act of 1972, as amended, providing funds therefor, and for other purposes [Electronic resource] // Lawphil.net. URL: https://www.lawphil.net/statutes/repacts/ra2002/ra_9165_2002.html (date of the application: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*П. А. Зеленьяк
аспирант кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Национальной академии внутренних дел (Украина)*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ

В основе эффективной профилактической деятельности, направленной на снижение уровня преступлений против жизни и здоровья детей, должно быть не только выявление факторов, которые им способствуют, но и факторов, способствующих виктимизации детей. Изучение виктимности детей позволит правильно определить превентивные меры, направленные на недопущение не только совершения преступления, но и виктимизации ребенка. Несмотря на то, что, по данным официальной статистики, в Украине происходит снижение уровня преступности, доля преступлений против жизни и здоровья составляет 16,3 %. Особое беспокойство вызывает совершение этих преступлений по отношению к детям. Дети в силу их возрастных особенностей, социального статуса являются наиболее виктимной категорией населения. В этом аспекте под виктимностью жертвы следует понимать потенциальную или актуальную способность лица демонстрировать поведение, которое отклоняется от норм безопасности и предопределяет ее повышенную уязвимость, доступность и привлекательность для правонарушителя [1].

Изучение виктимизации детей базируется на выявлении виктимных качеств, которые присущи личности. Сочетание субъективных и объективных (конкретная жизненная ситуация, окружающая среда, поведение третьих лиц) факторов, их взаимодействие обуславливают возможность стать жертвой преступления, а такие дополнительные характеристики детей, как пол, возраст, отсутствие жизненного опыта, повышенная любознательность, и другие качества ребенка способствуют превращению его в жертву преступления. При исследовании виктимности детей, на наш взгляд, является важным определение виктимности как действия или наоборот бездействия лиц, при которых они становятся жертвами преступления в типичных и нетипичных для них ситуациях [2].

Характерной особенностью виктимности детей является взаимодействие личностного и ситуационного компонентов, где личностная характеристика находится в системной зависимости от ситуационного

компонента. Повышенная уязвимость детей именно за счет личностного компонента обусловлена наличием виктимной предрасположенности, прежде всего социальных, психологических, биологических качеств ребенка, увеличивающих возможность стать жертвой преступлений против жизни и здоровья.

Учеными неоднократно высказывалось мнение о том, что главной причиной виктимности детей является резкое ухудшение экономической ситуации и рост напряженности в обществе. Безусловно, все это способствует и массовой виктимности, однако снижение уровня жизни сказывается сильнее на детях, ибо во все времена несовершеннолетние были и остаются наиболее уязвимой частью общества. Уязвимость заключается в том, что определенные особенности несовершеннолетних (подвижная психика, не сформированная окончательно система ценностей) делают их более подверженными влиянию факторов, которым взрослые люди противостоят гораздо успешнее. Таким образом, виктимность детей можно условно разделить на две большие группы: виктимность, которая обусловлена личностными характеристиками детей и виктимность, которая вызвана социальными проблемами [3].

К личностным или субъективным факторам, которые способствуют виктимности детей, необходимо отнести особенности поведения потенциальной жертвы. Исследуя особенности виктимности несовершеннолетних, В. И. Терпелюк выявил, что показателями виктимности подростка являются: уровень самооценки; стратегия психологической защиты в общении; устойчивость эмоциональных состояний; уровень выявления основных психических состояний (тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность); умение приспосабливаться к условиям и уровень адаптации. Кроме этого, необходимо выделить и отношения, которые сложились в семье, особенности семейного воспитания, характер социальной поддержки в семье, наличие фактов насилия в семье [4].

Также необходимо отметить, что у молодых людей с повышенной виктимностью проявляется типичная модель поведения, которая более характерна для ребенка, чем для взрослого человека. Это, прежде всего, трудности в принятии решений; стремление получать советы и поддержку окружающих; неопределенная реакция в ответ на критику и неодобрение; проявление любой инициативы сопровождается чувством страха; подавленные эмоции; нечестность. Для них свойственна скрытность, двойная мораль [5].

Виктимность детей является формой дезадаптивного поведения, с помощью которого они пытаются преодолеть тревогу, формируются, развиваются. Такое поведение реализуется и закрепляется в

семейной системе, где ребенок выполняет определенную специфическую роль. Виктимные дети жертвуют своим «Я» для того, чтобы быть принятыми семейной системой или такой, которая ее может заменить. Таким образом, на процесс дезадаптации и формирования виктимности влияют особенности психологических защитных механизмов родителей, причем существуют различия в воздействии защитных механизмов отцов и матерей или лиц, которые их заменяют и выполняют соответствующие функции.

Защитные механизмы родительской психики вместе с выбранным стилем воспитания могут способствовать формированию тревожности, внушаемости и агрессивности как базовых личностных черт ребенка [6].

В настоящее время понятие «детей как жертв социального сиротства» приобрело новые характеристики. Анализ показывает, что более половины задержанных за бродяжничество детей (53 %) — дети из неблагополучных семей, около 40 % — воспитывались в неполных семьях. Нежелание родителей заниматься воспитанием детей, их содержанием, пьянство в семьях, обеднение большинства семей способствуют распространению детской беспризорности.

Главная причина принудительного сиротства — алкоголизм. Увеличивается количество случаев жестокого обращения с детьми в семье. Дети попадают под опеку государства обычно уже с нарушениями психики и интеллектуально запущенными. Тяжелые впечатления и отсутствие положительных примеров приводят к замедленному эмоциональному и интеллектуальному развитию. У детей-сирот общие подростковые проблемы сочетаются с отсутствием поддержки со стороны родных и близких. Сегодня неопределенность и нестабильность жизненных условий в нашей стране особенно болезненно отразились на судьбах социально незащищенных групп населения, к числу которых относятся и дети-сироты [7].

Насилие над детьми — это болезненный вопрос, который вызывает серьезную обеспокоенность общества. Его можно рассматривать в рамках четырех категорий, две из которых, хотя и не являются насилием в прямом смысле этого слова, но также оказывают вредное воздействие на детей. Именно такие дети в силу сложившихся обстоятельств становятся жертвами преступлений против жизни и здоровья. Пренебрежение — хроническая неспособность родителей или лиц, осуществляющих уход, обеспечить основные потребности ребенка в заботе, пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите и уходе. Это отношение является результатом безответственности взрослых. Оно варьируется от случаев, когда родители оставляют ребенка одного дома без присмотра на несколько часов, пока они ра-

ботають, до так называемых случаев «один дома», когда ребенок остается без присмотра, а родители уезжают на выходные или праздники. Худшим вариантом является ситуация, когда лицо, ответственное за ребенка, не делает того, что нужно для обеспечения его здоровья, безопасности и физического развития. Например, когда ребенок голодает, содержится в холодном помещении, когда у него нет одежды, возможности учиться и тому подобное.

Комплексный анализ компонентов виктимности детей, ее форм и проявлений в различных сферах социальной жизни позволяет глубже понять социальные и психологические истоки отклонений от безопасного поведения детей, определить особенности взаимодействия жертвы и преступника в механизме преступного поведения.

1. Волянчук Н. Ю., Ложкін Г. В., Папуша В. В. Віктимність як предмет психологічного аналізу [Електронний ресурс]. URL: <https://www.google.com/search?ei=L91NXIrZA4qjsgHh2KaAAg&q> (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
2. Сорокотягина Д. А. Виктимологический анализ при расследовании преступлений // Криміналістическа віктимологія (вопросы теории и практики) : сб. науч. тр. Иркутск, 1980. 124 с. [Вернуться к статье](#)
3. Шевченко Л. О. Оберемко Ю. О. Особливості віктимності неповнолітніх // Форум права. 2014. № 4. С. 353–358 [Електронний ресурс]. URL: file:///C:/Documents%20and%20Settings/user/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/FP_ind ex.htm_2014_4_63.pdf (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Терпелюк В. Критерії, показники та рівні ризику віктимізації підлітків – учнів загальноосвітніх шкіл // Вісник Харківської державної академії культури. 2012. Вип. 38. С. 277–286. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/hak_2012_38_34 (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Одинцова М. А. Психология жертвы. Сказкотерапия для взрослых. Самара: Бахрах-М, 2010. 240 с. [Вернуться к статье](#)
6. Рень Л. В. Підліткова віктимність у соціально-педагогічному вимірі. [Електронний ресурс]. URL: http://visnyk.chnpu.edu.ua/?wpfb_dl=3180 (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
7. Кримінологічна віктимологія злочинів, вчинених стосовно неповнолітніх. [Електронний ресурс]. URL: https://www.naiu.kiev.ua/books/kryminoloh_viktym/files/t8.pdf (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

О. Г. Каразей

*заместитель начальника главного управления —
начальник управления профилактики главного управления
охраны правопорядка и профилактики милиции
общественной безопасности МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

О «ГЕНДЕРНОМ ВОПРОСЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛИЯ

В минувшем году при обсуждении вопроса о необходимости совершенствования законодательства, направленного на профилактику насилия в семье, в средствах массовой информации активизировалась дискуссия о допустимости применения в данной работе «гендерного» подхода. При этом положительное решение рассматриваемого вопроса, по мнению ряда авторов, повлечет крайне негативные последствия не только для профилактики семейного насилия, но и самого института семьи, а также для государства в целом.

Так, на правовом форуме Беларуси недопустимость учета гендерного вопроса в отечественном дискурсе обосновывалась тем, что «слово «гендер» фактически заменяет понятие биологического пола на социальный пол... согласно соответствующей теории... вне зависимости от пола при рождении человек сам определяет свой пол»; «принцип гендерной идеологии... несет в себе идеи всевозможной сексуальной ориентации, однополых «браков» и извращений как нормы»; «понятие гендер — иностранное и нашим людям не понятное» [1]. Следует отметить, что авторами данных утверждений последовательные аргументы в подтверждение своих тезисов не приведены.

В то же время считаем, что приведенные выше подходы к оценке понятия «гендер» и его опасности являются предвзятыми и однобокими. Сам по себе термин не может априори повлечь негативные или позитивные последствия, это просто слово. Реализация же государственной политики в том либо ином направлении будет определяться наполнением термина конкретным смыслом, одинаково понятным для всех заинтересованных.

В настоящее время международным сообществом под гендерным равенством понимается принцип, который предусматривает равные права женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности независимо от пола. Гендерное равенство является составляющей прав человека в широком смысле, следовательно, является неотъемлемым правом каждого. Однако понимать «гендерное равенство» только как

равенство мужчин и женщин не верно, так как дефиниции «пол» и «гендер» не совпадают по своему значению.

Пол — понятие, характеризующее биологические, физиологические и анатомические особенности, с которыми рождаются люди. Пол при отсутствии медицинского вмешательства не меняется. Так, к характеристике пола человека относятся термины «мужчина», «женщина». Гендер — результат обучения. Девочек и мальчиков на основе их пола учат принимать и выполнять разные социальные характеристики, роли, формы поведения в рамках конкретного социума. Гендерные роли меняются с течением времени, внутри и между сообществами и культурами. Соответственно, к характеристике гендера относятся термины «мужской», «женский».

Применительно к проблеме насилия рассматриваемая терминология раскрыта в Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (далее — Конвенция) [2].

Поскольку Конвенция устанавливает обязанность предотвращать и бороться с насилием против женщин в рамках решения глобальной проблемы достижения равенства между женщинами и мужчинами, ее авторы дали определение понятию «гендер», основываясь на существовании двух полов: мужского и женского. Под названным термином понимаются социально-закрепленные роли, поведение, деятельность и характеристики, которые определенное общество рассматривает как соответствующие женщинам и мужчинам. Таким образом, термин «гендер», согласно приведенному определению, не предназначен подменять понятия «женщина» и «мужчина». Имеется в виду, что определенные в каком-либо обществе, особенно в традиционном, роли поведения мужчин и женщин способствуют тому, чтобы насилие в отношении женщин воспринималось приемлемым. Чтобы преодолеть такие гендерные роли статья 12 Конвенции в качестве общеобязательного условия предупреждения насилия обязывает искоренять предрассудки, обычаи, традиции и любые иные практики, которые основаны на идее неполноценности женщин или стереотипных представлениях о роли женщин и мужчин.

Используемый в Конвенции термин «насилие в отношении женщин по гендерному признаку» характеризует насилие, которое направлено на женщину, потому что она является женщиной, либо если такое насилие несоразмерно больше затрагивает женщин. Дефиниция должна пониматься через призму защиты женщин от насилия, вытекающего из гендерных стереотипов. Такие действия отличаются от других видов насилия тем, что пол жертвы — первичный повод для актов насилия.

Естественно, для Беларуси необязательна используемая в документах Совета Европы терминология, однако она в полной мере соотносится с подходами принятой еще в 1979 году Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, участницей которой наша страна является [3], и где прямо говорится о необходимости упразднения не только неравенства полов, но и «стереотипности роли мужчин и женщин».

В настоящее время обеспечение гендерного равенства является 5-й целью устойчивого развития, содержащейся в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», которой привержена и Беларусь. Многие годы в нашей стране реализуются Национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства, гендерная терминология используется в отечественном законодательстве.

В этой связи вопросы, связанные с понятием и содержанием гендера, целью и задачами соответствующей государственной политики в стране, четко определены, одинаково понимаются заинтересованными.

Использование же результатов гендерных исследований в деятельности по профилактике правонарушений позволит выработать законодательные положения, эффективные механизмы по:

совершенствованию существующих в законодательстве дефиниций, в том числе уголовно наказуемых деяний, криминализации всех видов насилия;

началу уголовного преследования по делам о насилии при отсутствии заявлений пострадавших, условиям прекращения таких дел;

противодействию насилию в отношении женщин и насилию в семье;

повышению уровня осведомленности о правах женщин, ставших жертвами насилия, и о доступных им средствах правовой защиты;

учету гендерных аспектов в секторе правосудия, формированию системы, учитывающей данную проблематику;

расширению возможностей специалистов в области права, в том числе сотрудников органов внутренних дел, следователей, прокуроров, судей, при рассмотрении случаев насилия в отношении женщин.

1. О концепции проекта Закона «О противодействии домашнему насилию» [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. URL : <http://forumpravo.by/forums/actual.aspx?forum=29&topic=10319> (дата обращения: 23.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [заключена в г. Стамбуле 11.05.2011 г.] [Электрон-

ный ресурс] // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. О ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета БССР, 22 дек. 1980 г., № 728-X. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

*П. Н. Кобец**главный научный сотрудник ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, профессор**К. А. Краснова**ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦАМИ, СТРАДАЮЩИМИ
ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ
И СУИЦИДАЛЬНЫМИ НАКЛОННОСТЯМИ
(на примере США)**

Преступления, совершенные лицами с психическими расстройствами и суицидальными наклонностями, вызывают особый общественный резонанс и тревогу у граждан, прежде всего, в силу неочевидности мотивации и, на первый взгляд, абсолютной невозможности их предотвращения. Исследование зарубежного опыта свидетельствует об эффективности лечения и всесторонней социальной поддержки таких лиц. В этой связи изучение положения дел в США может стать полезным для понимания сходных явлений в нашей стране.

В системе предупреждения преступлений, совершаемых лицами с психическими аномалиями, не исключаящими вменяемости, общесоциальные, специальные и индивидуальные меры взаимосвязаны и взаимообусловлены [1, с. 44]. Принимая во внимание тот факт, что один из пяти американцев в течение года переживает психические расстройства, в каждом социуме необходимо иметь эффективную систему для лечения таких лиц и поддержания их здоровья [2, с. 312–320]. Однако во многих штатах такая система оказывается недоступной для нуждающихся в ней [3, с. 126–142]. В результате подобной фрагментарности при лечении наркоманов и психически нездоровых людей и ограниченности доступа к ней (например, с понедельника по пятницу) повышается вероятность того, что люди, страдающие психическими заболеваниями и суицидальными наклонностями, не получают своевременную помощь [4, с. 93–100].

Основополагающим документом в данной сфере является «Национальная стратегия деятельности федеральных министерств и ведомств по предотвращению самоубийств», принятая в январе 2008 г. [5, с. 171–173].

Необходимо отметить, что проблема суицида актуальна для большинства стран мира, в том числе и для нашей страны [6, с. 52–54]. Россия сегодня находится среди мировых лидеров (она делит с Японией 5–6 место, следуя за Южной Кореей, Индией и Китаем [7, с. 99–103]. В США суицид занимает место в первой десятке причин смерти, являясь причиной приблизительно 1,5 % всех смертей [8, с. 12].

Проведенное исследование разнообразных источников показывает, что среди страдающих суицидальными наклонностями немало молодых людей [9, с. 78]. Большинство же составляют лица, употребляющие алкоголь или наркотики, в результате чего они оказываются зависимыми от них и не в силах избежать состояния воздержания и дальнейшей декомпенсации [10].

Следует подчеркнуть, что все большее количество таких лиц оказывается в контакте с уголовным правосудием и пенитенциарной системой. В США патрульные все чаще встречаются с теми, кто находится в состоянии кризиса и не только нарушают правопорядок, но и готовы покончить жизнь самоубийством. Такие лица зачастую подвергаются насилию со стороны сотрудников правоохранительных органов, которое порой приводит к суицидальным происшествиям. Подобный контакт может начаться со звонка в полицию владельца магазина с требованием «сделать что-нибудь» с неопрятным молодым человеком, прогуливающимся перед витринами, или требований общественности не позволять неким личностям спать на скамейках в парке — до более экстремальных вызовов 911 от испуганного человека, который сообщает, что его возлюбленная или ее возлюбленный угрожает покончить собой.

Обобщая практику, отметим, что полиция сталкивается с лицами, страдающими психическими отклонениями, в одной или нескольких из пяти основных ситуаций: когда они выступают в качестве жертвы преступления; свидетеля преступления; предмета злонамеренного вызова; возможного преступника; либо они представляют угрозу для себя или других.

Таким образом, данная проблема требует пристального внимания со стороны общества и государства. Перспективным направлением считаем разработку на федеральном уровне стратегического документа в сфере оказания помощи лицам с психическими расстройствами, в том числе находящимся в местах отбывания наказания в виде лишения свободы.

1. Семенцова И. А. Особенности индивидуально-профилактической работы с лицами, совершившими преступление и страдающими психическим расстройством, не

исключающим вменяемости // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 4(71). С. 44–48. [Вернуться к статье](#)

2. Дорошенко Е. Е. Американский закон о суициде // Актуальные проблемы экономики, управления, права: сб. ст. / Ин-т экономики и предпринимательства; сост. Ю. А. Соколова. М., 2002. [Вернуться к статье](#)

3. Богданов С. В. Самоубийства в СССР и США в 1920-е гг.: особенности национальных трагедий // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1. С. 126–142. [Вернуться к статье](#)

4. Влияние экстремальных факторов служебной деятельности на психическое здоровье специалистов опасных профессий (обзор зарубежных исследований) / Булыгин В. Г. [и др.] // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 3. С. 93–100. [Вернуться к статье](#)

5. Федак Е. И., Мишин Р. В. Система профилактики суицида в армии США // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1(56). С. 171–173. [Вернуться к статье](#)

6. Положий Б. С., Фритлинский В. С., Агеев С. Е. Частота суицидов среди несовершеннолетних в России // Российский психиатрический журнал. 2016. № 5. С. 52–54. [Вернуться к статье](#)

7. Квашис В. Е., Настуев И. М. О тенденциях в динамике самоубийств в Японии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6 (67). С. 99–103. [Вернуться к статье](#)

8. Беляева К. В. Суицид как социальная проблема в американском обществе // Аспирант. Приложение к журналу Вестник забайкальского государственного университета. 2010. № 1 (7). С. 11–13. [Вернуться к статье](#)

9. Ережипалиев Д. И., Краснова К. А. Противодействие кибербуллицу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юристъ — Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 78–84. [Вернуться к статье](#)

10. Психическое здоровье: отвечая на призыв к действиям [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/81387/ra5518.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 02.01.2018). [Вернуться к статье](#)

11. Пархоменко А. Резонансные происшествия в зарубежных тюрьмах: 2015 год // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 8 (171). С. 53–57. [Вернуться к статье](#)

В. А. Кудинов

*профессор кафедры информационных технологий
и кибербезопасности Национальной академии
внутренних дел (Украина),
кандидат физико-математических наук, доцент*

АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ КОЛИЧЕСТВА ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В ЕДИНОМ РЕЕСТРЕ ДОСУДЕБНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В УКРАИНЕ В 2018 ГОДУ ОТ МЕСЯЦА

Одна из основных задач Национальной полиции Украины — это реализация государственной политики в сфере обеспечения охраны прав и свобод человека, интересов общества и государства, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка [1]. Национальная полиция, в соответствии с возложенными на нее задачами, осуществляет своевременное реагирование на заявления и сообщения об уголовных, административных правонарушениях или событиях, проводит мониторинг оперативной обстановки в государстве, изучает, анализирует и обобщает результаты и эффективность полицейской деятельности и т. д.

На рисунке 1 представлены результаты анализа зависимости количества сообщений о преступлениях, произошедших в Украине в 2002–2010 годах, от месяца года с использованием данных автоматизированной системы оперативного информирования МВД Украины [2; 3; 4]. Авторы на графиках выделяют 2 максимума: в апреле и сентябре-октябре. Таким образом, весной и осенью наблюдается увеличение количества зарегистрированных контрольных преступлений, что необходимо учитывать в дальнейшем при планировании работы правоохранительных органов Украины с целью проведения соответствующих профилактических мероприятий по противодействию преступности в стране.

Как известно, с 20 ноября 2012 года информация о состоянии и структуре преступности в Украине находится в Едином реестре досудебных расследований, держателем которого является Генеральная прокуратура Украины [5]. Реестр создан и ведется в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Украины с целью обеспечения: 1) регистрации уголовных правонарушений (производств) и учета принятых во время досудебного расследования решений, лиц, их совершивших, и результатов судебного производства;

2) анализа состояния и структуры уголовных преступлений, совершенных в государстве; 3) информационно-аналитического обеспечения правоохранительных органов и т. д.

Актуальной научно-практической проблемой, на наш взгляд, является анализ зависимости количества зарегистрированных в Едином реестре досудебных расследований уголовных правонарушений в Украине от месяца года. В качестве исследовательской базы использованы статистические данные Единых отчетов об уголовных правонарушениях в стране за январь–декабрь 2018 года [6]. На рисунке 2 представлена зависимость общего количества зарегистрированных уголовных правонарушений в Украине в 2018 году от месяца. На рисунке 3 представлена зависимость количества зарегистрированных особо тяжких, тяжких преступлений, преступлений средней и небольшой тяжести в Украине в 2018 году от месяца.

На их основании можно сделать следующие выводы: 1) в конце года регистрируется значительно меньше уголовных правонарушений, чем в его начале; 2) наблюдается локальное увеличение общего количества зарегистрированных уголовных правонарушений, преступлений средней и небольшой тяжести в январе, апреле, июле и октябре, то есть в начале каждого квартала года; 3) наблюдается локальное уменьшение количества зарегистрированных особо тяжких преступлений в феврале и августе.

Полученные закономерности необходимо учитывать органам и подразделениям Национальной полиции Украины при планировании соответствующих мероприятий по противодействию преступности.

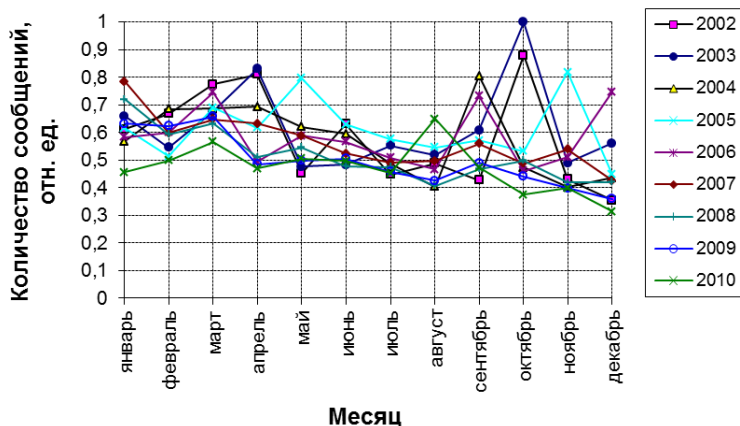

Рисунок 1 — Зависимость количества сообщений о преступлениях, произошедших в Украине в 2002–2010 годах, от месяца

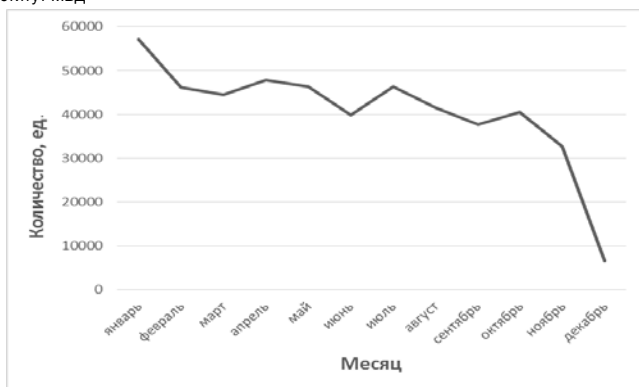

Рисунок 2 — Зависимость общего количества зарегистрированных уголовных правонарушений в Украине в 2018 году от месяца

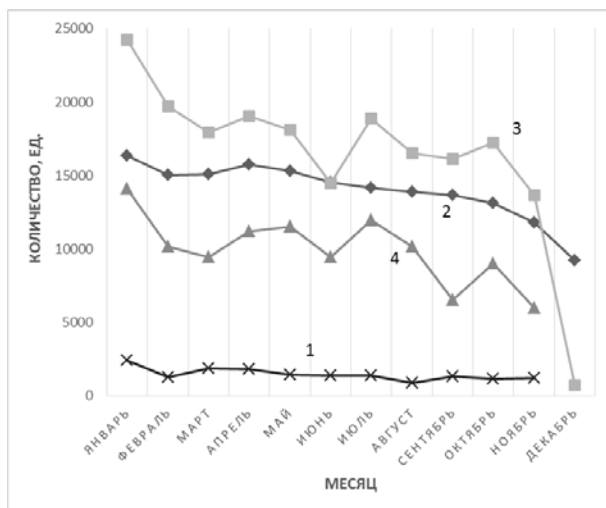

Рисунок 3 — Зависимость количества зарегистрированных особо тяжких (1), тяжких (2) преступлений, преступлений средней (3) и небольшой (4) тяжести в Украине в 2018 году от месяца

1. Об утверждении Положения о Национальной полиции [Электронный ресурс] : постановление Кабинета Министров Украины, 28 окт. 2015 г., № 877 // Верховная Рада Украины. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/877-2015-%D0%BF> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Кудинов В. А., Смаглюк В. М. Динамика преступлений в сфере высоких технологий в Украине в 2002–2010 годах по данным МВД Украины // Актуальные проблемы управления информационной безопасностью государства : сб. материалов науч.-практ.

конф., Киев, 22 марта 2011 г. Киев : Нац. акад. СБ Украины, 2011. Ч. 2. С. 39-43.
[Вернуться к статье](#)

3. Кудинов В. А. Анализ оперативной обстановки возможностями автоматизированной системы оперативного информирования МВД Украины // Бюллетень по обмену опытом работы МВД Украины. 2012. № 190. С. 28–33. [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Инструкции по организации реагирования на заявления и сообщения об уголовных, административных правонарушениях или событиях и оперативного информирования в органах (подразделениях) Национальной полиции Украины [Электронный ресурс] : приказ МВД Украины, 16 февр. 2018 г., № 111 // Верховная Рада Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0371-18#n7> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Положения о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований [Электронный ресурс] : приказ Генеральной прокуратуры Украины, 6 апр. 2016 г., № 139 // Верховная Рада Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0680-16> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Статистическая информация за 2018 год [Электронный ресурс] / Интернет-портал Генеральной прокуратуры Украины. URL: <https://www.gp.gov.ua/ua/statinfo.html> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

И. С. Лебешев

*адъюнкт факультета подготовки научных
и педагогических кадров*

Академии права и управления ФСИН России

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С РЕЦИДИВИСТАМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Рецидивная преступность является одним из наиболее опасных, угрожающих государственной и общественной безопасности криминальных феноменов [1, с. 3]. Именно состояние уголовно наказуемого рецидива преступлений в своей совокупности выступает не только показателем общего характера и особенностей преступности в том или ином регионе, но и характеристикой эффективности правоохранительной деятельности в целом. Более того, активизация и рост рецидивной преступности детерминирует преступность в новых поколениях.

В последнее время активно совершенствуется государственная политика в области исполнения наказаний. Однако, несмотря на существенные изменения в уголовном, уголовно-исполнительном, а также административном законодательстве, рецидивная преступность остается большой проблемой для государства и общества в целом. Исходя из официальных данных о состоянии преступности с 2013 года по ноябрь 2018 года, опубликованных Министерством внутренних дел РФ, следует, что каждое второе раскрытое преступление совершено лицом, уже совершавшим преступление. То есть удельный вес рецидивной преступности составляет более 50 % всех преступлений в стране.

Для сокращения роста рецидивной преступности, уменьшения ее удельного веса, помимо предупреждения и профилактики совершения новых преступлений, необходимо уделять особое внимание проведению направленной воспитательной работы с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы.

Именно проведение грамотной воспитательной работы с осужденными рецидивистами в местах лишения свободы способствует переоценке ими своего поведения, отказу от преступного прошлого, возвращению законопослушного гражданина в общество, позволяет сократить уровень рецидивной преступности в целом.

Основной целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных, а в соответствии с ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) воспитательная работа является основным средством исправления осужденных.

Статья 109 УИК РФ определяет, что воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общения, на повышение их образовательного и культурного уровня.

Воспитательная работа с осужденными должна носить индивидуальный подход. При выборе форм и методов воспитательной работы необходимо учитывать характерные особенности конкретной группы осужденных. Так, организуя воспитательный процесс с рецидивистами, необходимо учитывать особые антисоциальные качества данной категории людей. Рецидивисты характеризуются негативным отношением к обществу и государству, отсутствием потребности в трудовой деятельности, низким уровнем образования, паразитическим образом жизни.

Для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства необходимо всестороннее изучение личности осужденного, грамотный подбор методов воспитательной работы, взаимодействие между отделами и службами исправительного учреждения.

В настоящий момент особое внимание со стороны сотрудников пенитенциарной службы уделяется индивидуальной воспитательной работе с осужденными. При проведении данной работы сотрудники получают информацию об осужденном как о личности, выявляют их личностные качества, отношение к учебе и труду, совершенному преступлению, наличие социально полезных связей и др. Индивидуальная воспитательная работа начинается с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение и продолжается весь период отбывания наказания. Она включает в себя: изучение психологического климата в коллективе осужденных; выявление неформальных лидеров; использование стандартных методик изучения личности преступника и организации работы с осужденными, относящимися к различным социально-демографическим группам; составление и реализацию планов индивидуальной работы с конкретными лицами; ведение дневника индивидуально-воспитательной работы; проведение аттестации осужденных; организацию работы по склонению осужденных к явке с повинной, досрочному погашению исков; подготовку осужденных к освобождению и т. д.

Поддержание социально полезных связей является одним из ключевых факторов, благоприятно способствующих исправлению

осужденных. Именно сохранение семьи способствует переоценке взглядов осужденного, изменению его поведения, успешной адаптации к жизни в обществе. Сотрудниками воспитательных отделов проводится большая профилактическая работа с родственниками осужденных, оказывается содействие в разрешении спорных и конфликтных ситуаций, связанных с исполнением наказания.

Важной частью индивидуальной воспитательной работы с осужденными является подготовка осужденного к освобождению. Перед освобождением необходимо удостовериться, что осужденный обеспечен жилым помещением, оказать помощь в трудоустройстве. Работа в данный период отбывания наказания является результатом деятельности сотрудников воспитательной службы за весь период отбывания наказания осужденного.

1. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 345 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 65.012.8:334.758.2(477)

А. В. Мельковский
доцент кафедры уголовного права и правосудия
юридического факультета
Запорожского национального университета (Украина)

БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

В современных экономических условиях под безопасностью предприятия необходимо понимать состояние защищенности объекта, его способности к противодействию возможным угрозам в условиях существующих внутренних и внешних негативных факторов влияния. Поэтому к основным функциям структур, обеспечивающих безопасность предприятия, относятся обнаружение, предупреждение, снижение, ослабление, нейтрализация и устранение соответствующих угроз и в целом предотвращение негативных влияний, в том числе предупреждение преступных посягательств.

Главным заданием службы безопасности предприятия является общее обеспечение его безопасности, защита коммерческой, промышленной, финансовой, служебной и другой информации, независимо от ее назначения и форм. При этом следует обязательно учитывать качественные характеристики каналов возможной утечки информации и потенциальные намерения конкурентов и других субъектов противоправной деятельности.

Создание службы безопасности предприятия обусловлено, как правило, необходимостью реагирования на угрозы имуществу, физической безопасности персонала, наличием неудовлетворительного состояния экономической безопасности. Поэтому к созданию данной службы на предприятии, по нашему мнению, следует подходить профессионально, руководствуясь прежде всего научными наработками и практическим опытом функционирования служб безопасности в государственных структурах.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова безопасность определяется как «состояние, при котором отсутствует любая угроза (опасность)», поэтому безопасность — это защита от опасности [1, с. 38].

Некоторые авторы определяют безопасность как гарантированную конституционными, законодательными и практическими мерами защищенность и обеспеченность жизненно важных интересов объекта от внешних и внутренних угроз.

При этом выделяют следующие базовые признаки этого понятия:

1. Безопасность — это состояние объекта.
2. Безопасность — это способность объекта, явления или процесса сохранять свою сущность в условиях целенаправленного, разрушительного то ли внутреннего, то ли внешнего воздействия, иными словами, безопасность аналогична гомеостазу.
3. Безопасность — свойство системы, построенной на принципах структурной устойчивости, самоорганизации, целостности. Каждое из этих свойств является системообразующим, то есть разрушение любого из них приводит к коллапсу системы.
4. Безопасность — гарантия, необходимое условие жизнедеятельности личности, общества, государства, что позволяет им сохранять и увеличивать духовные и материальные ценности.
5. Безопасность — отсутствие опасностей и угроз для объекта.

Таким образом, учитывая предыдущие выводы, следует определить безопасность как основанную на принципах комплексного программирования и планирования деятельность специальных субъектов — подразделений (служб) безопасности, которые должны иметь целью достижение такого уровня защищенности жизненно важных интересов системы, который отвечает основным критериям безопасности.

Основными направлениями деятельности этих подразделений должны быть: противодействие противоправной деятельности субъектов опасости, создание условий, противодействующих их возникновению.

Под категорией «обеспечение безопасности» необходимо понимать систему правовых, организационных, кадровых, информационных и других мероприятий, осуществляемых (реализуемых) специальными субъектами.

Согласно научным взглядам на понятие «деятельность по обеспечению безопасности предприятий» нами предлагается обобщенное его определение, а именно: обеспечение безопасности на предприятии — это деятельность соответствующих структур (службы безопасности), которая позволяет обеспечить условия, при которых отсутствуют и предупреждены любые внутренние и внешние угрозы для всей системы предприятия.

Целью обеспечения безопасности предприятия является комплексное воздействие на потенциальные и реальные угрозы, позволяющее успешно функционировать предприятию в нестабильных условиях внешнего и внутреннего воздействия.

Для достижения указанной цели необходимо реализовать следующие задачи:

- выявление угроз безопасности предприятия и отработка мер противодействия;

- обеспечение защиты технологических процессов;
- реализация мер противодействия всем видам шпионажа (промышленного, научно-технического, экономического и т. п.);
- своевременное информирование руководства о фактах нарушения законодательства и интересов предприятия со стороны органов государственной власти и местного самоуправления;
- предупреждение утечки через действующих работников конфиденциальной информации;
- всестороннее изучение и проверка деловых партнеров;
- своевременное выявление и соответствующее реагирование на дезинформационные мероприятия;
- разработка и совершенствование локальных (ведомственных) правовых актов, направленных на обеспечение безопасности предприятия;
- реализация мероприятий по защите коммерческой и другой корпоративной тайны;
- организация мероприятий по противодействию недобросовестной конкуренции;
- обеспечение защиты ресурсной базы предприятия;
- реализация мероприятий по защите интеллектуальной собственности;
- организация и проведение мероприятий по предотвращению чрезвычайных ситуаций;
- выявление, своевременное информирование и разработка рекомендаций по устранению негативных тенденций в состоянии производственной дисциплины, личных отношений персонала предприятия;
- организация взаимодействия с правоохранительными и контролирующими органами с целью предотвращения правонарушений, направленных против интересов предприятия;
- разработка и реализация мероприятий по предупреждению угроз физической безопасности персонала и имуществу предприятия;
- принятие мер по возмещению материального и морального ущерба, принесенного неправомерными действиями организаций и физических лиц.

Учитывая данные факторы, считаем, что вопросы обеспечения безопасности на предприятиях в современных условиях экономического кризиса требуют профессионального анализа и дальнейшего всестороннего научного исследования.

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 18-е, стереотип. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1986. [Вернуться к статье](#)

В. И. Резюк

*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета
им. А. С. Пушкина (Беларусь)*

СУБЪЕКТ ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ КАК КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМОГО ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ — РУКОВОДИТЕЛЕМ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Актуальным для эффективного предупреждения совершения коррупционных преступлений является повышение уровня юридической понятийной определенности отдельных положений. Хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемые должностными лицами — руководителями негосударственных организаций, в криминологии приоритетно не рассматриваются, что не способствует повышению качества противодействия и профилактики совершения данных преступлений.

Негосударственными организациями следует называть организации различных организационно-правовых форм и видов деятельности, не принадлежащие государству (в уставном капитале которых нет доли государства).

Руководитель негосударственной организации — это лицо, согласно законодательству и учредительным документам соответствующего субъекта экономической деятельности, выполняющее функции его исполнительного органа. К руководителям негосударственных организаций относят директора, начальника структурного подразделения (филиала, в частности), их заместителей, в отдельных случаях — главных бухгалтеров и других лиц.

Как показывает анализ правоприменительной практики, в ряде случаев хищения путем злоупотребления служебными полномочиями — преступления, предусмотренные ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), совершают должностные лица, являющиеся руководителями негосударственных организаций. При совершении указанного общественно опасного деяния нарушаются нормы уголовного закона, а также требования Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (далее — Закон «О борьбе с коррупцией»).

В Гомельской области директор негосударственной организации — общества с ограниченной ответственностью — В. совершил хищение путем злоупотребления служебными полномочиями в особо крупном размере (ч. 4 ст. 210 УК). Указанное лицо похитило имущество (сахар), полученное организацией на ответственное хранение, находившееся в его фактическом оперативном распоряжении [1, с. 50].

По мнению В. П. Шиенка, в криминологии, являющейся основой наук криминального цикла, индивидуум необходимо воспринимать «как часть ... внешней среды», как «центр соответствующих ситуаций», что позволяет выделить «глубинные причины преступлений» [2, с. 91–92]. Уточненное определение субъектов преступлений позволяет обеспечить соблюдение принципов законности, личной виновной ответственности, повысить эффективность правоприменения антикоррупционного законодательства с одной стороны, и качество предупредительно-профилактических мероприятий при уточнении объектов предупреждения и профилактики — с другой. В связи с этим характеристика субъекта хищения путем злоупотребления служебными полномочиями — должностного лица, являющегося руководителем негосударственной организации, — требует дополнительного толкования с позиций Закона «О борьбе с коррупцией» и УК.

Субъект хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) специальный — должностное лицо. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 4 УК, под должностными лицами, наряду с иными, понимаются лица, постоянно или временно по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях независимо от форм собственности должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей. В случае включения руководителей негосударственных организаций в кадровый реестр Главы государства и кадровый реестр Совета Министров Республики Беларусь лицо приобретает статус должностного лица, занимающего ответственное положение.

Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6 установлен перечень коррупционных преступлений (постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комите-

та Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 перечень фактически переутвержден) — хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) обозначено как коррупционное преступление.

Фактически коррупционное преступление является коррупционным правонарушением (в рассматриваемом случае — это действие уполномоченного лица с целью незаконного извлечения выгоды), которое характеризуется общественной опасностью. Субъектами коррупционных правонарушений, согласно Закону «О борьбе с коррупцией», являются:

- 1) государственные должностные лица;
- 2) лица, приравненные к государственным должностным лицам;
- 3) иностранные должностные лица;
- 4) лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

Согласно ст. 1 Закона «О борьбе с коррупцией», к лицам, приравненным к государственным должностным, наряду с иными, относятся лица, постоянно или временно по специальному полномочию занимающие в негосударственных организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей (за исключением лиц, занимающих ответственное положение). Должностное лицо негосударственной организации может быть включено в кадровые реестры Главы государства Республики Беларусь и Совета Министров Республики Беларусь — в этом случае данное лицо будет относиться к государственным должностным лицам, занимающим ответственное положение.

Таким образом, субъект хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, совершаемого должностным лицом — руководителем негосударственной организации, — это должностное лицо (в т. ч. занимающее ответственное положение), являющееся государственным должностным лицом, занимающим ответственное положение, или лицом, приравненным к государственным должностным лицам. Комплексная юридическая характеристика указанного вида субъекта преступления с позиции УК и Закона «О борьбе с коррупцией» является основой последующих криминологических исследований, стратегической целью которых является предупреждение совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями.

1. О практике применения судами законодательства по делам о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) (по материалам обзора) // Судовы Веснік. 2014. № 3. С. 47–51. [Вернуться к статье](#)

2. Шиенок В. П. Очерки гуманистической методологии и национальной юриспруденции : монография. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. 158 с.

[Вернуться к статье](#)

А. А. Титаренко

докторант Харьковского национального университета

внутренних дел (Украина),

кандидат юридических наук, доцент

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ
РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОДНА
ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОГРАММ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕ
(методологический подход)**

В вопросах противодействия преступности в государстве на современном этапе его развития немаловажную роль играет сам процесс организации такой деятельности. В современных условиях, когда существует комплекс внутренних и внешних угроз национальной безопасности, в том числе и такой его составляющей, как общественная безопасность, организация противодействия преступности, а также и эффективность такой деятельности зависят от качества разработанных и утвержденных государственных документов стратегического планирования и программного обеспечения. К ним можно отнести следующие: концепция или доктрина противодействия преступности (в них отражаются основные векторы борьбы с преступностью на длительный период), стратегия (в том числе и отраслевые стратегии противодействия преступности), комплексная целевая программа (в том числе и программы противодействия отдельным видам преступности), планы.

В данной иерархии документов важное место занимает государственная комплексная целевая программа противодействия преступности, которая является частью социально-экономического планирования развития государства. Выборочный анализ существующих научных позиций относительно понятия программы противодействия преступности, в том числе с учетом положений Закона Украины «О государственных целевых программах» от 18 марта 2004 года [1], дает возможность определить ее как комплекс взаимосвязанных задач и системы мер, которые направлены на решение основных проблем в сфере противодействия преступности, а также оказания влияния на отдельные ее виды с учетом необходимых и имеющихся ресурсов. Сама деятельность или, точнее процесс формирования таких программ, получила в криминологической науке название программирования борьбы (противодействия, предотвращения, предупреждения или профилактики) с преступностью [2, с. 559].

Разные вопросы программирования борьбы (противодействия) с преступностью на государственном уровне рассматривали в своих работах такие отечественные и зарубежные ученые, как: А. И. Алексеев, Г. А. Аванесов, А. М. Бандурка, С. В. Бородин, В. В. Голина, Л. М. Давиденко, И. М. Даньшин, А. Н. Джужа, А. И. Долгова, А. П. Закалюк, А. Ф. Зелинский, М. М. Ключев, О. М. Литвак, О. Н. Литвинов, В. В. Лунеев, Г. М. Миньковский, В. Н. Кудрявцев, А. Б. Сахаров, В. И. Шакун и др. [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Программно-целевой подход по противодействию преступности сегодня остается эффективным средством организации данной деятельности на основе разумной дифференциации правоохранительного потенциала как в рамках всего государства, так и в отдельных его регионах (региональный уровень).

От качества программирования противодействия преступности непосредственно зависит и эффективность, а также реалистичность выполнения самой государственной программы.

Следует отметить, что в Украине с 2015 года, к сожалению, отсутствует разработанная и утвержденная на государственном уровне единая комплексная программа по противодействию преступности, хотя соответствующие предпосылки к ее формированию есть.

В то же время надо сказать, что работа по подготовке таких программ — это очень трудоемкий процесс, который включает в себя различные методы и способы сбора, анализа и обработки криминологической информации, составление криминологических прогнозов о возможном состоянии преступности, формирование и принятие управленческих решений по реализации задач, направленных на снижение преступности, определение субъектов реализации программных задач, расчет необходимых финансовых затрат и т. д.

Криминологическое прогнозирование в процессе формирования программных документов противодействия преступности занимает важное место. В то же время точность прогноза напрямую зависит от тех методов, которые используются для его проведения. По большей части в криминологической литературе делается акцент на использование трех основных методов: экстраполяции, моделирования и экспертных оценок. В то же время результаты криминологического прогнозирования активно используются для составления прогнозных сценариев развития преступности (криминологических сценариев развития преступности*). Последние базируются на результатах использо-

* Примечание. Под криминологическим сценарием развития преступности будем понимать вероятно возможный вариант изменения на определенной территории криминогенной обстановки в будущем, который будет включать в себя не только изменения

вания метода как математического моделирования, так и экспертного оценивания изменения состояния криминогенной обстановки в будущем. Фактически составление прогностических (криминологических) сценариев может выступать как некий результат более ранних прогнозов или как результат использования других методов прогнозирования, а также как самостоятельный метод (метод сценариев или сценарный метод) [9]. При этом следует отметить, что при составлении сценариев чаще всего используют три основных его варианта: оптимистический сценарий; пессимистический сценарий; реалистический сценарий (включает элементы двух предыдущих). Данный методологический прием используется тогда, когда происходят события, результаты которых очень трудно предвидеть, но при этом их влияние является очевидным [10, с. 203].

Учитывая тот факт, что сегодня Украина хоть и находится в сложных условиях, вопросы противодействия преступности, его программирования, а также снижения уровня криминогенной обстановки остаются на повестке дня. В то же время сегодня при формировании комплексной программы противодействия преступности в Украине, на наш взгляд, нельзя не учитывать влияние криминологических сценариев ее развития в ближайшей перспективе. На их формирование, кроме результатов прогнозирования политических, экономических, социально-демографических и других процессов, сильное влияние будут оказывать возможные варианты решения вооруженного конфликта на востоке Украины.

1. О государственных целевых программах [Электронный ресурс] : Закон Украины, 18 марта 2004 г., № 1621-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1621-15> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Українська кримінологічна енциклопедія / за заг. ред. В. В. Чернея, В. В. Сокурєнка ; упоряд. О. М. Джужа, О. М. Литвинов. Харків : Київ : Харк. нац. ун-т внутр. справ ; Нац. акад внутр. справ, Кримін. асоц. України, Золота миля. 2017. 804 с. [Вернуться к статье](#)

3. Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М. : Юрид. лит., 1972. 562 с. [Вернуться к статье](#)

4. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М. : Норма, 2001. 496 с. [Вернуться к статье](#)

5. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М. : Наука, 1990. 272 с. [Вернуться к статье](#)

6. Бандурка А. М., Давыденко Л. М. Преступность в Украине: причины и противодействие : монография. Харьков : Основа, 2003. 368 с. [Вернуться к статье](#)

7. Кримінологія. Академічний курс / за заг. ред. О. М. Литвинова. К. : Видавничий дім «Кондор», 2018. 588 с. [Вернуться к статье](#)

количественно-качественных показателей преступности, но и возможное негативное или позитивное влияние детерминационного комплекса, направление и интенсивность государственного влияния на преступность в зависимости от внешних и внутренних угроз.

8. Планирование мер борьбы с преступностью / отв. ред. В. М. Коган. М. : Ин-т государства и права АН СССР, 1982. 158 с. [Вернуться к статье](#)
9. Варенко В. М. Інформаційно-аналітична діяльність : навч. посіб. / В. М. Варенко. К. : Ун-т «Україна», 2013. 416 с. [Вернуться к статье](#)
10. Криминология : учебник / М. П. Клейменов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. 432 с. [Вернуться к статье](#)

О. К. Хотькина

*старший преподаватель кафедры криминологии и организации
профилактики преступлений Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук*

КОРРУПЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ РЕЦИДИВНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Высокий уровень зарегистрированных наркопреступлений в стране, многие из которых совершались ранее судимыми лицами, делает изучение детерминант рецидивной наркопреступности особенно актуальным. А в связи с повышенной опасностью коррупционных преступлений заслуживает пристального внимания изучение коррупционных детерминант рецидивной наркопреступности, поскольку борьба с преступностью в целом и преступлениями как коррупционного характера, так и наркопреступности в частности не может быть результативной без глубокого исследования причин и условий их совершения. Правильная организация и функционирование предупреждения преступности обязательно предполагает ясное представление о многоярусной системе причин и условий, обуславливающих существование этого отрицательного социального явления.

Переходя к рассмотрению коррупционных причин рецидивной наркопреступности, необходимо отметить, что для нее в целом характерны две группы факторов: первичные (причины и условия первого преступления) и вторичные (собственно детерминанты преступного рецидива).

Обобщая точки зрения ученых в области причинности преступности и данные проведенного нами исследования, мы выделяем следующий комплекс коррупционных причин рецидивной наркопреступности:

1. Общие причины, порождающие большинство разновидностей преступности, в том числе и наркопреступность:

- снижение социально-экономических условий жизни населения, усиление дифференциации между различными социальными группами по доходам;
- безработица;
- падение культурного уровня населения, господство идеологии потребления и добычи капитала любыми средствами, в том числе и путем совершения преступлений;
- активизация организованной преступности.

2. Индивидуальные причины наркопреступлений рецидивистов:

- деформация психологии досуга;
- искажение потребностно-мотивационной сферы;
- бытовая неустроенность;
- негативное влияние процесса отбывания наказания в виде лишения свободы;
- восстановление связей с преступными элементами.

Рецидивная преступность, как и преступность в целом, является сложным социальным явлением, истоки которого коренятся в негативных процессах, происходящих в обществе. Следовательно, для рецидивной наркопреступности характерны и причины, порождающие большинство видов преступности.

Таким образом, исследование коррупционных причин наркопреступлений рецидивистов позволяет отметить следующее:

1) для коррупционного причинного комплекса рецидивной наркопреступности характерны как общие причины всей преступности, в том числе и порождающие наркопреступность, так и индивидуальные причины преступного поведения рецидивистов;

2) на общем уровне проявляются причины существования всей преступности (коррупционной, наркопреступности, как первичной, так и рецидивной); среди них основными являлись: ухудшение социально-экономических условий жизни населения, усиление расслоения общества на сверхбогатых и бедных; безработица; падение культурного уровня населения; активная деятельность организованной (в том числе коррупционной) преступности по распространению наркотических средств;

3) на индивидуальном уровне в большинстве случаев мы имеем дело с феноменом социальной неустроенности рецидивистов, совершающих в последующем наркопреступления, выпадением их из процесса общественного развития.

Если под причиной преступности понимаются факторы социальной действительности, порождающие преступления, то условиями преступности являются факторы, которые способствуют ее существованию.

К блоку объективных коррупционных условий рецидивной наркопреступности, обуславливающих совершение наркопреступлений, мы относим:

- факторы, обуславливающие доступность наркотических средств;
- недостатки в профилактике распространения наркомании;
- высокий уровень спроса и предложения наркотических средств;
- латентность коррупционной преступности и наркопреступности.

К блоку объективных коррупционных условий рецидивной наркопреступности, обуславливающих в целом рецидив преступлений, мы относим:

- недостатки в деятельности правоохранительных органов;
- недостатки в деятельности судебной системы;
- несовершенство законодательства по борьбе с преступностью;
- недостатки в деятельности исправительных учреждений;
- проблемы ресоциализации бывших осужденных за наркопреступления;
- ослабление контроля за ранее судимыми лицами.

К блоку субъективных коррупционных условий рецидивной наркопреступности мы относим:

- проявление у рецидивистов признаков наркотической зависимости;
- получение выгоды любым путем;
- нахождение рецидивистов в негативной среде.

Коррупционные причины и условия наркопреступлений рецидивистов диалектически взаимосвязаны. Многие причины подобных деяний становились таковыми при взаимодействии с соответствующими условиями. Общим для всех детерминант наркопреступлений рецидивистов являлось то, что в основе большинства из них лежали противоречия развития общества. В числе последних наиболее распространены: объективная невозможность достижения равенства в доходах между различными слоями населения; недостатки профилактической работы, в том числе и по предупреждению преступлений; несоответствие между ростом потребностей населения и возможностями их удовлетворения и т. д. Эти и многие другие противоречия зачастую обостряли криминогенную мотивацию рецидивистов, что проявлялось в совершении ими наркопреступлений, а также порождали коррупционные условия, способствовавшие данным деяниям.

С. А. Челядинский
доцент специальной кафедры
Института национальной безопасности Республики Беларусь

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ЭКСТРЕМИЗМА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основным фактором, напрямую препятствующим единому подходу к определению экстремизма, является, на наш взгляд, политизированность оценки экстремизма как понятия со стороны различных стран, государственных институтов, отдельных экспертов. Каждая сторона в определении данного феномена исходит из собственного видения ситуации, своих интересов и безопасности. То, что для одной стороны может быть проявлением экстремизма, для другой не станет представлять особой опасности или даже будет отвечать ее интересам. Такое положение вещей представляет собой проблему, выражающуюся в наличии значительного числа разносторонних определений экстремизма и экстремистской деятельности и связанных с этим трудностей при выработке и осуществлении мер системы противодействия экстремизму и экстремистской деятельности.

Эти положения выделяет и В. В. Лунеев, подчеркивая, что «экстремизм, как та или иная крайность, наблюдается в различных сферах деятельности, который может в зависимости от ситуации получать в обществе позитивную или негативную оценку и ведет к переменам, инновациям, новым течениям, новым школам. Поэтому придание экстремизму только негативного и особенно политически преступного характера является глубоко односторонним, ошибочным решением» [1, с. 29–30].

На проблему терминологии экстремизма обратил свое внимание еще в 2000 году российский исследователь Л. А. Баширов, который отмечал, что «при решении проблем, связанных с экстремизмом, возникают трудности из-за отсутствия понятийного аппарата, пригодного для исследования этого явления, что объясняется некоторой ограниченностью, односторонностью старых теорий экстремизма» [2, с. 41].

Сегодня экстремизм стал средством решения практически всех конфликтов и проблем, возникающих в обществе и государстве.

По мнению Ю. М. Антоняна, экстремизм «всегда есть продукт разобщенности общества, которое не обрело или утратило общую идеологию, единые ценности и цели. Он может иметь место в странах, где есть значительные социальные группы людей, весьма недовольных

своим экономическим, социальным и духовным положением, считающих себя притесненными и униженными» [3, с. 246].

С разделением общества на социальные группы, объединенные по какому-либо одному или нескольким признакам, между ними стали возникать конфликты и их разрешение с помощью насилия, которые по своей сути и были первыми проявлениями экстремизма.

Современные ученые соотносят экстремизм либо с приверженностью к крайним взглядам и мерам, либо с активной деятельностью. Например, В. Ю. Голубовский определяет экстремизм как приверженность к крайним взглядам и мерам, отрицание существующих общественных норм и правил поведения в государстве со стороны отдельных лиц или объединений (групп) [4, с. 6].

А. Г. Хлебушкин, наоборот, считает, что экстремизм — это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам [5, с. 14].

По нашему мнению, следует разграничивать такие понятия, как экстремизм и экстремистская деятельность, так как экстремизм — это явление, а экстремистская деятельность — процесс, который как раз и раскрывается в формах, определенных в Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 года № 203-З [6, ст. 1].

Представляется возможным выделить следующие признаки, характеризующие экстремизм как феномен:

1) это всегда негативное явление, которое несет разрушение и страдание, хотя и декларирует достижение социально полезных целей;

2) данное негативное явление предполагает наличие определенных мировоззренческих взглядов на социальную проблему, так как экстремизм всегда связан с какой-нибудь социальной проблемой, является реакцией на нее и предлагает простой способ решения последней;

3) экстремизм всегда предполагает наличие образа врага, который и объявляется причиной той или иной социальной проблемы, причем образ врага часто искажен, мифологизирован, его опасность преувеличена;

4) основа экстремизма — сверхценные идеи, которые позиционируются как исключительно верные, бесспорные, возведенные в культ.

Что же касается экстремистской деятельности, то она может быть охарактеризована следующим образом:

1) предполагает немедленные решительные действия по исправлению общества (причем на первое место ставится уничтожение существующих социальных институтов);

2) экстремистская деятельность всегда предполагает крайние, насильственные методы решения проблемы, зачастую путем уничтожения врага;

3) подразумевает четкую иерархию подчинения и поведения, осуществления деятельности с соблюдением конспирации, готовность принести себя в жертву;

4) это всегда противоправная деятельность, которая включает в себя: цель, мотивы действия, средства и способы действия (в зависимости от степени общественной опасности она влечет административную или уголовную ответственность).

С учетом изложенного под экстремизмом следует понимать приверженность к целой системе взглядов, концепций, идей или представлений, основанной на политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражде в отношении личности, какой-либо социальной группы, нации или государства, не имеющую внешнего выражения.

Как только экстремистские воззрения индивида реализуются во внешнем мире в форме противоправных деяний, следует вести речь об экстремистской деятельности.

1. Лунеев В. В. Российский экстремизм: политика и реалии // Всероссийский криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2. С. 17–30. [Вернуться к статье](#)

2. Баширов Л. А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. М. : РАГС, 2000. 100 с. [Вернуться к статье](#)

3. Антонян Ю. М. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 245–247. [Вернуться к статье](#)

4. Голубовский В. Ю. О совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 авг. 2005 г. / ВНИИ МВД России. М., 2006. С. 4–14. [Вернуться к статье](#)

5. Хлебушкин А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с. [Вернуться к статье](#)

6. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

В. И. Шамёнов

*старший преподаватель специальной кафедры
Института национальной безопасности Республики Беларусь*

О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ГРАЖДАН КАК МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Коррупция — опасное социальное явление, которое способствует подрыву доверия граждан к государственной власти, разрушает законность функционирования государственных институтов, повышает напряженность в социальной сфере, а также способствует росту рисков и угроз для государства в целом и падению его престижа в глазах мирового сообщества.

Проблема профилактики правонарушений, в том числе преступлений, относится к числу наиболее актуальных на современном этапе развития белорусского государства. Обязанности государства по защите основных прав, свобод и интересов личности и общества закреплены в Конституции Республики Беларусь и ряде других нормативных правовых актов, при этом основным из них, регулирующим общественные отношения, возникающие при осуществлении профилактики правонарушений [1, с. 54–55], является Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее — Закон).

Законом определены правовые и организационные основы деятельности по профилактике правонарушений, закреплены основные формы участия государственных органов, иных организаций и граждан в осуществлении данного вида деятельности.

На данном этапе развития национальной правовой доктрины сущность профилактики правонарушений рассматривается применительно к нескольким самостоятельным ее системам:

1) системе, функционально осуществляемой и реализуемой на уровне управления процессами в социальной среде, в том числе в сфере превенции социальных отклонений в поведении людей, прежде всего посредством улучшения уровня их жизни (общая профилактика);

2) системе, основанной на специфических свойствах мер воздействия, реализуемых в процессе применения мер правовой ответственности в отношении лиц, виновных в совершении правонарушений (индивидуальная профилактика) [2, с. 60–61].

Наиболее весомую роль в профилактике коррупционных правонарушений играют меры общей профилактики, в числе которых — правовое просвещение граждан (абз. 3 ч. 1 ст. 10 Закона).

Указанная мера профилактики нашла свое отражение и в системе мер борьбы с коррупцией, предусмотренной Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (абз. 7 ч. 1 ст. 5).

Правовое просвещение граждан представляет собой формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляемое субъектами профилактики правонарушений.

Традиционно указанная мера общепрофилактического воздействия реализуется в отношении коллективов граждан, уже имеющих образование и профессиональную подготовку (трудовые коллективы и т. д.), в то время как в отношении молодежной среды правовое просвещение фактически не реализуется, что не способствует своевременному формированию уровня их правового сознания.

В соответствии с абз. 14 ч. 1 ст. 5 Закона одним из субъектов профилактики являются учреждения образования.

Необходимо отметить особую роль учреждений образования в вопросах правового просвещения граждан, поскольку в процессе образования происходит формирование знаний, умений, навыков, а также интеллектуальное, нравственное, творческое и физическое развитие личности обучающегося.

Проще говоря, формирование правопослушного поведения членов общества происходит на протяжении длительного времени и закладывается с момента начального образования.

В связи с этим важной задачей, стоящей перед современным обществом и государством, является внедрение в систему средних и высших учебных заведений образовательной программы для обучения молодежи основным мерам по борьбе с коррупцией и ее профилактике. Осевым элементом учебно-воспитательной работы среди обучающихся должна стать разработка программы, направленной на непосредственное разъяснение положений и норм, демонстрирующих негативность коррупционных проявлений, а также мер, которые могут наступить в случае нарушения антикоррупционного законодательства. Дополнительными элементами обучения необходимо рассматривать повышение уровня нравственного воспитания, а также чувства патриотизма среди молодежи.

Данное направление работы в основном будет ориентировано на формирование правопослушного поведения и нравственности молодежи, а ее итоговой целью — формирование антикоррупционного сознания в целом.

Для реализации данного проекта в образовательные программы необходимо внедрять модули дисциплины, ориентированные на формирование комплекса знаний, разъясняющего основы негативного влияния коррупции, а также правовые последствия за совершение коррупционных правонарушений. Следует отметить, что введения в программу обучения единичной «правовой» дисциплины на весь период обучения будет не достаточно. Целесообразнее осуществлять освещение отдельных фрагментов антикоррупционных положений с разных сторон по ряду гуманитарных дисциплин, а также при проведении информационно-образовательных, воспитательных и других мероприятий в течение всего периода обучения [3, с. 110–111].

1. Афонченко Т. П. Коновалова Ж. Ч. К вопросу профилактики коррупционных правонарушений в организациях потребительской кооперации Республики Беларусь // Потребительская кооперация. 2011. № 1. С. 54–61. [Вернуться к статье](#)

2. Афонченко Т. П. Проблемы профилактики коррупции в Республике Беларусь // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2009. № 2. С. 58–65. [Вернуться к статье](#)

3. Ахмедханова С. Т., Халимбеков Х. 3. Профилактика коррупционных проявлений в образовательной сфере // Символ науки. 2018. № 1–2. С. 110–112. [Вернуться к статье](#)

Е. А. Шаркова
доцент кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск
Военной академии Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Важнейшим условием эффективности любой социальной деятельности, включая направленную на предупреждение преступности несовершеннолетних, считается ее надлежащее правовое обеспечение. Одним из направлений совершенствования правовых основ этой работы является включение в национальное законодательство международных правовых актов, использование зарубежного опыта.

Важной в плане соответствия международным стандартам обращения с несовершеннолетними правонарушителями является норма Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь об обязательности при постановлении приговора несовершеннолетнему осуждения судом вопросов о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также об освобождении от наказания.

Уголовно-правовая политика тесным образом переплетается с целым рядом отраслей науки и права: социологией права, юридической психологией, криминологией и другими. Предметом уголовно-правовой политики является определение оснований и условий установления и отмены уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний; уголовно-правовая регламентация видов наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, порядка их назначения, изменения и отмены [1, с. 82].

Анализ норм разд. V Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) показывает, что они в большей мере базируются на принципах карательного правосудия, где главная проблема в том, каким образом наказывать преступника. Предусмотренная уголовным законом система наказаний для несовершеннолетних (ст. 109–115 УК) ни юридически, ни фактически не решает вопроса, каким образом восстановить благополучие несовершеннолетнего, потерпевшего, общества.

По данным Министерства юстиции, с 2004 г. целенаправленно снижается показатель применения судами такого вида наказания, как

лишение свободы в отношении несовершеннолетних: по ст. 115 УК в 2004 г. было осуждено 1 119 человек, а в 2016 г. — 241 и 2017 г. — 178 (снижение в 4,5 раза); это касается и применения судами такого вида наказания, как исправительные работы: по ст. 113 УК в 2004 г. было осуждено 288 человек, а в 2016 г. — 6 и 2017 г. — 5.

В 2004–2017 гг. наблюдалась нестабильная ситуация с применением судами осуждения с отсрочкой исполнения наказания: в 2004 г. данная мера уголовной ответственности применялась к 1 982 несовершеннолетним, в 2005 г. этот показатель уменьшился до 1 663 случаев, но в 2006 г. показатель снова вырос — 1 966. В 2017 г. началось уменьшение применения данной меры — 244 случая.

В ч. 5 ст. 77 УК говорится, что контроль за поведением осужденного, в отношении которого исполнение наказания отсрочено, осуществляется в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (далее — УИК). Суд может одновременно поручить наблюдение за осужденным и проведение с ним воспитательной работы отдельному лицу с его согласия (это могут быть, например, общественные воспитатели из волонтерских и духовных организаций). В ч. 6 ст. 78 УК говорится, что контроль за поведением осужденного с условным неприменением наказания может осуществляться также отдельным лицом. Суд вправе отменить наказание в отношении несовершеннолетнего по ходатайству лица, которому поручено наблюдение и воспитательная работа. Однако в ст. 77 и ст. 78 УК досконально не прописана ответственность лиц, наблюдающих за несовершеннолетним осужденным.

Неэффективность уголовных мер привела к возникновению международного движения за восстановительное правосудие. Так, в Европе уже насчитывается 150 лет процессу постепенной передачи обществу функций профилактики преступного поведения [2, с. 192]. В этом отношении интересен опыт Канады и Великобритании, где приняты новые законы, расширяющие возможность применения внесудебных мер, в том числе программ восстановительного правосудия и участия общественности. Деятельность правоохранительных органов и судов должна быть открыта для инициатив общественности в направлении усиления заботы о несовершеннолетних.

Когда исправление несовершеннолетнего, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившего менее тяжкое преступление, возможно без применения уголовного наказания, суд может вынести обвинительный приговор и применить осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных меры воспитательного характера в соответствии со ст. 117 УК, в перечне которой имеется предостереже-

ние; возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему; возложение на несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста, обязанности своими средствами или своим трудом устранить причиненный ущерб; ограничение свободы досуга несовершеннолетнего; помещение в специальные учебно-воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения.

Такой вид уголовной ответственности, как принудительные меры воспитательного характера, стал наиболее часто назначаться судами в 2004–2008 гг.: в 2004 г. — 600 случаев, в 2005 г. — 766, в 2006 г. — 1 006, в 2007 г. — 970, в 2008 г. — 1 044. В последующие годы прослеживается резкий спад назначения данного вида уголовной ответственности, в 2015 г. эта мера применена в отношении 176 осужденных несовершеннолетних, а в 2016 г. — 228, в 2016 г. — 252. Надо отметить, что принудительные меры воспитательного характера не являются наказанием, а назначаются вместо наказания на основе осуждения лица посредством постановления обвинительного приговора.

При исполнении наказания, назначенного судом несовершеннолетнему преступнику, основным нормативным правовым актом является Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь. В соответствии со ст. 37 УИК контроль и профилактическое наблюдение за исполнением мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания в отношении несовершеннолетних осужденных, а также в отношении несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, возлагаются на инспекции по делам несовершеннолетних (далее — ИДН) по месту жительства этих осужденных.

В гл. 16 УИК обозначены особенности отбывания наказания несовершеннолетними в воспитательной колонии (далее — ВК). В ст. 129 УИК указаны меры взыскания, применяемые к несовершеннолетним осужденным в ВК: 1) выговор; 2) внеочередное дежурство по уборке помещений или территории ВК; 3) лишение права на получение очередной посылки или передачи; 4) лишение очередного свидания; 5) водворение в дисциплинарный изолятор на срок до 7 суток.

Мера взыскания в виде лишения права на получение очередной посылки или передачи, а также в виде лишения очередного свидания применяется, как правило, за грубые или неоднократные нарушения установленного порядка отбывания наказания, несоблюдение установленных в ВК запретов.

Однако не всегда учитывается педагогическая и психологическая целесообразность этих лишений в плане влияния на несовершеннолетних осужденных лиц. Считаем, что в практике применения этой меры имеется ряд антигуманных моментов, противоречащих между-

народно-правовым документам. Так, согласно п. 59 Правил Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи 45/113 от 14 декабря 1990 г., следует использовать все средства для обеспечения должной связи несовершеннолетних с внешним миром. Это является неотъемлемой частью права на справедливое и гуманное обращение и считается важным для подготовки несовершеннолетних к возвращению в социум.

Согласно п. 60 указанных Правил, каждый несовершеннолетний должен иметь право на регулярные и частые свидания (раз в неделю и не менее раза в месяц) в условиях, учитывающих потребность несовершеннолетнего в неограниченном общении со своей семьей. Вышеизложенное подтверждают и Пекинские правила, где в п. 26.5 говорится, что в интересах благополучия несовершеннолетних, помещенных в исправительные учреждения, их родители или опекуны должны иметь право посещать их [3, с. 273]. По нашему мнению, необходимо законодательно закрепить невозможность применения таких мер взыскания к несовершеннолетним осужденным, как лишение встреч с семьей, телефонных разговоров с близкими людьми.

В российском УИК в ст. 136 указаны следующие меры взыскания, применяемые к несовершеннолетним осужденным к лишению свободы в ВК: 1) выговор; 2) дисциплинарный штраф в размере до 200 рублей; 3) лишение права просмотра кинофильмов в течение 1 месяца; 4) водворение в дисциплинарный изолятор на срок до 7 суток с выводом на учебу.

Считаем, что в российском УИК более приемлемые меры взыскания для несовершеннолетних, чем в белорусском УИК, которые достались в наследство от Исправительно-трудового кодекса Белорусской ССР 1971 г., когда не было дифференциации по возрасту [4, с. 144].

Таким образом, можно сделать вывод о целесообразности исключения из ст. 129 УИК п. 3 «лишение права на получение очередной посылки или передачи» и п. 4 «лишение очередного свидания», а заменить их следует лишением права просмотра кинофильмов в течение 2 месяцев, таким образом будет реализован принцип гуманизма в отношении несовершеннолетних преступников. Ведь подросток, совершивший преступление, противопоставляет себя обществу, которое отвергает его и игнорирует его проблемы, порой несовершеннолетние преступники сами являются жертвами социума, когда их право на качественную жизнь не было удовлетворено.

1. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балащенко [и др.]. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. Т. 2 : К–О. 584 с. [Вернуться к статье](#)

2. Пронин А. А. Ювенальное право : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2011. 282 с. [Вернуться к статье](#)
3. Права человека : сб. междунар. правовых документов / сост. В. В. Щербов. Минск : Белфранс, 1999. 1146 с. [Вернуться к статье](#)
4. Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу Белорусской ССР / под ред. Л. В. Багрий-Шахматова. Минск : Изд-во БГУ, 1974. 304 с. [Вернуться к статье](#)

А. Я. Шульте

лектор кафедры гуманитарных наук

Колледжа Государственной полиции Латвийской Республики,
магистр филологии

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ, РИСКИ (опыт Латвийской Республики)

Насилие в семье — это действия, связанные с физическими, сексуальными, словесными, эмоциональными и экономическими ущемлениями, нанесением оскорблений и обид, которые повторяется все чаще и совершаются партнером, а также другими близкими (взрослыми детьми или другими родственниками) с целью контроля и власти [1].

Начальник государственной полиции Латвии Интс Кузис 23 января 2019 года сделал следующее заявление в программе Латвийского телевидения: «В Латвии увеличилось число бытовых убийств; в основном мы уничтожаем себя ... Домашнее насилие, насилие в семье, немотивированная агрессия лежат в основе сегодняшней преступности в Латвии ... Отделение, изолирование жертвы от насильника — это первый шаг к тому, чтобы обидчик осознал, что в обществе нет места насилию ... Сегодня признаком неблагополучной семьи не является то, что этой семье нечего есть или одевать. Неблагополучная семья — это та, в которой преобладает насилие, это также может быть обеспеченная семья, которая скрывает проблемы, позволяя насилию продолжаться».

Гражданско-процессуальный закон (30.5 раздел Временная защита против насилия, статья 250.45) содержит следующие формы насилия — физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие и насильственный контроль (действия, которые включают в себя преследование, сексуальное принуждение, угрозы, унижение, запугивание или другие насильственные действия, направленные на причинение вреда, наказание или запугивание потерпевшего).

В среднем в Латвии регистрируется более 8 000 вызовов на семейные конфликты в год. Это почти 24 звонка каждый день.

Год	Зарегистрировано вызовов (семейный конфликт)	Государственная полиция приняла решение об изоляции лица, совершившего насилие
2014	7212	91
2015	8129	72
2016	8882	184
2017	8773	695
2018 (январь–ноябрь)	7393	726

По данным Всемирной организации здравоохранения, в убийствах женщин в 70 % случаев виноваты их партнеры-мужчины. В мире удельный вес женщин среди пострадавших от насилия колеблется от 30 % до 60 %. В соответствии со статистикой Совета Европы, каждая четвертая женщина страдала от насилия в семье, а 6–10 % женщин страдают от насилия в семье ежегодно. Насилие в семье — самая частая причина смерти и инвалидности женщин в возрастной группе от 16 до 44 лет [1].

По статистике, женщины чаще, чем мужчины, становятся объектом семейного насилия. Семейное насилие над мужчинами распространено не столь широко, как над женщинами.

Жертва насилия	Лицо, совершившее насилие	Количество случаев
женщина	мужчина	675
мужчина	женщина	10
женщина	женщина	14
мужчина	мужчина	27
Всего		726

В последние годы большое внимание уделялось решению проблемы домашнего насилия. Разработаны программы обучения для сотрудников государственной и муниципальной полиции. Такие негосударственные учреждения, как ресурсный центр Marta и консультативный центр Skalbes, создали разнообразные информационные буклеты, содержащие информацию о домашнем насилии и способах поведения для подвергающихся насилию.

Повышенное внимание уделяется защите и поддержке жертв домашнего насилия, в частности:

- С 2014 года в соответствии с поправками к Гражданско-процессуальному закону предусмотрена возможность изоляции лица, совершившего насилие, от семьи, предоставляя жертве временную защиту, а также облегчая бремя доказывания (постановление Кабинета Министров № 161, Рига, 25.03.2014 г. «Процедуры по предотвращению насилия и обеспечению временной защиты от насилия»).

- С августа 2015 года жертвам предоставляется консультация по телефону. Эта услуга является анонимной [2].

- С 2015 года услуга социальной реабилитации доступна для жертвы насилия и лица, совершившего насилие, что позволяет семье развивать нормальные семейные отношения. Получение этой услуги является добровольным и предоставляется бесплатно (постановление Кабинета Министров № 790, Рига, 23.12.2014 г. «Процедуры

предоставления услуг социальной реабилитации жертвам насилия и взрослым, совершившим насилие»).

– С 2018 года борьба с насилием в семье усиливается, что связано с изменениями в Уголовном законе (в списке отягчающих обстоятельств) [3].

– Возбудить уголовное дело за незначительные телесные повреждения в семье возможно, даже если жертва или пострадавший сами не подают заявление или жалобу в полицию [3].

На практике ситуация такова, что не все сотрудники полиции в достаточной степени заинтересованы в информировании сторон, в том числе о наличии реабилитационной программы в случаях домашнего насилия.

Как насильник, так и жертва могут добровольно пройти курс социальной реабилитации. Часто жертвы отказываются от предложенной помощи — это может быть связано со спецификой насилия в семье (обидчик будет удерживать жертву, обещать измениться) и с неверием в то, что специалисты действительно смогут помочь. В свою очередь, виновные в насилии не заинтересованы в том, чтобы изменить ситуацию и себя.

К сожалению, на год отложен проект закона «О внесении изменений в Гражданско-процессуальный закон», которым предполагалось дополнить механизм временной защиты от насилия новым инструментом — обязательством обвиняемого пройти курс социальной реабилитации, который будет непосредственно влиять на человека, совершившего насилие, для предотвращения его насильственного поведения в будущем. Такое дополнение будет важным шагом в предотвращении повторения преступного поведения [4].

Однако когда речь идет о модели семей, в которых есть насилие, роли жертвы и насильника не меняются сами по себе. Согласно теории Дж. Мюрстейна (1987), при выборе партнера действуют три фактора, три силы притяжения: стремление, достоинства и роль. Оценивается совместимость ролей: партнеры устанавливают, смогут ли они занять в супружеском союзе взаимодополняющие роли, что позволит им удовлетворить свои потребности [5]. Поэтому существует необходимость в курсах социальной реабилитации для обеих сторон (насильников и жертв) одновременно.

Существуют также проблемы при определении лица, совершившего насилие в семье. Наблюдаются случаи фальсификации насилия членом семьи, чтобы признать, например, супруга насильником и использовать этот факт при разводе. По статистике, в основном жертвами насилия в семье являются женщины, и сотрудники полиции, не

углубившись в ситуацию, могут автоматически признать женщину жертвой, хотя ситуация может быть противоположной.

1. Resursu centrs Marta [Elektroniskais resurss] URL: <http://www.marta.lv/nasilie> (pārsūdzības datums: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
2. Balode L., Miķelsone L. Cietušo vardarbības un apkarošanas pasākumi. [Elektroniskais resurss]. URL: <https://lvportals.lv/skaidrojumi/294145-cietuso-aizsardzibas-un-var darbības-apkarosanas-pasakumi-2018> (pārsūdzības datums: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
3. Balode L. Grozījumi Krimināllikumā stiprina cietušo aizsardzību [Elektroniskais resurss]. URL: <https://lvportals.lv/norises/292874-grozijumi-kriminallikuma-stiprina-cietuso-aizsardzibu-2018> (pārsūdzības datums: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
4. TM rosina varmākām uzlikt par pienākumu iziet rehabilitāciju vardarbīgas uzvedības mazināšanai [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.juristavards.lv/zinas/272725-tm-rosina-varmakam-uzlikt-par-pienakumu-iziet-rehabilitaciju-var darbības-uzvedības-mazinasanai/> (pārsūdzības datums: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Малкина-Пых И. Г. Виктимология [Психология поведения жертвы]. [Elektroniskais resurss]. URL: <https://psy.wikireading.ru/70238> (pārsūdzības datums: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.847

*Л. В. Карханина
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров Академии ФСИН России*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПООЩРЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОСУЖДЕННЫМ, СОСТОЯЩИМ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

На протяжении достаточно долгого исторического периода сущность наказания заключалась в его карательном содержании, то есть причинении человеку страдания и возмездия за совершенное им преступление. Наказание не ставило своими целями воспитание и исправление преступника.

В настоящее время при исполнении уголовных наказаний приоритет отдается его воспитательному содержанию, так как исправление осужденных является основной целью уголовно-исполнительного законодательства.

Традиционно воспитательная работа направлена на формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня (ст. 109 УИК РФ) [1].

Как уже ранее отмечалось в работе Е. Е. Гориной и М. А. Саулиной [2, с. 6–11], законодатель подробно не указывает методы и формы проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

При исполнении любого вида наказания пристальное внимание уделяется несовершеннолетним осужденным. Данная категория лиц характеризуется эмоциональной неустойчивостью, ярким проявлением агрессии, нежеланием соблюдать установленные в обществе нормы и правила поведения.

При организации воспитательной работы с данной категорией лиц должна учитываться вся необходимая информация о подростке. Она организуется дифференцированно с учетом особенностей личности осужденного и назначенного ему наказания. В условиях изоляции от

общества проведение воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными является более реальным, так как для этого созданы все необходимые условия, и осужденные круглосуточно находятся под пристальным вниманием сотрудников воспитательной колонии.

В практической деятельности воспитательная работа с несовершеннолетними в уголовно-исполнительных инспекциях организуется исходя из вида назначенного ему наказания. Сотрудниками проводятся профилактические беседы с несовершеннолетними осужденными и их законными представителями, производятся проверки подростков по месту жительства и учебы совместно с представителями ПДН, несовершеннолетние и их законные представители могут заслушиваться на заседаниях КДН и ЗП.

Несомненно, перечисленные выше мероприятия являются весьма важными, но в достижении цели исправления осужденного необходимо использовать все имеющиеся для этого возможности и средства. Например, при исполнении наказания в виде лишения свободы особую роль играет применение к осужденным мер поощрения и взыскания. Говоря о наказаниях, альтернативных лишению свободы, законодательством предусмотрена возможность применять меры поощрения только к осужденным к ограничению свободы, среди которых УИК РФ в ст. 57 выделяет:

- 1) благодарность;
- 2) досрочное снятие ранее наложенного взыскания;
- 3) разрешение на проведение за пределами территории соответствующего муниципального образования выходных и праздничных дней;
- 4) разрешение на проведение отпуска с выездом за пределы территории соответствующего муниципального образования [1].

При исполнении наказаний в виде обязательных работ и исправительных работ, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции не могут применять к осужденным меры поощрения, так как на законодательном уровне это не предусмотрено.

На наш взгляд, при организации воспитательной работы с осужденными, в том числе и с несовершеннолетними, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции, необходимо проработать вопрос о применении к ним мер поощрения. Это будет являться одним из направлений в стимулировании правопослушного поведения осужденного.

В настоящее время при уклонении от отбывания наказаний без изоляции от общества законодательством предусмотрены меры воздействия на осужденного. При отбывании наказания в виде обязательных и исправительных работ — это вынесение осужденному пре-

дупреждения и в конечном счете возможность замены назначенного наказания более строгим видом. Вместе с тем при отсутствии нарушений порядка и условий отбывания назначенного ему наказания законодательство не предусматривает возможность поощрить осужденного за примерное поведение, добросовестное отношение к труду или учебе.

В свою очередь, применение к несовершеннолетним осужденным мер поощрения будет являться дополнительным стимулом для добросовестного отбывания назначенного ему наказания.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : в ред. от 27.12.2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Горина Е. Е., Саулина М. А. Воспитательная работа с несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Социальные отношения. 2017. № 3 (22). С. 6–11. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

*С. В. Кузьменкова**преподаватель цикла специальных дисциплин
Центра повышения квалификации руководящих работников
и специалистов МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АРЕСТА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,
ОБЯЗАННЫХ ВОЗМЕЩАТЬ РАСХОДЫ
НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ
ИЛИ НАХОДИВШИХСЯ
НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ**

Обязанные лица — это родители, ведущие аморальный образ жизни, которые пьют и не заботятся о своих детях. В результате чего детей помещают на государственное обеспечение — в школы-интернаты и иные спецучреждения для несовершеннолетних, опекунские и приемные семьи. Декретом Президента от 24.11.2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее — Декрет № 18) предусмотрено, что обязанные лица должны возмещать расходы, потраченные на содержание их детей, в том числе и в период их нахождения в исправительных учреждениях [1]. Указанный Декрет № 18 предполагает обеспечение защиты прав и законных интересов детей в неблагополучных семьях и повышение ответственности родителей.

Государством предпринимаются крайние меры, направленные на возмещение обязанными лицами задолженности перед государством, однако значимых и положительных результатов не достигнуто, о чем свидетельствуют данные судебной статистики Республики Беларусь. Так, например, в 2010 г. из 896 осужденных к аресту 23 % осуждено к данному наказанию за преступление, предусмотренное ч. 2 и 3 ст. 174 УК, в 2013 г. — 30,3 %, в 2014 г. — 30,1 %, в 2015 г. — 25,6 %, в 2016 г. — 26,1 %, в 2017 г. — 28,6 %. Очевидно, что применение наказания в виде ареста за совершение указанного преступления на протяжении последующих пяти лет превышало показатели 2010 г.

Содержание Декрета № 18 говорит о том, что трудоустройство обязанных лиц осуществляется таким образом, чтобы зарплата обязанного лица позволяла обеспечить полное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов на содержание детей и за ним сохранялось не менее 30 % зарплаты [1].

Согласно ч. 1 ст. 60 УИК, «осужденные к аресту, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией арестного дома либо учреждения уголовно-исполнительной системы, на территории которого расположен арестный дом» [1].

В связи с краткосрочностью указанного наказания, а также созданием таких условий труда, в которых не обеспечиваются права детей (невозможность выплат, неучастие в воспитании), требования Декрета № 18 в период отбывания наказания в виде ареста невозможно исполнить надлежащим образом. Администрация арестных домов не имеет возможности обеспечить необходимый уровень зарплат, позволяющий обязанным лицам в полном объеме погашать имеющуюся задолженность перед государством.

Статистические данные о возмещении осужденными к аресту, а также обязанными лицами задолженности по исполнительным листам показывают, что осужденные к аресту, в том числе обязанные лица, возмещают всего лишь ничтожный процент задолженности по исполнительным листам. Уровень досрочного погашения исков от суммы всех исков лиц, имеющих иски от общего числа осужденных к аресту в 2013 г., составлял 1,7 % (20,0 % чел.). За последние четыре года (2014–2017 гг.) уровень возмещения осужденными к аресту, в том числе обязанными лицами, задолженности по исполнительным листам оставался стабильно низким: в 2014 г. — 1,5 % (35,1 % чел.); 2015 г. — 3,7 % (27,1 %); 2016 г. — 2,2 % (18,7 %); 2017 г. — 3,4 % (20,0 %). Вне всякого сомнения, ситуация с обязанными лицами в арестных домах достаточно критична. Кроме того, в условиях строгой изоляции привлечение осужденных к труду размывает содержательно-карательную и функциональную сущность ареста.

Очевидно, что арест — не лучшее наказание в плане принуждения осужденного к зарабатыванию денег, чтобы за их счет возмещать расходы государству. Не следует ориентироваться на применение ареста при осуждении лиц за уклонение от возмещения расходов, затраченных государством на содержание их детей (ч. 2 и ч. 3 ст. 174 УК).

Также следует отметить, что сотрудники арестных домов при освобождении обязанного лица из арестного дома сопровождают его к месту жительства [1]. В связи с чем затрачивается много служебного времени, а также значительное количество материальных средств. Попытка привлекать осужденных к аресту к труду, особенно с целью возмещения расходов на содержание детей, малопродуктивна.

Так, обязанные лица привлекаются к уголовной ответственности только в случае злостного уклонения от уплаты расходов на содержание их детей. В таких случаях правильнее было бы привлекать их к более строгому наказанию, чем арест, в частности к ограничению свободы с обязательным привлечением к труду. Кроме того, в условиях ограничения свободы данная категория лиц имеет больше возможностей устроиться на высокооплачиваемую работу. Полагается, что после отбытия относительно «большого» срока наказания обязанные лица возместят ущерб в полном объеме, а также выработают привычку постоянно работать и обеспечивать свою жизнь трудом, чего невозможно достичь в условиях отбывания наказания в виде ареста.

Стало очевидным, что практика привлечения осужденных, отбывающих арест, к труду нивелирует карательную специфику данного наказания. Именно по этой причине представляется обоснованным мнение сотрудников арестных домов (около 78,6 % сотрудников арестных домов считают применение наказания в виде ареста нецелесообразным в отношении лиц, уклоняющихся от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении).

Исходя из изложенного, предлагается исключить из санкции ч. 2 и 3 ст. 174 УК наказание в виде ареста, внести соответствующие дополнения в ч. 2 ст. 54 УК, а также исключить ч. 1 из ст. 60 УИК.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 23.02.2012 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

*С. А. Кутуков
заместитель начальника кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент*

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ
С ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ
ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕР
БЕЗОПАСНОСТИ (государственной защиты),
СОДЕРЖАЩИМИСЯ И ОТБЫВАЮЩИМИ НАКАЗАНИЕ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ**

Обеспечение безопасности лиц, содержащихся и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, является одной из основных задач, стоящих перед оперативными аппаратами. Особую категорию при решении данной задачи составляют лица, в отношении которых принято решение об осуществлении мер безопасности (государственной защиты).

На наш взгляд, при применении мер безопасности в исправительных учреждениях следует учитывать не только формальные основания, которыми являются: постановление (определение) суда (судьи), начальника органа дознания, руководителя следственного органа или следователя, направленное в учреждение или орган УИС по месту содержания или отбывания наказания защищаемого лица, но и фактические, то есть реальность угрозы.

Реальность угрозы — оценочная категория, которая устанавливается субъектом, уполномоченным применять меры безопасности. Орган, принимающий решение о применении конкретных мер безопасности, при определении реальности угрозы, на наш взгляд, должен учитывать следующие объективные обстоятельства: тяжесть и характер преступления, в связи с которым возник вопрос о применении мер безопасности; характеристику лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, которые каким-либо образом заинтересованы в исходе дела (прежние судимости, положение в обществе, материальное положение, особенности характера, психическая уравновешенность, религиозная и (или) национальная принадлежность). Учет национальности и вероисповедания лица, от которого исходит или может исходить угроза, в данном случае никак не ограничивает конституционные права данного лица. Кроме того, традиции кровной мести и специфическое понимание нравственных категорий пред-

ставителями определенных национальностей или религиозных групп заставляют относиться к исходящим от них угрозам и обещаниям с большей внимательностью к уязвимости защищаемого лица. Особое внимание должно уделяться обеспечению безопасности лиц, государственная защита которых обеспечивается в связи с уголовными делами по преступлениям террористического и экстремистского характера, совершенных организованными преступными группами, имеющих большой общественный резонанс.

Также при применении мер безопасности выясняется наличие угроз со стороны других осужденных, при этом следует учитывать, что в исправительных учреждениях, помимо прямо запрещенных в УК РФ способов противоправного воздействия, могут применяться и такие, ответственность за которые не предусмотрена уголовным законом (например, демонстрация угрожающих жестов, фотографий трупов, понижение в неформальном уголовно-преступном статусе до «обиженного» и т. д.), помимо этого угрозы могут быть получены не только от избалованных лиц, но и от других осужденных, которые поддерживают традиции и обычаи уголовной преступной среды и нормы существующей субкультуры [1, с. 191].

В целях обеспечения безопасности защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания в виде лишения свободы, могут применяться следующие меры:

1) направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящиеся в других субъектах Российской Федерации;

2) перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое;

3) раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия.

При наличии достоверной информации об угрозе жизни и здоровью защищаемого лица в условиях ИУ и невозможности обеспечения мер безопасности по месту нахождения указанного лица начальником территориального органа ФСИН России на основании мотивированных материалов может быть принято решение о переводе его для дальнейшего отбывания наказания в другое исправительное учреждение в пределах территории субъекта Российской Федерации. При отсутствии возможности обеспечения мер безопасности защищаемому лицу, в условиях ИУ одного территориального органа ФСИН России, оно может быть переведено в другой регион.

В течение суток после поступления постановления (определения) о применении мер безопасности, а в случаях, не терпящих отлагательства, — немедленно, руководитель оперативного подразделения учреждения или органа УИС готовит предложения о применении конкретных мер безопасности, получает письменное согласие защищаемого лица о применении избранных мер безопасности.

Непосредственное осуществление мер безопасности начинается незамедлительно после утверждения постановления об избрании мер безопасности.

О применении мер безопасности, их изменении, дополнении и результатах применения учреждение или орган УИС, осуществляющий меры безопасности, в течение суток письменно информирует инициатора государственной защиты (суд, следственные органы).

Информация о применении мер безопасности в отношении лица, содержащегося и отбывающего наказание в учреждениях ФСИН России, доводится до заинтересованных служб учреждения (отдела специального учета, отдела безопасности, начальника отряда). При необходимости ответственные лица могут быть ознакомлены с постановлением о применении мер безопасности в отношении защищаемого лица. Работники учреждений и органов УИС, обеспечивающих в отношении защищаемого лица меры безопасности, письменно в установленной форме предупреждаются о неразглашении сведений о защищаемом лице и применяемых мерах безопасности, а также об ответственности за их разглашение.

При возникновении угрозы личной безопасности на основании письменного заявления либо по инициативе начальника учреждения защищаемое лицо в условиях СИЗО помещается в маломестную камеру (одиночную) либо камеру специального блока, а в условиях ИУ — в безопасное место [1, с. 258].

В целях реализации предусмотренных в Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» мер безопасности могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия в порядке, установленном Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Основными направлениями осуществления оперативно-розыскных мероприятий являются: собирание и проверка сведений о наличии угроз в адрес защищаемого лица; установление лица (лиц), от которого поступают угрозы, собирание доказательств для привлечения данного лица (лиц) к уголовной ответственности.

Таким образом, обеспечение безопасности лиц, в отношении которых принято решение об осуществлении мер безопасности (госу-

дарственной защиты), содержащихся и отбывающих наказание в учреждениях ФСИН России, — это комплексная система, включающая в себя оперативно-розыскные, уголовно-процессуальные, административно-правовые, режимные, охранные, воспитательные и иные меры, проводимые для решения указанной задачи.

1. Взаимодействие структурных подразделений исправительных учреждений по предупреждению нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказаний и преступлений (теоретический, организационный, криминологический и правовой аспекты) : монография / Н. П. Барабанов [и др.]. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2006. 228 с. [Вернуться к статье](#)

2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. А. Крымова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 759 с. [Вернуться к статье](#)

Е. Е. Масленников

заместитель начальника НИЦ-3

Научно-исследовательского института ФСИН России,

кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ПЕРСОНАЛОМ

С 1 августа 2018 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» [1]. Предметом регулирования этого законодательного акта являются правоотношения, связанные с поступлением на службу в уголовно-исполнительной системе (далее — УИС), ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника. Ранее вопросы прохождения службы в УИС регламентировались Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации [2], которое было введено в действие еще в 1992 году, когда УИС находилась в ведении МВД России. Несмотря на изменение нормативной правовой базы, в вопросах комплектования учреждений УИС персоналом имеются актуальные проблемы организационно-практического характера.

На наш взгляд, достаточно строгие критерии отбора кандидатов на службу в УИС, включая процедуру, связанную с прохождением медицинского обследования, а зачастую и проведением дополнительных платных обследований, во многом затрудняют трудоустройство и отталкивают потенциальных кандидатов [3, с. 124].

При комплектовании подразделений УИС приоритет отдается выпускникам образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН России). В настоящее время на службу в учреждения УИС приходят выпускники ведомственных образовательных организаций, получившие высшее образование и имеющие небольшой жизненный опыт, недостаточные практические навыки. Им приходится постигать тонкости организации и несения службы на рабочих местах.

Нынешнее денежное довольствие сотрудников УИС несколько ниже, чем у лиц, проходящих службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и многих правоохранительных органах (например,

МВД России, ФСБ России, ФСВНГ России и пр.), что не делает работу в ФСИН России привлекательной.

В отдельных учреждениях УИС наблюдается большая ротация кадров. Кадровая политика носит не «опережающий», а «догоняющий» характер», что негативным образом отражается на квалификации специалистов. Имеющийся некомплект кадров ставит руководителей в такие условия, при которых они не могут избавиться от специалистов неадекватной квалификации в связи с увеличением нагрузки на остальных сотрудников и отсутствием возможности по их замене [4, с. 702].

Считаем, что для повышения уровня укомплектованности личным составом учреждений УИС необходимо совершенствовать взаимодействие с государственными и иными организациями по привлечению трудоспособного населения на службу в УИС. Эту работу целесообразно проводить в первую очередь с центрами занятости населения (заключение договора на безвозмездной основе и ежемесячное предоставление информации о вакантных должностях), военными комиссариатами (информирование увольняющихся в запас военнослужащих о перспективах прохождения службы в УИС, имеющихся льготах и социальных гарантиях), в высших учебных заведениях среди студентов выпускных курсов. Учитывая положительный опыт отдельных территориальных органов УИС, целесообразно размещать объявления о имеющихся в учреждениях УИС вакансиях на интернет-ресурсах (например, Avito) и форумах сотрудников правоохранительных органов [5, с. 17].

1. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : Фед. закон Российской Федерации, 19 июля 2018 г., № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4532. [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : постановление Верховного Совета Рос. Федер., 23 дек. 1992 г., № 4202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 70. [Вернуться к статье](#)

3. Масленников Е. Е. О некоторых проблемах организационно-практического характера в служебной деятельности подразделений кинологической службы уголовно-исполнительной системы // Право и образование. 2019. № 1. С. 123–127. [Вернуться к статье](#)

4. Игнатьев А. М. Прогноз в потребности в кадровом обеспечении кинологических подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы на краткосрочную перспективу // Синергия наук. 2018. № 28. С. 698–703. [Вернуться к статье](#)

5. Применение коэффициента расчетного количества единиц персонала на один суточный пост при расчете численности личного состава кинологических подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы : метод. рекомендации / А. М. Игнатьев [и др.]. М. : НИИ ФСИН России, 2017. 24 с. [Вернуться к статье](#)

*П. А. Павлов
старший преподаватель кафедры
организации оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России*

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ

В науке управления, в правоохранительной сфере исследование категории взаимодействия предполагает необходимость выявления и изучения общих признаков рассматриваемого понятия, характеристик взаимодействия и особенностей их проявления при интеграции в ту или иную сферу деятельности.

Взаимодействие является по своей сути философской категорией, отражающей процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения связи [1, с. 108].

В рамках настоящей статьи категория «взаимодействие» рассматривается в системе следственного изолятора. Она близко примыкает к категории «взаимосвязь». Это обусловлено тем обстоятельством, что взаимная связь рассматриваемых субъектов невозможна без их влияния и воздействия друг на друга.

Взаимодействие — это одна из форм связи, оно характерно, исходя из его философского понимания, не только для социальных управляемых систем [2, с. 9], но и для любых других существующих в природе систем. В зависимости от того, в какой системе существует и рассматривается взаимодействие, меняется его структура, направление, степень его организованности и другие характеристики. Поэтому понятие «взаимодействие» по своему содержанию шире, чем понятия «координация» и «организация взаимодействия».

В управлении следственным изолятором понятие «взаимодействие» употребляется с учетом общих закономерностей, выработанных философией, но преломленных через призму специфических целей и задач, стоящих перед рассматриваемыми учреждениями — субъектом правоохранительной деятельности. Взаимодействие подразделений следственного изолятора проявляется в форме «особенного» и «единичного» по отношению к понятию взаимодействия в общеправовом и общесоциальном значении, являясь, по сути, лишь

частью, видом в общечеловеческом взаимодействии. С позиций отраслевого подхода, видимо, следует согласиться с таким толкованием. Прежде всего, это направлено на выработку формального определения данной категории во избежание противоречий в практической деятельности и толковании норм права.

На наш взгляд, более точной является формулировка данная В. В. Дедюхиным и Ф. Г. Канцариным. Они под взаимодействием понимают основанные на законах и подзаконных актах совместные или согласованные действия по задачам, направлениям и времени в интересах выполнения служебных задач с максимальной эффективностью.

При этом они выделяют следующие необходимые элементы:

- согласование действий по задачам, то есть определение и постановка взаимодействующим службам конкретных задач, выполнение которых обеспечивало бы достижение общей цели;

- согласование действий по направлениям, то есть взаимодействующие службы сосредотачивают свои усилия на достижении определенной цели на определенном направлении и в определенном месте;

- согласование действий частей и служб во времени заключается в определении ими конкретных сроков выполнения своих задач с учетом времени действия других взаимодействующих подразделений [3, с. 4].

Для достижения поставленных целей и выполнения задач следственный изолятор имеет соответствующую функционально-организационную структуру. Реализация всех функций деятельности позволяет обеспечить достижение общей цели — обеспечение изоляции лиц, содержащихся под стражей. Организация взаимодействия подразделений следственного изолятора с иными органами и учреждениями носит объективный характер и обусловлена следующими причинами: 1) общность основных целей и задач взаимодействующих субъектов; 2) их различная компетенция; 3) необходимость максимального использования имеющихся в их распоряжении сил и средств; 4) функционирование подразделений в различных условиях и единая направленность их деятельности на достижение ожидаемого результата [3, с. 3].

К числу общих принципов управления относят: объективность, централизм и самостоятельность, социально-групповой подход, системность, комплексность, состоятельность, непротиворечивость управленческих решений и др. [4, с. 122]. Соответственно организация взаимодействия структурных подразделений следственного изолятора по обеспечению изоляции строится как на общих принципах социального управления, так и на принципах управления в уголовно-исполнительной системе, а также на принципах, присущих взаимодей-

ствию вообще как стадии управленческого процесса. Помимо всего прочего, существуют и специфические принципы, которые выражают закономерности именно данного направления взаимодействия.

Учитывая специфику направления деятельности следственного изолятора, на наш взгляд, можно выделить следующие принципы организации взаимодействия структурных подразделений по обеспечению изоляции подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственном изоляторе: 1) научность; 2) законность; 3) направленность организации взаимодействия на решение основной задачи; 4) разграничение компетенции субъектов взаимодействия; 5) соответствие организационной структуры и системы взаимодействия; 6) учет неформальной системы организации деятельности; 7) комплексность; 8) непрерывность организации взаимодействия; 9) функционирование взаимодействующих подразделений следственного изолятора в интересах субъекта, выполняющего основной объем работы на данном этапе решения общей задачи.

Таким образом, можно сделать вывод:

1. Организация взаимодействия структурных подразделений следственного изолятора по обеспечению изоляции подозреваемых и обвиняемых строится на системе принципов. Она включает в себя общие принципы социального управления, но ориентированные применительно к данной сфере, а также специальные принципы организации взаимодействия.

2. Принципы организации взаимодействия не только основаны на закономерностях управления, но и включают в себя философские, психологические, кибернетические закономерности. Руководство всей совокупностью, а не отдельными принципами позволит эффективно организовать взаимодействие.

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1987. [Вернуться к статье](#)

2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М. : Политиздат, 1973.

[Вернуться к статье](#)

3. Дедюхин В. В., Канцарин Ф. Г. Взаимодействие частей и служб исправительно-трудовых учреждений в борьбе с правонарушениями. М., 1978. [Вернуться к статье](#)

4. Социальное управление / под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М., 1994. [Вернуться к статье](#)

*Л. Е. Прихожая
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии права и управления ФСИН России*

РАЗДЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Органы законодательной, исполнительной и судебной власти образуют систему обеспечения внутренней безопасности государства, в центре которой находятся правоохранительные органы. Именно исполнительным органам государственной власти отдается приоритет в вопросах обеспечения государственной безопасности Российской Федерации.

К органам, обеспечивающим государственную безопасность в целом, относятся внутренние силы, силовые ведомства, а также иные органы. В систему правоохранительных органов России также входит Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН России), которая выступает в качестве субъекта управления по обеспечению безопасности в сфере исполнения уголовных наказаний. ФСИН России наделена, в соответствии с Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [1], полномочием обеспечивать в соответствии с законодательством Российской Федерации безопасность объектов уголовно-исполнительной системы, а также органов Минюста России.

Безопасность уголовно-исполнительной системы, имея охранительную направленность, обеспечивает нормальную деятельность персонала пенитенциарных учреждений, защищает интересы и права осужденных, а также лиц, причастных к деятельности и функционированию подразделений УИС.

Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы в рамках учреждений и органов ФСИН России заключается в создании условий для защиты от возникающих в них опасностей и угроз. Основными направлениями обеспечения безопасности в УИС являются: предупреждение и устранение опасностей, вызванных чрезвычайными обстоятельствами, которые возникли на территории исправительных учреждений (массовыми беспорядками, групповыми неповиновениями, захватами заложников и т. п.), а также выявление нарушений со-

трудниками уголовно-исполнительной системы законности при исполнении наказаний и нарушений осужденными установленного порядка и условий отбывания наказания.

Существует множество средств обеспечения безопасности в исправительных учреждениях, такие как, воспитательная работа с осужденными, оперативно-розыскная деятельность, контроль за деятельностью учреждений прокуратурой и управлениями ФСИН России и другие средства. Однако следует указать, что одним из самых важных является режим, который своими элементами пронизывает все сферы жизнедеятельности учреждений. Только устанавливая границы дозволенного поведения осужденных, возможно обезопасить их самих, а также функционирование всего учреждения в целом.

Понятие «режим в исправительных учреждениях» определяется как установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания [2].

Все эти требования режима находятся в тесном взаимодействии друг с другом, однако, учитывая криминальную направленность лиц, находящихся в местах лишения свободы, и преступления, совершенные данными лицами, основополагающим требованием режима является обеспечение личной безопасности осужденных, персонала, других лиц и всего учреждения в целом, что возможно только при правильном разделении спецконтингента на различные категории с момента прибытия в исправительное учреждение и до момента освобождения.

Деление осужденных на категории, которые должны отбывать наказание отдельно друг от друга, производится в целях дифференциации условий их содержания и исправительного воздействия, а также исключения разлагающего влияния наиболее отрицательной части осужденных на других лиц, отбывающих наказание [3, с. 23].

Обеспечение дифференцированного содержания разных категорий осужденных, в том числе лиц, не желающих вставать на путь исправления, придерживающихся традиций криминальной субкультуры, остается одним из трудоемких направлений организации режима. Данным вопросам уделяется особое внимание в ходе выездов сотрудников ФСИН России в территориальные органы УИС, при анализе

поступающей в центральный аппарат информации, в процессе ежедневной работы кураторов с регионами. Но, несмотря на проводимую работу, общим недостатком является высокий уровень рецидивной преступности. Осужденные, отбывшие срок наказания, вновь совершают преступления и вновь попадают в места лишения свободы. Так, согласно статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2018 года, 48 730 человек признаны совершившими преступления при рецидиве, а 7 531 — при опасном рецидиве и 3 167 — при особо опасном [4].

Одной из причин, на наш взгляд, является отсутствие нормативно-закрепления внутренних, сущностных характеристик раздельного содержания осужденных, таких как мотивы содеянного, психологическая совместимость и др. Имеющаяся классификация осужденных по исправительным учреждениям основывается на выделении отдельных групп лиц по внешним, формальным признакам (пол, возраст, категория преступления).

Таким образом, обеспечение безопасности в местах лишения свободы напрямую зависит от условий и порядка содержания осужденных, исходя из их классификации. Однако раздельное содержание осужденных должно осуществляться не только из уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристик, но и на основании внутренних критериев, таких как психологическая совместимость и мотивы совершенного преступления.

1. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : Указ Президента РФ, 13 окт. 2004 г. № 1314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 42. Ст. 4109. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198. [Вернуться к статье](#)

3. Савушкин С. М. Взаимодействие отдела безопасности (режима) с другими службами ИУ и СИЗО в целях выполнения режимных требований : учеб. пособие. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 35 с. [Вернуться к статье](#)

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (обращения: 22.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*И. А. Смирнов
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России*

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ В МЕХАНИЗМЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИИ

Понятие «судимость» закреплено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 года № 3-П (далее — Постановление) и обозначает «правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия» [1].

Судимость подразумевает юридическую презумпцию, предполагающую, что лицо должно доказать свое исправление после отбытия лишения свободы. На это акцентирует внимание указанное нами выше Постановление: «... устанавливая институт судимости и сроки ее погашения, законодатель заведомо предполагает, что лицо, несмотря на отбытое им наказание, и после него не достигло (более того, не доказало) своего исправления, т. е. продолжает считаться общественно опасным, и степень этой опасности презюмируется в зависимости от степени тяжести совершенного преступления, что отражается в сроках действия подобной презумпции».

В проведенном ранее исследовании А. М. Потапова среди осужденных, которым до освобождения осталось менее шести месяцев, указывается на то, что более половины опрошенных респондентов утверждают о негативном влиянии судимости на дальнейшую жизнь (58,5 %) [2, с. 212]. В некоторых случаях судимость выходит за рамки правового поля и продолжает неформальное воздействие на бывших осужденных. Рассматривая специфику судимости, по данному поводу справедливо заметил Г. Ю. Зинин: «... до прекращения судимости поведение субъекта не может влиять на прекращение или приостановление общеправовых последствий, судимость в данном случае выступает основой негативной характеристики, иногда учитываемой и после снятия или погашения судимости» [3, с. 19]. В итоге отрицательное проявление судимости, даже после ее погашения или снятия, может выражаться в нравственно-психологическом отношении

общества к бывшему заключенному. Данные обстоятельства могут отражаться как при трудоустройстве, так и на отношении окружающего коллектива.

Одной из отличительных особенностей общеправового значения судимости является в некоторых случаях распространение на близких судимого лица. Иногда для общества достаточно одного факта отбытия лишения свободы, впоследствии чего для бывшего осужденного могут наступить неблагоприятные последствия. О. В. Полстовалов указывает, что «... наличие непогашенной или неснятой судимости подменяется (!) самим фактом привлечения к уголовной ответственности, даже если состав преступления декриминализован или пресловутая судимость снята или погашена в установленном законом порядке» [4, с. 12]. Тем самым на осужденного в некой степени продолжается карательное воздействие, отражающее «стигму» социума. Все это способствует отдалению личности от общества, препятствуя эффективной ресоциализации на постпенитенциарном этапе.

Действующее законодательство предоставляет возможность лицам после освобождения погасить судимость досрочно. Для этого лицо должно характеризоваться безупречным поведением и возместить причиненный ущерб (п. 5 ст. 86 УК РФ). Данная правовая норма дает возможность в зависимости от саморегуляции своего поведения улучшить правовое положение лица, освобожденного из мест лишения свободы. Но полностью проблемы судимости в отношении положительно характеризующихся осужденных указанная норма не решает. Во-первых, понятие «безупречное поведение» является оценочным и точную формулировку дать сложно, т. к. нет законодательно закрепленных критериев, которые бы об этом свидетельствовали. Во-вторых, указанный способ погашения судимости не снимает общеправовые ее последствия.

А. Ю. Маршенев утверждает, что общеправовые последствия на постпенитенциарном этапе создают значительные барьеры для ресоциализации лиц, отбывших наказание, в связи с этим он предлагает ликвидировать такие препятствия [5, с. 9]. Мы согласны с точкой зрения указанного автора, но также считаем, что необходимо дополнить следующее: ликвидировать все ограничения, связанные с судимостью, необходимо в отношении только положительно характеризующихся лиц. Такую группу осужденных должна определять администрация ИУ. Это послужит дополнительным стимулом во время отбывания наказания. Также следует предусмотреть промежуточную категорию осужденных (нейтральные) — не попадающие под административный надзор, но в отношении которых должны действовать ограничения, предусмотренные законодательством. Для отрицательно характери-

зующихся осужденных — подобает накладывать ограничения и дополнительные обязанности, а также устанавливать административный надзор. Общим для всех осужденных, относительно судимости, должен остаться срок, учитываемый при рецидиве.

Таким образом, целесообразно ликвидировать ограничения и дополнительные обязанности, предусмотренные судимостью, в зависимости от степени исправления осужденных: полностью в отношении положительно характеризующихся осужденных; в ограниченном объеме — для нейтральной группы осужденных. Администрация ИУ должна определять в отношении каких осужденных и в каком объеме ликвидировать такие ограничения и подавать соответствующее ходатайство в суд. Например, в отношении положительно характеризующихся осужденных, освобождающихся условно досрочно, целесообразно вместе с материалами на УДО подавать в суд ходатайство об освобождении от всех ограничений, предусмотренных законодательством о ранее судимых лицах.

1. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного суда Рос. Федер., 19 марта 2003 г., № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003 г. № 14. Ст. 1302. [Вернуться к статье](#)

2. Потапов А. М. Правовой статус лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 232 л. [Вернуться к статье](#)

3. Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 23 с. [Вернуться к статье](#)

4. Поражение в правах несовершеннолетних при трудоустройстве в связи с судимостью близких родственников // Вестн. Башкир. ин-та социальных технологий. 2013. № 2. С. 11–13. [Вернуться к статье](#)

5. Маршенов А. Ю. Развитие института судимости в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002. 23 с. [Вернуться к статье](#)

*А. А. Тум**преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Академии МВД Республики Беларусь*

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ

С научной точки зрения, достаточно большой интерес представляет применение досрочного освобождения от наказания (далее — УДО) для осужденных к пожизненному заключению в Республике Беларусь.

Статья 90 УК Республики Беларусь не предусматривает возможность УДО для осужденных к пожизненному заключению. Несмотря на отсутствие в уголовном законодательстве указанной возможности освобождения, для данной категории осужденных, альтернатива освободиться досрочно для них все же существует. Так, ч. 4 ст. 58 УК Республики Беларусь устанавливает, что в случае отбытия таким лицом либо лицом, которому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным заключением, суд может заменить дальнейшее отбывание пожизненного заключения лишением свободы на определенный срок. Данный срок не может превышать пяти лет лишения свободы. В соответствии с ч. 1 ст. 188 УИК Республики Беларусь представление в суд о замене пожизненного заключения лишением свободы вносится администрацией исправительного учреждения лишь при отсутствии у осужденного в течение трех лет злостных нарушений режима. В соответствии с ч. 4 ст. 58 УК Республики Беларусь при вынесении решения о замене пожизненного заключения на лишение свободы суд должен учитывать: 1) поведение осужденного; 2) состояние его здоровья; 3) его возраст. Не представляются к замене пожизненного заключения лишением свободы осужденные, совершившие во время отбывания пожизненного заключения новое тяжкое или особо тяжкое преступление. В случае отказа суда в замене осужденному пожизненного заключения на лишение свободы повторное внесение представления может иметь место не ранее чем по истечении трех лет со дня принятия судом решения об отказе.

Для примера, УК Российской Федерации предусматривает возможность УДО для осужденных к пожизненному лишению свободы после отбытия ими не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Согласно данным ФСИН России на середину 2018 г. в исправительных

учреждениях России содержалось 2036 осужденных к пожизненному лишению свободы, из которых более 260 по сроку наказания получили возможность ходатайствовать об УДО. Из указанной массы осужденных в суд с ходатайством об УДО обратились 56 человек. Стоит отметить, что ни одному осужденному суд ходатайство не удовлетворил [1].

Порядок применения УДО для осужденных к пожизненному лишению свободы, определяется ч. 5 ст. 79 УК РФ, где сказано, что суд должен признать лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, не нуждающимся в дальнейшем отбывании данного вида наказания, при этом, осужденный должен отбыть не менее двадцати пяти лет лишения свободы и не иметь злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, данному виду освобождения от наказания не подлежит. В случае отказа в удовлетворении ходатайства об УДО осужденному к пожизненному лишению свободы повторное обращение с ходатайством может иметь место не ранее, чем по истечении трех лет (ч. 10 ст. 175 УИК РФ).

Установка перспективы освобождения для данной категории осужденных позволяет оказывать положительное влияние на их поведение в процессе отбывания наказания. Возможность освободиться досрочно будет способствовать и процессу восстановления прав потерпевших. Несмотря на столь противоречивое утверждение, отметим, что согласно уголовному законодательству, определяющему порядок применения УДО в Республике Беларусь, для того чтобы осужденный мог претендовать на данный вид освобождения от наказания, ему необходимо помимо доказательства своего исправления также возместить (полностью или частично) ущерб, причиненный преступлением. Соответственно, в процессе отбывания пожизненного заключения, при наличии возможности трудиться и зарабатывать деньги для погашения ущерба, причиненного преступлением, осужденный к пожизненному заключению, если у него будет такая возможность, вполне вероятно воспользуется ею. Безусловно, реализация указанного положения предполагает установление в местах отбывания наказания осужденных к пожизненному заключению производственных мощностей и соответствующих условий, где данные осужденные смогут работать и зарабатывать денежные средства.

Имеет смысл разделить процесс отбывания наказания на этапы, улучшающие положение осужденного к пожизненному заключению, в зависимости от поведения осужденного. Ввиду сказанного можно сделать вывод о нецелесообразности столь длительного заключения в

условиях, первоначально назначенных по приговору суда. Более того, по отбытии пятнадцати лет лишения свободы негативное отношение к наказанию приобретает постоянство и стабильность [2, с. 26]. Представляется необходимым пересмотреть систему правового регулирования как отбывания наказания, так и системы подготовки к УДО для данной категории осужденных. Таким образом, целесообразно установить норму, оговаривающую возможность перевода осужденного в исправительную колонию строгого режима из исправительной колонии особого режима, по прошествии не менее пятнадцати лет отбывания наказания, при условии отсутствия злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. В случае дальнейшего положительного поведения осужденного следует проводить его постепенную социальную адаптацию, направленную на плавную интеграцию последнего в общество. При этом общий срок минимально отбытого наказания в виде пожизненного заключения должен остаться прежним, не менее двадцати пяти лет.

Несмотря на отсутствие в УК Республики Беларусь ограничений на применение условно-досрочного освобождения от наказания для осужденных к пожизненному лишению свободы, целесообразно отменить возможность освобождения лицам, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы в порядке помилования. Учитывая тот факт, что к данной категории осужденных была применена исключительная мера наказания, это свидетельствует об исключительной общественной опасности этого лица. Вынося такой приговор, суд признает, что такое лицо невозможно исправить и дальнейшее возвращение его в социум недопустимо. Указанная мера будет соответствовать принципам гуманизма и экономии уголовной репрессии, позволяя достичь при этом целей уголовной ответственности, предусмотренных ст. 44 УК Республики Беларусь.

1. Жизнь после смерти [Электронный доступ] // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. URL: http://xn--h1akkl.xn--p1ai/press/media/index.php?ELEMENT_ID=236702_&sphrase_id=1060149 (дата обращения: 15.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Горбач Д. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 175 л. [Вернуться к статье](#)

В. С. Шабаль
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ И ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В настоящее время использование различных автоматизированных систем управления (далее — АСУ) является одним из направлений совершенствования порядка управления тем или иным процессом. Не является исключением и управление уголовно-исполнительной системой.

В настоящее время в органах и учреждениях, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности в Республики Беларусь, функционирует ряд программных комплексов. Например, в уголовно-исполнительной инспекции МВД Республики Беларусь внедрена подсистема единого государственного банка данных о правонарушениях «Форма 6 УИИ». В ней отражается многочисленная информация как о самих осужденных, так и о деятельности уголовно-исполнительных инспекций (биографические данные на осужденного, судимости, ограничения, установленные судом, результаты проводимой воспитательной работы, наличие поощрений и взысканий, место работы и учебы осужденного, взаимоотношения с родственниками и т. д.). Получается, что в данном программном комплексе отражаются многие задачи органов и учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, которые требуют постоянного и оперативного управления.

Схожий программный комплекс внедрен и в Департаменте исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее — ДИН). Однако в ДИН данный комплекс используется в основном для сбора и обобщения информации, а также для контроля за работой подразделений со стороны вышестоящих руководителей. То есть сотрудники ДИН, непосредственно выполняющие функции по исполнению наказаний в учреждениях, не используют данный программный комплекс в повседневной работе, а лишь как один из элементов отчетности о своей деятельности.

Использование АСУ лишь в этих целях является не совсем целесообразным и экономически неэффективным, так как ее функционирование требует определенных финансовых вложений (устройство необходимого количества автоматизированных рабочих мест (представляется, что данное рабочее место должно быть оборудовано у каждого субъекта предупреждения преступности во всех правоохранительных органах) и подключение их в единую локальную сеть, покупка либо разработка программного обеспечения, поддержание работоспособности (техническое обслуживание) АСУ и прочее).

Возникает определенный вопрос: какие функции должна выполнять АСУ? Представляется возможным, что моделирование АСУ следует осуществлять с учетом задач и функций, выполняемых органами и учреждениями, исполняющими наказания и иные меры уголовной ответственности. В этом случае следует учитывать, что согласно ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — УИК) целью применения наказания и иных мер уголовной ответственности является исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Поэтому в первую очередь разработка АСУ должна опираться на средства, с помощью которых реализуются данные цели. К ним, в соответствии с ч. 3 ст. 7 УИК, относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие.

Основой для построения эффективной АСУ может стать вышеуказанный программный комплекс, используемый в уголовно-исполнительных инспекциях. При этом целесообразно, чтобы в пределах своей компетенции базу данных могли использовать все правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел, Следственный комитет, суды, органы прокуратуры (получение характеристик и прочее).

В случае добавления в базу данных информации, касающейся кадрового обеспечения, других направлений деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, ее можно будет взять за основу для разработки и внедрения полноценной АСУ, которая позволит осуществлять эффективное управление ДИН посредством постоянного и оперативного контроля за всеми сферами деятельности без необходимости выезда к месту проведения проверки. Данный контроль смогут проводить руководители всей вертикали управления, а также другие заинтересованные в этом органы.

Положительным моментом работы АСУ в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, должно стать то что, помимо

улучшения управления и контроля за работой каждого сотрудника (что способствует в том числе соблюдению принципа законности), снижения бумажного документооборота, повышения скорости реакции на изменяющиеся условия, появится возможность прогнозировать развитие преступности в Республике Беларусь посредством доступа к полной информации о личности осужденных. Это обеспечит научность изучения преступности как социального явления в общем и каждого конкретного индивидуума в частности.

Как нами отмечалось ранее, в конечном итоге совершенствование деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, направлено не только на облегчение управления структурными подразделениями, но и на предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, что будет способствовать снижению уровня рецидива.

Как отмечает В. А. Ананич, для совершенствования предупреждения рецидивной преступности необходимо «комплексное изучение общего состояния рецидивной преступности и причин такого преступного поведения, личностных особенностей преступников-рецидивистов» [1, с. 83]. То есть, посредством внедрения АСУ предполагается облегчение выявления функциональных проблем в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности и прочих подразделений, при решении которых возможен положительный эффект в работе каждого сотрудника, что отразится на всех показателях, учитываемых при подведении итогов. В том числе может снизиться количество нарушений установленного порядка исполнения и отбывания наказания, у большего количества осужденных будет сформирована положительная степень исправления, повысится эффективность трудового использования, повысятся суммы досрочного возмещения ущерба, причиненного преступлениями и т. д., что в конечном итоге позволит снизить уровень преступности в Республике Беларусь.

1. Ананич В. А., Часнок С. Ю. Предупреждение рецидивной преступности : монография. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. 99 с. [Вернуться к статье](#)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

Л. Л. Абрамова

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России (Красноярск)*

УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В юридической науке преобладающей является точка зрения, согласно которой уголовно-процессуальная деятельность и принимаемые в ее ходе и по ее результатам решения тесно связаны с применением норм уголовного права [1, с. 2; 2, с. 4; 3, с. 12]. Стадия возбуждения уголовного дела не является исключением. На этапе принятия решения о начале производства по делу правоприменителю требуется выяснить, что именно произошло в прошлом, собрать данные, касающиеся деяния, о котором сообщено в заявлении или сообщении и которое имело место в действительности. Далее, должностное лицо, принимающее решение о начале расследования, осуществляет мысленную реконструкцию произошедшего деяния. После этого производится установление (неустановление) в деянии признаков преступления или, другими словами, производится уголовно-правовая оценка деяния. Закономерно, что чем точнее будут установлены обстоятельства произошедшего деяния, тем обоснованнее и мотивированнее будет решение о наличии (отсутствии) в нем признаков преступления.

Анализ правовых предписаний, заключенных в главах 19 и 20 УПК РФ [4], позволяет прийти к выводу, что, с одной стороны, принятие решения о начале производства по делу требует неопременного вынесения итогового решения — постановления о возбуждении уголовного дела, содержащего уголовно-правовую оценку деяния. С другой стороны — для вынесения такого решения необходимо произвести установление фактических оснований, свидетельствующих о наличии признаков преступления.

В этой связи полагаем, что оценку основания для начала производства по уголовному делу необходимо производить исходя из двух направлений — информационного и юридического.

Информационное направление заключается в совокупности данных, информации, иных сведений, дающих основание следователю,

дознавателю для обоснованного предположения, что деяние имело место в действительности. Установленные обстоятельства соответственно составляют фактические основания для принятия решения о начале производства по уголовному делу.

Юридическое (уголовно-правовое) направление основания характеризуется совокупностью сведений о том, что установленные фактические обстоятельства совершенного деяния содержат отдельные признаки состава конкретного преступления. Данный критерий предполагает необходимость уголовно-правовой квалификации совершенного деяния. Квалификация деяния на данном этапе носит, как правило, не окончательный, предварительный характер, что не препятствует в дальнейшем ее изменению в сторону смягчения или утяжеления.

Однако в практической деятельности порой возникают значительные трудности в связи с невозможностью установления признаков конкретного состава преступления для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Указанное, в частности, имеет место при сообщении о происшествии, связанном с безвестным исчезновением гражданина, когда данный гражданин не обнаружен и не получены данные, указывающие на совершение в отношении его преступления. Доследственная проверка сообщений данной категории начинается при дефиците первичной информации. В заявлениях об исчезновении причастные к преступлению заинтересованные лица зачастую называют ложные сведения, без указания конкретных причин, возможных версий, уточнения времени исчезновения. При таком положении вещей, чем скорее начнется расследование, тем более эффективные результаты будут достигнуты, поскольку должностные лица, с учетом положений ст. 144 УПК РФ [4], ограничены в сроках, средствах проверки сообщения о преступлении, что не способствует эффективному выполнению задач уголовного судопроизводства.

Но, с другой стороны, правоприменитель при минимальном наборе данных (при отсутствии информации о признаках насильственной смерти, о местонахождении трупа и т. д.) не в состоянии правильно квалифицировать деяние. На частичное преодоление патовых ситуаций, характеризующихся отсутствием основания к возбуждению уголовного дела, нацелены ведомственные нормативные акты [5]. Вместе с тем нельзя назвать такую практику успешной, поскольку работа по факту безвестного исчезновения гражданина ведется в рамках розыскного дела. Очевидно, что законодательство и практика его применения не отвечают потребностям современного общества. Все это требует новых подходов к организации и осуществлению уголовно-процессуальной деятельности.

Весьма оригинально к решению данной проблемы подошел белорусский законодатель. Так, в качестве самостоятельного (специального) основания к возбуждению уголовного дела статьей 167 УПК Республики Беларусь [6] предусмотрено исчезновение лица, если в течение десяти суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот срок, установить местонахождение лица не представилось возможным. При этом, согласно ч. 3 ст. 175 УПК Республики Беларусь, в постановлении о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения лица статья Уголовного кодекса не указывается.

Обозначенные положения, по нашему мнению, возможно отнести к разряду прогрессивных. Опыт белорусских коллег в части порядка установления фактических данных о признаках преступления мог бы быть интересен в целях совершенствования начального этапа в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

1. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1911. [Вернуться к статье](#)
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1.
- С. 4. [Вернуться к статье](#)
3. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (п. 66) [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр.дел Рос. Федер. 29 авг. 2014 г., № 736 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] 16 июля 1999 года № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

Ю. В. Анохин

*заместитель начальника по научной работе
Барнаульского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

В. Ю. Белицкий

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА NON BIS IN IDEM В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно статье 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) к числу источников уголовно-процессуального права относятся Конституция РФ, УПК РФ и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Понятия общепризнанных принципов и норм международного права раскрыты в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 [1].

К числу общепризнанных принципов относится и принцип non bis in idem, запрещающий повторное преследование и наказание за одно и то же деяние. Названный принцип закреплен в международных правовых актах: пункте 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2], ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3].

Принцип non bis in idem нашел свое закрепление и реализацию в отечественном законодательстве: часть 1 ст. 50 Конституции РФ, часть 2 ст. 6 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), пункты 4 и 5 ст. 27 УПК РФ, пункт 7 части 1 ст. 24.5 Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Раскрывая реализацию принципа non bis in idem в уголовно-процессуальном законодательстве, отметим, что согласно пунктам 4 и 5 ст. 27 УПК РФ основаниями для прекращения уголовного преследования являются соответственно «наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению», а равно «наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного

постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела».

Принцип *non bis in idem* распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, на которых может быть установлено, что факт уголовного преследования и назначения наказания в отношении данного лица и по тому же обвинению уже имел место.

Анализируемый принцип включает запрет повторного наказания и означает, что если компетентным органом (судом, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания и пр.) вынесено окончательное решение по делу, то всякое повторное преследование и назначение наказания по тому же обвинению невозможно.

Несмотря на то, что согласно буквальному толкованию положений части 1 ст. 50 Конституции РФ и названных выше норм международно-правовых актов речь идет о запрете повторного рассмотрения дела после «окончательного» осуждения или оправдания, основанием для прекращения уголовного преследования является также наличие неотмененного постановления иного компетентного органа по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Данный вывод следует из положений пункта 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ и правовой позиции Конституционного Суда РФ о том, что «...не допускается возможность привлечения лица в качестве обвиняемого и проведения в отношении него предварительного следствия при наличии неотмененного постановления следователя о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) по тому же обвинению...» [4].

Вместе с тем анализ правоприменительной судебно-следственной практики позволяет констатировать, что имеют место быть ситуации несоблюдения норм законодательства в части реализации рассматриваемого принципа.

Так, следователем было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении руководителя ОАО «М» Ш. на основании пункта 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, о чем было вынесено соответствующее постановление.

Представитель потерпевшего, не согласившись с принятым решением, обжаловал его в порядке ст. 125 УПК РФ в суд.

Постановлением Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от ДД.М.Г. жалоба на решение следователя, оставлена без удовлетворения. Суд обоснованно посчитал собранные следователем материалы достаточными для принятия законного и обоснованного решения.

Апелляционным постановлением судьи судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда ДД.М.Г. постановление Же-

лезнодорожного районного суда также оставлено без изменения, а апелляционная жалоба представителя потерпевшего — без удовлетворения.

Несмотря на наличие названных судебных решений, выразив свое несогласие с выводами судов первой и апелляционной инстанций, надзирающий прокурор отменил постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, после чего было возбуждено уголовное дело, которое в последующем направлено в суд (Дело № 22-3122/2017 // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула).

Судом сделан обоснованный вывод о том, что действия и решения прокурора, а затем и следователя, совершены в нарушение принципа *non bis in idem* и анализируемых норм международного и отечественного права, а также принципов правовой защищенности и стабильности правовых отношений, гарантированных ими, в связи с чем суд признал незаконными все процессуальные действия и решения как прокурора, так и следователя, в том числе решение о возбуждении уголовного дела, привлечение Ш. в качестве обвиняемого, собранные доказательства, решение о направлении уголовного дела в отношении Ш. в суд и пр. [5].

Основываясь на решениях Европейского суда по правам человека, с учетом принципа *non bis in idem* подчеркнем, что факт, привлечения лица к разным видам юридической ответственности не является решающим. Признаком, определяющим повторную ответственность, является наличие по одному и тому же факту нескольких процессуальных производств. Следовательно, анализируемый принцип предусматривает запрет двойной юридической ответственности разных видов независимо от их отраслевой природы [6; 7].

Например, при квалификации действий лица, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения, дважды учитывается признак опьянения, который является элементом объективной стороны как состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, так и преступления, предусмотренного частью 2 ст. 264 УК РФ.

Учитывая положения принципа *non bis in idem* одновременное привлечение такого лица к административной и уголовной ответственности незаконно [8; 9].

Таким образом, общепризнанный правовой принцип *non bis in idem* находит свое закрепление как в международно-правовых нормах, так и в отечественном, отраслевом, в частности, уголовно-процессуальном законодательстве.

1. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 10 окт. 2003 г., № 5 : в ред. от 05.03.2013 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.] [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 5 части первой статьи 27, пунктов 15 и 16 части второй и части пятой статьи 37, частей первой и второй статьи 171, частей первой и пятой статьи 172, пунктов 2 и 3 части первой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 605-О-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Апелляционное постановление № 22-3122/2017 от 28 июля 2017 г. по делу № 22-3122/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
6. Кострова М. Б. Принцип non bis in idem: новое толкование Европейского суда по правам человека и научные основы российского уголовного права // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : Материалы V Российского конгресса уголовного права, 27–28 мая 2010 г. М., 2010. С. 110, 111. [Вернуться к статье](#)
7. Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов : монография. М. : РГУП, 2017. 230 с. [Вернуться к статье](#)
8. Постановление № 4А-526/2018 от 20 июня 2018 г. по делу № 4А-526/2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
9. Постановление № 4А-621/2018 от 25 июля 2018 г. по делу № 4А-621/2018 и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

А. П. Бойко

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УКРАИНЕ

Одним из самых эффективных способов незаконного противодействия расследованию преступлений является противоправное влияние на участников уголовного процесса со стороны заинтересованных лиц. Чтобы обеспечить дачу правдивых показаний такими участниками уголовного процесса, еще на досудебном расследовании им необходимо своевременно обеспечить их безопасность и неприкосновенность.

К сожалению, действующим УПК Украины четко не определен процессуальный порядок обеспечения безопасности всех участников уголовного процесса, которые могут подвергаться опасности, и их право на такую безопасность. Именно поэтому обеспечение безопасности участников уголовного процесса в Украине является крайне важным и обязательным.

Так, в УПК Украины упоминается более 20 раз об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства (ст. 27, 42, 56, 64-1, 65, 66, 68, 69, 71, 72-1, 206, 221, 228, 232, 252, 256, 303, 317, 336, 351, 352 УПК Украины). Эти нормы предусматривают права субъектов уголовного процесса на инициирование обеспечения их безопасности, упоминают необходимость применения мер безопасности для участников процессуальных действий, оговаривают порядок ознакомления с материалами производства, в котором к определенным участникам применены меры безопасности и другое. Однако УПК Украины не содержит нормы, которая бы определяла основания, и процессуальный порядок применения мер безопасности к участникам уголовного процесса. Так, например, в п. 12 ч. 3 ст. 42 УПК Украины указано, что подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о проведении процессуальных действий, направленных на обеспечение его безопасности, а также безопасности его членов семьи, близких родственников, имущества, жилища. Подобное право предусмотрено и для представителя юридического лица, в отношении которого осуществляется производство (п. 7 ч. 3 ст. 64-1 УПК Украины) [1].

Схожее правило предусмотрено и для свидетеля, однако в норме уже не упоминается о процессуальных действиях по обеспечению безопасности свидетеля. В п. 8 ч. 1 ст. 66 УПК Украины говорится о праве заявить ходатайство, об обеспечении безопасности в случаях, предусмотренных законом [1]. Таким образом, УПК Украины по-разному определяет порядок инициирования обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Для одних участников это проведение процессуальных действий, направленных на обеспечение безопасности, а для других предусмотрено только право заявить ходатайство об обеспечении безопасности в случаях, предусмотренных законом. К сожалению, УПК Украины не предусматривает четкий процессуальный порядок применения мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса. В связи с этим ряд ученых (М. Копетюк, В. Р. Майские, И. В. Вернидубов, С. В. Кивалов, Ю. А. Кармазин) указывают на необходимость вернуться к УПК Украины 1960 года в вопросах, касающихся обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в котором следует предусмотреть отдельную главу или систему норм [2, с. 126; 3].

В отличие от действующего законодательства УПК Украины 1960 года содержал ряд статей, регулирующих применение мер безопасности в уголовном судопроизводстве, в частности ст. 52-1 «Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве», ст. 52-2 «Права и обязанности лиц, в отношении которых осуществляются меры безопасности», ст. 52-3 «Неразглашение сведений о лице, в отношении которого осуществляются меры безопасности», ст. 52-4 «Порядок отмены мер безопасности», ст. 52-5 «Обжалование решений об отказе в применении мер безопасности или об их отмене» [4].

В настоящее время правовой основой обеспечения безопасности участников уголовного процесса являются: Конституция Украины [5], законы Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» от 23.12.1993 г. [11], «О Национальной полиции» от 02.07.2015 г. [13] и другие нормативно-правовые акты Украины.

В статье 1 УПК Украины четко установлено, что порядок уголовного производства на территории Украины определяется только уголовным процессуальным законодательством Украины. Кроме того, в ч. 3 ст. 9 УПК Украины, в которой регламентирован принцип законности, указывается, что законы и иные нормативно-правовые акты Украины, положения которых касаются уголовного производства, должны соответствовать УПК Украины [1]. Таким образом, основания и процессуальный порядок применения мер безопасности участников уголовного

процесса прежде всего должны быть предусмотрены в нормах УПК Украины.

Также позитивным следует отметить, что в УПК Республики Беларусь институту безопасности участников уголовного процесса отведена глава 8, которая содержит в себе ст. 65–75 [8].

Проанализировав уголовное процессуальное законодательство Украины, а также взгляды ученых, считаем, что УПК Украины необходимо дополнить отдельной главой, которая будет регулировать основания и процессуальный порядок применения мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса по аналогии с УПК Республики Беларусь.

1. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України, 13 квіт. 2012 р., № 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата звернення: 28.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Копетюк М. Особливості забезпечення безпеки осіб у досудовому кримінальному провадженні // Історико-правовий часопис. 2013. № 2. С. 126–131. [Вернуться к статье](#)

3. Проект КПК України [Електронний ресурс]. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=31115 (дата звернення: 20.01.2016). [Вернуться к статье](#)

4. Кримінально-процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України, 28 снежн. 1960 р., № 1001-05. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05> (дата звернення: 28.01.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Конституція України [Електронний ресурс] : Закон України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР.. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата звернення: 28.01.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві [Електронний ресурс] : Закон України, 23 груд. 1993 р., № 3782-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3782-12>. (дата звернення: 28.01.2019). [Вернуться к статье](#)

7. Про Національну поліцію [Електронний ресурс] : Закон України, 2 лип. 2015 р., № 580-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/580-19> (дата звернення: 28.01.2019). [Вернуться к статье](#)

8. Уголовно-процесуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 июня 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL : <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 25.01.2019). [Вернуться к статье](#)

А. О. Волобоев
*аспирант заочной формы обучения
Донецкого юридического института МВД Украины*

ПРОБЛЕМНО-ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ (розыскных) ДЕЙСТВИЙ ВО ВРЕМЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБРАЩЕНИЕМ С ОРУЖИЕМ И БОЕВЫМИ ПРИПАСАМИ*

Институт негласных следственных (розыскных) действий (далее — НСРД) — это уголовный процессуальный инструмент временного негласного ограничения конституционных прав и свобод человека, который имеет собственный научный механизм реализации, фиксации и получения результатов в уголовных производствах.

Теоретические разработки в этом направлении осуществляют ведущие ученые-юристы: А. Н. Бандурка, В. П. Бахин, В. И. Василичук, В. Г. Гончаренко, С. И. Кивалов, В. А. Колесник, М. В. Корниенко, С. С. Кудинов, В. Т. Нор, Н. В. Салтевский, Д. П. Сергеева, В. В. Сердюк, В. Е. Тарасенко, Л. Д. Удалова, В. Ю. Шепитько и др. Вместе с этим анализ современной правоприменительной практики указывает на то, что при применении норм института НСРД возникает ряд проблемно-дискуссионных вопросов, решение которых позволит избежать негативных факторов, существенно влияющих на доказательный потенциал в конкретных уголовных производствах.

Полученные нами данные указывают, что использование института НСРД встречается крайне редко и только в случаях крайней необходимости, когда фактические данные об уголовном правонарушении и личности преступника невозможно получить иным способом. Средний показатель проведения НСРД во время расследования уголовных производств, связанных с незаконным обращением с оружием и боевыми припасами, составляет только 1 %. Напомним, что по данным Генеральной прокуратуры Украины, в период 2013–2018 гг. в среднем было совершено 7 224 уголовных правонарушений, предусмотренных ст. 263 УК Украины «Незаконное обращение с оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами» [1], из них около 65 % составляет исследуемая категория уголовных правонарушений.

* Под оружием и боевыми припасами автор понимает только ручное огнестрельное оружие и боевые припасы к нему.

Низкий уровень проведения НСРД непосредственно связан с основным субъектом данной процедуры — следователем, так как именно по инициативе следователя, а в отдельных случаях только по инициативе прокурора (ст. 271 УПК Украины), применяется система негласных действий. При этом основные негативные факторы возникают из-за отсутствия практического опыта в использовании инструментария (проведения определенных негласных мероприятий), низкого уровня квалификации, боязни допустить «зафиксированную» ошибку, трудоемкости самой процедуры, а также из-за отсутствия необходимых знаний, специальных технических средств и неопытности отдельных сотрудников следственных и оперативных подразделений, осуществляющих их реализацию (сопровождение).

В отличие от уголовных процессуальных инструментов гласного ограничения конституционных прав и свобод человека мер обеспечения уголовного производства и отдельных следственных (розыскные) действий (обыск, осмотр, освидетельствование и т. д.), институт НСРД лишен достаточной (четкой и последовательной) юридической определенности процедуры проведения, что искусственно создает условия для правовой коллизии. В связи с этим в практической деятельности все чаще встречаются факты разнообразного толкования и применения норм 21 главы УПК Украины [2]. Это приводит к обжалованию стороной защиты (в частности, лицом, в отношении которого были проведены НСРД) полученных результатов в связи с существенным нарушением конституционных прав человека.

Так, большинство уголовных производств не содержат соответствующего разрешения следственного судьи на проведения НСРД. Сторона обвинения только во время судебного разбирательства принимает меры по приобщению к материалам уголовного производства копии данного решения или справки из Апелляционного суда области о наличии у них такого документа и объясняет предварительное его отсутствие следствием длительного процесса рассекречивания. В отдельных случаях прокурор обосновывает отсутствие решения тем, что нормы УПК Украины не предусматривают порядок его приобщения. Указанное является существенным недостатком процессуальной регламентации института НСРД, так как согласно разделу V Инструкции об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использования их результатов в уголовном производстве [3] все документы инициированного НСРД, кроме содержащих сведения, разглашение которых создает угрозу национальным интересам и безопасности, подлежат рассекречиванию и приобщению к материалам уголовных производств еще на стадии досудебного расследования.

Также остаются без юридического урегулирования ряд вопросов, связанных с порядком процессуального оформления:

- привлечение лиц к проведению НСРД, которые не являются работниками правоохранительных органов и лицами (агентами) конфиденциального сотрудничества. Обычно это лица-заявители, которые на добровольных началах сотрудничают со следствием;
- определение круга задач и обязанностей такого лица (на практике в редких случаях встречаются такие процессуальные документы, как «Постановление о привлечении лица к проведению НСРД» и «Поручение на выполнение специального задания при проведении НСРД»);
- результаты НСРД в случае открытого фиксирования, кроме случаев проведения «Контроля за совершением преступления» — ч. 4 ст. 271 УПК Украины, например, во время проведения аудио-, видео-контроля лица (ст. 260 УПК Украины).

И этот перечень не является исчерпывающим. Так, еще без юридического урегулирования остается вопрос определения технического носителя — цифрового CD/DVD диска с дешифрованной информацией — оригинальным экземпляром, ведь в большинстве случаев фиксирование НСРД осуществляется с помощью специальных технических средств негласного получения информации на микрофлешки в виде двоичного кода. В дальнейшем такой вид результата с помощью специальной компьютерной программы расшифровывается и приобретает конечную форму в виде аудио-, видеоинформации, которая переносится (записывается) на цифровой носитель CD/DVD-диск. Однако по заключению соответствующей судебной экспертизы такие носители информации признаются копией, что противоречит положению ч. 3 ст. 107 УПК Украины: «В материалах уголовного производства хранятся **ОРИГИНАЛЬНЫЕ** экземпляры технических носителей информации зафиксированного процессуального действия...».

Итак, как видим, по своей природе институт НСРД имеет обширный спектр негативных факторов, которые существенно влияют на доказательный потенциал в уголовных производствах. По нашему мнению, законодатель должен привести в надлежащее состояние юридическую определенность использования этого института, в частности, устранить недостатки процессуальной регламентации системы НСРД, а также вольную трактовку норм уголовного процессуального законодательства в этой отрасли.

1. Единый отчет о работе органов досудебного расследования за 2013–2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Украины. URL: <http://www.gp.gov.ua/ua> (дата обращения: 25.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 20 нояб. 2012 г., № 4651-VI : принятый Верховной Радой Украины 13 апр. 2012 г. : в ред. от 11.01.2019. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата обращения: 25.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Инструкции об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использования их результатов в уголовном производстве [Электронный ресурс] : Приказ Генеральной прокуратуры Украины, Министерства внутренних дел Украины, Службы безопасности Украины, Администрации Государственной пограничной службы Украины, Министерства финансов Украины, Министерства юстиции Украины, 16 нояб. 2012 г., № 114/1042/516/1199/96/1687/5. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0114900-12> (дата обращения: 25.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

*Е. А. Волобуева
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
и судебных экспертиз Донецкого юридического
института МВД Украины,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Допрос — одно из самых сложных следственных (розыскных) действий, проведение которого требует совершенной законодательной регламентации. По общему правилу, независимо от категории допрашиваемых лиц, УПК Украины определяет процессуальные правила проведения допроса во время досудебного расследования (ст. 224).

К таким, в частности, законодатель отнес то, что место проведения допроса — это место проведения досудебного расследования, то есть служебный кабинет следователя; также допрос может быть проведен в другом месте по согласованию с лицом, которое намерены допросить (ч. 1 ст. 224).

Последний тезис — непонятна категоричность законодателя о согласовании места допроса с допрашиваемым. Исходя из концепции уголовного процессуального законодательства Украины, следователь несет ответственность за законное и своевременное проведение следственных (розыскных) действий. Согласно ч. 2 ст. 223 УПК, основанием для проведения следственного (розыскного) действия является наличие достаточных данных, указывающих на возможность достижения ее цели. Итак, имеются или отсутствуют такие основания — определяет следователь. И именно он, используя рекомендации криминалистической тактики, может прийти к выводу о необходимости проведения допроса на месте непосредственного совершения расследуемого уголовного преступления, месте обнаружения следов расследуемого уголовного преступления и др., причем с определением целесообразности применения фактора внезапности.

В этом контексте требуют согласования две уголовные процессуальные нормы: согласование места допроса (ч. 1 ст. 224) и определение обязательности дачи показаний свидетелем (ч. 3 ст. 224). По логике, независимо от места допроса, свидетель обязан дать показания.

* Внезапность как условие эффективности проведения следственного (розыскного) действия.

На наш взгляд, указанная норма о согласовании места допроса с допрашиваемым лицом, во-первых, не согласуется с обязанностью дачи показаний определенными законодателем допрашиваемыми лицами, во-вторых, в определенных условиях может противоречить тактической конструкции следователя о проведении указанной следственным (розыскным) действием, решению задач уголовного судопроизводства. И поэтому считаем целесообразным, как минимум, заменить ее на определение права следователя выбирать наиболее целесообразно место проведения допроса.

Регламентируя допрос свидетеля, законодатель в ч. 1 ст. 224 УПК предусматривает, что каждый свидетель допрашивается отдельно, без присутствия других свидетелей. Данная норма является целесообразной, поскольку это предотвращает нецелесообразность согласованности показаний свидетелей, внушением и препятствует установлению истины по делу. Но непонятно, почему такая норма не предусмотрена законодателем в отношении других допрашиваемых лиц. Кстати, в ч. 3 ст. 167 УПК 1960 г. (относительно допроса свидетеля), также находилась данная норма, вместе с тем, в ч. 2 ст. 171 УПК 1960 г. (относительно допроса потерпевшего) была ссылка на правила ст. 167. Соответственно, каждый пострадавший, согласно УПК 1960 г., также допрашивался отдельно, без присутствия других пострадавших. Действующий УПК такой нормы в отношении других допрашиваемых лиц (кроме свидетелей) не содержит.

Исходя из наличия только одной нормы, устанавливающей возможность на досудебном расследовании одновременного присутствия во время допроса двух или более лиц независимо от их процессуального статуса — ч. 9 ст. 224 УПК (одновременный допрос двух или более ранее допрошенных лиц), на наш взгляд, целесообразно последнее предложение ч. 1 ст. 224 УПК изложить в следующей редакции: «Каждый допрашиваемый допрашивается отдельно, кроме случаев, предусмотренных настоящим Кодексом».

Требует внимания и ч. 9 ст. 224 УПК в части запрета проведения одновременного допроса с участием малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего вместе с подозреваемым в уголовных процессах по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности, а также преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения.

С одной стороны, законодатель продемонстрировал бережное отношение к обозначенной (наиболее уязвимой) категории лиц — малолетних и несовершеннолетних. Вероятно, аргументируя такую норму тем, что встреча лицом к лицу с подозреваемым может обострить полученную, в частности потерпевшим, в результате уголовного пре-

ступления психологическую травму и негативным образом повлиять как на его психоэмоциональное состояние, так и на эффективность проведения следственного (розыскного) действия.

С другой стороны, во-первых, субъектом преступления, предусмотренного ст. 152 УК Украины, является вменяемое лицо мужского или женского пола, достигшее 14-летнего возраста, то есть и несовершеннолетний. Во-вторых, психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего по определенным видам уголовных преступлений может быть стабильно взвешенным, а стремление способствовать наказанию преступника — достаточно сложившейся позицией, что подкреплено наличием разоблачительных сведений в показаниях. В обоих случаях проведение одновременного допроса, исходя из тактической конструкции, возможно и целесообразно.

Считаем, что общим процессуальным правилом проведения одновременного допроса нецелесообразно добавлять особенности его проведения в зависимости от вида уголовного преступления. Каждое уголовное производство имеет свою специфику и только следователь должен решать необходимость и целесообразность проведения отдельных следственных (розыскных) действий.

Таким образом, критический анализ ст. 224 УПК — это только отдельные попытки усовершенствовать процессуальную и тактическую составляющую проведения отдельного следственного (розыскного) действия, которые, на наш взгляд, заслуживают внимания.

А. Г. Гаркуша

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Конституция Украины в ст. 29 провозглашает, что «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ч. 1) и «никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом» (ч. 2). В то же время в ч. 3 этой статьи отмечается, что «в случае неотложной необходимости предотвратить преступление или его прекратить уполномоченные на то законом органы могут применять содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения ...» [1].

Указанная норма Конституции Украины почти полностью воспроизводит положения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция).

Так, согласно п. 1 ст. 5 Конвенции каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы, иначе как в порядке, установленном законом: 1) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом; 2) законный арест или задержание лица за невыполнение законного предписания суда или для обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом; 3) законный арест или задержание лица, если оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае обоснованно считается необходимым предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; 4) задержание несовершеннолетнего на основании законного постановления для воспитательного надзора или законное задержание несовершеннолетнего, если оно предстало перед компетентным органом; 5) законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, законное задержание психически больных, алкоголиков, наркоманов или бродяг; 6) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче [2].

На сегодняшний день доказано, что наличие института задержания в уголовно-процессуальном законодательстве не вызывает сомнений в своей целесообразности, а задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, является наиболее сложным институтом уголовно-процессуального права, при применении которого нередко допускаются нарушения прав человека, обуславливает необходимость его глубокого исследования [3].

В соответствии со ст. 131 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее — УПК) задержание является мерой обеспечения уголовного производства, а ч. 2 ст. 176 УПК Украины — временной мерой пресечения. Задержание как мера обеспечения уголовного производства применяется и на основании постановления следственного судьи (ст. 188–191, 204 УПК Украины), и без нее (ст. 192, 207–213 УПК Украины).

Действующий УПК Украины также определяет следующие виды задержания лица на стадии досудебного расследования:

- задержание с целью экстрадиции (в порядке ст. 582 УПК Украины);
- задержание народных депутатов, судей и других лиц (в порядке ст. 480 УПК Украины).

Данные задержания отличаются друг от друга по целевому назначению, основаниям и порядку применения, а также лицами, которые должны принять такое решение. В соответствии со статьей 208 УПК Украины уполномоченное должностное лицо имеет право без решения следственного судьи, суда задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, только в случаях:

- 1) если это лицо застигнуто при совершении преступления или покушения на его совершение;
- 2) если непосредственно после совершения преступления очевидец, в том числе потерпевший, или совокупность очевидных признаков на теле, одежде или месте происшествия указывают на то, что именно это лицо совершило преступление;
- 3) если есть обоснованные основания полагать, что возможно бегство с целью уклонения от уголовной ответственности лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления, отнесенного законом к подсудственности Национального антикоррупционного бюро Украины.

Задержание на основании постановления следственного судьи, суда заключается в кратковременном (до 36 часов) содержании подозреваемого, обвиняемого под стражей, чтобы обеспечить возможность предстать перед следственным судьей, судом для решения вопроса об избрании меры пресечения.

Срок задержания лица без постановления следственного судьи, суда не может превышать 72 часов с момента задержания. Задержанное без постановления следственного судьи или суда лицо не позднее 60 часов с момента задержания должно быть освобождено или доставлено в суд для рассмотрения ходатайства об избрании в отношении него меры пресечения (ст. 211 УПК). Письменное уведомление о подозрении задержанному вручается не позднее 24 часов с момента задержания, иначе он также подлежит немедленному освобождению (ч. 2, 3 ст. 278 УПК). Итак, можно сделать вывод, что задержание является временной мерой пресечения, применяемой на основаниях и в порядке, определенных УПК, суть которой заключается в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность путем помещения лица на короткий срок в специальное помещение для содержания задержанных. В действующем УПК Украины достаточно четко определены основания и порядок задержания лица на стадии досудебного расследования, обусловленные международной практикой применения, однако это не исключает необходимости его дальнейшего нормирования в части реализации данного института уполномоченными должностными лицами.

1. Конституция Украины [Электронный ресурс] : принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 01.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_004 (дата обращения: 01.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Чернова А. К. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. А., 2009. 20 с. [Вернуться к статье](#)

В. В. Дараган
заведующий кафедрой уголовного процесса
факультета подготовки специалистов для органов
досудебного расследования
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
доктор юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СЛЕДСТВЕННЫМИ И ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Как показали результаты исследования, в процессе противодействия преступлениям в сфере государственных закупок взаимодействие между оперативными и следственными подразделениями Национальной полиции Украины в подавляющем большинстве случаев начинается лишь при расследовании уголовного производства и осуществляется, как правило, путем предоставления поручения, с одной стороны, и выполнения его — с другой.

Взаимодействие следственных и оперативных подразделений имеет разнообразный характер и осуществляется в определенных правовых формах, в частности процессуальной и непроцессуальной (организационной). Процессуальная форма взаимодействия осуществляется в ходе досудебного расследования. К процессуальным формам взаимодействия, то есть таким, которые регулируются уголовным процессуальным законом, относятся: поручения следователя о проведении следственных (розыскных) действий соответствующим оперативным подразделениям; оказание помощи следователю при производстве отдельных следственных (розыскных) действий; работа в составе следственно-оперативных групп по фактам совершения преступлений [1, с. 242].

Непроцессуальная (организационная) форма взаимодействия заключается в непосредственной реализации функциональных обязанностей следователей и работников оперативных подразделений Национальной полиции Украины в процессе совместной работы по выявлению и пресечению преступлений. Эта форма не имеет процессуального характера и регулируется, как правило, ведомственными нормативными актами, предусматривающими организационные меро-

приятия, которые должны обеспечить согласованную и целенаправленную деятельность работника оперативного подразделения и следователя в рамках уголовного судопроизводства [1, с. 242].

Взаимодействие с органом досудебного расследования, который осуществляет расследование преступлений в сфере государственных закупок, обеспечивает руководитель территориального (обособленно-го) подразделения Департамента защиты экономики Национальной полиции Украины, оперативный работник которого включен в состав следственно-оперативной группы или по материалам которого начато уголовное производство (Про затвердження Інструкції з організації взаємодії органів досудового розслідування з іншими органами та підрозділами Національної поліції України в запобіганні кримінальним правопорушенням, їх виявленні та розслідуванні : наказ МВС України від 07.07.2017 г. № 575).

Как показали результаты исследования А. М. Меденцева, ключевым элементом организации расследования преступлений в сфере государственных закупок является взаимодействие следователя с оперативными подразделениями [2, с. 102].

Согласимся с мнением Т. О. Часовой о том, что деятельность следователей и оперативных работников в рамках уголовного производства должна быть направлена не только на поиск и фиксацию фактических данных о противоправном деянии лиц или групп лиц, а также на выявление других фактов преступной деятельности таких лиц [3, с. 82].

В процессе выявления преступлений в сфере государственных закупок в рамках уголовного производства важно так распределить работу между следователем и оперативным работником Национальной полиции Украины, чтобы все имели относительно самостоятельные участки и конкретные задания, но при этом не следует пренебрегать и объединением усилий обоих в определенных направлениях такой деятельности. Для достижения отмеченного результата Т. О. Часовая предлагает использовать следующие способы распределения работы между ними: оперативные работники осуществляют оперативный поиск информации о преступлениях в сфере государственных закупок, используя для этого имеющиеся силы, мероприятия и средства, а также оперативные контакты; следователи осуществляют поиск информации о преступлениях в сфере государственных закупок во время проведения отдельных следственных действий (допрос свидетелей, осмотр предметов закупки и т. п.); осуществление общего анализа и оценка такой информации; осуществление работы относительно закрепления выявленной информации доказательствами: следователь занимается процессуальным оформлением получения доказательств (допрос свидетелей, проведение временного доступа к вещам и документам, обыск, осмотр, ревизия,

инвентаризация, экспертиза и тому подобное), а оперативные работники обеспечивают проведение указанных мероприятий (обеспечение явки лиц на допрос, участвуют в осмотрах, обысках, ревизиях, инвентаризациях и т. п.) [4, с. 82].

Согласимся с мнением А. М. Меденцева относительно того, что расследование преступлений в сфере государственных закупок осуществляется при активном противодействии с использованием как законных форм (квалифицированных адвокатов), так и незаконных приемов (давление на свидетелей, подкуп). Однако мнение автора относительно того, что для эффективного расследования этих преступлений необходимо органическое сочетание следственных (розыскных) действий с негласными следственными (розыскными) действиями и оперативно-розыскными мероприятиями, направленными на выявление источников доказательств, а также предотвращение или нейтрализацию активного противодействия расследованию, является несколько ошибочным. А именно в части применения в рамках уголовного производства оперативно-розыскных мероприятий, поскольку в соответствии с положениями ведомственных инструкций МВД Украины, в случае открытия уголовного производства по результатам реализации материалов оперативно-розыскных дел относительно лица или группы лиц проведения оперативно-розыскных мероприятий прекращается.

По нашему мнению, автор пришел к ошибочному выводу в связи с тем, что на законодательном уровне этот вопрос остается неурегулированным, а потому исследователи, которые не имеют соответствующего доступа к приказам, которые регулируют вопрос организации оперативно-розыскной деятельности и негласной работы оперативными подразделениями Национальной полиции Украины, не могут прийти к другому выводу (например, сочетания следственных (розыскных) действий и мероприятий оперативного (инициативного) поиска). В связи с этим существует необходимость внесения изменений в оперативно-розыскное законодательство.

В целом сегодня в процессе организации взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями защиты экономики Национальной полиции Украины возникает значительное количество проблем, которые влияют на качество организации взаимодействия между ними, в частности основными из которых являются: 1) в процессе реформирования ОВД подразделения защиты экономики были отделены от отделений Национальной полиции и получили независимость от территориальных органов полиции, при этом следователи подразделения остались в подчинении территориальных подразделений полиции; 2) значительно увеличилась нагрузка на одного работни-

ка подразделения защиты экономики относительно оперативного обслуживания объектов, а также увеличилась сама территория оперативного обслуживания; 3) в подавляющем большинстве отделов и отделений полиции не осталось работников подразделений защиты экономики, то есть было осуществлено их территориальное отделение; 4) отстранение от процесса организации взаимодействия между оперативными и следственными подразделениями руководителей таких подразделений; 5) значительная нагрузка на одного следователя относительно расследования уголовных производств.

1. Кириченко О. В. Актуальні питання взаємодії оперативних підрозділів органів внутрішніх справ зі слідчими під час протидії злочинам проти громадської безпеки // Наук. вісн. Дніпропетровськ. держ. ун-ту внутр. справ. 2014. № 1. С. 239–246. [Вернуться к статье](#)

2. Меденцев А. М. Розслідування злочинів, що вчиняються у сфері державних закупівель: : дис. ... канд. юрид. наук. МГУ. Одеса, 2015. 214 арк. [Вернуться к статье](#)

3. Часова Т. О. Взаємодія слідчих та оперативних підрозділів ОВС під час протидії злочинам у сфері державних закупівель : дис. ... канд. юрид. наук / ХНУВС. Харків, 2015. 258 арк. [Вернуться к статье](#)

А. В. Захарко
доцент кафедры уголовного процесса
факультета подготовки специалистов для органов
досудебного расследования Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Согласно законодательству Украины, действующую уголовную процессуальную регламентацию отдельных видов задержания можно изложить с использованием следующей классификации:

1. Законное задержание, осуществляемое уполномоченным служебным лицом. Может быть не связанным с выявлением признаков уголовного правонарушения, то есть не подпадать ни под какую уголовно-правовую квалификацию. Например, в таких случаях:

- задержание военнослужащими Военной службы правопорядка лиц, совершивших действия, создавшие реальную угрозу для окружающих. В том числе задержание лиц в военной форме одежды, которые имеют выраженные признаки психического расстройства и создают в связи с этим реальную опасность для окружающих (п. 4, п. 5 ст. 7 Закона Украины (далее — ЗУ) «О Военной службе правопорядка в Вооруженных силах Украины» [1]);

- задержание сотрудниками Службы безопасности Украины (далее — СБУ) лиц, которые проникли на объекты, охраняемые органами СБУ (ст. 6, ст. 7 ЗУ «О контрразведывательной деятельности» [2]).

Эти и похожие случаи задержания хоть и граничат с уголовным процессуальным задержанием, но не принадлежат к нему.

2. Законное задержание как право любого лица задержать любое лицо. Предусмотрено в ст. 207 Уголовного процессуального кодекса (далее — УПК) Украины [3] и, в частности, обязывает лицо, задержавшее кого-либо по подозрению в совершении уголовного правонарушения, немедленно сообщить о данном факте уполномоченному служебному лицу (правоохранительного органа).

3. Законное задержание, предусмотренное в абз. 1 ч 1 ст. 522 УПК Украины. Законное задержание лица руководителем дипломатического представительства или консульского учреждения Украины, либо назначенным ими лицом, если перечисленные руководители непо-

средственно потерпели вследствие совершения указанного уголовного правонарушения.

Отличается от предыдущего пункта правовым статусом задерживающего лица, ограничением срока задержания 48 часами, обязанностью задерживающего лица доставить задержанного органам государственной власти на территории Украины, уполномоченным содержать задержанных лиц и т. д.

4. Задержание, проводимое капитаном судна Украины. Этот вид задержания, в отличие от предыдущего, предусмотрен не только в УПК Украины (глава 41), но и в ст. 67 Кодекса торгового мореходства Украины [4]. В ст. 67 Кодекса торгового мореходства Украины говорится о задержании в случае, когда на судне, пребывающем в плавании, совершаются действия, предусмотренные законом Украины об уголовной ответственности.

5. Задержание уполномоченным служебным лицом без определения следственного судьи. Предусмотрено в ст. 208 УПК Украины. К этому основанию также следует отнести такие виды задержания, как задержание несовершеннолетнего подозреваемого (ст. 492 УПК Украины) и задержание лица, совершившего преступление за пределами Украины (ст. 582 УПК Украины).

6. Задержание уполномоченным служебным лицом на основании определения следственного судьи (ч. 3 ст. 187 УПК Украины).

Анализируя Закон Украины «О Национальной полиции» [5], целесообразно указать ст. 37, в которой предусмотрено полномочие полиции задерживать лиц на основаниях, в порядке и на сроки, предусмотренные Конституцией Украины, УПК Украины, Кодексом Украины об административных правонарушениях, а также другими законами Украины. В качестве примера можно привести ЗУ «О борьбе с терроризмом».

Анализируя законодательство Республики Беларусь, обращаем внимание на Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» от 17 июля 2007 года [6]. Согласно ст. 23 указанного закона каждый сотрудник милиции обязан принять возможные меры по задержанию лиц, совершивших преступление, административное правонарушение. Согласно ст. 24 указанного закона органам внутренних дел предоставляется право задерживать: подозреваемых (обвиняемых); лиц, в отношении которых ведется административный процесс, лиц, подвергнутых административному аресту; лиц, подлежащих депортации или высылке из Республики Беларусь в принудительном порядке; лиц, направляемых в лечебно-трудовые профилактории Министерства внутренних дел; несовершеннолетних при осуществлении профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Сюда

же следует отнести категории лиц, совершивших побег из-под стражи, и незаконно проникших на охраняемые объекты (ст. 25 указанного Закона).

Согласно ст. 107 УПК РБ [7], задержание может быть применено только:

1) к лицу, подозреваемому в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы или ареста;

2) к обвиняемому для предъявления обвинения либо в случае нарушения условий примененной к нему меры пресечения;

3) к осужденному, в отношении которого имеется представление уполномоченного на то органа об отмене приговора, определения, постановления суда об условном неприменении наказания, отсрочки исполнения наказания или условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Сюда же целесообразно отнести ст. 510 УПК Республики Беларусь: задержание лица на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи.

Анализируя и сравнивая нормы законодательства Украины и Республики Беларусь, регламентирующие основания и порядок задержания, отдельный научный интерес представляет ст. 468/3 УПК Республики Беларусь, согласно которой, в частности, лица, должность которых включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, назначенные на эту должность Президентом Республики Беларусь, не могут быть задержаны и иным образом лишены личной свободы без предварительного согласия Президента Республики Беларусь, за исключением случаев совершения измены государству либо задержания на месте совершения преступления.

Уголовный процессуальный кодекс Украины не содержит аналогичных процессуальных норм.

1. Про Військову службу правопорядку у Збройних Силах України [Электронный ресурс] : Закон України, 7 берез. 2002 р., № 3099-III. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3099-14> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Про контррозвідувальну діяльність [Электронный ресурс] : Закон України, 26 груд. 2002 р. № 374-IV. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/374-15/print> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Кримінальний процесуальний кодекс України [Электронный ресурс] : Закон України, 13 квітня 2012 р., № 4651-VI. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#n384> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс торговельного мореплавства України [Электронный ресурс] : Закон України, 23 травня 1995 р., № 176/95-ВР. URL:

<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/176/95-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Про Національну поліцію [Электронный ресурс] : Закон України, 2 липня 2015 р. № 580-VIII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/580-19> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Об органах внутренних дел [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г. URL: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_organah_vnutrennih_del/25.htm (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

7. Уголовный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З. URL: <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 30.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13(470+571)(476)

*А. Л. Карлов**старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России*

УСЛОВИЯ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из проявлений процесса интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь является устойчивая тенденция к унификации законодательства, что достаточно ярко проявляется на примере такого правового института как досудебное соглашение о сотрудничестве.

Начать следует с того, что в УПК РФ изменения, связанные с возможностью заключить досудебное соглашение были внесены в 2009 году, и с тех пор отдельные механизмы применения таких соглашений неоднократно изменялись. В Республике Беларусь институт досудебного соглашения появился в 2015 году, и его законодательная регламентация, по нашему мнению, во многих аспектах является более удачной, чем российский аналог, в чем можно убедиться на примере условий для заключения досудебных соглашений.

Под условиями, на наш взгляд, понимаются конкретные обстоятельства, от которых что-либо зависит, исходные данные, допускающие при наличии оснований принять конкретное решение. В качестве таковых нами будут рассмотрены некоторые из обстоятельств, которые законодатель связывает с возможностью заключения досудебного соглашения:

1. Первым условием, несомненно, является желание самого подозреваемого (обвиняемого), а также факт направления следователю письменного ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, отвечающего требованиям закона. В этой части положения УПК РФ и УПК РБ практически совпадают, однако в Республике Беларусь помимо действий, направленных на изобличение других соучастников, обнаружение похищенного и содействия расследованию, ходатайство должно содержать действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем и иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Полагаем, что это верный шаг, поскольку с учетом того, что согласие потерпевшего на заключение досудебного соглашения не требуется, ориентир на возмещение вреда потерпевшему в какой-то мере компенсирует фактическое игнорирование его интересов.

2. В качестве второго условия выступает согласие с предъявленным обвинением (признание вины). Здесь необходимо отметить, что в УПК РФ нет прямого указания на то, что при заключении досудебного соглашения лицо должно быть согласно с предъявленным обвинением, однако практика идет именно по этому пути, так как аналогичное условие можно встретить в ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ (для вынесения прокурором представления об особом порядке судебного заседания), а также в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ №16 от 28 июня 2012 г. «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 16) где прямо указано, что одним из условий постановления в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинительного приговора является его согласие с предъявленным обвинением. Таким образом, в практической деятельности возникает ситуация, при которой, заключая досудебное соглашение, подозреваемый берет на себя обязательство согласиться с обвинением, которое ему только будет предъявлено, причем в ходе расследования уголовного дела оно может меняться как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения. В ст. 486-6 УПК РФ использована, на наш взгляд, более удачная формулировка, согласно которой уже в ходатайстве подозреваемый (обвиняемый) должен заявить о признании своей вины в совершении преступления.

3. Следующим условием заключения и реализации досудебного соглашения можно считать обязательное участие защитника, как на первоначальном этапе, так и на протяжении всего дальнейшего расследования и рассмотрения уголовного дела. Стоит отметить, что в отличие от УПК РБ, российский законодатель не внес соответствующие изменения в ст. 51 УПК РФ, предусматривающую случаи обязательного участия защитника, однако положения главы 40.1 УПК РФ свидетельствуют о необходимости привлечения защитника на всех этапах предварительного расследования.

4. Также одним из обязательных условий является временной промежуток, в течение которого рассматривается вопрос о заключении досудебного соглашения. В России законодатель определил такой промежуток с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия, а в Республике Беларусь подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования.

Несмотря на различия в формулировках, полагаем, что с содержательной стороны данные положения совпадают, поскольку возбуждение уголовного дела и наличие процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого подразумевают начало уголовного преследования.

5. В п. 3 постановления Пленума ВС РФ №16 указано на еще одно обязательное условие досудебного соглашения — это производство по делу предварительного следствия, при этом ни в данном постановлении, ни в УПК РФ не говорится как следует поступить, в случае, если ходатайство о заключении досудебного соглашения поступит дознавателю.

Такое правило содержится в ч. 5 ст. 468-6 УПК РБ, которая гласит «В случае заявления подозреваемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в период производства дознания уголовное дело вместе с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве незамедлительно передается следователю для производства дальнейшего расследования». При условии соблюдения некоторых других условий, полностью поддерживаем такой порядок и полагаем, что он должен применяться и в Российской Федерации.

6. Также одним из условий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в России выступает совершеннолетний возраст подозреваемого (обвиняемого), поскольку п. 4 постановления Пленума ВС РФ №16 прямо предусматривает, что положения главы 40.1 УПК РФ к несовершеннолетнему не применяются, так как закон не предусматривает возможность принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке. В этом случае, как и в некоторых других, особый порядок судебного разбирательства (без исследования доказательств) препятствует полноценной реализации досудебного соглашения и не соотносится с характером преступлений, при расследовании которых такие соглашения заключаются. По законодательству Республики Беларусь, досудебное соглашение не влияет на порядок судебного разбирательства и соответственно может быть заключено с несовершеннолетним (при обязательном участии его законного представителя), что на наш взгляд также вполне оправданно.

С учетом ограниченного объема работы мы не можем рассмотреть все сходства и отличия института досудебных соглашений в России и Республике Беларусь, однако такое соотношение представляет большой научный интерес и станет предметом наших дальнейших исследований, так как позволяет по-новому взглянуть на отдельные положения закона и практику его применения.

О. В. Кушкина

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ОПОЗНАНИЯ ЖИВОГО ЛИЦА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Процессуальную форму опознание обрело только когда Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) РСФСР 1960 года закрепил за ним статус самостоятельного следственного действия и регламентировал порядок его проведения. В действующем законодательстве порядок предъявления для опознания установлен ст. 193 УПК РФ и одним из его видов является предъявление для опознания живого лица. Так, в ч. 2 ст. 193 закона говорится, что опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Согласно ч. 4 ст. 193 УПК РФ, лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Возникают вопросы: как определить те самые признаки, которыми должен обладать статист? чем руководствоваться следователю при подборе статиста? Законодатель не дает ответы на эти вопросы, чем и порождает немало дискуссий.

Из нормы закона следует, что для проведения опознания следователь должен подобрать не менее двух статистов. Следует отметить, что ни в УПК РСФСР, ни в действующем УПК нет определения такого участника, как «статист», законодатель обозначил данную категорию как «лица, по возможности внешне сходные с опознаваемым». С. И. Ожегов совместно со Н. Ю. Шведовой значение понятия «статист» определяют как исполняющий второстепенные роли без слов [1]. Из этого определения несложно сделать вывод, какой круг обязанностей выполняет статист, однако, полагаем, что имеется необходимость конкретизировать правовой статус названного участника, наделять его соответствующими правами и обязанностями.

Наибольшую сложность при производстве опознания лица вызывает подбор статистов, предъявляемых наряду с опознаваемым лицом. При интервьюировании следователей следственных подразделений ГУ МВД России по Красноярскому краю стало очевидным, что подбор статистов с абсолютно схожими внешними признаками вызывает значительные затруднения и, как следствие, невозможность про-

изводства такого следственного действия. Основными причинами можно выделить следующие: неопределенность количества внешних признаков, отсутствие специальных знаний и субъективная оценка самого следователя об определении степени схожести признаков, нежелание граждан содействовать правоохранительным органам и др. Кроме того, следует заметить, что если опознание происходит по другим признакам, нежели были указаны опознаваемым ранее при допросе, оно вызывает большие сомнения у суда, влечет недопустимость протокола предъявления лица для опознания.

Законодатель не предусмотрел перечень признаков и особенностей, по которым необходимо подобрать статистов. В итоге следователь действует на основании своих внутренних убеждений, то есть чаще всего субъективно.

Л. Ф. Иванова считает, что люди должны подбираться по принципу общего сходства антропологическим признакам. В расчет принимаются национальность, возраст, рост, телосложение, а также сходство некоторых признаков лица (цвет волос, глаз, овал лица). Одежда должна обладать некоторым сходством (по виду и цвету) [2, с. 47–48].

О. Г. Григорьев утверждает, что хотя в ч. 4 ст. 193 УПК РФ и указывается, что лицо предъявляется для опознания с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним, но отсутствие внешнего сходства серьезно снижает достоверность опознания. Причем, как справедливо отмечается, сходство приоритетно над возрастом, национальностью и даже полом. Люди могут быть одного года рождения, но внешне восприниматься разными по возрасту. А так как опознающий свои суждения основывает не на паспортных данных, а на признаках внешности, то эти признаки и являются приоритетными. Если предъявление для опознания предполагается осуществить по каким-то иным физиологическим или функциональным особенностям человека (например, по голосу), то подбираются люди, сходные именно по данным признакам [3, с. 76].

Эти суждения имеют место быть, но все же незакрепленный перечень качественных и количественных признаков, по которым следователь должен подобрать статистов, делает это следственное действие субъективным, а доказательства, полученные в ходе его производства, сомнительными, неочевидными, недостоверными, что влечет исключение полученного доказательства из доказательственной базы по уголовному делу.

Л. Д. Калинкина и К. А. Бузанова констатируют, что Уголовно-процессуальный закон не раскрывает признаков, критериев, по которым следует устанавливать внешнюю схожесть опознаваемого со статистами, следовательно, определение «схожести» является субъек-

тивной категорией и выражается усмотрением лица, предъявляющего для опознания. Однако, как представляется, такую схожесть должны обеспечивать возраст, пол, национальность, цвет волос, рост, одежда и другие родовые признаки. Так, нельзя признать законным производство предъявления для опознания, когда у опознаваемого и статистов большая разница в возрасте [4, с. 105].

Некоторые авторы предлагают пути решения этой проблемы. О. Г. Григорьев отметил, что в целях предотвращения ходатайств стороны защиты о несоблюдении правила схожести статистов и опознаваемого следователями Следственной части Главного следственного управления при ГУВД по Тюменской области практикуется подбор статистов по согласованию с защитником подозреваемого, обвиняемого, предъявляемого для опознания (у защитника испрашивается, устраивают ли его статисты с позиции схожести, и если нет, то производится их замена; при этом о положительном ответе защитника заносится отметка в протокол). Этот же вопрос может быть задан и понятым (особенно если защитник сознательно идет на конфликт и после неоднократной смены статистов заявляет об отсутствии их сходства с опознаваемым) [2, с. 76].

Однако такой подход субъективен, защитник и понятые не компетентны в этом вопросе и не смогут всесторонне и объективно оценить внешние признаки и особенности статистов, а также следует учитывать заинтересованность защитника в исходе дела.

Решение этой проблемы, на наш взгляд, возможно путем законодательного закрепления обязательного участия специалиста, обладающего специальными знаниями в области габитоскопии, при производстве следственного действия. Указанное позволит профессионально подойти к подбору статистов, и как следствие, обеспечит доказательство такими свойствами, как достоверность и допустимость, что существенно положительно повлияет на полноту и объективность расследования уголовного дела.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1991. [Вернуться к статье](#)
2. Иванова Л. Ф. Процессуальный порядок предъявления для опознания живых лиц: проблемы и состояние // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 28. [Вернуться к статье](#)
3. Григорьев О. Г. Особенности предъявления для опознания людей в ходе предварительного расследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень. 2009. [Вернуться к статье](#)
4. Калинкина Л. Д., Бузанова К. А. Практика производства предъявления лица или предмета для опознания // Современное право. М., 2017. № 2. [Вернуться к статье](#)

Л. Ф. Лазутина
профессор кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

КООРДИНИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ

Коррупция как явление в XXI веке остается в числе актуальных проблем всех без исключения государств.

В существующих политических и экономических условиях с учетом экономической глобализации преступность в последние годы приобрела организованный характер, стала транснациональной и межгосударственной. Следовательно, возникает необходимость в более слаженной координации работы всех государственных органов в данном направлении.

Уже доказано, что коррупционные правонарушения наносят потери и убытки всем государствам. Из года в год во всем мире лишь на взятки затрачивается 1 трлн долларов США, в ЕС 120 млрд евро.

Исходя из правового статуса прокуратуры, надзорных и иных функций, которые она выполняет, можно констатировать тот факт, что прокуратура является универсальным органом, у которого сосредоточены достаточные правовые возможности и средства для организации процесса координации. В свою очередь координационная функция прокуратуры заключается в том, что она, взаимодействуя с государственными органами всех ветвей власти, обеспечивает соблюдение законности в их деятельности.

Координация в определенных формах дает возможность всесторонне оценить происходящие процессы, выявить круг проблем, требующих первоочередного разрешения, выработать единые критерии оценки и подходы при их исполнении, осуществить необходимые меры, определив при этом, решение каких вопросов и в каком объеме зависит от правоохранительных органов, законодательной или исполнительной власти [1].

Обеспечить соответствующую координационную работу — прямое требование Президента Республики Беларусь.

Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 года № 270-З «О прокуратуре Республики Беларусь» на прокуратуру возложена функция и определены задачи по координации деятельности органов, осу-

шествствующих борьбу с преступностью и коррупцией, деятельности по профилактике правонарушений [2].

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305-3 «О борьбе с коррупцией», Указ Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 года № 644 «Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией» реализуют нормы, закрепленные в Конституции и международных правовых актах, действующих на территории Республики Беларусь. Кроме того, с целью выполнения международных обязательств нашим государством подписан ряд конвенций ООН и Совета Европы в области борьбы с коррупцией и организованной преступностью, поэтапно принимаются законодательные и иные антикоррупционные меры.

Так, 26 мая 2017 года на заседании 16-го республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией принята Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы, которая призвана сконцентрировать усилия на претворение в жизнь комплексной и последовательной политики государства, основанной на планировании и координации деятельности госорганов и иных организаций в сфере противодействия преступности и коррумпированных проявлений. Задачи определены конкретные — мониторинг и прогнозирование состояния и структуры преступности и коррупции для предотвращения отрицательных изменений, создающих угрозу национальной безопасности. Цель программы — обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования системы профилактики правонарушений посредством скоординированной деятельности и расширения взаимодействия государственных и общественных структур и др. [3].

Деятельность прокуратуры последние пять лет направлена в сферу экономики. Во взаимодействии с другими органами прокуратура активно занимается дебиторской задолженностью субъектов хозяйствования, так как эта сфера сегодня, является одной из самых коррупционных и криминогенных. Большую обеспокоенность у Генерального прокурора вызывает и то обстоятельство, что в Беларуси к административной ответственности привлечено более половины населения. Данный вопрос всегда на повестке дня проведения коллегий, координационных совещаний, советов.

По поводу деятельности советов Генеральный прокурор 6 января 2019 года на заседании коллегии высказал предложения по расширению полномочий при принятии им решений.

Традиционно среди наиболее подверженных коррупционным рискам сфер выделяют: транспорт, сельское хозяйство, строительство,

здравоохранение, образование. В 2019 году около 30 долгостроев, объектов незавершенного строительства будут на особом контроле органов прокуратуры, следовательно, работа всех здесь должна быть последовательной, постоянной, но, главное, эффективной.

1 февраля 2019 года Генеральная прокуратура провела координационное совещание по вопросам безопасности гостей и наиболее комфортного формата проведения II Европейских игр, которые пройдут в Минске с 21 по 30 июня 2019 года, где указала на необходимость слаженного и эффективного взаимодействия всех государственных органов, ответственных за организацию борьбы с коррупцией и иными противоправными деяниями.

Среди других существенных и ответственных направлений — координация деятельности, контроль за ходом весенней посевной кампании, где прокуратура традиционно осуществляет надзор за сохранностью государственной собственности, эффективным использованием материально-технической базы, соблюдением трудовой дисциплины совместно с КГК, ОВД. Серьезная работа, в частности Генеральной прокуратурой, проводится и в рамках международного сотрудничества. Республика Беларусь и Китайская Народная Республика подписали программу сотрудничества на 2018–2019 годы, где предусмотрено проведение между генпрокуратурами двух стран семинаров, встреч разного уровня по обмену опытом в области борьбы с терроризмом, экстремизмом, киберпреступностью и коррупцией. Тесное сотрудничество в данном направлении осуществляется с Россией, Молдовой, Грузией, Азербайджаном. Обозначено сотрудничество и с Международной ассоциацией прокуроров — единственной профессиональной организацией, объединяющих прокурорский корпус стран мира.

Таким образом, выделение координации в направлении деятельности работы прокуратуры можно объяснить значимостью влияния результатов этой деятельности на укрепление законности, обеспечение безопасности общества прокурора от преступных проявлений. Вместе с тем координирующую функцию прокуратуры с учетом увеличения количества учтенных коррупционных преступлений в 2018 году нужно совершенствовать.

Значение координации прокуратурой деятельности всех субъектов в сфере по противодействию преступности, коррупции заключается в избрании необходимых средств реализации своих функций, в определенных формах и должными методами.

2. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gb.by/novosti/ekonomika/gosprogramma-po-borbe-s-prestupnostyu-i> (дата обращения: 02.02.2019). [Вернуться к статье](#)

В. В. Литвинов
доцент кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Принятие законного решения по уголовному производству возможно только в случае комплексного выполнения задач уголовного производства, которые определены в ст. 2 УПК Украины. Охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства проявляется во многих аспектах. Это обязанность следователя рассматривать ходатайства участников процесса, разъяснять права и обязанности, обеспечить право на защиту и другие. Однако не менее важным решением для уголовного производства является своевременное обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Поэтому следует разделить точку зрения А. Н. Сторожевой о том, что вопрос о гарантиях прав и законных интересов личности в уголовном процессе относится к числу наиболее сложных и часто освещаемых в юридической литературе. Большое значение имеет нормативная основа государственной защиты участников уголовного процесса [1, с. 438].

Для надлежащего обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства необходимо четко определить в УПК Украины их перечень. Анализируя нормы закона Украины, регламентирующего применение мер безопасности к участникам уголовного процесса, можно сделать вывод, что такие меры применяются к участникам, которые заинтересованы в разрешении уголовного производства либо же обладают доказательствами, имеющими существенное значение для принятия окончательного процессуального решения.

В частности, ст. 2 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» определены участники процесса, к которым применяются меры безопасности, а именно: а) лицо, которое заявило в правоохранительный орган об уголовном правонарушении или в иной форме способствовало выявлению, предупреждению, пресечению или раскрытию уголовных преступлений; б) потерпевший и его представитель в уголовном производстве; в) подозреваемый, обвиняемый, защитники и законные представители;

г) гражданский истец, гражданский ответчик и их представители по делу о возмещении вреда, причиненного уголовным преступлением; г-1) представитель юридического лица, в отношении которого осуществляется производство; г-2) персонал органа пробации; д) свидетель; е) эксперт, специалист, переводчик и понятой; е) члены семей и близкие родственники лиц, перечисленных в пунктах «а»–«е» настоящей статьи, путем угроз или других противоправных действий в отношении них делаются попытки повлиять на участников уголовного судопроизводства [2].

Указанная норма не охватывает всех участников уголовного производства, к которым могут применяться меры обеспечения безопасности. Для проведения следственных действий могут привлекаться такие участники, как педагог, психолог или врач. Это требование предусмотрено в ст. 226, 491 УПК Украины, для проведения допроса несовершеннолетнего, который не достиг шестнадцатилетнего возраста. Во время допроса несовершеннолетнего свидетеля педагогу, психологу или врачу могут стать известными сведения, знания о которых могут стать причиной незаконного воздействия на них лицами, заинтересованными в исходе уголовного производства. Указанная особенность была учтена в законах других государств. Так, указанные участники процесса предусмотрены в п. 5 ч. 1 ст. 2 Федерального Закона Российской Федерации «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3].

Исследуя процессуальный порядок обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, Б. Н. Качмар предлагает расширить круг субъектов, к которым могут быть применены меры обеспечения безопасности в уголовном процессе. Автор предлагает применять меры безопасности к следующим участникам процесса:

- 1) несовершеннолетнему в возрасте с одиннадцати лет до достижения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, которым совершено общественно опасное деяние, предусмотренное Законом Украины об уголовной ответственности;
- 2) лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное Законом Украины об уголовной ответственности, в состоянии невменяемости, его защитник и законный представитель;
- 3) лицо, совершившее уголовное преступление в состоянии невменяемости, но заболевшее психической болезнью до вынесения приговора, его защитник и законный представитель [4, с. 84–85].

Указанные предложения мы разделяем, поскольку такие участники уголовного процесса заинтересованы в принятии конечного процес-

суального решения, а поэтому к ним могут быть применены способы незаконного воздействия иными заинтересованными в этом лицами.

Заслуживает внимания процессуальный порядок применения мер безопасности к лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве. К сожалению, в УПК Украины не предусмотрены отдельные нормы, которые бы урегулировали процессуальный порядок обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Поэтому заслуживает внимания юридическая конструкция норм главы 8 УПК Республики Беларусь, где предусмотрен процессуальный порядок обеспечения безопасности участников уголовного процесса [5].

Проведя анализ обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве Украины, можно сделать вывод о необходимости предусмотреть возможность применения таких мер к педагогу, психологу, врачу, которые были участниками следственных действий.

1. Сторожева А. Н. Актуальные вопросы правового обеспечения безопасности понятого в уголовно-процессуальном законодательстве [Электронный ресурс] // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. Область наук Государство и право. Юридические науки. 2006. № 11. С. 438–440. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-obespecheniya-bezopasnosti-ponyatogo-v-ugolovno-protsessualnom-zakonodatelstve> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві [Електронний ресурс] : Закон України, 23 груд.1993 р., № 3782-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3782-12> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федер., 20 авг. 2004 г., № 119-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12136633/> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Качмар Б. М. Механізм забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві (кримінальний процесуальний аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Харків, 2017. 198 л. [Вернуться к статье](#)

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 июня 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL: <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

М. Н. Манько

старший преподаватель

*кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

МИРОВОЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (на примере Италии)

Социально-экономические изменения в обществе, развитие средств борьбы с преступностью незамедлительно влекут за собой и изменение видов преступных проявлений, среди которых можно наблюдать хорошо подготовленные, замаскированные и организованные формы. Все это в свою очередь требует поиска новых более эффективных способов борьбы с преступностью. Разработка концепции развития современного уголовного процесса немыслима без изучения опыта зарубежных стран с целью внедрение в свое законодательство положительно зарекомендовавших себя институтов. Новеллой для белорусского законодательства стал институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который был закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК) Республики Беларусь в 2015 году. Подобные институты существуют во многих странах мира, представляя собой определенные договорные отношения между стороной обвинения и стороной защиты. Исторически «сделки о признании» вины были характерны англосаксонскому праву и известны уже более ста лет. Наибольшее распространение такие сделки получили в США, где они призваны упростить и ускорить уголовное судопроизводство.

Белорусская модель института досудебного соглашения о сотрудничестве ближе по своему содержанию к континентальной версии согласительного производства и в первую очередь имеет своей целью способствование раскрытию и расследованию преступлений, а уже потом — ускорению производства в отношении сотрудничающего со стороной обвинения лица. В связи с этим особый интерес вызывает опыт функционирования в зарубежных государствах уголовно-процессуальных институтов, имеющих аналогичное предназначение.

Остановимся на одной из классических моделей континентальной «сделки о признании» вины, итальянском институте «соглашения о наказании». Вообще УПК Италии предусматривает две формы сделок, упрощающих уголовно-процессуальное преследование: судебный приказ (*abbreviato*) (ст. 438–443 УПК Италии) и соглашение о наказании (*patteggiamento*) (ст. 444–448 УПК Италии) [1].

Так, согласно ст. 438 УПК Италии обвиняемый может как в устной, так и в письменной форме высказать ходатайство о рассмотрении дела в сокращенном порядке без полного исследования доказательств. Если судья сочтет это возможным, то согласно ст. 422 УПК Италии, в случае обвинительного приговора, наказание будет снижено на треть. Такое рассмотрение дела допускает вынесение оправдательного приговора [1].

Однако наибольший интерес как прототип отечественного досудебного соглашения о сотрудничестве вызывают положения ст. 444–448 УПК Италии.

Patteggiamento или сделка о признании вины, соглашение о наказании в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона предусматривает возможность сторонам до начала судебного разбирательства (на стадии окончания предварительного расследования либо в ходе предварительного слушания уголовного дела) прийти к соглашению, в котором обвиняемый признает свою вину в инкриминируемом ему преступлении, а прокурор в свою очередь соглашается на назначение наказания в виде штрафа и (или) лишения свободы на срок не свыше 2 лет. Заключение такого соглашения гарантирует обвиняемому сниженный срок наказания на 2/3, освобождает от судебных издержек, обеспечивает сокращенные сроки погашения судимости. А сторону обвинения в свою очередь освобождает от необходимости доказывания в ходе судебного разбирательства. Так же допускается снижение (вплоть до отмены) наказания обвиняемым при их «дейтельном» сотрудничестве с полицией и судом.

Однако стоит отметить, что применяется такая сделка лишь по уголовным делам о преступлениях, санкция за которые не превышает 5 лет лишения свободы. Такое соглашение начинает действовать только после изучения судьей фактических материалов дела, подтверждающих виновность лица в совершении инкриминируемого деяния, процессуальных условий его заключения, установления отсутствия оснований для вынесения оправдательного приговора и утверждения его. В случае если судья сочтет, что виновность лица недостаточно доказана, он отказывает в утверждении такого соглашения и переходит к рассмотрению уголовного дела по существу [2, с. 72].

В Италии существует сходная по своему предназначению институту досудебного соглашения о сотрудничестве модель привлечения обвиняемых к разоблачению соучастников совершенного преступления — сделки с *pentito* (расскажившими членами организованных преступных групп). Согласно УПК Италии лицам, изъявившим желание дать показания против участников организованных групп и преступных сообществ, в случае выполнения взятых на себя обязательств назна-

чается наказание в 5 раз ниже максимальной санкции, соответствующей статьи [3, с. 143–144]. Такая мера предусмотрена в целях борьбы с итальянской мафией, деятельность которой проникла во все сферы общественных отношений в государстве.

Таким образом, суть итальянской сделки касается только самого наказания, не предполагая договоренности о частичном отказе от предъявляемого обвинения либо изменении сути обвинения [4, с. 7]. Такой подход кардинально рознит такие соглашения со «сделками о признании вины» в США, позволяя ускорить уголовное судопроизводства, не посягая на установление объективной истины по делу и привлечении виновного лица к установленной законом ответственности. В связи с этим данный вид сделки стал одной из самых распространенных моделей механизмов заявления о признании вины, которые были впоследствии с различными изменениями, учитывающими черты национального законодательства, введены в законодательства многих европейских стран, а также бывших советских республик, в том числе и в законодательство Республики Беларусь.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Италии [Электронный ресурс]. URL: https://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&prev=search&rurl=translate.google.com&sl=it&sp=nmt4&u=https://it.wikisource.org/wiki/Codice_di_procedura_penale/Libro_VI/Titolo_II&xid=17259,15700023,15700186,15700191,15700248&usq=ALkJrhjOcszMaR0n9o02MWXYxjhcsuc4Ew (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. 487 л. [Вернуться к статье](#)

3. Пилюк А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса : монография. Томск : Томск. гос. ун-т, 2011. 208 с. [Вернуться к статье](#)

4. Бахановский А. В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 20 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.152.9

Н. А. Марцынкевич
старший преподаватель кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

РАСХОДЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ, ВРЕМЕННО ОТСТРАНЕННЫХ ОТ ДОЛЖНОСТИ

В науке уголовного процесса имущественные отношения (именуемые так для практического удобства уголовно-процессуальные отношения имущественного характера) определяются как уголовно-процессуальные правоотношения, «направленные на обеспечение, защиту и восстановление имущественных прав и законных интересов участников уголовного процесса» [1]. Содержание данных отношений составляют отношения по возмещению вреда потерпевшему от совершенного преступления, возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, по выплате вознаграждения участникам уголовного процесса, а также по возмещению расходов участникам уголовного процесса и процессуальных издержек государству [2]. В свою очередь к имущественным правам и законным интересам лиц, вовлеченных в уголовный процесс, следует относить право на справедливое вознаграждение за свой труд, право на сохранение заработной платы на время явки в орган уголовного преследования и суд, право на возмещение расходов в связи с повреждением и уничтожением имущества, в связи с отвлечением от обычных занятий и т. д.

С прямыми затратами бюджетных средств связано применение иной меры процессуального принуждения — временного отстранения подозреваемого, обвиняемого от должности, которым в соответствии с ч. 3 ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) выплачивается ежемесячное государственное пособие, если они не занимаются иной оплачиваемой деятельностью. Назначаемое государственное пособие подозреваемым, обвиняемым, отстраненным от должности, следует рассматривать в качестве меры социальной поддержки, имеющей компенсационный характер, поскольку лицо фактически лишается средств на существование, так как за период отстранения от работы указанным лицам заработная плата либо денежное довольствие не начисляются и не выплачиваются (ч. 4

ст. 49 Трудового кодекса Республики Беларусь, п. 57 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [3], п. 51 Положения о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь [4]).

Размер и порядок выплаты рассматриваемого государственного пособия регламентируются постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 января 2008 г. № 58, в соответствии с нормами которого его размер составляет бюджет прожиточного минимума для трудоспособного населения, а выплата осуществляется ежемесячно нанимателем (у которого занимал должность отстраненный подозреваемый, обвиняемый) из средств, перечисленных ему на текущий (расчетный) банковский счет со счета территориального органа казначейства органа, ведущего уголовный процесс [5]. При этом главное управление Министерства финансов по области либо г. Минску, выступающее территориальным органом казначейства органа, ведущего уголовный процесс, осуществляет соответствующие переводы только по ежемесячному предоставлению органом, ведущим уголовный процесс, платежного поручения с приложением требования нанимателя на выплату пособия. Следует отметить, что в соответствии с п. 2 указанного постановления выплаты данного пособия производятся из средств республиканского бюджета, выделенных Министерством финансов Республики Беларусь органу, ведущему уголовный процесс, на его содержание, что отчасти противоречит ч. 4 ст. 162 УПК, устанавливающей правило их производства из средств, выделяемых органу уголовного преследования и суду на эти цели. Вместе с этим п. 1.8 этого же постановления предписывается, что расходы органов, ведущих уголовный процесс, на выплату пособия возмещаются Министерством финансов за счет средств того же республиканского бюджета на основании представленных органом, ведущим уголовный процесс, документов, подтверждающих фактические расходы на эти цели. Исходя из условий отнесения расходов к процессуальным издержкам и их критериев, данные выплаты можно отнести к процессуальным издержкам лишь после того, как органу, ведущему уголовный процесс, будут произведены соответствующие возмещения, так как до этого момента, следуя буквальному толкованию формулировки п. 2 постановления, они являются средствами «на содержание органов, ведущих уголовный процесс» [5]. Возникает вопрос о необходимости именно такого усложненного порядка производства выплат рассматриваемого государственного пособия. Представляется, что разумно в данной связи упростить приведенный порядок. Руководствуясь предписаниями ч. 4 ст. 162 УПК, видится целесообразным выплату пособия производить ежемесячно финансовой службой органа, ведущего

уголовный процесс, путем направления платежного поручения в территориальный орган казначейства для перечисления непосредственно на карт-счет отстраненного от должности подозреваемого, обвиняемого суммы государственного пособия из предварительно выделенных Министерством финансов органу, ведущему уголовный процесс, средств из республиканского бюджета именно на эти цели. Тем самым исключается излишнее ежемесячное предоставление требования нанимателя, а также обеспечивается соблюдение такого условия отнесения расходов органов, ведущих уголовный процесс, к процессуальным издержкам, как осуществление органом, ведущим уголовный процесс, расходов из бюджетных средств, специально выделяемых ему на эти цели (ч. 4 ст. 162 УПК).

Таким образом, стоя на защите интересов как подозреваемых, обвиняемых, отстраненных от должности, так и государства, обладающего закрепленным п. 9¹ ч. 1 ст. 162 УПК правом получить соответствующую компенсацию расходов на выплату указанным лицам пособия, в целях его своевременной выплаты подозреваемым, обвиняемым, а также гарантированной возможности возмещения государству понесенных на это расходов необходимо внести предложенные выше изменения в постановление Совета Министров от 17 января 2008 г. № 58.

1. Селедникова О. Н. Понятие и классификация имущественных отношений в уголовном процессе Российской Федерации [Электронный ресурс] // СибАК. Научно-практические конференции ученых и студентов. URL: <https://sibac.info/conf/law/xv/28761> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Ханов Т. А. Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация Содействия Правосудию. URL: <http://www.iuaj.net/node/699> (дата обращения: 27.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 133 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.02.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Положение о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 нояб. 2011 г., № 518 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.02.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О некоторых вопросах выплаты ежемесячного государственного пособия подозреваемому или обвиняемому, временно отстраненным от должности органом, ведущим уголовный процесс [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 янв. 2008 г., № 58 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.08.2013 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

Ю. В. Овсянников

*доцент кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В УПК РФ существенной переработке подверглась стадия возбуждения уголовного дела. В нее включены некоторые положения, ранее не известные уголовно-процессуальному законодательству. К сожалению, новеллы указанной стадии не решили проблем, присущих начальному этапу уголовного судопроизводства, а, наоборот, в некоторых случаях обострили противоречия, существующие между нормами данного института и практикой его применения. Особенно отчетливо наличие таких коллизий может проявиться в деятельности органа дознания, дознавателя, руководителя следственного органа, следователя, которые призваны принимать итоговые решения по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях.

Например, одной из проблем принятия решения на стадии возбуждения уголовного дела может быть отсутствие в УПК РФ нормы, содержащей основания и регулирующей процедуру получения объяснений при проверке информации о преступлении. Поскольку указанный пробел, по нашему мнению, существенно затрагивает права и законные интересы граждан, а также усложняет правоприменительную практику, остановимся на этом вопросе подробнее.

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает, что по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях могут быть получены объяснения. Тем самым законодатель предусматривает возможность проверки и дополнения информации, указанной в поводе, для обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела или отказа в таковом.

Возможность получения объяснения как способа предварительной проверки оправдывается, с одной стороны, необходимостью получения информации о совершенном или подготавливаемом преступлении и, с другой стороны, возможностью получения этой информации без каких-либо ущемлений законных прав и интересов граждан [1, с. 124].

Следует отметить, что не всегда решение о получении объяснений связано с необходимостью охраны прав и интересов личности. Во-первых, хотя получение объяснений имеет под собой правовую основу (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и является уголовно-процессуальной деятельностью, в законе отсутствуют: основания получения объяснений; перечень лиц, от которых могут быть получены объяснения, исключение составляло только положение ст. 415 УПК РСФСР: «По делам о преступлениях, перечисленных в статье 414 настоящего Кодекса, ...получают объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц ...»; предмет, т. е. обстоятельства, о которых можно получать объяснения; описание процедуры получения объяснения; формы фиксации информации.

В теории уголовного процесса принято считать, что получение объяснений и допрос имеют аналогичный фактический характер, т. е. обладают внешним сходством. Придерживаясь данной точки зрения, Н. Г. Шурухнов пишет: «Как допрос, так и получение объяснений вызывается необходимостью получения сведений о фактах от осведомленного лица. Как в первом, так и во втором случае познание осуществляется путем восприятия письменной или устной информации лиц, свидетельствующих о фактах, обстоятельствах, событиях, которые они наблюдали либо получили соответствующую информацию о них. В обоих случаях передача информации основана на воспоминании событий прошлого и предполагает решение поставленных мыслительных задач с последующим словесным изложением, то есть речь идет о фиксации переданной информации» [2, с. 44–45].

Объяснения очевидцев, полученные в ходе предварительной проверки, могут быть использованы для решения вопроса о наличии оснований к возбуждению уголовного дела. На последующих стадиях уголовного процесса они теряют свое значение как источник сведений о фактах и должны быть заменены показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, полученными в ходе допроса. В этом состоит существенное отличие объяснения, полученного в рамках начальной стадии уголовного процесса, от допроса, проводимого уже по возбужденному уголовному делу, с целью установления всей совокупности обстоятельств, составляющей предмет доказывания по уголовному делу. Это первое, но не единственное отличие. Существует еще ряд свойств правового характера, проявляющихся в процедуре получения объяснения (отсутствие каких-либо санкций уголовно-правового характера за дачу ложного объяснения и отказа от дачи объяснения, невозможностью применения уголовно-процессуального принуждения и др.).

Серьезным недостатком правового регулирования получения объяснений является неопределенность юридического статуса и круга участников предварительной проверки.

Несомненно, восполнение указанных пробелов имеет большое теоретическое и практическое значение. Так, в законе необходимо дать перечень лиц, от которых необходимо получать объяснение. Например, заявитель, правонарушитель, очевидец, и т. д. [3, с. 4–14].

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что решение о принятии объяснения нуждается в законодательном реформировании и четком регулировании этого процессуального действия.

Важным по значению является вопрос, что следует считать основанием получения объяснения. С. А. Шейфер, анализируя основания следственных действий, рассматривает их как «сложный процессуальный институт, охватывающий различные процессуальные и фактические аспекты. Важную роль в его структуре играет наличие правомочий органа расследования на проведение расследования по делу. Отсутствие таких полномочий равнозначно отсутствию оснований на проведение следственных действий, что приводит к недопустимости полученных доказательств.

Столь же важен познавательный аспект, в котором раскрываются фактические основания проведения следственного действия.

Не менее важен правообеспечительный аспект. Он, в дополнение к познавательному, ограничивает усмотрение органа расследования...» [4, с. 120–121]. Используя высказывание С. А. Шейфера как суждение общего характера, перейдем к частностям. Ранее мы вели речь о схожести объяснения и допроса. Поставленный вопрос, на наш взгляд, следует рассматривать под этим углом зрения. Если условно провести тождество между объяснением и допросом, то, думается, логично говорить о тождестве основания производства допроса и основания получения объяснения. По мнению В. В. Кальницкого, основанием для вызова и допроса любого лица в качестве свидетеля является наличие фактических данных, позволяющих полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу [5, с. 27].

Сказанное в полной мере относится и к объяснению. Но в чистом виде предложенное понятие не может рассматриваться как основание для получения объяснения. Стадия возбуждения уголовного дела имеет свои специфические задачи. Наличие этих задач подтверждает необходимость ограничивать предмет объяснения сведениями, указывающими на признаки преступления и круг лиц, от которых могут быть получены такие объяснения.

Таким образом, по нашему мнению, основанием получения объяснения являются фактические данные, позволяющие полагать, что лицу могут быть известны какие-либо обстоятельства, без установления которых невозможно принять решение в стадии возбуждения уголовного дела. Причем эти фактические данные должны содержаться в поводе к возбуждению уголовного дела, в результатах осмотра места происшествия, оперативно-розыскных мероприятий или в иной информации.

Представляется однако очевидным, что рассмотренные недостатки процедуры получения объяснений должны найти законодательное разрешение в УПК РФ, что позволит защитить граждан от необоснованного вовлечения в уголовное судопроизводство, а также упорядочить деятельность правоприменительной практики.

1. Прокофьев Ю. Н. Процессуальная форма документов на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы советского государства и права : межвуз. тематический сб. Иркутск, 1975. Вып. 9–10. 186 с. [Вернуться к статье](#)
2. Шурухов Н. Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях : учеб. пособие. М., 1985. 176 с. [Вернуться к статье](#)
3. Белозеров Ю. Н. Марфицин П. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : учеб. пособие. М., 1994. 76 с. [Вернуться к статье](#)
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. 208 с. [Вернуться к статье](#)
5. Кальницкий В. В. Следственные действия : учеб.-метод. пособие. Омск, 2001. 104 с. [Вернуться к статье](#)

Н. В. Павлова

*старший преподаватель кафедры криминалистики,
судебной медицины и психиатрии
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ МАТЕРИАЛОВ ВИДЕОЗАПИСИ И ФОТОСЪЕМКИ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

В настоящее время материалы видеозаписи и другие носители, в том числе электронные, играют значительную роль в процессе доказывания при осуществлении расследования уголовного производства. Закон предоставляет множество возможностей получить материалы звуко- и видеозаписей. Между тем, несмотря на то, что вопросам применения видеозаписей в качестве доказательств в научной литературе уделялось достаточно внимания, проблема использования этих видов доказательств в уголовном производстве до сих пор является открытой.

Дело в том, что для аргументации позиции того или иного участника уголовного процесса доказательства должны быть получены с соблюдением норм Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее — УПК), Гражданского кодекса Украины (далее — ГК), Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», без существенного нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и другими законами Украины, международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины.

Между тем допустимость доказательств, полученных с использованием средств звуко- и видеозаписи, вызывает ряд споров и суд может не принять во внимание такие материалы, обнаружив, что они добыты с нарушением установленной законом процедуры, без согласия определенных лиц, с нарушением их прав, свобод и законных интересов. В то же время статьей 307 ГК допускается согласие лица на фото-, кино- или видеосъемку, если она проводится открыто на улице, на собраниях, конференциях, митингах и других мероприятиях публичного характера [1]. Очевидно, что в отдельных случаях согласие лица на съемку презюмируется, то есть физическое лицо считается согласившимся на съемку, пока не возразит по этому поводу. В этом контексте следует отметить следующую позицию ученых. В частности, в случае

осуществления видеосъемки в публичных местах собирается информация не в отношении конкретного лица, что свидетельствует об отсутствии умысла сбора конфиденциальной информации, а полученная видеозапись может быть использована в качестве допустимого доказательства при расследовании уголовного производства [2, с. 140].

Вместе с тем не обосновательно такое предложение в случае видеосъемки объектов, которые хотя и являются публично доступными, но их нет в перечне объектов, определенных в ч. 1 ст. 307 ГК. Речь идет о видеонаблюдении на придомовых территориях, в подъездах и лифтах, помещениях торговых центров, автовокзалах и аэропортах, в холлах гостиниц и общежитий, фойе офисов и т. д.

Законодатель исходит из того, что согласие физического лица может выражаться как в письменной, так и в устной форме, в том числе и путем конклюдентных действий, выражающих его волю не в форме устного или письменного волеизъявления, а поведением, по которому можно сделать вывод о его намерении. С этого усматривается целесообразность предоставления возможности лицу, находящемуся на одном из указанных объектов, быть осведомленным о факте видеосъемки. Если субъект своим поведением не будет возражать против этого, это не будет нарушением прав, свобод и законных интересов.

В то же время установка видеонаблюдения в жилых комнатах общежитий, гостиниц, в офисных кабинетах, квартирах, частных домах и т. д., будет прямым нарушением прав лиц, которые там работают, постоянно или временно проживают, если видеонаблюдение проводится без их согласия. Такое видеонаблюдение считается, как скрытое, а материалы видеозаписи, полученные таким образом, можно считать недопустимыми. По этому поводу можно привести пример.

Так, в средствах массовой информации нередко активно обсуждаются случаи предоставления в правоохранительные органы видеозаписи, на которой запечатлен факт систематического нанесения телесных повреждений ребенку его няней, которая осуществляет за ним уход. Видеозапись появляется путем установления в комнате квартиры скрытой видеокамеры, о которой никто, кроме членов семьи, не информируется. Если даже и проводится расследование, то в суде материалы скрытого видеонаблюдения судьями часто отклоняются, так как они ссылаются на недопустимость доказательств, полученных незаконным способом [3].

В соответствии со ст. 271 ГК содержание личного неимущественного права составляет возможность физического лица свободно, по своему усмотрению определять свое поведение в сфере своей частной жизни, охраняется законодательством от неправомерных вмеша-

тельств со стороны других лиц [3]. К тому же ст. 32 Конституции Украины подчеркивает, что никто не может подвергаться вмешательству в его личную и семейную жизнь, кроме случаев, предусмотренных Конституцией Украины [4].

Из этого следует, что законодатель достаточно категорично относится к вмешательству в частную жизнь и мешает использованию в уголовном производстве материалов, полученных скрытой видеокamerой, да еще и без согласия лица. Однако в некоторых случаях законодатель позволяет осуществлять несогласованную съемку физического лица, в том числе и секретную. Например, оперативные подразделения для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности при наличии оснований, предусмотренных ст. 6 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», имеют право осуществлять наблюдение за лицом, вещью или местом, а также аудио-, видеоконтроль места согласно положениям ст. 269, 270 УПК (п. 11 ч. 1 ст. 8 Закон Украины «Об оперативно-розыскной деятельности») [5].

По этому поводу можно сделать вывод, что целенаправленные действия лиц, состоявшие в видеосъемке лица, которому не было сообщено о таком факте (исключая их проведения в рамках ОРМ), могут расцениваться как незаконные, а представленные в суд материалы видеозаписи могут признаваться недопустимыми. В то же время случайно зафиксированные физическими лицами частные фото-, видео-, звукозаписи или материалы с видеокамер наблюдения, расположенных как в помещениях, так и снаружи, могут при определенных обстоятельствах считаться доказательствами.

1. Цивільний Кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2003. № 40–44. Ст. 356. [Вернуться к статье](#)
2. Соколан Т. С. Відеозапис як джерело доказів: нотатки до наукової дискусії // Адміністративне право і процес. № 3(5). 2013. [Вернуться к статье](#)
3. Відеозапись скритої камерой не являється доказательством [Електронний ресурс]. URL: <http://www.http://bramasys.com.ua/videonabludenie/o-skrytom-videonabludenii/> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Конституція України : Закон України від 28.06.1996 р., № 254к/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. Ст. 141. [Вернуться к статье](#)
5. Про оперативно-розшукову діяльність : Закон України від 18.02.92 р. №21-12 // Відомості Верховної Ради України (ВВР).1992. № 22. Ст. 303. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.296

*П. П. Пидюков**ведущий научный сотрудник отдела
организации научной деятельности и защиты
прав интеллектуальной собственности
Национальной академии внутренних дел (Украина),
доктор юридических наук, профессор**Т. П. Устименко**профессор кафедры гражданского права и процесса
Национальной академии внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ
ЕВРОИНТЕГРАЦИИ И УСИЛЕНИЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ КОРРУПЦИОННЫМИ
И ИНЫМИ ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЯНИЯМИ**

Социально-экономическая и криминогенная ситуация в Украине свидетельствует о том, что коррумпированность определенных слоев общества достигла такого уровня, который негативно влияет на уровень ее политического, экономического, социально-демографического и культурного развития, а совершающиеся на ее почве тяжкие и особо тяжкие преступления сильно подрывают авторитет нашего государства на международном уровне, создают реальную угрозу его национальной безопасности.

Бесконечное распространение коррупции в стране приводит практически к нулевой результативности совершаемых реформ, ставит под сомнение реальность гарантированной Конституцией Украины социальной защиты наших сограждан, а также иных прав и свобод человека, предусмотренных Разделом II Основного Закона Украины [1], осуществление и соблюдение которых должно обеспечиваться государством [2, с. 10].

Социальная защита каждого человека как одна из главных задач развитого правового государства и обязательное условие евроинтеграции, путь к которой выбрала Украина, имеет непосредственное отношение и к такой категории, как мораль.

Считается, что, исходя из социальной защищенности человека в обществе определяются его моральные принципы, то есть социальная защита является определенным критерием зрелости такого общества и самого государства [3, с. 37–38].

В случае нарушения законных прав и свобод человека государство гарантирует их социальную защиту и восстановление, возмещение причиненного вреда как в судебном порядке, так и через Уполномоченного Верховного Совета Украины по правам человека, и даже в соответствующих международных судебных инстанциях или органах международных организаций, членом или участником которых является Украина (ст. 55 Конституции Украины).

Конституция Украины и действующее отечественное законодательство предусматривают две разновидности вреда, подлежащего возмещению:

- а) материальный;
- б) моральный.

Согласно ст. 56 Конституции Украины, каждый имеет право на возмещение за счет государства или органов местного самоуправления материального и морального вреда, причиненного незаконными решениями, действиями или бездействием органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц при осуществлении ими своих полномочий.

Возмещение вреда по деликтным обязательствам является одним из ключевых институтов гражданского права, в котором лицо, которое противоправно и виновно причинило вред личности гражданина или его имуществу, обязано его возместить, а потерпевшее лицо имеет право на возмещение причиненного вреда в полном объеме.

Согласно ст. 1167 Гражданского кодекса Украины, основания для возмещения вреда возникают при определенных обстоятельствах:

- наличие вреда как следствия нарушения личных прав и свобод лица;
- неправомерность решений, действий или бездействия причиняющего вред;
- причинная связь между неправомерным поведением причиняющего вред и последствиями в виде причинения вреда;
- виновность причиняющего вред.

Указанные условия являются единственными и обязательными, независимо от того, вследствие каких неправомерных действий (или бездействий) причинителя вреда причинен вред.

Любой материальный или моральный вред, причиненный вследствие правонарушения, злоупотребления властью или должностным положением, коррупционного преступления, должен быть возмещен в размере и порядке, определенном гражданским законодательством.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от возмещения материального вреда возмещение морального (нематериального) вреда является новым институтом, впервые закрепленным на законодатель-

ном уровне в Конституции Украины (1996 г.), а позже — в ГК Украины (2003 г.).

Возможно этим можно объяснить то, что по материалам изучения нами свыше 100 уголовных производств о коррупционных правонарушениях, которые находятся в следственных подразделениях Национальной полиции Украины, почти в каждом втором были выявлены иски о возмещении причиненного преступлением морального (нематериального) вреда, мы не выявили ни одного гражданского иска.

Определенным образом основной причиной такого положения является то, что методика определения размеров причиненного морального вреда или денежной материальной компенсации при его возмещении пока что отсутствует. Если объемы и размер компенсации материального вреда или вреда здоровью (в части материальных последствий) определены законом (более того, размер материального вреда, который подлежит возмещению, объективно существует обычно в виде цены вещи или размера затрат), то от регулирования четкого механизма, размера возмещения морального вреда законодатель отказался, доверяя их определение на усмотрение суда.

К сожалению, не дает определенных разъяснений в определенном формате и Пленум Верховного Суда Украины, а именно его постановление от 31.03.1995 г. № 4 «О судебной практике по делам о возмещении морального (нематериального) вреда» [4].

Полностью понятно, что определение размера возмещения причиненного коррупционным правонарушением морального вреда напрямую зависит от характера и объема, глубины страданий (физических, моральных, психических и т. д.), которые понесло лицо, характера его нематериальных утрат и прочих обстоятельств.

Поскольку не существует (и вряд ли возможно существование) точных критериев материального или денежного отображения душевного беспокойства, боли, страданий от унижения чести или достоинства и т. д., которые переживает потерпевший, который, ко всему прочему, и сам не может определить размер причиненного ему морального вреда и правильно оценить его в денежном или материальном эквиваленте.

Необходимо согласиться с авторами, которые считают, что в таких случаях суд может исходить из принципов разумности и справедливости [5, с. 125].

Но все же оптимальным и удобным считаем неотлагательное принятие соответствующих нормативно-правовых актов, которые бы четко урегулировали механизм и порядок возмещения морального вреда, развязав тем самым достаточно непростую проблему, которая

уже остро назрела в следственной и судебной практике по изложенным выше вопросам и проблемам.

Таким образом будет открыто определенное правовое пространство для их практического решения, широкого использования, а именно, в уголовных производствах, в том числе антикоррупционной направленности, что будет способствовать и усилению ответственности за вред, причиненный преступлениями, которые совершаются на коррупционной почве, и другими противоправными деяниями, их предупреждению и профилактике, ускорит приобретение Украиной членства в Европейском Союзе.

1. Конституція України. Х. : ТОВ «Одіссей», 2006. 48 с. [Вернуться к статье](#)
2. Пилипенко П. Д. Право соціального захисту України. К. : ІнЮре, 2014. 480 с. [Вернуться к статье](#)
3. Болотіна Н. Б. Право соціального захисту: становлення і розвиток в Україні. К. : Знання, 2005. 381 с. [Вернуться к статье](#)
4. Про судову практику в справах про відшкодування моральної (немайнової) шкоди : постанова Пленуму Верховного Суду України від 31.03.1995 р. № 4 . URL: zakon.rada.gov.ua (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Відшкодування матеріальної та моральної шкоди: нормативні акти, роз'яснення, коментарі / уклад.: С. Е. Демський [та ін.] ; відп. ред. П. І. Шевчук. К. : Юрінком Інтер, 2001. 624 с. [Вернуться к статье](#)

Н. С. Расулова

*начальник кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург)*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В уголовном судопроизводстве России и Республики Беларусь стадия возбуждения уголовного дела, несмотря на многолетние дискуссии об ее упразднении либо сохранении и дальнейшем реформировании, продолжает оставаться самостоятельным первоначальным этапом, обуславливающим законность и обоснованность начала предварительного расследования. Российские ученые подчеркивают значение данной стадии, называя ее фильтром [1], предшествующим предварительному расследованию и позволяющим выделить из общего часть с заданными свойствами, к которым относятся признаки преступления. Белорусские процессуалисты в качестве задач стадии также выделяют «исключение необоснованного уголовного преследования в отношении непричастных лиц, создание предпосылок для реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, а также условий для последующего применения мер процессуального принуждения» [2, с. 25–26].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем решении № 1-П от 14.01.2000 г. определил, что на первоначальном этапе устанавливаются поводы и основания для возбуждения уголовного дела, а актом возбуждения уголовного дела создаются правовые основания для последующих процессуальных решений органов дознания, предварительного следствия и суда [3].

В связи с этим особое значение имеют процессуальные средства, позволяющие установить основания для принятия законного и обоснованного решения по результатам проверки сообщения о преступлении. В современных условиях развития науки и техники, внедрения телекоммуникационных технологий во все сферы деятельности и, как следствие, преобразования традиционных способов совершения преступлений возросла потребность правоприменителя в использовании специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела. Применение специальных знаний позволяет установить степень вреда здоровью, определить вид и размер наркотического средства или психотропного вещества, размер дохода от незаконной предприниматель-

ской деятельности, модификацию компьютерной информации и т. д. С марта 2013 года внесенные в УПК РФ изменения существенно расширили возможности по применению специальных знаний в ходе проверки сообщения о преступлении. Так, на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, кроме производства осмотра места происшествия, допускается получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство судебной экспертизы, производство освидетельствования, проведение документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов; к участию в указанных действиях может быть привлечен специалист. Однако, несмотря на широкий арсенал проверочных средств, до настоящего времени остаются неразрешенными вопросы процессуального регулирования форм использования специальных знаний в виде исследования предметов, документов, документальной проверки, получения заключения специалиста и истребования предметов и документов. Существенные проблемы связаны с назначением и производством судебной экспертизы. Во-первых, нормы ст. 198 УПК РФ позволяют обеспечить реализацию процессуальных прав участников процесса только в стадии предварительного расследования. Во-вторых, в действующем УПК РФ отсутствует регламентация порядка истребования и изъятия предметов и документов, что не позволяет предоставить эксперту объекты в достаточном объеме для исследования и разрешения поставленных перед ним вопросов. Отдельного теоретического осмысления требуют вопросы процессуального принуждения при производстве освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования.

В соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела в качестве форм использования специальных знаний могут быть применены назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности, истребование дополнительных документов, освидетельствование, экспертизы; также возможно привлечение специалиста при получении образцов для сравнительного исследования, производстве осмотра места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, извлечении трупа из места захоронения (экспуация).

И. С. Нестер, анализируя уголовно-процессуальное законодательство и сложившуюся следственную практику Республики Беларусь, выделил две группы форм использования специальных знаний: 1) регулируемые УПК РФ — участие специалиста в следственных действиях и производство экспертиз; 2) не регулируемые УПК РФ — проведение проверок финансово-хозяйственной деятельности, ведомственных проверок; проведение криминалистического исследования и др.

[4], — и раскрыл проблему доказательственного значения результатов использования форм специальных знаний, которые могут быть признаны источником доказательств только в случае, если они получены способом, предусмотренным УПК РБ. Таким образом, в качестве доказательств или их источников УПК РБ не предусматривает ведомственные проверки, проверки финансово-хозяйственной деятельности, криминалистическое исследование, консультации специалиста, использование криминалистических учетов, предварительное исследование следов [4].

Российское уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от УПК РБ, допускает использование в качестве доказательств сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, при условии их получения в соответствии с требованиями, предусмотренными УПК РФ (ч. 1.2 ст. 144), в ином случае данные сведения признаются недопустимыми доказательствами, то есть не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Однако анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о противоречии указанных положений требованиям ст. 144 УПК РФ.

Таким образом, несовершенство норм действующих УПК РФ и УПК РБ затрудняет их реализацию в стадии возбуждения уголовного дела и не позволяет в полной мере решить ее задачи, что отрицательно сказывается на эффективности правоохранительной деятельности, а соответственно, вызывает вопрос о целесообразности увеличения процессуальных средств с использованием форм специальных знаний на указанном этапе.

1. Давлетов А. А., Кравчук Л. А. Стадия возбуждения уголовного дела — обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114–121. [Вернуться к статье](#)

2. Данилевич А. А., Самарин В. И. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь // Законность и правопорядок. 2013. № 3 (27). С. 24–29. [Вернуться к статье](#)

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного суда Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 611. [Вернуться к статье](#)

4. Нестер И. С. Формы использования специальных знаний: особенности классификации в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь // Вопросы российского и международного права. 2017. № 1 А. С. 169–179. [Вернуться к статье](#)

А. В. Самко

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь*

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В соответствии с ч. 1 ст. 426 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) уголовные дела частного обвинения возбуждаются лицом, пострадавшим от преступления (его представителем, представителем юридического лица), путем подачи заявления о совершении в его отношении преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 26 УПК, непосредственно в районный (городской) суд. Подобный порядок производства, отсутствие стадии предварительного расследования по замыслу законодателя должны способствовать их более быстрому рассмотрению, устранению волокиты, экономии бюджетных средств, с тем чтобы права и законные интересы пострадавшего лица были восстановлены в максимально кратчайшие сроки. В противном случае теряется сама логика выделения данного производства. Однако не всегда стороны добросовестно относятся к соблюдению требований по явке, в связи с чем в ходе правоприменительной деятельности судебные разбирательства зачастую откладываются в связи с неявкой обвиняемых в суд. Одной из причин видится отсутствие четко предусмотренных в законе полномочий суда по применению к обвиняемому меры пресечения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

Так, в соответствии со ст. 277 УПК по поступившему в суд уголовному делу судья лишь выясняет, подлежит ли изменению или отмене примененная в отношении обвиняемого мера пресечения. Правом ее применить в данной стадии уголовно-процессуальный закон суд не наделяет. Подобный вариант регулирования не вызывает сомнений при производстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, так как по ним производится предварительное следствие и мера пресечения, как правило, применяется органом уголовного преследования. Суд же, в случае признания этого необходимым, полномочен на ее изменение либо отмену. По делам же частного обвинения этот порядок применим не в полной мере. Достаточно распространены случаи, когда судьи, следуя нормам УПК, не избирают меры пресече-

ния в отношении обвиняемого, что зачастую приводит к затягиванию судебного разбирательства.

Так, например, по уголовному делу в отношении Ж., возбужденному по ст. 153 Уголовного кодекса Республики Беларусь, судом в отношении обвиняемого мера пресечения не избиралась, последний от явки в судебное разбирательство уклонялся, в связи с чем оно неоднократно откладывалось и состоялось практически через год, лишь после объявления Ж. в розыск и его задержания [1]. И подобные примеры далеко не единичны в судебной практике [2].

Следует отметить, что правом применить меру пресечения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по делам частного обвинения наделяет судью иной нормативный правовой акт. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31.03.2010 года № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» (далее — Пленум) указано, что при наличии оснований, предусмотренных ст. 117 УПК, судья вправе избрать в отношении обвиняемого меру пресечения [3, п. 13], создавая по сути новую уголовно-процессуальную норму.

Безусловно, как справедливо подчеркивает И. В. Данько, «можно дискутировать о том, насколько это соответствует теории разделения властей, как это согласуется с принципом законности, но утверждать, что, например, Пленум Верховного Суда не выходит за рамки толкования уголовно-процессуального закона и не создает дополнительных процедурных правил, значит игнорировать реальное положение вещей» [4, с. 55]. Вместе с тем, на наш взгляд, это справедливо в отношении установления именно процедурных правил. К таковым, к примеру, можно отнести сформулированные в вышеуказанном постановлении требования к судье принять решение по поступившему в суд заявлению в течение трех суток или о необходимости оформить его вынесением соответствующего постановления [3, п. 4].

Интересен тот факт, что и суды по-разному подходят к решению указанного вопроса, причем не только в регионах республики, но и в пределах одного города, и даже в одном и том же суде. Так, изучение уголовных дел частного обвинения в районных судах г. Минска показывает, что, например, в Партизанском районе на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства судьи применяют меру пресечения в 96,7 % случаев, в то время как в Московском районе в аналогичной ситуации мера пресечения не избиралась по 90 % изученных уголовных дел, в Ленинском районном суде применялась мера пресечения в 58 % случаев, в остальных случаях она не избиралась. В суде Советского района мера пресечения не избиралась ни по одному из

изученных уголовных дел частного обвинения. Причем стоит учитывать и то обстоятельство, что судья, не применив к обвиняемому меры пресечения, в случае его последующего уклонения от явки фактически лишается возможности ее избрания даже в случае объявления последнего в розыск. Например, судья суда Московского района г. Минска, вынося постановление об объявлении розыска Ж., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 153 УК Республики Беларусь, в отношении которого ранее мера пресечения не избиралась, со ссылкой на ст. 302 УПК указал в постановлении, что «суд не считает целесообразным избрание в отношении обвиняемого меры пресечения» [1]. Вместе с тем, как представляется, судья и не был полномочен принять подобное решение. Так, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 302 УПК розыск скрывшегося обвиняемого объявляется определением (постановлением) суда с одновременным решением вопроса об изменении ранее примененной в отношении его меры пресечения. Таким образом, судья имеет возможность лишь изменения ранее примененной меры пресечения, а не ее избрания. А ведь в случае объявления межгосударственного или международного розыска обвиняемого, его задержания за пределами Республики Беларусь отсутствие решения вопроса о мере пресечения не будет способствовать его эффективному исполнению.

Следует ли предоставить суду полномочия по избранию меры пресечения по уголовным делам частного обвинения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства? Ответ на данный вопрос видится отрицательным. Безусловно, судья должен обладать эффективным механизмом воздействия на обвиняемого для обеспечения его явки в судебное разбирательство и данные меры оказывают превентивное воздействие на лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Вместе с тем, как представляется, суд, следуя установлениям УПК, может реализовать свое право на применение мер пресечения лишь на стадии судебного разбирательства в порядке ч. 1 ст. 304 УПК. Данное решение законодателя логично и должно исключать возможность применения п. 13 Пленума, так как в рассматриваемой стадии судом не устанавливаются обстоятельства совершения преступления, не исследуются доказательства и вопросы виновности или невиновности обвиняемого.

Таким образом, как представляется, необходимо провести более комплексный анализ обозначенной проблемы с целью выработки предложений по ее нивелированию, что не позволяет объем настоящей публикации.

1. Архив суда Московского района г. Минска. Уголовное дело № 1-185. [Вернуться к статье](#)
2. Архив суда Бобруйского района и г. Бобруйска. Уголовные дела № 1-823, 1-650. [Вернуться к статье](#)
3. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 31 марта 2010 г., № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И. В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И. В. Данько. Минск : Акад. МВД, 2012. 478 с. [Вернуться к статье](#)

Е. А. Солдатенко

*доцент кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

А. В. Юнацкий

*доцент кафедры частной охранной деятельности
Запорожского национального
технического университета (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОЦЕДУРА ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Апелляционное производство — стадия уголовного процесса, в которой суд высшей инстанции по апелляционным жалобам участников уголовного производства в предусмотренном законом порядке пересматривает судебные решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу. Целью апелляционного производства является обеспечение исправления вышестоящим судом ошибок и нарушений требований закона, допущенных в ходе досудебного расследования и производства в суде первой инстанции, обеспечение прав и охраняемых законом интересов участников уголовного судопроизводства, утверждение законности и справедливости в уголовном судопроизводстве [1, с. 338].

Согласно ч. 4 ст. 31 УПК Украины, уголовное производство в апелляционном порядке осуществляется коллегиально судом в составе не менее трех профессиональных судей и производится согласно правилам судебного разбирательства в суде первой инстанции (ст. 342–345 УПК Украины) с учетом особенностей, предусмотренных главой 31 УПК Украины [2].

Как правило, суд апелляционной инстанции пересматривает судебные решения суда первой инстанции в пределах апелляционной жалобы. Апелляционный суд вправе выйти за пределы апелляционных требований только в следующих случаях: 1) если не ухудшается положение обвиняемого; 2) если не ухудшается положение лица, в отношении которого решался вопрос о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера; 3) при наличии оснований для принятия решения в пользу лиц, не подавших апелляци-

онную жалобу. В таком случае суд апелляционной инстанции обязан принять решение в пользу этих лиц.

При наличии соответствующего ходатайства участников уголовного производства суд апелляционной инстанции обязан: повторно исследовать обстоятельства, установленные в ходе уголовного производства, при условии, если они исследованы судом первой инстанции не полностью или с нарушениями; исследовать доказательства, не исследованные судом первой инстанции, только в случае, если при рассмотрении в суде первой инстанции было ходатайство об исследовании таких доказательств; исследовать доказательства, ставшие известными после принятия решения судом первой инстанции. При этом следует иметь в виду, что такие доказательства могут быть представлены участниками судебного производства или истребованы судом при наличии соответствующего ходатайства участника уголовного производства при подготовке к апелляционному рассмотрению.

По результатам апелляционного рассмотрения по жалобе на приговор или определение суда первой инстанции суд апелляционной инстанции вправе: оставить приговор или определение без изменений; изменить приговор или определение; отменить приговор полностью или частично и вынести новый приговор; отменить решение полностью или частично и принять новое решение; отменить приговор или определение и закрыть уголовное производство; отменить приговор или определение и назначить новое рассмотрение в суде первой инстанции.

В соответствии со ст. 409 УПК Украины основаниями для отмены или изменения судебного решения являются: неполнота судебного разбирательства; несоответствие выводов суда, изложенных в решении, фактическим обстоятельствам уголовного производства; существенное нарушение требований уголовного процессуального закона; неправильное применение закона Украины об уголовной ответственности.

Следует также отметить, что судебное решение признается соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного производства в случае, если в его основу положены выводы, основанные на достоверных доказательствах, исследованных непосредственно во время судебного разбирательства. При любых условиях судебное решение не может быть признано соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного производства, если судом не проверены и не опровергнуты доводы в защиту обвиняемого и не устранены сомнения в его виновности, которые могли повлиять на правильность применения закона Украины об уголовной ответственности, на определение вида

наказания или на применение принудительных мер воспитательного или медицинского характера.

Кроме того, в ч. 1 ст. 411 УПК Украины предусмотрены основания, при наличии которых приговор, определение подлежат отмене или изменению на основании несоответствия судебного решения фактическим обстоятельствам уголовного производства: 1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, исследованными в ходе судебного разбирательства; 2) суд не принял во внимание доказательства, которые могли существенно повлиять на его выводы; 3) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в судебном решении не указано, почему суд принял во внимание одни доказательства и отверг другие; 4) выводы суда, изложенные в судебном решении, содержат существенные противоречия [3].

Таким образом, вопросы об исследовании доказательств и их оценке в суде апелляционной инстанции являются самыми весомыми при принятии правильного решения.

Рассматривая эти вопросы, следует также обратить внимание на то, что в УПК Украины нет самостоятельной статьи, посвященной особенностям исследования доказательств в суде апелляционной инстанции. Суд апелляционной инстанции проводит исследования доказательств по правилам, установленным ст. 84–94 Кодекса, с учетом особенностей, предусмотренных главой 31 УПК Украины.

Также отметим, что в п. 18 Постановления Верховного Суда Украины от 21.01.2016 г. в деле № 5-249кс15 суд отмечает, что непосредственность исследования доказательств — это обращенное в суд требование закона об исследовании им всех собранных в конкретном уголовном производстве доказательств путем допроса обвиняемых, потерпевших, свидетелей, эксперта, осмотра вещественных доказательств, оглашения документов, воспроизведения звукозаписи и видеозаписи и т. п. Эта основа уголовного судопроизводства имеет значение для полного выяснения обстоятельств уголовного производства и его объективного решения. Непосредственность исследования доказательств позволяет суду надлежащим образом проверить их (как каждое доказательство отдельно, так и во взаимосвязи с другими доказательствами), осуществить их оценку по критериям, определенным в ч. 1 ст. 94 УПК Украины, и сформировать полное и объективное представление о фактических обстоятельствах конкретного уголовного производства [4].

Таким образом, несоблюдение основы непосредственности исследования доказательств приведет к нарушению других принципов уголовного производства: презумпция невиновности и обеспечение

доказанности вины, обеспечение права на защиту, состязательность сторон и свобода в представлении ими своих доказательств, а также в доведении перед судом их убедительности (пункты 10, 13, 15 ст. 7 УПК Украины).

Кроме того, основа непосредственности выступает необходимым элементом процессуальной формы судебного разбирательства, несоблюдение которой, исходя из положений ч. 2 ст. 23 и ст. 86 Кодекса, приведет к тому, что доказательства, которые не были предметом непосредственного исследования суда, не могут быть признаны допустимыми при вынесении судебного решения, кроме случаев, предусмотренных УПК, а, следовательно, судебное решение, согласно ст. 370 Кодекса, не может быть признано законным и обоснованным и, в соответствии с ч. 1 ст. 412 УПК Украины, подлежит отмене.

1. Кримінальний процес : підручник / за заг. ред. В. В. Коваленка, Л. Д. Удалової, Д. П. Письменного. К. : Центр учбової літератури, 2013. 544 с. [Вернуться к статье](#)

2. Кримінальний процесуальний кодекс України станом на 11.01.2019 р. [Електронний ресурс] : закон України від 13.04.2012 р. № 4651-VI. URL: <https://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/4651a-17> (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Про деякі питання порядку здійснення судового провадження з перегляду судових рішень у суді апеляційної інстанції відповідно до Кримінального процесуального кодексу України [Електронний ресурс] : лист Вищого спеціалізованого суду, 21 листопада 2012 р., № 10-1717/0/4-12. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v1717740-12> (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Постанова ВСУ від 21 січня 2016 року у справі № 5-249кс15 [Електронний ресурс]. URL: [http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/\(documents\)/E84BAE31236A51A1C2257F7D00414217](http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/(documents)/E84BAE31236A51A1C2257F7D00414217) (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

В. М. Федченко
профессор кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент

УПРОЩЕННОЕ УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО, СОВЕРШЕННОЕ НА ОСНОВАНИИ СОГЛАШЕНИЙ, КАК ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, КОТОРЫЕ ВЛИЯЮТ НА ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УПК УКРАИНЫ

Согласно ст. 94 УПК Украины «следователь, прокурор, следственный судья, суд по своему внутреннему убеждению, которое основывается на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного производства, руководствуясь законом, оценивают доказательство с точки зрения принадлежности, допустимости, достоверности, а совокупность собранных доказательств — с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения» [1].

Процессуальная норма, согласно которой «...объем доказательств, необходимых для их установления, определяют следователь, прокурор и суд по своему внутреннему убеждению», свидетельствует о том, что уголовные производства в объемах доказательств не всегда похожи друг на друга.

Указанные порядки уголовного производства содержат определенные процессуальные аспекты, непосредственно влияющие на определение границ и объем доказывания [2, с. 149]. К ним относятся упрощенные уголовные производства и производства на основании соглашений.

Нормы УПК Украины предусматривают, что в уголовном производстве могут быть заключены следующие виды соглашений: 1) соглашение о примирении потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым; 2) соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании вины (ст. 468 УПК).

Соглашение о примирении может быть заключено по инициативе потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, а соглашение о признании вины может быть заключено по инициативе прокурора, подозреваемого или обвиняемого. Соглашение о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым может быть заключено в уголовном производстве касательно уголовных проступков, преступ-

лений небольшой или средней тяжести, а также в уголовном производстве в форме частного обвинения.

Соглашение о признании вины между прокурором и подозреваемым или обвиняемым может быть заключено касательно: 1) уголовных проступков, преступлений небольшой или средней тяжести, тяжких преступлений; 2) особо тяжких преступлений, отнесенных к подследственности Национального антикоррупционного бюро Украины (НАБУ) при разоблачении подозреваемым или обвиняемым другого лица в совершении преступления, отнесенного к подследственности (НАБУ), если информация о совершении таким лицом преступления будет подтверждена доказательствами; 3) особо тяжких преступлений, совершенных по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступной организацией, террористической группой, и их разоблачение подозреваемым, который не является организатором этой группы или организации, о преступных действиях других участников группы или других, совершенных группой или организацией преступлениях, если предоставленная информация будет подтверждена собранными доказательствами.

Закон подчеркивает, что соглашение о признании вины между прокурором и подозреваемым или обвиняемым может быть заключено по уголовным проступкам, преступлениям, в результате которых вред причинен только государственным или общественным интересам.

Заключение соглашения о признании вины в уголовном производстве в отношении уполномоченного юридического лица, совершившего уголовное преступление, в связи с которым осуществляется производство в отношении юридического лица, а также в уголовном производстве по уголовным преступлениям, в результате которых ущерб причинен государственным или общественным интересам или правам и интересам отдельных лиц, в которых участвуют потерпевший или потерпевшие, не допускается, кроме случаев предоставления всеми потерпевшими письменного согласия прокурору на заключение ими соглашений (ст. 469 УПК).

Далее законодатель указывает на правовые последствия, которые наступают в случае заключения этих соглашений. В частности, о невозможности обжалования в апелляционном порядке судебного решения, принятого на основании соглашений (ч. 6, 7 ст. 474 УПК). Кроме этого, потерпевший в соответствии с положениями ст. 394, 424 УПК лишается права потребовать в дальнейшем привлечь данное лицо к уголовной ответственности за это уголовное преступление. К тому же лишается права изменить размер своих предыдущих требований о возмещении причиненного ему ущерба. Но если соглашение достигну-

то в ходе досудебного расследования, обвинительный акт с подписанными сторонами соглашением безотлагательно направляется в суд.

И хотя прокурор после его подписания сторонами имеет право отложить направление обвинительного акта в суд из-за отсутствия заключения эксперта, или же из-за непроведения других следственных действий, необходимых для сбора и фиксации доказательств, которые могут быть утеряны по окончании времени, или же из-за невозможности провести их позже без существенного вреда для следствия. Если суд откажет утвердить такое соглашение, то вряд ли указанное право прокурор будет реализовывать в полном объеме, с целью доведения всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по этому уголовному производству, поскольку помешать этому всегда могут определенные сроки проведения расследования. Более того, соглашения о примирении сторон, признании вины в подавляющем большинстве заключаются тогда, когда невозможно доказать все обстоятельства, подлежащие доказыванию, а соответственно, в таком уголовном производстве нарушаются требования касательно границ и объемов доказывания [3, с. 138].

Упрощенное производство уголовных проступков также имеет ряд процессуальных аспектов, влияющих на пределы доказывания. Так, по ходатайству прокурора или следователя, согласованного с прокурором, законодатель дает право суду рассмотреть обвинительный акт по уголовному проступку без проведения судебного разбирательства в судебном заседании и при отсутствии участников судебного разбирательства, если обвиняемый, у которого есть защитник, признал свою вину, при этом не оспаривает установленные досудебным расследованием обстоятельства и согласен с рассмотрением обвинительного акта в его отсутствие, а потерпевший не возражает против такого рассмотрения (ст. 381 УПК). Более того, в приговоре суда по результатам упрощенного производства вместо доказательств в подтверждение установленных судом обстоятельств указываются установленные органом досудебного расследования обстоятельства, которые не оспаривают участники судебного разбирательства (ч. 2 ст. 382 УПК). Иными словами, суд вообще не проводит непосредственное исследование показаний, вещей и документов в таком производстве, а руководствуется при вынесении приговора только установленными органом досудебного расследования обстоятельствами, которые не оспаривают участники судебного производства.

Из всего следует, что проанализированные нормы уголовного процессуального законодательства Украины напрямую и непосредственно влияют как на объем доказательств и установление обстоя-

тельств, которые подлежат доказыванию, так и на границы доказывания в таком уголовном производстве.

1. Кримінальний процесуальний кодекс України : чинне законодавство зі змінами та допов. станом на 1 верес. 2017 р. К. : ПАЛИВОДА А.В., 2017. 372 с. [Вернуться к статье](#)

2. Удовиченко В. А. Предмет і межі доказування захисником у кримінальному провадженні // Наук. вісн. Херсон. держ. ун-ту. Сер. Юрид. науки. Вип. 6-1. Т. 4. 2014. С. 147–150. [Вернуться к статье](#)

3. Фаткуллин Ф. Н., Зинатуллин З. З. Обвинение и защита по уголовным делам : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. 168 с. [Вернуться к статье](#)

Н. П. Черняк

*доцент кафедры уголовного процесса
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ «НЕЗАВИСИМОСТИ» И «САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ» СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

В современных условиях наравне с проблемой реформирования органов досудебного расследования требует решения и усовершенствования проблема процессуального статуса следователя. В действующем Уголовном процессуальном кодексе Украины (далее — УПК Украины) не определены содержание понятия «следователь» и его процессуальная «самостоятельность» и «независимость», определена только ведомственная принадлежность следователя. А ведомственная принадлежность, в свою очередь, не раскрывает указанные понятия и определенным образом сужает их.

Учитывая вышеизложенное, следует заметить, что в действующем УПК Украины изменены объемы процессуальной независимости и самостоятельности следователя при принятии определенных процессуальных решений. Рассматривая вопрос о том, кто такой следователь, справедливо отметить, что это лицо, которое непосредственно участвует в расследовании того или иного уголовного преступления и уполномочен принимать ряд процессуальных решений, которые являются необходимыми и достаточными для достижения быстрого, полного и беспристрастного расследования уголовных правонарушений. Но следует согласиться с мнением многих ученых, которые считают, что в практической деятельности следственных подразделений предложенная часть действующих норм УПК Украины претерпевает значительные препятствия, которые в первую очередь связаны с объективными и субъективными факторами.

Процессуальная самостоятельность и независимость следователя — это важный принцип, который играет важную роль при осуществлении досудебного расследования. Несмотря на значительный вклад ученых в исследование данного вопроса, он всегда остается дискуссионным. Это в первую очередь обусловлено тем, что в действующем законодательстве Украины, как было выше указано, отсутствуют определения понятий процессуальной самостоятельности и

независимости следователя. Иногда эти понятия отождествляют только потому, что в действительности у следователя отсутствует процессуальная независимость, а в некоторой степени реализуется самостоятельность в рамках, предусмотренных законом.

Следует отметить, что процессуальная самостоятельность следователя определяется следующими условиями:

- 1) объемом предоставленных законом полномочий;
- 2) механизмом взаимодействия с прокурором, руководителем органа досудебного расследования, с оперативными подразделениями, а также с другими участниками уголовного производства;
- 3) порядком разрешения споров из-за несогласия следователя с указаниями прокурора или руководителя органа досудебного расследования.

Исходя из приведенных определений, можно прийти к выводу, что самостоятельность — это категория, которая в нашем случае характеризует способность следователя выполнять возложенные на него обязанности без посторонней помощи или руководства и в значительной степени зависит от него самого.

В то же время независимость является категорией, характеризующей внешние границы деятельности следователя, которые от воли следователя не зависят. Они полностью определяются внешними факторами (законом, подзаконными актами, указаниями руководителя органа досудебного расследования, прокурора, решениями следственного судьи и т. д.) [1, с. 93–96].

Многие ученые считают, что нельзя говорить ни о какой независимости следователя, так как он является подконтрольным руководителю органа досудебного расследования и процессуальному прокурору. Однако можно говорить о его процессуальной независимости, связанной с ответственностью, которая совмещена с прокурорским надзором [2, с. 99, с. 104–105]. А, например Р. Д. Рахунов считает, что процессуальная независимость и самостоятельность следователя являются тождественными понятиями [3, с. 137].

Углубляясь в изучение сущности понятий «независимость» и «самостоятельность», необходимо обратиться к толковому словарю. Так, Академический толковый словарь украинского языка определяет «самостоятельность» как умение действовать без посторонней помощи или руководств [4, с. 47], а «независимый» — не зависящий от кого, чего-либо, не подчиняется кому-то, почему-то [3, с. 308].

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины, а в частности положения, определяющие роль и место следователя по его уголовной процессуальной деятельности, требует существенной корректив-

ровки, а именно восстановления его процессуальной самостоятельности и независимости в уголовном процессе.

1. Канфуи И. В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как характеристика его места и роли на стадии досудебного расследования / Науч. вест. Херсон. гос. ун-та. 2014. Вып. 2. Т. 4. С. 93–96. [Вернуться к статье](#)
2. Руководство для следователей / под ред. Н. И. Жогина. М. : Юрид. лит-ра, 1971. 752 с. [Вернуться к статье](#)
3. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М. : Гос. изд-во. юрид. лит-ры, 1961. 276 с. [Вернуться к статье](#)
4. Билодид И. К. Словарь украинского языка. К. : Научная мысль. 1978. 450 с. [Вернуться к статье](#)

Ж. А. Шилко
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ КАК ОДНОМ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ УСЛОВИЙ ПЕРЕХОДА К ЭЛЕКТРОННОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Одним из неотъемлемых атрибутов современного общества являются стремительно развивающиеся информационные технологии, внедрение их во все без исключения сферы жизнедеятельности. Данное обстоятельство подтверждается рядом положительных достижений. Так, например, благодаря взятому курсу на ускоренную информатизацию, в глобальном рейтинге Международного союза электросвязи по развитию информационно-коммуникационных технологий Беларусь поднялась в 2015 году на 38-е место, заняв лидирующую позицию в регионе СНГ [1].

Не остается в стороне и уголовно-процессуальная деятельность. Среди правоприменителей и ученых ведется активное обсуждение возможного перехода на осуществление уголовного процесса в электронном формате, в том числе внедрения электронной формы ведения уголовных дел. Для успешной разработки программного обеспечения, создания целой информационно-справочно-поисковой среды для территориальных подразделений предварительного следствия и дальнейшего перехода на цифровую модель уголовно-процессуальной деятельности белорусскими учеными и практиками активно изучался опыт коллег из ближнего зарубежья, в частности Грузии, Казахстана и Армении. Особенно в этой связи интересен опыт грузинских коллег, где переход на электронное уголовно-процессуальное производство в настоящее время практически завершен.

Безусловно, речь идет о некой цифровой среде, в которой гармонично будут совмещены результаты расследования. В частности, речь идет о следственных действиях, проведенных как с применением цифровых средств фиксации (видеозаписи, 3D-сканирования, цифровой фотосъемки и др.) с параллельным отражением хода и результатов на бумажном носителе, которые впоследствии будут отсканированы и оцифрованы, так и путем непосредственного заполнения неких

шаблонов (матриц) процессуальных действий и решений в программных приложениях, которые будут формироваться в условные единицы, т. е. уголовные дела.

Руководством Следственного комитета Республики Беларусь такой комплекс мер также воплощается в жизнь с 2015 года после соответствующей организационно-технической подготовки, проходившей на протяжении двух лет. Основной целью проведенной подготовки в первую очередь стало создание и внедрение в правовое пространство Беларуси единой автоматизированной информационной системы Следственного комитета (ЕАИС) [2]. Возможности данной системы позволят следователям оперативно получать справочную информацию, важную для расследования преступлений о принадлежности абонентам номеров стационарной и мобильной связи; зарегистрированных транспортных средствах; пересечении государственной границы физическими лицами; юридических лицах и др.

В этой связи одной из приоритетных задач в деле обеспечения эффективности перехода на цифровой уголовный процесс, безусловно, видится и повышение профессионализма кадрового состава следственных подразделений. Так, параллельно с разработкой и внедрением «умных» систем и цифровой среды, в которой будет осуществляться уголовное производство, уже сегодня необходимо уделять определенное внимание и соответствующей подготовленности следователей, в частности наличию у них навыков по владению рядом современных информационных технологий. Рабочее место следователя со временем должно превратиться из «печатной машинки с монитором» в многофункциональную информационно-коммуникативную станцию, не только предоставляющую возможность оцифровки протоколов следственных действий и непосредственного оформления принятых решений в системе электронного уголовного дела, но и получающую, обрабатывающую необходимую информацию в отношении субъектов уголовно-процессуальной деятельности и внедряющую такую информацию в процесс доказывания в требуемой форме. Кроме этого, следователь должен быть готов к такой работе как на техническом, так и на мировоззренческом уровнях, то есть у него необходимо формировать не только готовность, но и желание перестраиваться, переобучаться. Представляется, что и теоретическая, и практическая, и технологичная подготовленность следователя должна формироваться еще в ходе обучения в высших юридических учреждениях образования, а в дальнейшем совершенствоваться в рамках повышения квалификации.

К сожалению, как показывает практика, в настоящее время не все следователи готовы и способны использовать возможности информа-

ционных технологий в процессе расследования уголовных дел, не всегда готовы к проведению современных эффективных мероприятий по противодействию преступникам. Так, например, предполагается, что на сегодняшний день следователь обладает достаточным уровнем знаний и навыков для самостоятельного проведения осмотра устройств сотовой передвижной электросвязи (как правило, смартфонов) как в ходе проводимого им осмотра места происшествия, так и в качестве самостоятельного осмотра предмета. Как показывает практика, такие осмотры сводятся к описанию лишь внешних индивидуальных признаков, установлению номера IMEI и проверке его совпадения с номером, указанным на корпусе устройства, а также серийного номера. А для установления в ходе осмотра возможности копирования информации (в том числе и удаленной) с карты памяти телефона, сим-карты, либо из баз данных программного обеспечения, предназначенного для связи абонентов посредством сети Интернет, из облачных хранилищ (Viber, WhatsApp и т. п.), следователи, как правило, привлекают специалистов. Представляется, что формирование навыков по проведению таких осмотров с применением криминалистических программно-технических комплексов возможно было бы уже в ходе изучения такой учебной дисциплины, как «Криминалистика» в процессе формирования соответствующих компетенций будущего специалиста [3, с. 245].

Полагаем, что связи с глобальными преобразованиями в современном обществе, обусловленными его сплошной «прошивкой» информационными технологиями, обозначившими в том числе и принципиально новые «цифровые» подходы к расследованию уголовных дел, необходимость повышения эффективности профессиональной подготовленности следователей является крайне актуальной.

1. Беларусь: международные рейтинги и национальная статистика [Электронный ресурс] / Управление информации Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 2019. URL: <http://mfa.gov.by/upload/123/january2015rus.pdf> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Информатизация следствия: работы по созданию автоматизированной системы в активной фазе [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/informatizatsija-sledstvija-raboty-po-sozdaniju-avtomatizirovannoj-sistemy-v-aktivnoj-faze-5705/> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Логвин В. М. Криминалистика и профессиональные компетенции следователя // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. / Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2018. С. 244–245. [Вернуться к статье](#)

С. М. Якубова

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан гарантируется статьей 45 Конституции РФ [1]. Эту задачу призвано решать и уголовно-процессуальное законодательство. Ратификацией Конвенции о защите прав и основных свобод (далее по тексту — Конвенция) Российская Федерация (далее — РФ) присоединилась к Европейской системе охраны естественных прав и свобод человека и обязалась признать юрисдикцию Европейского Суда по правам человека [2] (далее — ЕСПЧ) по применению судами данной Конвенции.

Вместе с тем в связи с вынесением ЕСПЧ решения 31.07.2014 г. по делу ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [3] стала актуальной проблема их исполнения Россией. На протяжении последних пяти лет в юридической литературе и научном сообществе страны ставится под сомнение императивный характер предписаний ЕСПЧ. При этом активно обсуждается вопрос целесообразности исполнения решений ЕСПЧ, упрекая Европейский Суд в излишней политической ангажированности.

Так, Конституционный Суд РФ в постановлениях от 14.07.2015 г. № 21-П и от 19.04.2016 № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» высказал позицию о том, что решения ЕСПЧ должны исполняться с учетом верховенства Конституции РФ.

Между тем принятые ранее ЕСПЧ пилотные постановления, затрагивающие системные проблемы законодательства и правоприменительной практики, способствовали созданию эффективных внутренних средств правовой защиты в уголовном судопроизводстве: по делам «Бурдов против России»; «Ананьев и другие против России».

Несмотря на положительное влияние решений ЕСПЧ на российское законодательство, в последнее время актуализировался вопрос допустимости исполнения постановлений ЕСПЧ, вызывающих конфликт наднациональной и национальной юрисдикций.

По мнению судьи Конституционного Суда РФ С. Д. Князева, отступление от правовой обязательности постановлений ЕСПЧ допустимо в исключительных случаях, когда их исполнение несовместимо с основополагающими установлениями Конституции РФ, что тем не менее не может служить преградой для изыскания способов минимизации конституционно-конвенционных коллизий [4, с. 5–17].

Аналогичную позицию высказал и Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, выступая на IX Всероссийском съезде судей, прошедшем 6–8 декабря 2016 г. в Москве, указав, что Конституционный Суд может прийти к выводу о невозможности исполнения решений ЕСПЧ в исключительных случаях, при явном противоречии такого решения российским конституционным установлениям.

Мнение о превращении ЕСПЧ в орудие политического давления еще в 2014 году высказал Президент РФ В. В. Путин на встрече с членами фракций политических партий в Государственной Думе РФ, при этом допустил возможность выхода страны из-под его юрисдикции.

В связи с этим представляется, что противостояние международных и национальных норм права продолжится и может усугубиться.

Вместе с тем вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина не теряют своей актуальности и требуют дальнейшего правового регулирования. Об этом свидетельствуют и статистика ЕСПЧ, согласно которой с 2012 по 2017 год. Россия по количеству жалоб в ЕСПЧ продолжает оставаться в лидерах. При этом за 2017 год вынесено наибольшее количество решений в отношении России по жалобам граждан на нарушение ст. 3 Конвенции, запрещающей пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с человеком. На втором месте — нарушение права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5 Конвенции). Третье место занимают нарушения права на эффективное судебное разбирательство в разумный срок (ст. 6 Конвенции) [5].

Так, в постановлении ЕСПЧ от 24.05.2016 г. по делу «Манжос против России» установлено нарушение требований статьи 3 Конвенции (жестокое обращение сотрудников правоохранительных органов с заявителем и отсутствие эффективного расследования факта жестокого обращения).

Аналогичные нарушения выявлены и по другим делам [6; 7; 8].

В решении от 14.06.2016 г. по делу «Уразов против России» ЕСПЧ указал, что власти России нарушили статью 3 Конвенции (запрещение пыток), положения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок и право на защиту), пункта 4 статьи 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность) и статьи 13 Конвенции (право на

эффективное средство правовой защиты). В постановлении от 21.06.2016 г. по делу «Мамонтов и другие против России» ЕСПЧ указал на нарушение требования п. 1 ст. 6 Конвенции в части незаконного привлечения к уголовной ответственности в результате подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов к совершению преступления.

При этом нельзя не признать и излишнюю политизированность в некоторых решениях ЕСПЧ, которую отмечает и Уполномоченный РФ при Европейском Суде по правам человека М. Л. Гальперин, полагая, что международные суды оказались под мощным и опасным для их будущего как органов правосудия политическим давлением. При этом он видит решение проблемы в эффективном диалоге между национальными и международными судебными органами и развитии международного права, без которых жизнеспособность существующих международных механизмов защиты прав немыслима [9].

Резюмируя изложенное, полагаем, что имплементация европейских стандартов в российское уголовное судопроизводство не утрачивает своей актуальности, полный отказ от исполнения решений ЕСПЧ может сказаться на положении дел по защите прав и основных свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

1. Конституция Российской Федерации. М., 2016. 32 с. [Вернуться к статье](#)
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.] : с изм. от 13.05.2004 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163. [Вернуться к статье](#)
3. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ : постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866. [Вернуться к статье](#)
4. Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда РФ) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17. [Вернуться к статье](#)
5. Analysis of statistics 2018 [Электронный ресурс] URL://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2018_ENG.pdf (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
6. Дело «Мукаев (Mukaev) против России» (жалоба № 22495/08) : постановление ЕСПЧ // Бюллетень ЕСПЧ. 2018. № 6. [Вернуться к статье](#)
7. Дело «Турбылев (Turbylev) против России» (жалоба № 4722/09) // Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 2. [Вернуться к статье](#)
8. Гальперин М. Л. Россия и ЕСПЧ: есть напряжение? // Закон. 2018. № 5. С. 103–108. [Вернуться к статье](#)

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

*Д. А. Авдеев
преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ, ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕМ ИМУЩЕСТВА

В настоящее время в обществе и прессе весьма актуальна и широко обсуждается проблема семейного насилия, скандалов, происходящих между совместно проживающими гражданами. Такие отношения порой сопровождаются демонстрацией физического превосходства, побоями, в том числе с применением предметов, представляющих угрозу для жизни человека, что приводит к совершению преступлений против жизни и здоровья граждан. Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества является психическим насилием, воздействующим на волю потерпевшего, вселяющим страх и неуверенность в личной безопасности, безопасности близких и сохранности своего имущества, иными словами, подавляет волю потерпевшего при осуществлении посягательства на различные охраняемые уголовным законом социальные блага. Человек, прибегающий к подобному насилию, стремится получить таким образом контроль и власть над жертвой. Пострадать от данного преступления может любой человек. При этом виновный может угрожать причинением вреда жизни и здоровью как непосредственно потерпевшему, так и его близким (ребенку, например). Законом Республики Беларусь за подобные деяния предусмотрена уголовная ответственность по ст. 186 Уголовного кодекса, если имелись основания опасаться осуществления такой угрозы.

Каким же способом совершается угроза убийством — причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества? И что такое способ совершения преступления вообще? Каковы трактовки способа совершения преступления в криминалистике, совпадают ли они или же значительно разнятся между собой? Криминалистическое понимание способа совершения преступления складывалось с развитием науки криминалистики, постоянно было в поле повышенного

внимания ученых, таких как С. А. Голунский, В. П. Громов, Р. С. Белкин, Г. А. Густов, Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, Н. П. Яблоков, В. А. Образцов, Н. И. Порубов и других, что в определенный момент и приводило к качественному переосмыслению накапливаемых о нем сведений. Если обратиться к частным методикам, то в них обязательно присутствует раздел, посвященный типичным способам совершения определенной группы преступлений. Он базируется на анализе криминалистической характеристики данного преступления, где способ выступает одним из важнейших ее элементов.

Р. С. Белкин, например, считал, что способом совершения преступления необходимо считать систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности. Способ может быть связан с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени. Как правило, действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления объединены общим преступным замыслом; в некоторых случаях может иметь место самостоятельный способ сокрытия преступления (если сокрытие не входит в общий замысел) [1, с. 164].

В. А. Образцов, в свою очередь, полагал, что способ совершения преступлений является элементом не только умышленных, но и неосторожных преступлений и представляет собой систему, элементами которой являются действия, операции, движения, приемы. При этом каждый способ совершения преступления оставляет специфические, только ему присущие следы, являющиеся признаками его применения. Исследуя эти признаки, субъект поисково-познавательной деятельности в стадии выявления и расследования преступления может построить мысленную модель происшедшего, выдвинуть версию о применявшемся способе, а в ряде ситуаций еще и версию о личности преступника [2, с. 43].

Очевидно, оба мнения в общих чертах между собой схожи. Анализируя их, не вдаваясь в этимологию данного понятия, как криминалистическую категорию способ совершения преступления в итоге можно охарактеризовать как взаимосвязанную систему поведенческих актов субъекта преступления, обусловленных объективными и субъективными факторами и направленную на достижение поставленной им цели через подготовку, совершение и сокрытие преступления.

Таким образом, в способ совершения угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества видится верным включить способы подготовки, совершения и сокрытия следов преступления. Помимо этого, следует отметить, что способы будут различаться в зависимости от непосредственного предмета, на

который направлены противоправные действия преступника (жизнь, здоровье, имущество). Причем абсолютно неважно, каким образом виновный может угрожать — устно, письменно, посредством жестов или как-либо иначе. Кроме того, угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества может высказываться не только наедине или публично непосредственно потерпевшему, но передаваться через третьих лиц, родственников. Однако в последнем случае имеет значение то, каким способом виновный угрожает уничтожить или повредить имущество потерпевшего. Способ уничтожения или повреждения имущества в этом случае должен быть общественно опасным (взрыв, поджог и тому подобное). Необходимо учитывать также немаловажный момент, когда в некоторых случаях угроза может быть высказана в запальчивости. В подобных случаях ни виновный, ни лицо, которому она направлена, не придают ей особого значения. Тут необходимо выяснить, применялась ли угроза в качестве способа воздействия на чужую психику, использовалась ли как средство давления на волю другого человека, преследовал ли виновный при этом цель вызвать у гражданина чувство страха, опасности и дискомфорта. Если такие обстоятельства будут выявлены, вероятность осуществления угрозы будет считаться реальной, несмотря даже на то, что угрожавший хотел только лишь запугать жертву и не преследовал цель никого убивать, калечить или уничтожать чужое имущество. Подтверждением реальности осуществления высказанных при угрозе слов, жестов и прочего могут стать показания свидетелей и очевидцев о явном ухудшении самочувствия жертвы. Потерпевший, например, получив угрозу, сильно побледнел, затем стал опасаться встреч с угрожавшим, далее у него развились нарушения сна, он стал жаловаться на преследующее его чувство страха, постоянно без видимых причин вздрагивал, ощущал дискомфорт и т. д.

Подводя итог, можно отметить, что в процессе проведенного исследования представилось возможным сформулировать некоторые аспекты способа совершения такого преступления, как угроза убийством, причинением тяжкого телесного повреждения или уничтожением имущества, что позволяет наиболее полно и эффективно оценивать и типичные базовые, и специфические свойства способа совершения данного вида преступлений, что, в свою очередь, может значительно повысить оперативность их расследования.

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд., доп. 334 с. [Вернуться к статье](#)

2. Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М. : Юрист, 1997. 760 с. [Вернуться к статье](#)

А. С. Бедняк

*старший преподаватель кафедры криминалистики,
судебной медицины и психиатрии
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук*

ПРОВЕРКА ДОКУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИХ УКРАИНЫ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Во время противодействия преступности полиция наряду с новейшими достижениями науки и техники может применять законные меры, среди которых проверка документов. Выполняя свои функциональные обязанности, работники правоохранительных органов сталкиваются с разнообразными документами, выполненными различными способами, на разных бланках. Для того чтобы полиция в полной мере могла использовать содержащуюся в них информацию, необходимы знания в определенной области. Однако не всегда есть возможность сразу проверить данные, содержащиеся в представленных документах, по разным причинам — отсутствие данных в учете, отсутствие времени, необходимого на проверку и т. д. В таких случаях знания о правилах изготовления бланков документов и заполнения реквизитов приобретают еще большее значение. Основанием этого является регламентация действующим законодательством проверки документов лица в качестве превентивной полицейской меры. Среди причин, по которым полицейские проводят проверку документов, можно отметить необходимость установления лица, внешне похожего на разыскиваемого, без вести пропавшего, лиц, совершивших правонарушения, лиц, имеющих предметы, на использование которых требуется разрешение, и т. п.

В результате проведенного опроса сотрудников различных подразделений ОВД установлено, что в своей деятельности в основном они проводят проверку следующих документов: водительское удостоверение, свидетельство о регистрации транспортного средства, паспорт гражданина Украины, загранпаспорт гражданина Украины, паспорт гражданина другой страны, медицинская справка, доверенности, пенсионное удостоверение, удостоверение участника боевых действий и т. п. Таким образом, работники Национальной полиции Украины чаще сталкиваются с документами, выполненными на бланках установленного образца, изготовленных на государственных поли-

графических предприятиях или на частных типографиях по государственному заказу.

Итак, осмотр любого документа начинается с изучения бланка документа и правильности заполнения его реквизитов. Бланк документа — это печатная стандартная форма любого документа, заполняется отдельно конкретными данными. Реквизиты — это обязательные элементы, которые должны содержаться в документе для признания его действительным (настоящим) [1, с. 380]. При проверке бланка документа следует обратить внимание на его обложку, бумагу, из которого изготовлены страницы, печатный текст, основные и фоновые изображения (защитная сетка, стилизованные узоры, портреты), линии графления, микротекст и другие защитные элементы (водяные знаки, микроволокно, элементы, нанесенные специальной краской). Следует отметить, что при изготовлении бланков документов используются только полиграфические формы. Основными считают формы плоской, высокой и глубокой печати. Используют также и другие специальные технологии (ирисовый раскат, орловская, трафаретная печати, лазерная гравировка и т. д.). Но обязательно должно быть сочетание двух и более видов печати [2, с. 146]. Лицам, не имеющим специальных познаний в данной области, тяжело распознать признаки той или иной печати. Но сравнение печатных знаков бланка с реквизитами даже визуально, без увеличительных приспособлений позволит полицейскому установить признаки различного нанесения.

Среди современных способов подделки бланков документов можно выделить две группы: использование копировально-множительной техники и использование полиграфической печати.

В первом случае используются различные виды принтеров, доступ к которым является свободным и не требует наличия ни специальных навыков в пользовании, ни больших материальных затрат на приобретение. Использование таких технологий позволяет в течение короткого промежутка времени изготовить любое количество экземпляров. Однако следует отметить, что бланки документов, изготовленные таким способом, при наличии определенных знаний легко отличить от настоящих по определенным признакам. Так, струйно-капельный принтер наносит изображения, для которых характерно наличие точек неправильной формы — «кляксы» разного цвета. При изготовлении документа с помощью лазерного принтера изображение формируется за счет магнитного порошка (тонера), который имеет характерный блеск и осыпается, особенно в местах перегиба документа. На сегодня распространено использование термосублимационного принтера, который отличается от других способов нанесением изображения красителем, доведенным действием высоких температур до

газообразного состояния. В результате обеспечивается плавный переход цветов, без растровых точек. Данный способ печати широко используется для нанесения реквизитов в документы пластикового типа.

Вторая группа способов подделки бланков документов заключается в использовании отдельных видов полиграфической печати, доступ к которым есть в частных типографиях. Чаще всего это плоская и высокая печать, но невооруженным глазом без увеличительных приборов их трудно различить. В таких случаях следует обратить внимание на другие признаки. Так, в поддельных бланках документов или вовсе отсутствуют защитные элементы, или имитированы некоторые из них. Отличить документ, изготовленный указанным способом, можно используя различные режимы освещения, а именно УФ- и ИК-источники.

Если бланк документа соответствует установленному образцу, изменениям могут подвергаться его реквизиты. В зависимости от вида бланка реквизиты в документы могут вноситься следующими способами — рукописным текстом разными пишущими приборами, с помощью копировально-множительной техники (матричный, струйно-капельный, лазерный, термосублимационный принтеры). Способы внесения изменений в реквизиты остаются относительно постоянными: исправления, дописки, подчистки, травления, смывания, монтаж. В современной жизни они могут использоваться в сочетании с компьютерной обработкой, что существенно затрудняет обнаружение изменений в документе.

При проверке документа полицейский может применять разнообразную технику (портативные микроскопы, лупы, осветители) и методы исследования, не повреждающие и не изменяющие его. Важным фактом является правильное обращение с документами. Так, недопустимо вносить изменения путем обводки, подчеркивания, других отметок; повреждения листов документов, их замены и т. п. Соблюдение указанных требований обеспечивает сохранность следов, которые в дальнейшем возможно исследовать в качестве объектов судебной экспертизы.

Таким образом, научно-технический прогресс способствует применению более совершенных способов фальсификации документов, что значительно усложняет процесс их обнаружения. Однако комплексное изучение указанных признаков в своей совокупности позволяет полицейским профессионально провести проверку документов и в полной мере использовать содержащуюся в них информацию.

1. Методика технічної експертизи документів (загальна частина) / ДНДЕКЦ МВС України. Київ, 2007. 36 с. [Вернуться к статье](#)

2. Криміналістична техніка : навч. посібник / за ред. А. В. Кофанова. К., 2006. 456 с. [Вернуться к статье](#)

В. И. Бояров
профессор кафедры уголовного процесса
Академии адвокатуры Украины,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДЕЛАХ О ГРУППОВЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА

В последние годы многие страны все чаще сталкиваются с угрозами совершения террористических актов, увеличением числа других уголовно наказуемых проявлений экстремизма. Все это является следствием глобального экономического кризиса, который угрожает мировому сообществу распространением расизма, ксенофобии, эскалацией нетолерантности.

Расследование уголовных дел об экстремистской деятельности связано с активным противодействием расследованию, конфликтными ситуациями не только с подозреваемыми, но и с потерпевшими. Достаточно часто взаимоотношения следователя (прокурора) с жертвой преступления (потерпевшим) являются проблемными. Это проявляется в отсутствии конструктивизма во взаимоотношениях потерпевшего со следователем (прокурором), например, в виде необоснованного прекращения дела; бездеятельности следствия и т. п.

Причинами, которые вызывают бездеятельность следствия и препятствуют нормальному взаимодействию, в частности, могут быть: загруженность следователя; низкая квалификация следователя (прокурора), отсутствие необходимого опыта расследования; наличие административного давления на следователя и некоторые другие [1, с. 11].

Именно в таких ситуациях потерпевший (жертва) обращается к адвокату для получения правовой помощи. Основаниями такого обращения могут быть, в частности: осложнения, связанные с обращением в правоохранительные органы; неуверенность в своих силах и знаниях при отстаивании своей позиции; наличие недоверия к следствию (обвинению), например, в отношении правомерности решений, которые принимаются по делу; отсутствие уверенности в личной безопасности и т. п.

Часто такие ситуации, когда следователь (прокурор) не проявляет активности при расследовании, возникают в таких уголовных делах: о дорожно-транспортных происшествиях, где есть погибший(е), а расследование усложнено противоправным оставлением водителем места ДТП

[2, с. 141–152]; о незаконных методах следствия и совершении насильственных действий сотрудниками правоохранительных органов (пытки, физическое насилие и т. п.), особенно когда потерпевшие входят в «группы риска», а также дела об исчезновении людей с подозрением об их убийстве. Есть еще одна группа преступлений, где создаются аналогичные ситуации — это дела об уголовно наказуемых проявлениях группового экстремизма (например, массовые беспорядки), где потерпевшие (жертвы) боятся обращаться в правоохранительные органы, а сотрудники правоохранительных органов, при этом могут поддерживать идеологию экстремистского формирования, члены которого объединены на основе восприятия общей идеологии либо идеологической установки экстремистской направленности. В результате это может привести к полной либо частичной парализации деятельности правоохранительных органов, в частности досудебного следствия [3, с. 25].

Именно в таких ситуациях крайне важна деятельность адвоката — представителя интересов потерпевшего, который, в соответствии с требованиями ст. 55–58 УПК Украины, не является стороной обвинения, и таким образом, реализуя права потерпевшего (ст. 56), адвокат может принимать активное участие в расследовании, в условиях, например, бездеятельности следствия и когда он имеет интерес, который отличается от интереса обвинения, реализуя «...легальные формы выхода энергии лиц, которые требуют восстановления справедливости и правопорядка...» [4, с. 5].

Статья 56 УПК Украины в п. 3 ч. 1 декларирует право потерпевшего «представлять доказательства». То есть потерпевший может представлять следователю, прокурору, следственному судье и суду информацию об известных ему обстоятельствах преступления, а также предметы и документы, если они имеют отношение к делу; как и представлять доказательства в подтверждение своего заявления (об уголовном правонарушении, признании потерпевшим).

Адвокатское расследование, которое проводит адвокат — представитель интересов потерпевшего в интересах последнего — можно определить как совокупность действий адвоката-представителя, которые он совершает на этапе досудебного расследования с целью представительства прав и законных интересов лица с момента признания его потерпевшим, направленных на установление обстоятельств, которые подтверждают вину подозреваемого (обвиняемого) и определение размера материального и морального ущерба, причиненного преступлением.

По ранее действующему УПК Украины (1960 г.), потерпевший фактически находился в полной зависимости от обвинения. Ныне он является стороной обвинения лишь в ситуациях, когда прокурор отка-

зывается от обвинения, то есть имеет место самоустранение последнего из дела. При таких обстоятельствах деятельность адвоката в период, когда деятельность следствия и обвинения характеризуется бездеятельностью, вызванной общей парализацией правоохранительных органов на первоначальном этапе расследования, должна быть направлена не только на активизацию досудебного следствия, путем, например, обжалования бездеятельности органов досудебного расследования и прокурора (ст. 303 УПК), но и на поиск свидетелей-очевидцев событий, которые являются предметом расследования (путем опроса граждан, инициации сообщения гражданам о событиях через СМИ с целью установления очевидцев и т. п.); получение информации по адвокатским запросам, использование специальных знаний (консультаций) и др. Данные, полученные адвокатом, в дальнейшем могут быть использованы для проведения других процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств событий, либо переданы стороне обвинения.

Кроме того, адвокат — представитель интересов потерпевшего может использовать возможности так называемых «общественных расследований», которые представляют собой совокупность определенных правовых процедур, часть из которых позволяет провести собственное расследование, параллельное официальному, а другие — содействовать эффективности официального расследования [5, с. 451].

Таким образом, адвокат — представитель интересов потерпевшего при проведении такого расследования может представить доказательственную информацию досудебному следствию (обвинению), содействуя установлению лиц, причастных к событиям, обстоятельства которых устанавливаются.

1. Пугачева А. В. Тактико-криминалистические особенности деятельности адвоката-представителя потерпевшего в досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 22 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ховпун О. С. Розслідування дорожньо-транспортних подій в умовах зникнення водія транспортного засобу з місця події : дис. ... канд. юрид. наук. К. : Академія адвокатури України. 186 с. [Вернуться к статье](#)

3. Бояров В. І. Щодо концептуальних засад (основ) методики розслідування кримінально-караних проявів екстремістської діяльності // Вісник Академії адвокатури України : наук. журн. 2016. Т. 13. № (35). С. 23–34. [Вернуться к статье](#)

4. Колузакова Е. В. Участие потерпевшего, его представителя в уголовном преследовании по делам публичного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 23 с. [Вернуться к статье](#)

5. Масловская Е. В. Юридическая профессионализация НПО в рамках стратегии защиты прав граждан в уголовном процессе // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Санкт-Петербург. гос. ун-т. 2015. С. 446–456. [Вернуться к статье](#)

Е. В. Вельчинская
профессор кафедры фармацевтической,
биологической и токсикологической химии
Национального медицинского университета
им. А. А. Богомольца (Киев, Украина),
доктор фармацевтических наук, профессор

В. В. Вельчинский
магистрант Межрегиональной
академии управления персоналом (Киев, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ ТОКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ И СУДЕБНОЙ ХИМИЕЙ: КОНСОЛИДАЦИЯ ЗНАНИЙ

Эпоха глобализации и развитие современной мировой цивилизации постоянно сопровождаются системными трансформационными изменениями. Поэтому развитие науки «Судебная химия» обусловлено постоянным увеличением количества и номенклатуры объектов исследования, разнообразием новых методов качественного и количественного определения высокотоксичных и ядовитых веществ в данных объектах, внедрением в практику химико-токсикологического анализа современных комбинированных инструментальных методов исследования. Центральное место в теоретической и практической подготовке специалистов, которых выпускает фармацевтический факультет НМУ им. А. А. Богомольца (Украина), занимает фармацевтический и химико-токсикологический анализ, без владения практическими навыками которым не может быть современного специалиста фармацевтического профиля.

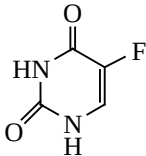
Принципиально новые научные концепции разработки оригинальных лекарственных препаратов, модификации известных препаратов, синтеза новых биологически активных веществ ведут к совершенствованию методов химико-токсикологического анализа, т. к. лекарственные препараты все чаще становятся причиной отравления и даже гибели пациентов. Поэтому актуальным остается создание новых и усовершенствование существующих методов экспресс-анализа, необходимых для идентификации ядовитых веществ не только в лабораторных условиях, но и на месте происшествия, в полевых условиях [1, с. 15–17; 2; 3, с. 10–72].

Необходимо вспомнить, что в 2011 году Украина подписала Конвенцию Совета Европы (MEDICRIME — The Medicrime Convention Combating counterfeiting of medical products and similar crimes) о случа-

ях подделки медицинской продукции и подобных преступлениях (Regional conference «Towards the practical implementation of the council of Europe convention on counterfeiting of medical products and similar crimes involving threats to public health» (MEDICRIME Convention), 11-12 June 2013, Kyiv, Ukraine; Parliamentary conference on the MEDICRIME Convention, 24 November 2015, OECD Conference Center, Paris, France). Этот шаг ставит перед страной новые задания: усиление работы регуляторных органов по борьбе с фальсифицированной фармацевтической продукцией, унификация требований к качеству и условиям поставок лекарственных препаратов, поскольку лекарства-фальсификаты или препараты, хранящиеся в ненадлежащих условиях, могут стать причиной отравления и гибели человека.

Химико-токсикологический анализ объектов исследования на наличие ядовитых веществ состоит из следующих этапов: изолирование яда, очистка вытяжки (дистиллята, минерализата), концентрирование исследуемого раствора, идентификация и количественное определение ядовитого вещества, а также всех его возможных метаболитов. Следует помнить, что современный химико-токсикологический анализ базируется на использовании комбинированных инструментальных методов: *GC/FTIR*, *GC-MS*, *HPLC/DAD*, *GC-MS*, а также высокочувствительных и специфических реакциях экспресс-анализа [4, с. 32–33; 5, с. 144–150].

Одним из препаратов, который может привести к интоксикации организма и гибели человека в результате передозировки (криминального или суицидального отравления), при использовании фальсифицированного препарата (наличие примесей, не предусмотренных фармакопеей), является эффективный препарат для лечения онкологических заболеваний 5-фторурацил (фторурацил) — антиметаболит, аналог пиримидина. Этот лекарственный препарат применяют для лечения опухолей желудка, поджелудочной железы, толстого и тонкого кишечника, молочной железы, яичников, мочевого пузыря, головы и шеи. ЛД₅₀ 5-ФУ — 375 мг/кг.

	5-Фторурацил (5-ФУ, флуороурацил, фивофлу, флуоркс, 2,4-диоксо-5-фторпиримидин)

В результате его применения развивается угнетение функции кроветворения (лейкопения), язвенный стоматит и аллергия, рвота и

диарея; могут возникать кровотечения, дерматиты, атаксия, нистагм; нарушаются функции почек и печени. При передозировке 5-ФУ у человека усиливаются все перечисленные изменения в организме. Кроме того, развиваются стенокардия, ишемия миокарда, инфаркт миокарда, кардиомиопатия, возможен мгновенный летальный исход. Максимальная доза 5-ФУ для взрослого человека — 1,0 г внутривенно/сутки. Превышение максимальной дозы может привести к острому отравлению и смерти.

Особенности изолирования: 5-ФУ экстрагируется органическими растворителями как из щелочных водных, так и из слабокислых водных растворов. Качественное определение 5-ФУ основано на выполнении: 1) реакций окрашивания — образование солей: с аргентума нитратом; с ртути (II) хлоридом; с солями Кобальта (II); 2) реакций определения флуор-иона после предварительной минерализации со смесью для сжигания: с раствором кальция хлорида; с раствором феррума (III) тиоцианата; с раствором ализарина в присутствии циркония нитрата и HCl. Количественное определение производных урацила при химико-токсикологическом анализе выполняют с помощью инструментальных методов: — спектральных (УФ- и ИК-) (таблица); — хроматографических (ТСХ, ГЖХ). ТСХ (5-FU) : в тонком слое силикагеля КСК; система растворителей (метанол — вода — этилацетат, 15:15:70); проявление пятен в УФ-облучении при 254 нм.

Спектральные характеристики препарата 5-ФУ

Название препарата	УФ-спектр	ИК-спектр
5-ФУ	266 нм (в 0,1 М HCl)	816, 1220, 1242, 1495, 1653, 1718 см ⁻¹

1. Вельчинская Е. В., Ниженковская И. В. Токсикологическая химия. Ядовитые вещества и их биотрансформация : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. К. : ИД «АДЕФ-Украина», 2016. 320 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ефимов Л. К., Бора В. М. Лекарственные отравления у детей. К. : Здоров'я, 1995. 384 с. [Вернуться к статье](#)
3. Александров В. Н., Емельянов В. И. Отравляющие вещества. М. : Воениздат, 1990. С. 10–72. [Вернуться к статье](#)
4. Toxicology recall / Ch.P. Holstege [et al.]. Wolters Kluwer Health: Lippincott Williams & Wilkins, 2009. 577 p. [Вернуться к статье](#)
5. Welchinska E. V. Toxicological and forensic chemistry (criminal analysis). Poisonous substances and their biotransformation : text book. Kiev, Ukraine: ID "ADEF-Ukraine", 2017. 392 p. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.542.1

М. В. Войчишена
аспирант Донецкого юридического института МВД Украины

ОБОРОТ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ КАК ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ: ПОНЯТИЕ ПОРНОГРАФИИ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

На сегодня в Украине, как и во всем мире, наблюдается негативная динамика увеличения уголовных правонарушений против нравственности в сфере половых отношений. Законодательством многих стран мира предусмотрена не только административная, но и уголовную ответственность за распространение порнографических предметов. Кроме того, существует ряд международных нормативно-правовых документов, регламентирующих сотрудничество и взаимодействие государств по предупреждению, выявлению и противодействию оборота порнографических предметов.

Вопросы выявления, противодействия и расследования уголовных правонарушений в сфере оборота порнографических предметов, а также изучения такого явления, как порнография, нашли свое отражение в научных исследованиях Ю. В. Александрова, С. И. Бушмина, Р. С. Джинджолии, А. В. Ландиной, Д. Г. Паляничко, Е. П. Рябчинской, С. В. Хильченка, Ю. Ж. Шайгородского и др.

Первые международные акты о прекращении оборота порнографии были приняты в начале XX века и ратифицированы многими государствами мира, среди которых и Украина. К таким актам относятся Соглашение относительно пресечения оборота порнографических изданий (1910 г.), Международная конвенция о пресечении оборота порнографических изданий и торговли ими (1923 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.), Европейская конвенция о трансграничном телевидении (1998 г.), Конвенция о киберпреступности (2003 г.).

На основании анализа вышеуказанных международных договоров мы можем сделать вывод, что они регулируют основные вопросы международного сотрудничества по борьбе с оборотом порнографических предметов, однако не дают конкретные определения основных понятий и категорий, таких как «порнография», «порнографические предметы», «оборот порнографических предметов», критерии отнесения продукции к имеющий порнографический характер, разграничение эотики и продукции сексуального воспитания от порнографии.

Вместе с тем статьей 1 Международной конвенции о пресечении оборота порнографических изданий и торговли ими (1923 г.) преду-

смачивается ответственность за оборот порнографических предметов и определяется, какие именно материальные объекты с порнографическим содержанием можно отнести к продукции порнографического характера.

Статья 301 УК Украины предусматривает ответственность за ввоз, изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов. Диспозиция данной нормы охватывает противоправные действия по ввозу, изготовлению, перевозке (или другого перемещения), сбыта, распространения или других действий с порнографическими предметами. Данные действия мы и относим к обороту порнографических предметов.

В Законе Украины «О защите общественной морали» определяются правовые основы по защите общества от распространения порнографических предметов, а также дается толкование некоторых терминов. В соответствии с Законом, под порнографией следует понимать вульгарно-натуралистическую, циничную, непристойную фиксацию половых актов, самоцельную, специальную демонстрацию гениталий, антиэстетичных сцен полового акта, сексуальных извращений, зарисовок с натуры, которые не соответствуют моральным критериям, оскорбляют честь и достоинство человека, побуждая недостойные инстинкты [1].

Следует отметить, что среди ученых не существует единой точки зрения в отношении понятия «порнографии». Так, например, Д. Г. Паляничко, исследовав работы современных ученых, приходит к выводу, что порнография — это произведения, изображения и другие предметы сексуального характера, предназначенные для возбуждения патологической половой страсти [2, с. 226]. В то же время Е. П. Рябчинская в диссертационном исследовании отмечает необходимость минимизировать количество оценочных понятий в дефиниции «порнография» и понимать под последней натуралистическое изображение, описание половых органов персонажей (людей, животных), в том числе и в момент совершения ими или в отношении них половых действий [3, с. 9]. А. В. Ландина определяет порнографию как демонстративное визуальное или звуковое изображение полового акта, а также описание физиологии половых органов персонажей (людей, животных), в том числе в момент совершения ими или в отношении них действий сексуального характера [4, с. 144].

Рассматривая порнографию как угрозу нравственности общества, мы хотим обратить внимание и на общественную опасность, которая наносится в результате оборота порнографических предметов.

А. В. Ландина отмечает, что «более опасными, чем совершение указанных в ст. 301 УК Украины преступных деяний с порнографиче-

скими предметами, являются последствия, которые могут нанести такие противоправные действия» [4, с. 137], а Е. П. Рябчинская утверждает, что общественная опасность данного преступления состоит в публичности и неконтролируемости распространения порнографических предметов [3, с. 8].

На наш взгляд, наносится значительный удар моральным ценностям и общественному здоровью населения, нормальному психическому развитию несовершеннолетних, а последствиями совершения данного вида уголовных правонарушений можно считать низкий духовный уровень населения, ухудшение моральной и физической жизни несовершеннолетних, деформацию общественной морали.

Приказом Министерства культуры Украины № 212 от 16.03.2018 г. утверждены Критерии отнесения продукции к имеющей порнографический характер, к которым законодатель относит: 1) демонстрацию крупным планом половых органов в возбужденном состоянии или детализированное описание или демонстрацию полового акта; 2) натуралистическое изображение, максимально приближенное к реальной анатомии и физиологии человека и его полового акта; 3) продукция создана исключительно с целью полового возбуждения ее потребителей [5].

Мы считаем, что к вышеуказанным критериям также необходимо добавить изображение противоестественного полового акта, отсутствие художественного значения продукции, грубое или беспомощное изображение человека в процессе полового акта, оскорбляющее его честь и достоинство.

Исходя из вышеизложенного, под порнографией мы предлагаем понимать грубое, неприличное, натуралистическое изображение сексуальных действий (в некоторых случаях противоестественного полового акта), детальное изображение половых органов и манипуляций с ними с использованием крупного плана, преследующее цель возбуждения первобытных инстинктов и побуждения к половому акту, которое может содержаться на любых материальных носителях информации и при этом, в отличие от эротики, не имеет художественного значения.

1. О защите общественной морали [Электронный ресурс] : Закон Украины, 20 нояб. 2003 г., № 1296-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1296-15> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Паляничко Д. Г. Общее понятие порнографии, ее виды и критерии определения [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы государства и права. 2009. Вып. 50. С. 225–232. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/apdp_2009_50_37 (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Рябчинская Е. П. Борьба с распространением порнографических предметов и произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Киевский нац.ун-т им. Т. Шевченка. К., 2003. [Вернуться к статье](#)

4. Ландина А. В. Охрана моральности по Уголовному кодексу Украины : монография. К. : Изд-во «Юридична думка», 2013. 204 с. [Вернуться к статье](#)

5. Критерии отнесения продукции к имеющей порнографический характер [Электронный ресурс] : приказ М-ва культуры Украины, 16 марта 2018 г., № 212. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0393-18> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*А. И. Гайдин
доцент кафедры криминалистики
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

СОДЕРЖАНИЕ ЭЛЕМЕНТА ОБСТАНОВКИ В МЕХАНИЗМЕ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

Формирование криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием электронных платежных систем, требует изучения огромного массива преступных деяний, совершаемых в разных сферах и имеющих общий элемент механизма — использование электронных платежных систем (ЭПС), которые в разных видах мошенничеств выступают в качестве элемента обстановки, имея ключевое значение в выборе способа совершения преступления или средства сокрытия преступного деяния.

В качестве основы при формировании системы сведений об обстановке совершения преступлений и средствах их сокрытия выступают данные о системе правовых норм, регламентирующих функционирование электронных платежных систем, процедуре регистрации клиентов, порядке осуществления финансовых операций, которые анализировались в исследованиях А. Н. Яковлева, Н. В. Олиндер и М. Н. Филиппова [1; 2].

Наша позиция относительно необходимости рассмотрения данных об электронных платежных системах как элементе обстановки совершения мошенничества расходится с позицией указанных авторов и требует определенного пояснения.

Преступная деятельность протекает в конкретных объективных условиях места с его вещественной обстановкой, времени, сферы производства или иной области человеческой жизнедеятельности, быта и др. Указанные условия в разной степени влияют на изучаемое событие. Они складываются независимо либо по воле участников преступления и в основном характеризуют определенную внешнюю среду и некоторые другие факторы объективной реальности. В своей совокупности они образуют объективный блок механизма преступной деятельности, который именуется «ситуация совершения преступления» или «обстановка преступления».

В криминалистической литературе нет однозначного понятия данного элемента механизма преступной деятельности. На это обращает внимание Н. П. Яблоков [3].

Такое положение складывается ввиду отсутствия в среде ученых общей позиции относительно содержания данного понятия.

В криминалистике содержание обстановки совершения преступления в настоящее время наполняется различными криминалистически значимыми данными. В числе основных ее элементов выделяют материальные объекты на месте преступления, факторы, способствующие или препятствующие преступным действиям, последовательность событий, отношения между разными категориями участников. Обстановка представляется и как совокупность объектов с их пространственными и временными связями, определенными качествами и признаками, обстоятельствами, характеризующими поведение участников, и как социальные, экономические, организационные и технические факторы, действующие в сфере производства. Порой содержание указанной обстановки не детализируется и сводится к совокупности обстоятельств и условий [4; 5; 6; 7].

Обстановка оказывает влияние на действия по подготовке, совершению или сокрытию следов мошенничества. Это выражается в том, что преступники либо используют обстоятельства, способствующие реализации их преступного замысла (например, реализуют возможность анонимной регистрации электронного кошелька), либо пытаются изменить алгоритмы функционирования платежной системы в нужном для них аспекте посредством несанкционированного вмешательства в программное обеспечение. Оценивая совокупность противодействующих факторов, мошенники могут на время отложить или полностью отказаться от реализации задуманного преступления. Ошибки в оценке элементов обстановки порождают образование следов преступной деятельности, способствующих раскрытию хищений.

Элементы обстановки криминальной ситуации формируют самостоятельную группу следов, которые должны выявляться и изучаться в ходе расследования в целях объективного криминалистического анализа всей совокупности информации, лежащей в основу выдвигаемых версий.

Следует также указать, что мы рассматриваем в качестве электронных платежных систем более широкий круг платежных систем, чем А. Н. Яковлев и Н. В. Олиндер. Названные ученые относят к ним юридических лиц, являющихся самостоятельными участниками расчетных отношений с особыми правами и обязанностями, аккумулирующими, распределяющими и перераспределяющими платежные средства в электронном виде по поручению клиентов по договору, и

(или) действия по вводу и выводу денег с использованием программных компонентов клиент-серверной архитектуры. Не вступая в полемику относительно обсуждения признаков электронных платежных систем, закрепленных в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.11.2018 г.) «О национальной платежной системе», считаем необходимым отметить, что, рассматривая их, мы абстрагируемся от проблем правового регулирования финансовых правоотношений и не учитываем сущностные отличия понятий «денежные средства» и «электронные денежные средства». В качестве ключевого признака, объединяющего различные виды платежных систем, в рамках рассматриваемой группы мы определяем элемент платежной системы — электронное средство платежа, под которым законодатель понимает средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [8]. Именно данный элемент платежной системы, по нашему мнению, имеет основное криминалистическое значение в характеристике обстановки совершения мошенничеств с использованием электронных платежных систем, и именно поэтому уголовное законодательство России охраняет указанные объекты от неправомерного изъятия, приобретения, хранения, транспортировки, использования и сбыта, закрепив в ст. 187 УК РФ ответственность за такие действия.

С учетом вышесказанного определим основные криминалистически значимые признаки электронных платежных систем.

Присутствующие сегодня на рынке электронные платежные системы можно разделить на ряд категорий — как по поставщикам, так и согласно особенностям реализации.

Электронные, как и другие платежи, осуществляются между плательщиком и получателем платежа. При этом реализуется задача перевода денежных средств от одного субъекта другому. Фиксация факта перемещения средств осуществляется формированием протокола электронного платежа. В этом случае необходимо участие еще одной стороны, выступающей посредником, проверяющей соответствие данных, которыми стороны платежа обмениваются в платежном протоколе, с реальным перемещением денежных средств. Все платежи проходят по определенной схеме, условно ее можно подразделить на следующие ступени: 1) покупатель; 2) банк-эмитент; 3) платежная система; 4) банк-эквайер; 5) продавец.

В России распространены несколько видов электронных платежных систем, которые очень условно можно классифицировать по трем основным типам [9]: 1) банковские платежные системы; 2) платежные системы по переводу электронных денежных средств; 3) платежные шлюзы.

К первым относятся электронные платежные системы, работающие с обычными банковскими картами (Visa, MasterCard и т. д.). Системы второго типа оперируют с электронными денежными средствами — некой внутренней валютой (титულными знаками), которую нельзя обналичить, но можно свободно переводить на другие счета и использовать в качестве средства оплаты услуг и товаров.

Платежные шлюзы представляют собой синергию карточных (банковских) систем и систем электронных денежных средств, предоставляя широкие возможности для взаимной конвертации и способов оплаты товаров и услуг в Интернете, а также обналичивания денежных средств. Стоит отметить, что значительная часть существующих электронных платежных систем относится именно к шлюзам, несмотря на то, что многие из них выделяют определенный тип платежей как доминирующий.

Для понимания криминалистически значимых особенностей функционирования небанковских электронных платежных систем необходимо учитывать ряд закономерностей, выделенных А. Н. Яковлевым и Н. В. Олиндер:

1. Правоотношения в сфере электронных платежей относятся одновременно к нескольким отраслям права, что затрудняет юридическую оценку различных действий.

2. Выполнение юридически значимых действий клиентами в сфере электронных платежных систем осуществляется на основании подписания электронных документов, которые имеют иную форму представления на мониторе компьютера, нежели чем существуют на электронном носителе. Тем самым категория «виртуальный» применима к данного рода документам.

3. Осуществление транзакций, другие действия пользователей и иные процессы внутри электронных платежных систем журналируются программными средствами. Часть данных о выполняемых действиях документируется клиентскими программами на оконечном оборудовании пользователей. Такие данные в виде файлов на электронных носителях информации могут выступать в качестве доказательств и ориентирующей информации и по сути являются виртуальными следами.

4. Использование платежных систем клиентами с правомерной и неправомерной целью осуществляется путем удаленного доступа к компьютерным системам, что влечет образование на сетевых сервере

рах различных следов, которые позволяют установить обстоятельства подготовки и совершения преступления, а также действий по его сокрытию. Обнаружение данных о характеристиках сетевых соединений, информации об IP-адресе и MAC-адресе сетевого оборудования преступника и потерпевшего и иных сведений осуществляется в рамках действий по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которые осуществляются в соответствии со ст. 186 УПК РФ и имеют специфику ввиду особенностей организации и функционирования электронных платежных систем.

5. Клиентское программное обеспечение электронных платежных систем не требует от пользователей значительных усилий для его освоения. Достаточная простота регистрации в системах, свободный доступ к разным платежным системам неограниченного числа лиц, использование клиентских программ для всех распространенных операционных систем, в том числе и для мобильных устройств, определяют привлекательность электронных платежных систем для преступников, расширяют количество лиц, подозреваемых в совершении рассматриваемых преступлений [9].

Считаем необходимым добавить еще один криминалистически значимый признак, который предопределяет привлекательность небанковских электронных платежных систем для использования в преступных целях и оказывает значительное влияние на тактику установления лиц, причастных к совершению преступления.

6. Платежные системы, оперирующие электронными денежными средствами, декларируют, что никто не может отождествить платеж с личностью плательщика или установить структуру расходов конкретного клиента. Выражается это в возможности анонимной регистрации электронного кошелька, его пополнения и управления средствами. Если при этом субъект не использует клиентское программное обеспечение по управлению кошельком через сеть Интернет, а использует только терминалы оплаты, то теряется возможность установить клиента посредством данных, хранящихся у провайдера, предоставляющего ему доступ в Интернет. Несмотря на существенные ограничения сумм операций по анонимным электронным кошелькам (в частности, при не проведении оператором электронных денежных средств идентификации клиента — физического лица в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», заинтересованные лица могут регистрировать неограниченное количество таких электронных кошельков, используя разные платежные системы).

Рассматривая криминалистически значимые характеристики банковских электронных платежных систем, мы считаем необходимым изложить те особенности их организации и функционирования, которые получили бурное развитие в последние несколько лет.

Прежде всего, необходимо отметить, что, в отличие от небанковских платежных систем, операторов которых в России представлено значительное количество, банковские представлены прежде всего двумя наиболее крупными — Visa и MasterCard, которые в сумме охватывают более 80 % рынка. В связи с принятием решения о развитии национальной платежной системы [11] возможно, что в ближайшем будущем появятся новые крупные операторы.

Платежные системы обеспечивают реализацию определенной части банковских услуг клиентам. Карточные платежные системы, обслуживаемые крупными, имеющими международное распространение операторами Visa и MasterCard, представляют возможности почти мгновенного осуществления транзакций на межгосударственном уровне. Платежные карты как средство управления банковским счетом могут быть использованы клиентами в любой точке мира в терминалах банков-эквайеров, поэтому они наиболее привлекательны для организованных преступных групп, имеющих возможность обналичивать похищаемые средства клиентов банков на территории других государств, особенно тех, с которыми у России не налажены эффективные механизмы оказания правовой помощи при расследовании преступлений.

В отличие от небанковских платежных систем, при использовании которых клиент непосредственно потребляет услуги, предоставленные оператором, физические и юридические лица — клиенты банка-эмитента — напрямую не взаимодействуют с оператором банковской платежной системы. Они реализуют возможности управления счетом, которые им предоставляет банк, в том числе и услуги доступа к сервисам банковских платежных систем.

В связи с этим необходимо уяснить соотношение понятий «дистанционное банковское обслуживание» и «платежные системы». Услуги по удаленному управлению счетом путем использования сети Интернет (интернет-банкинг) и мобильных средств связи (мобильный банкинг) предоставляют клиентам банки. Именно они разрабатывают необходимое программное обеспечение, позволяющее посредством процедуры аутентификации удаленно получить доступ к счету и без обращения в отделение банка осуществить, например, платежное поручение. В этом случае речь идет об использовании электронных средств платежа. При определенных условиях данный платеж будет осуществлен посредством банковской платежной системы. Таким об-

разом, рассматривая криминалистически значимые характеристики банковских электронных платежных систем как элемента обстановки механизма мошенничества, мы не можем игнорировать иные электронные финансовые технологии, реализующие банковские услуги по осуществлению платежей.

1. Яковлев А. Н., Олиндер Н. В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем : науч.-метод. пособие. М, 2012. С. 85. [Вернуться к статье](#)
2. Филиппов М. Н. Расследование краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2012. С. 54. [Вернуться к статье](#)
3. Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. М., 1984. С. 34–40. [Вернуться к статье](#)
4. Васильев А. Н. Расследование хищений, совершаемых должностными лицами // Криминалистика. М., 1990. С. 340–351. [Вернуться к статье](#)
5. Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56–59. [Вернуться к статье](#)
6. Занин Л. В. Проблемы расследования и предупреждения выпуска недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции : автореф дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 8. [Вернуться к статье](#)
7. Гавло В. К. Обстановка преступлений как структурный компонент криминалистической характеристики преступлений // Совершенствование расследования преступлений. Иркутск, 1980. С. 52. [Вернуться к статье](#)
8. О национальной платежной системе Федеральный закон : 27 июня 2011 г. , № 161-ФЗ : в ред. от 28.11.2018 г. // Правовая система «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. Симонов А. П. Электронные платежные системы в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimeresearch.ru/articles/titunina1207> (дата обращения 18.02.2019). [Вернуться к статье](#)
10. Яковлев А. Н., Олиндер Н. В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем : науч.-метод. пособие. М, 2012. С. 47. [Вернуться к статье](#)
11. Стратегия развития национальной платежной системы (одобрена Советом директоров Банка России 15.03.2013, протокол № 4) // Вестник Банка России. № 19. 2013. [Вернуться к статье](#)

В. Л. Григорович

доцент кафедры криминалистики юридического факультета

Белорусского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистическая характеристика преступлений является научно обобщенным и необходимым элементом в структуре противодействия уголовно наказуемого поведения граждан и основывается на общетеоретических подходах формирования криминалистической методики в целом. Поэтому структура криминалистической характеристики преступлений, по нашему мнению, должна соответствовать реальным потребностям практики и современным научно-теоретическим воззрениям.

Разработкой вопросов, связанных с криминалистической характеристикой преступлений, отечественные ученые занялись сравнительно недавно, однако ее исследованию посвящено значительное количество работ. Учение о криминалистической характеристике преступлений разрабатывали Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, И. Ф. Герасимов, А. Н. Колесниченко, В. А. Образцов, И. Ф. Пантелеев, А. Н. Селиванов, Л. А. Сергеев, В. Г. Танасевич и др.

Термин «криминалистическая характеристика преступлений» впервые встречается в работах А. Н. Колесниченко. Он, в частности, писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений. Преступления имеют общие черты криминалистического характера [1, с. 10, 14].

По мере накопления знаний об общих криминалистических чертах различных видов преступлений появилась возможность глубже разобратся в сути возникающих проблем. Важный вклад в исследование криминалистической характеристики внесла научно-практическая конференция, посвященная общим понятиям методики расследования преступлений, которая состоялась в ноябре 1976 г. в Одессе. В ходе ее работы большинство ученых-криминалистов признали, что криминалистическую характеристику преступлений необходимо рассматривать как структурный элемент каждой конкретной методики расследования. Однако, несмотря на единство взглядов по вопросу о месте криминалистической характеристики преступлений в структуре част-

ной методики, следует признать, что многие ее положения остаются дискуссионными.

По нашему мнению, общую криминалистическую характеристику преступлений следует рассматривать как научную абстракцию, дающую возможность наиболее полно представлять и углубленно понимать механизм взаимодействия элементов общественно опасного деяния в целом и преступной деятельности субъекта в частности. Кроме того, следует выделить сформировавшуюся в теории криминалистики родовую, видовую и межвидовую (групповую) криминалистическую характеристику преступлений, например против личности, собственности, порядка управления либо экологии, а также убийств, изнасилований, краж, грабежей, разбоев и, наконец, деяний, совершенных несовершеннолетними, рецидивистами, лицами, страдающими психическими расстройствами, и др.

Анализ криминалистической литературы о содержании криминалистической характеристики преступлений позволил выделить две наиболее распространенные точки зрения ученых и их комбинированный вариант. Одна группа ученых считает, что основанием для создания криминалистической характеристики является состав преступления [2; 3; 4], другая — предмет доказывания по уголовному делу [5; 6]. Ряд ученых придерживаются взглядов, что оба основания имеют права на существование [7, с. 116].

Мы убеждены в том, что основанием для создания криминалистической характеристики преступлений является функционально-деятельная структура общественно опасного деяния, состоящая из субъекта, его способа действий, предмета посягательства, преступного результата, времени, места и обстановки совершения преступления. Причем мотивированное волеизъявление субъекта является определяющим для остальных элементов структуры, поэтому закономерные связи между ними исходят от субъекта и как бы пронизывают их насквозь. Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой информационную модель об этих элементах, чем обеспечивает анализ исходной информации для оценки складывающейся следственной ситуации, выдвижения версий и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

По мнению большинства авторов, криминалистическая характеристика включает следующие элементы:

- объект или предмет преступного посягательства;
- способы совершения и сокрытия преступления;
- типичные следственные ситуации.

Позже в своих работах и А. Н. Колесниченко и И. Ф. Герасимов несколько иначе определили структуру криминалистической характе-

ристики, рассмотрев типичные следственные ситуации как самостоятельный элемент частной методики расследования преступлений;

характеристику исходной информации;

данные о личности преступника, мотивах и целях преступления;

данные о личности потерпевшего;

особенности обстановки и условий, в которых совершается преступление;

данные о типичных для определенного вида преступлений причинах и условиях, способствовавших их совершению.

Изучение уголовных дел и существующие теоретические концепции криминалистической характеристики преступлений позволяют определить ее содержание, в которое, по нашему мнению, необходимо включить следующие структурные элементы:

предмет преступного посягательства;

типичные способы совершения и сокрытия преступления;

следовую картину;

типичные сведения о личности преступника, мотивах и целях общественно опасного поведения;

данные о личности потерпевшего;

закономерные связи между ними. Так, «в отношениях между элементами криминалистической характеристики можно наблюдать оба вида закономерных связей – однозначную (динамическую) и вероятностную (статистическую). При однозначной связи присутствие одного элемента позволяет заключить о существовании другого» [8, с. 24].

1. Колесниченко А. М. Научные и правовые основы расследования отдельных видов и групп преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1967. 28 с. [Вернуться к статье](#)

2. Видонов Л. Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький, 1978. 122 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гуняев В. А. Басалаев А. Н. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 58–61. [Вернуться к статье](#)

4. Колесниченко А. Н., Суетнов В. П., Хотенец В. М. Проблемы развития методики расследования преступлений // Совершенствование расследования преступлений. Иркутск, 1980. С. 40–47. [Вернуться к статье](#)

5. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск. 1995. 242 с. [Вернуться к статье](#)

6. Драпкин Л. Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики // Криминалистическая характеристика в методике расследования преступлений : межвуз. сб. / Свердлов. юрид. ин-т. Свердловск, 1978. Вып. 69. С. 11–14. [Вернуться к статье](#)

7. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 143 с. [Вернуться к статье](#)

8. Баев О. Я. Криминалистическая характеристика преступлений: Руководство для следователей / под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 22–31. [Вернуться к статье](#)

Л. Н. Евдохова

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент*

Л. Е. Ищенко

*старший преподаватель кафедры
товароведения и организации торговли
Могилевского государственного
университета продовольствия (Беларусь)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ТОВАРОВЕДОВ-ЭКСПЕРТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ПУТЕМ ПРИСВОЕНИЙ И РАСТРАТ

Эффективная деятельность по расследованию, раскрытию и предупреждению хищений, осуществляемых путем присвоений и растрат, невозможна без использования специальных знаний, требующих проведения судебных экономических экспертиз. Наиболее часто по делам рассматриваемой группы проводится товароведческая экспертиза, в которую входит, в зависимости от сферы, в которой произошли присвоения или растраты, либо исследование промышленных (непродовольственных) товаров, либо продовольственных товаров, в том числе с целью проведения их идентификации (ассортиментной, качественной и информационной).

Товароведческая экспертиза устанавливает качество сырья, материалов, готовых изделий, их вид; соответствие готовой продукции, тары или упаковки установленным стандартам или образцам; ее потребительские свойства и допустимость к реализации; фактическую убыль материальных ценностей и правомерность применения норм ее списания в данных условиях; причины образования пересортицы; обоснованность уценки и т. д. [1].

При этом товароведческая экспертиза, назначаемая с целью идентификации основополагающих товароведных характеристик, решает ряд задач:

- установление ассортиментной принадлежности (групповой, видовой, страны происхождения и марочной);
- установление квалиметрической принадлежности (компонентной, рецептурной, конструкционной, технологической категорийной комплектной);

- установление информационной составляющей (партионная, упаковки, маркировки, информация в товаросопроводительных документах и в средствах массовой информации) [2].

В практике товарной экспертизы товароведы-эксперты используют термин «товароведная экспертиза». Товароведная экспертиза — исследование основополагающих характеристик товара и процессов, при которых они формируются, проводимое товароведом-экспертом (группой экспертов) в условиях неопределенности или конфликтов и оформленное в виде заключения эксперта [1]. Основанием для проведения такой экспертизы является заявление заказчика.

Товароведческая экспертиза — исследование товара и (или) товаросопроводительных документов, проводимое экспертом в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, для установления фактических данных и обстоятельств по материалам гражданского, уголовного или арбитражного дела с целью использования специальных знаний в форме заключения эксперта в судопроизводстве. В таком случае в классификации товарных экспертиз к термину «товароведческая» добавляют «судебная». Основанием для проведения такой экспертизы является вынесение постановления о проведении товароведческой экспертизы.

Товароведная экспертиза в свою очередь включает в себя — идентификационную, количественную, качественную, документальную, оценочную экспертизы и экспертизу подлинности.

Идентификационная экспертиза — исследование, проводимое экспертом с целью идентификации основополагающих характеристик товара (ассортиментную, количественную и качественную).

Количественная экспертиза — исследование, проводимое экспертом с целью оценки количественных характеристик товара независимыми экспертами при приемке (отгрузке) товара и для определения соответствия массы и объема фасованных товаров.

Качественная (квалиметрическая) экспертиза — исследование, проводимое экспертом с целью оценки качественных характеристик товара экспертами для установления соответствия требованиям технических нормативно-правовых актов.

Документальная экспертиза — исследование, проводимое экспертом с целью оценки товароведных характеристик товаров, основанная на информации товарно-сопроводительных, технологических и иных документов. Практически всегда присутствует в качестве дополнительной, при вышеперечисленных видах товароведных экспертиз.

Оценочная экспертиза — исследование, проводимое экспертом с целью определения действительной стоимости товара.

Экспертиза подлинности — исследование, проводимое экспертом с целью выявления факта фальсификации товара [1].

В ходе проведения судебной товароведческой экспертизы предмет экспертизы несколько сужается. Наиболее востребована идентификационная, количественная, качественная и оценочная экспертиза товаров. Документальная экспертиза практически всегда присутствует в качестве дополнительной, при вышеперечисленных видах товароведческих экспертиз. Что касается экспертизы подлинности, то при такой экспертизе решается только одна задача — установление факта подлинности товара или факт его фальсификации. Установление данного факта зачастую не является обстоятельством, которое позволит усилить доказательную базу при расследовании хищений осуществляемых путем присвоений и растрат. Кроме того, установление действительного качества товаров и продукции относится к компетенции качественной (квалиметрической) экспертизы.

В качестве объектов при проведении документальной экспертизы товаров экспертам-товароведам целесообразно направлять книги учета покупок и продаж, акты контрольных проверок товаров, сертификаты качества, удостоверения о качестве продукции, акты лабораторных анализов проверки качества товаров, товаро-транспортные накладные и другие количественные и качественные товаро-сопроводительные документы.

1. Евдохова Л. Н. Масанский С. Л. Товарная экспертиза : учеб. пособие. Минск : Вышэйшая школа, 2013. 250 с. [Вернуться к статье](#)

2. Евдохова Л. Н., Пинчукова Ю. М., Болотыко А. Ю. Теоретические основы товароведения : учеб. пособие. Минск : Вышэйшая школа, 2016. 262 с. [Вернуться к статье](#)

*В. П. Егоров
старший преподаватель кафедры
судебных криминалистических экспертиз
Института повышения квалификации и переподготовки
Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Сегодня многие ученые и практики пишут о пользе предварительного исследования при проведении осмотра места происшествия. Однако нет четких правил (процессуального оформления) и понимания того, как воплотить полученную информацию в процесс расследования.

Предварительное исследование на месте преступления — это не процессуальное применение сведущим лицом специальных знаний для решения относимости обнаруженных следов, предметов к расследуемому событию, о механизме их образования, установления индивидуальных признаков следообразующих объектов и получения предварительной информации о личности преступника.

Полученную информацию в процессе исследования, как правило, невозможно изложить в протоколе следственного действия. Если исходить из трактовки УПК Республики Беларусь [1], то в процессе осмотра специалист обязан обнаруживать, выявлять и изымать следы и предметы. При этом изымать только те следы, которые имеют отношение к преступному событию. Других исследований в процессе данного следственного действия специалист выполнять не имеет права.

Такой подход вносит разное понимание предварительного исследования. Тогда как определить границы применения специальных знаний в ходе предварительного исследования и понять, что можно, а что нельзя исследовать и до каких пор. В ходе осмотра специалист обнаруживает (выявляет разную информацию), которую не всегда возможно и нужно фиксировать в протоколе следственного действия. Но которую целесообразно использовать для розыска преступника по горячим следам. Как можно определить, была ли эта информация и как она использовалась? Существует понятие, что в протоколе следственного действия специалист может изложить свое мнение, но не умозаключение, граничащее с экспертизой.

Ведь в процессе осмотра места происшествия должна быть взаимосвязь всех участников следственно-оперативной группы. В ходе осмотра места происшествия руководитель следственно-оперативной группы должен осуществлять организационно-управленческую деятельность по выполнению комплекса процессуальных и непроцессуальных действий, поисково-исследовательскую деятельность. Тем более что предварительные исследования специалистом носят ориентировочный характер и могут доводиться следователю, оперативному сотруднику в произвольной форме, т. е. устно.

Однако в реальности все по-другому. Всегда ли руководитель следственно-оперативной группы после проведения осмотра места происшествия с другими участниками следственно-оперативной группы совместно обсуждает и намечает те или иные мероприятия, выдвигает версии? Как правило, такое обсуждение осуществляется при расследовании «громких» преступлений. А если и проводились какие-то обсуждения, то из чего это видно? В каком материале, документе это зафиксировано?

В Инструкции об организации работы сотрудников и гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, привлекаемых в качестве специалистов для участия в проведении осмотров мест происшествий [2], в пункте 6.6 указано: «С целью решения вопроса об относимости следов к событию преступления (происшествия) и целесообразности их изъятия проводить на месте происшествия (с учетом имеющейся квалификации) предварительное исследование следов». Результаты предварительного исследования следов доводятся до сведения лица, проводящего осмотр места происшествия и оперативного сотрудника правоохранительного органа. Изложенное можно трактовать так, что специалист проводит предварительное исследование только для решения вопроса об относимости следов к событию преступления (происшествия) и целесообразности их изъятия.

В частности, в Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел РФ в расследовании и раскрытии преступлений специалист-криминалист результаты предварительного исследования доводит следователю в течение дежурных суток и оформляет справкой, которая может составляться в произвольной форме.

Но возникает вопрос: а как же использование информации для раскрытия преступлений по горячим следам?

Так, Ю. А. Кобзева предлагает предусмотреть в протоколе осмотра места происшествия графу или раздел «Мнение специалиста относительно события, обстановки и иных обстоятельств совершенного

преступления, вещественных доказательствах, о лице, которое могло совершить данное преступление, и по иным вопросам, имеющим отношение к делу» [3].

Поэтому важное значение имеет вопрос об оформлении (фиксации) результатов предварительного исследования. И так как выводы проведенных предварительных исследований не могут быть отражены в процессуальных документах. Может быть, к протоколу следственных действий необходимо предусмотреть дополнительный документ в виде справки, приложения, в котором можно изложить свое видение всех участников следственно-оперативной группы. Данная справка (приложение к протоколу следственного действия) должна составляться непосредственно на месте проведения следственного действия. Такой материал поможет следователю в дальнейшем более эффективно работать по расследованию преступления.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24.06.1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Инструкции об организации работы сотрудников и гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, привлекаемых в качестве специалистов для участия в проведении осмотров мест происшествий [Электронный ресурс] : приказ Государственного комитета судебных экспертиз Респ. Беларусь, 17 нояб. 2014 г., № 287 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография. М. : Изд-во РУДН, 2000. 295 с. [Вернуться к статье](#)

Н. Н. Ефимов
доцент кафедры криминалистики,
судебной медицины и психиатрии
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МОРАЛИ

Большинство преступлений против морали характеризуется небольшим количеством материальной доказательной информации, обнаруженной на начальном этапе расследования. Ведь, как правило, при осмотре места происшествия она почти не изымается, а обыски в большинстве случаев проводятся после предъявления лицу подозрения. Поэтому на первый план выходит сбор показаний — доказательств, которые остаются в памяти человека. Для обеспечения их получения допрашивается значительное количество участников процесса. Это процессуальное действие является наиболее информативным и распространенным в уголовном судопроизводстве.

Говоря о понятии допроса, отметим, что Р. С. Белкин обозначил его как процессуальное действие, заключающееся в получении показаний (информации) о событии, которое стало предметом уголовного судопроизводства, лицах, проходящих по делу, причинах и условиях, способствовавших совершению и сокрытию преступления [1, с. 63].

Допрос, как и любое следственное (розыскное) действие, состоит из трех этапов: подготовки, непосредственного проведения и фиксации результатов. При расследовании преступлений против морали указанные этапы исследуемого процессуального действия не теряют своей важности. Проведенное анкетирование сотрудников правоохранительных органов позволило нам выделить следственные ситуации, которые возникают в ходе допросов в исследуемой категории дел:

- лицо добровольно сообщает информацию об обстоятельствах преступления, конфликтная ситуация отсутствует (18 %);
- лицо сообщает информацию об обстоятельствах совершения преступления, однако не освещает ее в полном объеме (24 %); это происходит из-за страха мести со стороны других лиц (39 %), заинтересованности в результатах расследования (43 %);
- лицо не желает давать правдивые и полные показания — наличие конфликтной ситуации (32 %);

– лицо полностью отказывается от общения со следователем, отказывается давать показания и участвовать в проведении отдельных следственных (розыскных) действий (19 %);

– лицо не отрицает факт и содержание уголовного преступления, однако отрицает свое участие в их совершении (7 %).

В условиях конфликтных ситуаций особое значение приобретают такие организационно-подготовительные мероприятия, как изучение личности преступника; подбор вещественных доказательств и других материалов для предъявления допрашиваемому; определение тактических приемов, которые будут применяться во время допроса; подготовка научно-технических средств его фиксации; обеспечение благоприятных условий для проведения допроса с учетом необходимости обеспечения безопасности его участников.

Относительно непосредственного проведения допроса следует отметить, что большое значение на этом этапе имеет использование соответствующих тактических приемов. Мы поддерживаем позицию В. Е. Коноваловой, которая отмечает, что тактические приемы направлены на выявление лжи при допросах и избираются следователем в той последовательности и в том сочетании, которые ему представляются наиболее целесообразными. Среди них выделены следующие:

- установление психологического контакта;
- постановка дополнительных вопросов;
- постановка детализирующих вопросов;
- постановка уточняющих вопросов;
- предъявление вещественных доказательств;
- оглашение показаний других лиц;
- ознакомление с протоколом осмотра;
- оглашение заключения эксперта;
- объявление результатов следственного эксперимента [2, с. 208].

Рассмотрим некоторые из них. Установление психологического контакта направлено как в целом на создание оптимальной обстановки допроса, так и на обеспечение получения от лица необходимых следствию показаний. Конечно, допрашиваемого нельзя принуждать к даче показаний в любом случае. Учитывая это, следователю необходимо на него применять соответствующее психологическое воздействие. Такое воздействие в ходе допроса, как отмечает В. П. Очередин, осуществляется с помощью тактических приемов, которые должны вызвать у допрашиваемого необходимое чувство, стремление и действия, убедить и побудить его думать и действовать так, как это необходимо в интересах правосудия [3, с. 167]. Ведь человек может отказаться ответить на один конкретный вопрос, а на другие даст показания.

Эффективным тактическим приемом при допросе в ходе расследования преступлений против морали является предъявление вещественных доказательств. Ведь влияние, которое они оказывают на человека, позволяет выйти из ранее определенных конфликтных ситуаций, в частности:

- обусловить необходимость дачи показаний по поводу наличия у лица материалов порнографического характера (видео порнографического характера, журналы и брошюры с элементами порнографии)
- взаимоотношений с проститутками (телефонную переписку, наличие электронных писем)
- фактов пребывания в месте разврата (видеозаписи, показания свидетелей) и др.

Используя указанную классификацию, сотрудник полиции, учитывая соответствующую следственную ситуацию и конкретное посягательство против морали, может выбрать соответствующие доказательства, которые необходимо продемонстрировать для эффективного проведения допроса. Благодаря рациональному применению этого тактического приема, следователи и сотрудники оперативных подразделений могут результативно выполнять поставленные перед ними задачи.

Констатируя вышесказанное, необходимо отметить, что обязательным следственным (розыскным) действием при расследовании преступлений против морали является допрос. Во время его проведения выясняется большое количество обстоятельств, позволяющих строить следственные версии, ориентироваться при проведении других процессуальных действий. Наиболее эффективными тактическими приемами при допросах будут: установление психологического контакта с допрашиваемым; предъявления доказательств; сокрытие границ осведомленности следователя.

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : БЕК, 1997. 342 с. [Вернуться к статье](#)
2. Коновалова В. Е. Убийство: искусство расследования. Харьков : Факт, 2001. 311 с. [Вернуться к статье](#)
3. Очередин В. П. Допустимость и недопустимость по уголовным делам доказательств. Волгоград : ВолГУ, 2003. 278 с. [Вернуться к статье](#)

В. М. Козел

*старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного
университета им. Я. Купалы*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ РАБОТНИКАМИ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Криминалистическая тактика как раздел криминалистической науки тесно связана с другими областями данной отрасли знания, а также с теми научными направлениями, с которыми связана криминалистика в целом. Считаю целесообразным остановиться на отдельных вопросах ее взаимодействия с тактикой оперативно-розыскных мероприятий.

Несомненно, что на начальном этапе становления теория оперативно-розыскной деятельности возникла и развивалась как часть криминалистики, как элемент ее составных частей, разделов [1, с. 71].

Вместе с тем нельзя не учитывать в практической деятельности, что за последние десятилетия была проведена интенсивная разработка всех разделов теории оперативно-розыскной деятельности. И в настоящее время ее предметом является группа специфических объективных закономерностей борьбы с преступностью, которая раскрывается как система поисковых, оперативно-поисковых и иных мероприятий, осуществляемых преимущественно специальными средствами и методами в целях предотвращения и раскрытия преступлений, а также розыска без вести пропавших лиц и розыска скрывшихся преступников [2, с. 12–17].

Актуальность данной проблемы обусловлена существенными изменениями, произошедшими в структуре органов внутренних дел и ряда других силовых структур.

Так, последние годы в системе правоохранительных органов Республики Беларусь прошли под знаком становления и развития подразделений Следственного комитета. Своевременность принятия решения по созданию данного подразделения не вызывает сомнений. Раскрытие и расследование ряда громких и резонансных дел показало стабильную эффективность работы Следственного комитета. Однако

анализ имеющегося остатка не раскрытых преступлений по линии уголовного розыска, и прежде всего относящихся к категории тяжких и особо тяжких, указывает на необходимость продолжения поиска путей повышения эффективности работы Следственного комитета.

Рассматривая тактику проведения отдельных следственных действий, мы видим прямую зависимость конечного результата от умелого планирования следователем их проведения, с четким осознанием роли всех ее участников. Особое место необходимо отвести взаимодействию следователя с оперативными работниками криминальной милиции органов внутренних дел.

Преломляя данное суждение в практическую плоскость, становление и динамику данного вопроса мы можем проследить при изучении различных внутриведомственных инструкций, которые были разработаны в разные годы. Однако данные инструкции были написаны при вхождении следственных подразделений в систему органов внутренних дел и прокуратуры и требуют дополнительной проработки.

Такое развитие вопроса позволяет констатировать факт не подчиненности, а тесного взаимодействия для повышения эффективности работы правоохранительных органов [3, с. 62–74].

Это подтверждается материалами коллегий и ведомственных оперативных совещаний, на которых периодически рассматривается данное направление служебной деятельности.

Ниже я остановлюсь лишь на некоторых, на мой взгляд, актуальных направлениях:

1. Бесспорно, сегодня в криминалистической тактике широко используются возможности оперативно-розыскной деятельности. И данная связь не сводится только к организации и проведению различных технических мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан. Назрела необходимость тесного взаимодействия в принятии управленческих решений по разработке тактических приемов подготовки и проведения отдельных следственных действий, когда имеется определенная оперативная информация, а также по другим вопросам оперативно-служебной деятельности. Становится очевидным невозможность регламентирования взаимодействия следователя с оперативными подразделениями криминальной милиции органов внутренних дел исключительно в рамках отдельных следственных поручений, т. к. действующие нормы уголовно-процессуального кодекса создают правовое поле, но не обозначают методики применения на практике тактических приемов для повышения их эффективности.

2. Планирование проведения отдельных следственных действий должно осуществляться в ходе совместной проверки ранее выдвину-

тых версий. Вместе с тем анализ изучения уголовных дел, возбужденных по линии уголовного розыска, а также в сфере экономики и наркоконтроля, показывает некоторые расхождения материалов уголовного дела с имеющейся в наличии оперативной информацией, которая помещена в дела оперативного учета, что свидетельствует об определенной несогласованности действий следователя и оперативных сотрудников.

3. Практика проведения различных следственных действий (осмотра, обыска, выемки, проверки показаний на месте, очных ставок и т. д.) без предварительного согласования плана проведения с оперативными работниками снижает их эффективность, влечет потерю наступательности, и, как следствие, дает возможность подозреваемым, обвиняемым лицам уйти от ответственности. Об этом свидетельствует анализ сведений информационно-аналитических подразделений, которые по-прежнему фиксируют значительное число приостановленных уголовных дел, по которым на первоначальном этапе имелись подозреваемые лица.

4. Следователь при планировании и разработке тактики проведения следственного действия обязан учитывать полученную информацию оперативным сотрудником при особом, бережном отношении к ее источнику. Практика легализации материалов оперативно-розыскной деятельности является доказательством вины обвиняемого, однако может граничить с расшифровкой ее происхождения и потенциальной угрозой для источника, а также своеобразной «учебой» для лиц, планирующих их совершение в дальнейшем.

Таким образом, взаимодействие тактических приемов криминалистики в части организации проведения отдельных следственных действий с оперативно-розыскными и иными мероприятиями оперативно-розыскной деятельности при наличии общих целей в борьбе с преступностью должно стать объединяющим началом по выработке совместных мер по повышению эффективности в оперативно-служебной деятельности всех заинтересованных.

1. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под общ. ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 992 с. [Вернуться к статье](#)

2. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И. И. Бранчель [и др.] ; под ред. А. И. Шведа. Минск: Тетралит, 2014. 372 с. [Вернуться к статье](#)

3. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник для юрид. вузов / К. В. Сурков [и др.] ; под ред. В. Б. Рушайло. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Лань, 2000. 720 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7:902

*Э. П. Костюкович**доцент кафедры тактико-специальной подготовки
факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТАЛЛОИСКАТЕЛЕЙ, ГЕОРАДАРОВ И ДРУГИХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ПОИСКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

Обеспечение охраны археологического наследия является важным направлением деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД), требующим принятия комплексных решений, выработки новых форм и методов обеспечения сохранности археологических объектов и артефактов, отвечающих современным вызовам.

Следует отметить, что вопросам теории и практики обеспечения охраны археологических артефактов (далее — артефактов) уделялось определенное внимание в юридической литературе [1]. Однако результаты анализа практики деятельности ОВД в рассматриваемом сегменте показали, что ряд правовых и методических аспектов указанной проблемы требуют дополнительного анализа с учетом изменений в законодательстве, доступности и активном использовании гражданами при реализации своих увлечений (хобби) технологий и средств приборного поиска.

По мнению специалистов, результаты правоохранительной деятельности в сфере охраны археологического наследия снижаются вследствие ряда причин, и в частности — субъекты правоохранительной деятельности не владеют информацией о нахождении на обслуживаемой территории археологических объектов, границах их охраняемых зон, об изменениях в законодательстве об охране историко-культурных ценностей и, как следствие, эффективной методикой выявления данного вида правонарушений [1, с. 151–153].

В этой связи проанализируем наиболее проблемные для практики деятельности ОВД аспекты. С 3 февраля 2017 г. в нашей стране действует Кодекс Республики Беларусь о культуре (далее — Кодекс о культуре), что обусловило внесение ряда дополнений в КоАП, ПИКоАП Республики Беларусь [3]. Так, КоАП был дополнен новым составом административного правонарушения 19.8 «Незаконный поиск археологических артефактов», а составление протокола об административном правонарушении в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП возлагается на органы внутренних дел.

Согласно ст. 123 Кодекса о культуре, артефактами являются движимые материальные объекты, соответствующие одновременно следующим критериям: возникли в результате жизни и деятельности человека более 120 лет тому назад; сохранились в культурном пласте (слое) или на дне природных и искусственных водоемов; имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение; могут соответствовать критериям для придания статуса историко-культурной ценности; на момент их обнаружения не имеют собственника. Под культурным пластом (слоем) понимается пласт в земле или под водой, образовавшийся в результате жизни и деятельности человека и содержащий следы существования человека.

Следует также учитывать, что артефакты в совокупности с культурным пластом (слоем) могут выступать в качестве элемента археологического объекта. Уничтожение или повреждение археологических объектов с целью отыскания археологических артефактов влекут уголовную ответственность по ст. 343, 344 УК Республики Беларусь.

Для обеспечения сохранности памятников археологии постановлением Министерства культуры Республики Беларусь устанавливаются границы их территорий и одна или несколько зон охраны (охранная зона; зона регулирования застройки; зона охраны ландшафта; зона охраны культурного пласта (слоя)). Охранные зоны памятников археологии устанавливаются на расстоянии не менее пятидесяти метров от границ территории памятников археологии.

Отметим, что на территории Республики Беларусь поиск артефактов может осуществляться только при проведении археологических исследований на основании разрешения, которое выдается Национальной академией наук Беларуси в соответствии с законодательством об административных процедурах и в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь [4].

Согласно ст. 127 Кодекса о культуре, поиск артефактов представляет визуальное или с использованием металлоискателей, георадаров, других технических средств и инструментов (далее — металлоискателей) обследование поверхности земли и (или) дна природных и искусственных водоемов с выполнением или без выполнения земляных работ, в ходе которого производятся полный или частичный сбор и выемка движимых материальных объектов, которые обладают признаками артефактов. Право на использование металлоискателей для поиска артефактов законодатель закрепил исключительно за гражданами, на имя которых выдано разрешение на право проведения археологических исследований, и участниками археологических исследований.

Следует отметить, что граждане и юридические лица могут использовать поисковые научно-технические средства, в т. ч. металлоискате-

ли, для реализации целей иной деятельности (производственной, реализации своих увлечений и т. п.), не связанной с археологическими исследованиями, вне охранной зоны археологических объектов. В результате такой деятельности, например, на еще не открытых учеными-археологами объектах данного вида могут быть случайно выявлены материальные объекты, которые могут иметь историческое, художественное, научное или другое культурное значение, соответствовать критериям для придания им статуса историко-культурной ценности и которые на момент выявления не имеют собственника. В этом случае юридическое лицо или гражданин обязаны: принять меры по их сохранению; немедленно приостановить работы или другую деятельность на недвижимой материальной культурной ценности, которые могут оказать на нее воздействие; не позже двух календарных дней со дня их выявления письменно сообщить об этом в местный исполнительный и распорядительный орган базового территориального уровня и в случае выявления подвижной материальной культурной ценности передать ее этому местному исполнительному и распорядительному органу базового территориального уровня на временное хранение.

Таким образом, анализ проблемы использования металлоискателей для поиска артефактов позволил предложить ряд рекомендаций правового и методического характера, обеспечивающих правоохранительную функцию, единообразную правоприменительную практику, соблюдение прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

1. Мартыненко И. Э. Правовая охрана историко-культурного наследия в государствах Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества : монография. М. : РИОР ИНФРА-М, 2014. 287 с. [Вернуться к статье](#)

2. Мартыненко И. Э. Правоохранительная деятельность по противодействию незаконным раскопкам памятников археологии // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2015. № 2. С. 151–158. [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 г., № 413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0= Нк1600413&p1 =1> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Положения о порядке выдачи разрешения на право проведения археологических исследований, приостановления, прекращения его действия и внесении дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 марта 2016 г., № 185 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21600185> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

М. А. Ларкин

*доцент кафедры уголовного права и правосудия
Запорожского национального университета (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЧЛЕНАМИ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП (объединений)

Глобализационные процессы, изменение парадигмы воспитания, кризисные явления в мировой экономике — все это далеко не полный перечень причин, которые продуцируют возникновение объединений молодежи неформального толка. Очень часто, пытаясь что-то и кому-то доказать, продемонстрировать свои убеждения (а точнее — псевдоубеждения), неформалы идут на совершение противоправных деяний, в частности преступлений, что, соответственно, требует разработки действенных рекомендаций по их расследованию, особенно на первоначальном этапе. Нельзя не согласиться с М. П. Шрубом, что «в зависимости от содержания исходных данных, полученных путем анализа следственной ситуации и учета типичных версий для данной категории дел, следователь планирует свои действия на определенном этапе расследования преступления, определяя их круг, очередность и содержание» [1, с. 13]. Необходимость же планирования вытекает из самой деятельности следователя по расследованию преступлений, которая требует организованности, быстроты [2, с. 261].

Именно от качества планирования первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), во многом зависит, будут ли изобличены все виновные лица. Огромное значение в данный период расследования имеет правильная оценка обнаруженных доказательств. Ошибка в этот момент уведет расследование в неверном направлении, повлечет непоправимую потерю времени [3, с. 54]. Поэтому при планировании расследования указанных преступлений следует учитывать следующее:

1. Характерной особенностью преступной деятельности неформальной молодежи является то, что она демонстративна и члены группы не предпринимают никаких действий по ее сокрытию, т. е. следственной ситуации первоначального этапа расследования присуща очевидность, что дает возможность выдвинуть версию о со-

вершении преступления членами молодежной неформальной группы. В зависимости от анализа следов, оставленных на месте преступления, версия может быть уточнена в части разновидности неформального объединения и целей, которые оно преследовало. При этом неформалами могут совершаться преступления, не связанные с «идеологией» группы, объединения, а направленные на создание условий для ее функционирования (например, кражи, грабежи, торговля наркотическими средствами и пр.), либо преступления, вообще не связанные с существованием неформального сообщества (например, преступления против личности по мотивам личной неприязни). Анализируя конкретную следственную ситуацию, важно различать указанные виды преступлений.

2. Исследуя материально-фиксированную сторону преступлений неформальной молодежи, особое внимание необходимо уделить следам, которые указывают на то, что преступление совершено сообществом с определенными взглядами, идеями, убеждениями.

3. Осуществляя проверку выдвинутых версий, следует тщательно допросить лиц, ставших непосредственными свидетелями произошедшего события, ибо их показания могут помочь установить мотив совершения того или иного преступления, идентифицировать неформальную группу, выявить особенности общения и действий ее членов.

4. Учитывая специфику обозначенных преступлений, может возникнуть необходимость в проведении таких экспертиз, как судебно-психологическая, судебно-лингвистическая, конфликтологическая экспертиза ситуации в регионе и др.

Итак, тактически грамотное и скрупулезное планирование первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), — это фундамент следствия. От того, как оно будет осуществлено, зависит, будут ли установлены все обстоятельства преступления и круг лиц, причастных к нему.

1. Криминалистическая методика : учебное пособие : в 2 ч. / М. П. Шруб [и др.] ; под общ. ред М. П. Шруба. Минск : Академия МВД, 2018. Ч. 1. 295 [1] с. [Вернуться к статье](#)

2. Криміналістика: підручник : у 2 т. / В. Ю.Шепітько [та ін.] ; за ред. В. Ю. Шепітька. Харків : Право, 2019. Т. 1. 456 с. [Вернуться к статье](#)

3. Лобунец Е. С. Назначение и содержание этапов расследования преступлений : монография ; под общ. ред. Н. Е. Мерецкого. М. : Юрлитинформ, 2015. 160 с. [Вернуться к статье](#)

А. В. Мовчан

*профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Львовского государственного
университета внутренних дел (Украина),
доктор юридических наук, профессор*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КРИМИНАЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ДЛЯ ОРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ

Национальная полиция Украины с учетом опыта полиции других стран вводит международные стандарты управления информацией в сфере предупреждения правонарушений и расследования преступлений. В структуре центрального аппарата Национальной полиции создано Управление криминального анализа, которое должно выполнять функцию координации деятельности в сфере анализа, внедрения и развития модели полицейской деятельности, управляемой аналитикой (Intelligence-Led Policing / ILP). Мероприятия по внедрению криминального анализа проводятся в рамках реализации ведомственной программы одновременно с созданием системы анализа рисков.

Однако полицейские должны быть готовы работать с современной техникой и новейшими технологиями. Об этом, в частности, говорит Председатель Национальной полиции Украины С. Н. Князев: «В обучении будущих полицейских мы должны двигаться к новой модели подготовки работников криминального блока. В вузах нужно преподавать дисциплину по специальности “криминальный анализ”» [1].

Для подготовки полицейских аналитиков в Национальной полиции Украины используется опыт иностранных коллег. В частности, подразделение криминального анализа достаточно успешно действует в полиции Румынии, аналитики этого подразделения способствовали внедрению криминального анализа в полиции Польши и Молдовы. В Украине при поддержке Консультативной миссии Европейского Союза румынскими специалистами также проведен ряд тренингов.

Важную роль во внедрении в органах Национальной полиции Украины модели полицейской деятельности, управляемой аналитикой, а также подготовки специалистов по криминальному анализу играют учреждения высшего образования МВД, осуществляющие подготовку полицейских.

В учебную программу по подготовке криминальных аналитиков должны быть включены:

- общая концепция полицейской деятельности, управляемой аналитикой;

- концепты оперативного, тактического, стратегического анализа;
- аналитические инструменты для проведения анализа данных из открытых источников, риск-анализа, составления карт преступности с использованием инструментов геоинформационных систем / GIS, концентрации преступности, графиков и схем связей и т. п. [2].

Предлагается подготовку специалистов в области криминального анализа осуществлять на основе перечня компетенций, позволяющих выпускнику учреждения высшего образования МВД выполнять служебные обязанности в различных подразделениях Национальной полиции.

Будущие специалисты в области криминального анализа должны: знать:

- методы и приемы получения, систематизации и анализа оперативно-розыскной, статистической и другой информации для оценки оперативной обстановки и прогнозирования преступности;

- приемы и методы оперативного, тактического и стратегического анализа при расследовании уголовных правонарушений;

- основные аналитические инструменты для проведения анализа данных из открытых источников, риск-анализа, составления карт преступности с использованием инструментов геоинформационных систем / GIS, концентрации преступности, графиков и схем связей и т. п.;

- методы, приемы и инструменты использования оперативно-аналитической информации для принятия управленческих решений;

- особенности построения и функционирования автоматизированных информационных систем Национальной полиции Украины;

- основные программно-технические средства, используемые при обработке и защите информации в органах Национальной полиции Украины;

- методы и приемы криминальной разведки;

- международное законодательство, стандарты и правила использования модели полицейской деятельности, управляемой аналитикой;

уметь:

- получать, систематизировать и анализировать оперативно-розыскную, статистическую и другую информацию для оценки оперативной обстановки и прогнозирования преступности;

- использовать приемы и методы оперативного, тактического и стратегического анализа при расследовании уголовных правонарушений;

- применять основные аналитические инструменты для проведения анализа данных из открытых источников, риск-анализа, составления карт преступности с использованием инструментов геоинформа-

ционных систем / GIS, концентрации преступности, графиков и схем связей;

- осуществлять поиск и получение оперативно-розыскной информации с помощью криминальной разведки;
- применять полученные знания при использовании автоматизированных информационных систем Национальной полиции Украины;
- использовать современные программно-технические средства для обработки и защиты информации в органах Национальной полиции Украины;
- применять методы и приемы использования оперативно-аналитической информации для принятия управленческих решений;
- изучать, адаптировать и использовать международное законодательство, стандарты и правила использования модели полицейской деятельности, управляемой аналитикой, в органах Национальной полиции Украины.

Кроме того, требуют неотложного решения следующие проблемы:

- 1) обеспечение аналитиков доступом к специальному аналитическому программному обеспечению;
- 2) создание защищенной сети для организации обмена информацией в электронной форме;
- 3) создание IT-системы сбора и обработки оперативно-аналитической информации.

По нашему мнению, успешная реализация и внедрение новых методов криминального анализа даст возможность в будущем распространить их на всю систему Национальной полиции и активно использовать современные аналитические методы и приемы, благодаря которым возможно создать предпосылки для более эффективного выполнения оперативными и следственными подразделениями своих задач, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности противодействия преступности в целом.

1. Князев С. В обучении будущих полицейских мы должны двигаться к новой модели подготовки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npu.gov.ua/uk/publish/article/2168283> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Правоохранительная деятельность, управляемая аналитикой: передовая методика современной правоохранительной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://euam.php7.postbox.kiev.ua/ua/news/opinion/intelligence-led-policing-the-cutting-edge-of-modern-law-enforcement/> (дата обращения: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*А. Ф. Мотолько
заместитель начальника управления
Следственного комитета
Республики Беларусь по г. Минску*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В основе познания любого преступного деяния и соответственно в деятельности по его расследованию лежат информационные процессы, связанные с поиском и извлечением сведений из различных источников, их анализом и последующим использованием в целях установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

Информация играет важную роль в познавательной деятельности следователя в ходе предварительного следствия, поэтому освоение новых путей ее оперативного получения в условиях постоянно и быстро растущего ее объема в современном цифровом мире содействует повышению эффективности собирания и проверки доказательств.

Большие возможности для работы с информацией предоставляет сеть интернет, которая стала неотъемлемой частью современного информационного общества. Интернет дает возможность оперативно и с минимальными затратами получать информацию из любой области человеческих знаний.

Основная цель использования Интернета в расследовании преступлений — поиск и передача из сети необходимой криминалистически значимой информации в целях ее последующей аналитической обработки [1].

По данным специализирующегося на исследованиях в области социальных медиа международного аналитического агентства We Are Social, отраженным в подготовленном им отчете Global digital report 2018, количество пользователей Интернета в мире в 2018 году достигло 4,021 миллиарда человек (при населении планеты 7,6 млрд) [2].

Согласно статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь, на сегодняшний день около 70 % граждан Республики Беларуси имеют персональный компьютер и пользуются сетью Интернет. При этом наибольшая по численности возрастная группа пользователей интернет (58 %) составляет от 25 до 54 лет [3].

Постоянному увеличению интернет-аудитории способствует рост количества доступных с каждым годом смартфонов и планшетов, а также дешевеющих тарифов на мобильный интернет. Так, по сведениям агентства по интернет-исследованиям Gemius, 93,5 % пользователей сети Интернет используют сотовую связь и с помощью различных приложений постоянно выходят в Интернет со своих мобильных гаджетов [4].

Массовое и разностороннее использование сети Интернет дает возможность следователю рассматривать глобальную сеть в качестве особого инструмента информационного поиска в ходе производства по уголовному делу, в том числе по сбору доказательств.

Соответственно одним из направлений информационного обеспечения служебной деятельности следователя является использование различного рода интересующих сведений из сети Интернет, в которых находится значительный объем как ориентирующей, так и доказательственной информации. При этом для получения такого рода информации из общедоступных ресурсов сети Интернет, как правило, не требуется проведения специальных исследований и осуществления специальных технических мероприятий с привлечением экспертов и специалистов.

Вместе с тем для осуществления поиска в сети Интернет необходимо владеть определенными способами и навыками в силу большого объема неструктурированной информации глобальной сети.

Основываясь на практике расследования преступлений в целях обнаружения имеющих значение по уголовному делу сведений, следователи наиболее часто используют следующие способы получения криминалистически значимой информации [5]:

- 1) использование поисковых систем сети Интернет;
- 2) анализ социальных сетей;
- 3) изучение контента систем мгновенного обмена сообщениями;
- 4) использование информационно-распознающих ресурсов и сервисов;
- 5) интернет-мониторинг специализированных форумов преступных сообществ.

Значимые для расследования преступлений сведения в сети Интернет могут быть представлены в виде как непосредственных следов преступных деяний и сообщений лиц об обстоятельствах их совершения, так и в виде иной сопутствующей и ориентирующей следователя информации.

Особое значение в информационно-аналитическом обеспечении расследования преступлений имеют возможности социальных сетей, которые также позволяют оперативно получать разнообразную информацию, как ориентирующего, так и доказательственного характера.

По данным уже упоминавшегося агентства We Are Social, аудитория социальных сетей в 2018 году насчитывала 3,196 млрд человек. При этом количество пользователей социальных сетей увеличивается. По сведениям данного агентства, в течение прошлого года количество людей на самых популярных социальных площадках увеличилось ежедневно на почти 1 миллион новых пользователей [2].

Согласно статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь, среди целей выхода во всемирную паутину белорусы на третьем месте указывают именно общение в социальных сетях, возраст постоянной аудитории которых составляет 16–54 года [3]. При этом, по данным Gemius, наиболее популярной по охвату аудитории в нашей стране является социальная сеть «ВКонтакте» (особенно среди белорусов в возрасте от 15 до 34 лет), затем — «Одноклассники», Facebook и Twitter.

Осуществляя изучение и анализ содержащихся в социальных сетях сведений, можно получить информацию не только о фигурантах по уголовному делу и других лицах, представляющих интерес для органов предварительного следствия, но также об их связях, увлечениях, наличии в пользовании имущества (в целях принятия мер по обеспечению возмещения ущерба, причиненного в результате преступной деятельности).

Таким образом, сеть Интернет в практической деятельности сотрудников органов предварительного следствия является своеобразным источником информации, представляющей интерес по уголовному делу, что обязывает следователей постоянно совершенствовать навыки работы с Интернетом, быть в курсе возможностей стремительно развивающихся информационных технологий, телекоммуникационных систем и современных гаджетов.

1. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : науч.-практ. пособие ; под ред. Е. П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2011. 168 с. [Вернуться к статье](#)

2. Global digital report 2018 [Electronic resource]. URL: <https://digitalreport.wearesocial.com> (date of the application: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2010–2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. [Вернуться к статье](#)

4. Gemius Global [Electronic resource]. URL: <https://www.gemius.com> (date of the application: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Валесюк А. Д. Использование возможностей ресурсов сети интернет при расследовании уголовных дел // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. Минск, 2018. С. 52–56. [Вернуться к статье](#)

И. Э. Наркевиц

*старший эксперт Управления криминалистики
Государственной полиции Латвийской Республики,
магистр правоведения*

А. К. Бриеде

*эксперт Управления криминалистики Государственной полиции
Латвийской Республики, магистр правоведения*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПРЕСС-МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Практика доказала, что экспресс-метод исследования различных следов, видимых на месте происшествия, часто позволяет быстро и эффективно раскрыть преступление. Например, на практике при осмотре места происшествия по факту кражи денег были обнаружены отпечатки пальцев на сундучке, в котором находились деньги. При первоначальном исследовании этих следов на месте происшествия было сделано заключение, что их оставил ребенок. После чего потерпевший показал, что у него есть подозрения на сына соседей. У этого ребенка сняты отпечатки пальцев, и при сравнении их с изъятыми следами было констатировано совпадение, после чего мальчик признался в совершении кражи. Как видим, первоначальное исследование отпечатков пальцев на месте происшествия позволило раскрыть кражу по горячим следам. В практике авторов есть бесчисленное количество случаев, когда преступления раскрываются с использованием результатов первоначального исследования следов обуви, на основании чего подозреваемый признается в совершении преступления.

Нередко исследование следов, оставленных на месте происшествия, вместе с анализом общей ситуации на месте происшествия позволяет создать психологический портрет преступника. Так, например, при осмотре места происшествия по факту квартирной кражи, в результате анализа оставленных следов обуви, способа проникновения, причиненного ущерба, дислокации места происшествия было сделано заключение, что виновный — мужчина примерно 20–40 лет, невысокого роста, скорее всего уже ранее был судим за кражи, интеллектуально развит слабо, скорее всего живет неподалеку от места происшествия. Эти характеристики позволили определить виновного. Также в практике авторов нередко экспресс-метод исследования трасологических следов позволял делать заключения о серийных пре-

ступлениях, что также способствовало расследованию и раскрытию этих преступлений.

Важно учесть, что трасологические следы позволяют судить не только об оставившем следы объекте, но и о личности преступника. Например, следы обуви позволяют сделать заключение не только о виде и признаках обуви, но и о росте, поле, других признаках человека, его действиях на месте происшествия. Следы орудия взлома позволяют сделать заключение не только о самом инструменте, но и об умениях человека, его опыте, силе и других качествах.

Как видно, экспресс-метод исследования трасологических следов позволяет решать широкий круг вопросов, помогая таким образом быстро и эффективно раскрывать преступления. В то же время развитие современных технологий позволяет проводить различные сложные экспертизы, использовать в раскрытии преступлений самые новые технологии, различные базы данных. Поэтому на практике широко распространены ситуации, когда следователи ждут, что подозреваемый будет выяснен с помощью базы данных, например, по отпечатку пальцев или ДНК, не пытаясь использовать весь возможный потенциал трасологических следов, который нередко позволяет раскрыть преступление по горячим следам, экономя время и другие ресурсы. Поэтому цель авторов — показать возможности первоначального исследования трасологических следов в раскрытии преступлений, доказав, что такое активное исследование нередко позволяет раскрыть преступление быстро и эффективно.

Процессуальным действием, во время которого проводится исследование следов, является экспертиза. Результаты экспертизы являются одним из доказательств в уголовном процессе. Однако надо учесть, что экспертиза, оформление ее результатов — трудоемкий процесс, который не всегда необходим или возможен. Например, обычно в деле не имеет значения заключение эксперта, что найденные следы рук оставлены потерпевшим, поэтому с точки зрения целесообразности необходимость такой экспертизы весьма сомнительна. С другой стороны, латвийское законодательство, к примеру, предусматривает, что дактилоскопическую экспертизу могут проводить только минимум 2 эксперта, присутствие которых на месте происшествия можно обеспечить не всегда. Учитывая то, что следы можно исследовать только во время экспертизы, раскрытие преступлений делается громоздким, длительным, сложным. Поэтому на практике можно проводить исследование следов экспресс-методом или первоначальным исследованием, что является любым исследованием следов вне рамок экспертизы. Необходимо учитывать 2 аспекта: во-первых, первоначальное исследование следов не является процессуальным

действием и не регламентируется, поэтому само по себе не несет правовых последствий, но может быть основанием для начала и проведения других процессуальных действий, а во-вторых, первоначальное исследование следов можно проводить в таком объеме, чтобы не повредить или не изменить сами следы.

При первоначальном исследовании трасологических следов как во время осмотра места происшествия, так и позднее в ходе расследования преступления могут быть решены следующие главные задачи:

выяснить, годятся ли следы для дальнейшего исследования;

выяснить особые признаки или групповую принадлежность объекта, оставившего след;

выяснить признаки лица, оставившего след;

выяснить механизм создания следов и другие диагностирующие вопросы;

сравнить следы с возможным объектом, оставившим следы;

сравнить следы с другими следами, как с одного места происшествия, так и с другими местами происшествий.

Тщательнее всего первоначальное исследование следов проводится на месте происшествия. Однако его можно проводить на протяжении всего времени расследования и во время других следственных действий, например, во время обыска, сравнивая найденную обувь с изображениями следов, а также и вне рамок следственных действий, например, сравнивая следы с разных мест происшествий.

Есть часть первоначальных исследований, которую может проводить любой сотрудник полиции, например сравнить след обуви с подошвой обуви, чтобы выяснить совпадение общих признаков, первоначальное же исследование, например, следов рук может проводить только эксперт, имеющий знания по дактилоскопии. По нашему мнению, эффективное первоначальное исследование трасологических следов может проводить только эксперт с соответствующими знаниями и опытом, что означает широкое привлечение экспертов как при осмотре места происшествия, так и в дальнейшем расследовании.

Как уже было сказано, первоначальное исследование следов не является процессуальной деятельностью, поэтому оформление его результатов не регламентировано строго. На практике были выработаны следующие способы оформления результатов:

Во-первых, устно. Например, при констатации на месте происшествия факта, что какие-то следы оставил потерпевший, этот результат не обязательно фиксировать письменно, следы просто не изымаются, если, конечно, нет подозрений на инсценировку преступления. Или при констатации того, что обувь, возможно, совпадает с найденными

следами, об этом устно сообщается следователю, который уже принял решение об изъятии обуви.

Во-вторых, результаты первоначального исследования, проведенного на месте происшествия, иногда фиксируются в протоколе осмотра места происшествия. Здесь появляется проблема: на практике принято, что в протоколе осмотра места происшествия не записываются заключения, поэтому только описываются следы, но не фиксируются, например, приметы лица, которые можно заключить из этих следов.

В-третьих, результаты первоначального исследования можно письменно фиксировать вне рамок протокола осмотра места происшествия. Например, о совпадении следов с разных мест происшествия. Авторы на практике такие результаты оформляют в виде рапорта, что является самой быстрой и простой формой, другая возможность — подготовить экспертную справку. Подготовка экспертной справки — трудоемкий процесс, в то же время положительным является то, что такие справки считаются результатом работы эксперта.

Развитие технологий позволяет первоначальное исследование трасологических следов проводить оперативнее и эффективнее. Например, создаются различные автоматизированные базы данных. В Латвии используется база данных следов рук, в то время как в мире эффективно используются также базы данных следов обуви и транспортных средств. Современные технологии в принципе позволяют уже с места происшествия проверить следы в этих базах данных. Например, американская фирма криминалистической техники предлагает мобильное приложение, с помощью которого сфотографированный след или обувь сразу можно проверить по мобильному телефону в базе данных следов обуви. Развитие мобильной связи позволяет пересылать изображения, и поэтому эксперту можно проводить первоначальное исследование следов даже не находясь на месте происшествия. Например, в деятельности авторов широко практикуется, что оперативный работник фотографирует обувь лица на мобильный телефон и пересылает изображения эксперту, который сразу может сравнить, не совпадает ли эта обувь с найденными на месте происшествия следами. Сейчас также развиваются 3D-технологии в фотографировании следов, которые обязательно откроют новые возможности в исследовании следов.

Хотя и экспресс-метод исследования трасологических следов дает широкие возможности в раскрытии преступлений, на практике существуют проблемы, которые ограничивают его использование.

Во-первых, как уже говорилось, широко распространенное непонимания возможностей, которые дают трасологические следы. Конечно

но, надо учитывать, что использование этих следов требует высокого профессионализма от следователей и оперативных работников, поэтому часто встречается позиция, что надо искать только следы рук и биологические следы, чтобы выявить виновного по базам данных.

Во-вторых, не хватает практических знаний, как именно эти следы следует изучать, какую информацию от них можно получить. Например, в Латвии в обучении экспертов этим вопросам не уделяется внимание, делается акцент только на обнаружении и изъятии следов, и на прямом сравнении с оставившим след объектом, но не рассматриваются такие вопросы, как, например, определение роста человека по следам обуви.

В-третьих, как отдельную проблему, по нашему мнению, необходимо выделить то, что в протоколе осмотра места происшествия нельзя зафиксировать все заключения, которые можно сделать на месте происшествия. Это приводит к потере части этих заключений. Например, находясь по обмену опытом в Швеции, мы видели, что протокол осмотра места происшествия подготавливают эксперты, и в этом протоколе фиксируется не только ситуация на месте происшествия, но эксперты записывают также свои заключения и интерпретацию того, что и как произошло. На наш взгляд, такой подход позволяет гораздо эффективнее использовать информацию, данную трасологическими следами. В то же время надо понимать, что это требует также совсем другого подхода в подготовке экспертов.

В итоге можно заключить, что первоначальное исследование трасологических следов позволяет получить широкую информацию как о происшествии и обстоятельствах произошедшего, о виновных лицах, так и о различных объектах, оставивших следы, и в совокупности способствует раскрытию преступления.

Д. Н. Панченя

*заместитель начальника отдела исследования микрообъектов
центрального аппарата Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь*

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТИЛЬНЫХ ВОЛОКОН В КРИМИНАЛИСТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Развитие научных представлений об использовании микрообъектов, и в частности микрочастиц текстильных волокон, в качестве источников доказательственной информации в правоохранительной деятельности зарубежных стран неразрывно связано с основными этапами образования и становления науки криминалистики. На первоначальном этапе исследования в области установления природы и свойств различных микроскопических объектов проводились методами, которые соответствовали общему уровню развития естественных знаний, науки и техники в данном регионе. К ним, прежде всего, относились методы аналитической химии — известные со времен средневековых алхимиков качественные химические реакции на определенные классы веществ [1, с. 217]. С помощью методов аналитической химии было возможно установить природу лишь ограниченного круга веществ, да и то только достаточно приблизительно [2, с. 13]. Однако на тот момент перечисленные методы считались наиболее эффективными и альтернативы им не существовало. Постепенно с внедрением в различные сферы человеческой деятельности более совершенных теоретических и практических научных знаний и технологий ситуация изменилась.

Период конца XIX и начала XX вв. в Западной Европе был ознаменован крупными научными открытиями и изобретениями в области химии, физики, биологии, медицины, техники, философии и др. Затронули они и уголовно-процессуальную сферу общественных отношений, предоставив новые возможности для обнаружения, сохранения и изъятия микроскопических следов преступления, всестороннего научного исследования и установления их роли в доказывании виновности. Для выявления и изобличения преступников правоохранители все чаще стали применять на практике более совершенные средства, приемы и методы.

Сторонником широкого применения в процессе расследования преступлений «естественно-научного метода» был австрийский ученый, юрист и криминолог, основатель современной криминалистики

Ганс Гросс (1847–1915). Результатом его исследовательской работы по систематизации и обоснованию необходимости внедрения в практику расследования данных естественных и технических наук стало издание в 1893 г. «Руководства для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции» [3, с. 39]. В данной работе Г. Гросс впервые указал на необходимость использования знаний о микрообъектах, применении новых технических средств и, в частности, оптического микроскопа, привлечении к собиранию вещественных доказательств узких специалистов (химиков, биологов). Он одним из первых сформулировал положение о важности изучения и использования в криминалистике микрочастиц текстильных волокон, считая, что в пыли бального зала содержится волокон больше, чем в библиотечной пыли. Автором впервые описан способ обнаружения и изъятия текстильных волокон на предметах одежды. Для этого одежду подозреваемого необходимо положить в чистый белый мешок и выколачивать до тех пор, пока вся имеющаяся на ней пыль не останется в мешке [4, с. 46].

Однако малоизвестен тот факт, что еще до новаторских работ Г. Гросса основатель французской школы судебной медицины и криминальной антропологии, глава Судебно-медицинского института Лидона Александр Лакассань (1843–1924) указывал на информативность различного рода микрообъектов, в том числе микрочастиц текстильных волокон. Им была высказана мысль о том, что мельчайшие следы в виде наслоений пыли на поверхности различных объектов — одежды, ушей, носа, под ногтями человека — могут дать сведения о его профессии, последнем месте пребывания [4, с. 41].

Идеи Гросса о необходимости исследования текстильных волокон впоследствии нашли свое продолжение в работах Георга Поппа (1861–1943), известного немецкого ученого-химика, доктора наук, судебного эксперта. С его именем связан один из наиболее важных фактов в истории использования текстильных волокон в криминалистике, а именно, раскрытие с их помощью убийства портнихи Евы Диш, труп которой в 1904 г. был обнаружен в поле вблизи местечка Вильдталь. Девушка была задушена принадлежавшим ей шелковым платком красно-синего цвета. Используя метод оптической микроскопии, Поппу удалось доказать причастность к совершенному преступлению подозреваемого Карла Лаубаха. Он исследовал под микроскопом срезы ногтей задержанного и среди других микрочастиц подногтевого содержимого обнаружил шелковые волокна красного и синего цвета, совпадающие с аналогичными волокнами в составе платка убитой. Описываемый случай стал первым упоминаемым в научной литературе фактом успешного использования микроскопических следов текстильных волокон в раскрытии преступлений [4, с. 17].

Таким образом, уже в конце XIX в. возникла потребность в вовлечении текстильных волокон в правоохранительную деятельность. В это время Г. Гроссом, А. Лакассанем, Г. Поппом, Э. Локаром был заложен фундамент для дальнейших исследований в области обнаружения, фиксации и изъятия данного вида микрообъектов на месте преступления, их дальнейшего исследования в рамках проведения первых химических экспертиз. Стремительное развитие во второй половине XIX в. оптической микроскопии, связанное с созданием новых сортов стекла, совершенствованием конструкции микроскопической техники и, как следствие, увеличением разрешающей способности до десятых долей микрометра, привело к значительному расширению границ экспертного исследования текстильных волокон, которое с опытного переходит на научный путь. С изобретением микроскопа появилась возможность более простого обнаружения наслоений волокон и их визуального исследования, что позволило получать сведения диагностического и идентификационного характера [5, с. 4]. Дальнейшее совершенствование существующих и внедрение новых методов исследования морфологических и структурных свойств текстильных волокон, технологических особенностей их изготовления и обработки существенно расширили круг решаемых вопросов, что привело к их более частому включению в процесс раскрытия и расследования преступлений.

1. Образцов В. А., Хвалин В. А. Вещество как объект криминалистики // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы Междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина) / Акад. упр. М-ва внутр. дел Рос. Федер. ; редкол.: Т. В. Аверьянова, Ю. Г. Корухов. М., 2002. С. 215–219. [Вернуться к статье](#)
2. Косарев В. Н., Макогон И. В. Использование микрообъектов в расследовании преступлений. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2005. 232 с. [Вернуться к статье](#)
3. Сокол В. Ю. Ганс Гросс — основатель современной криминалистики // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2012. № 3. С. 39–51. [Вернуться к статье](#)
4. Торвальд Ю. Следы в пыли: развитие судебной химии и биологии. М. : Юрид. лит., 1982. 176 с. [Вернуться к статье](#)
5. Следы преступления и их криминалистическое исследование : учеб. пособие / А. И. Александров [и др.] ; под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та М-ва внутр. дел России, 2000. 112 с. [Вернуться к статье](#)

М. Г. Петрусевич

*преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь*

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В настоящее время очевидно, что раскрытие и качественное расследование массовых беспорядков, принятие предусмотренных законом мер, направленных на выявление и изобличение лиц, причастных к массовым беспорядкам, установление способа совершения массовых беспорядков, а также используемых орудий и средств предполагает использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Юридически повод для возбуждения уголовного дела по фактам организации массовых беспорядков появляется тогда, когда следователь придет к выводу, что в предоставленных оперативных материалах содержатся сведения, указывающие на признаки данных составов преступлений, включая данные о способах организации массовых беспорядков и орудиях и средствах, используемых при этом. Данные признаки могут содержаться в оперативных материалах, полученных гласными (не скрывая сам факт их осуществления) и негласными методами (осуществляемые с зашифровкой их истинной цели и без нее) [1, с. 55].

Установление и фиксация в материалах ОРД информации о способе совершения преступления, а также об используемых орудиях и средствах позволяет выявить более точные данные о других элементах преступления. Например, конкретные орудия и средства совершения преступления могут содержать признаки, указывающие на возможного его владельца или лицо, в распоряжении которого оно находилось. Обнаружение источника происхождения орудий и средств совершения преступления позволяет ограничить круг лиц, среди которых необходимо вести поиск преступника, лиц, оказывавших ему содействие в достижении определенных целей.

Для совершенствования деятельности оперативных подразделений по фиксации информации о способе совершения преступления, а также используемых орудиях и средствах целесообразно производить их классификацию.

В науках криминального цикла классификация служит средством постижения сущности познаваемых явлений и предметов, установле-

ния связей и зависимостей между ними, выражения отношений между элементами структуры, подсистемами [2, с. 182].

В спектре решаемых задач способы совершения массовых беспорядков целесообразно дифференцировать:

в зависимости от количества мест совершения массовых беспорядков на способы: совершаемые в одном ограниченном месте и совершаемые в нескольких ограниченных разных местах;

в зависимости от локальности места совершения массовых беспорядков на способы: совершаемые без расширения площади места массовых беспорядков и совершаемые с увеличением площади (территории) места массовых беспорядков;

по времени продолжительности совершения массовых беспорядков на способы: кратковременные и длительные;

в зависимости от противоправных форм массовых беспорядков, закрепленных в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь, на способы: организации массовых беспорядков, сопровождающиеся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти; участия в массовых беспорядках; обучения для участия в массовых беспорядках; иной подготовки лиц для участия в массовых беспорядках; финансирования массовых беспорядков; иного материального обеспечения такой деятельности;

в зависимости от разрыва во времени совершения на: не разорванные во времени; разорванные во времени, повторяющиеся через определенные интервалы времени либо в конкретные дни (выходные, праздники, дни памяти погибшим, профессиональные праздники, дни исторических событий, дни проведения правовых реформ и т. п.).

Орудия и средства, используемые при массовых беспорядках, целесообразно дифференцировать по следующим основаниям:

в зависимости от заблаговременности их подготовки к конкретным массовым беспорядкам на: заблаговременно подготовленные для использования в массовых беспорядках; обнаруженные и использованные на месте массовых беспорядков;

в зависимости от приспособленности к использованию в конкретных массовых беспорядках на орудия и средства: отобранные без соответствующих приспособлений для непосредственного совершения массовых беспорядков (хозяйственный инвентарь, части металлической и деревянной ограды и др.); специально приспособленные (видоизмененные) для непосредственного совершения массовых беспорядков;

в зависимости от использования количеством лиц в массовых беспорядках на орудия и средства: используемые одним лицом; ис-

пользуемые группой лиц (бревно для тарана дверей, металлические швеллеры для перевертывания, опрокидывания транспортных средств и др.);

в зависимости от количества раз функционально-целевого использования в массовых беспорядках на орудия и средства: разовые (дымовая шашка, светозвуковая граната и др.); многоразовые (автоматическое оружие, средства телефонной связи и др.).

После фиксации информации важнейшим условием представления в следственные подразделения оперативной информации должна быть их своевременность. Это означает наличие у следователя возможности заблаговременно до начала беспорядков оценить обстановку, принять решение о возбуждении уголовного дела, спланировать мероприятия по пресечению противоправной деятельности на стадии приготовления или покушения на совершение преступления.

1. Багмет А. М. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании массовых беспорядков // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2 (24). С. 55–59. [Вернуться к статье](#)

2. Белкин Р. С. Криминалистика: общетеоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1973. 264 с. [Вернуться к статье](#)

В. Н. Плетенец
доцент кафедры криминалистики,
судебной медицины и психиатрии
Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТАКТИЧЕСКОГО РИСКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ

Процесс расследования преступлений обусловлен необходимостью принятия уполномоченными лицами важных, однако довольно часто связанных с риском решений как процессуального, так и организационного характера.

Выбор правильного и своевременного решения с учетом условий расследования для значительного количества сотрудников правоохранительных органов вызывает трудности, что отрицательно влияет на результаты расследования и судебного разбирательства по уголовным делам. Решения уполномоченными лицами принимаются с существенными просчетами, без должной оценки рисков и прогнозирования их последствий для расследования. В результате этого значительная часть преступников избегает ответственности, совершает более тяжкие общественно опасные деяния, активно противодействует установлению всех обстоятельств преступления.

Так, в словаре по психологии риск — «ситуативная характеристика деятельности, которая заключается в неопределенности ее результатов и возможных нежелательных последствиях в случае неудачи» [1, с. 344].

Заслуживает внимания и предложенное А. И. Запорожцем, Б. Д. Халмурадовым и другими учеными определение риска как степени вероятности определенного негативного события, которое может произойти в определенное время или при определенных обстоятельствах [2, с. 332].

Как отмечает В. Е. Коновалова, рисковать в тактике как процесса расследования, так и в тактике отдельного следственного (процессуального) действия значит утрачивать или приобретать информацию, важную для расследования в условиях дефицита информации, ее вероятностного характера, личности и ее психологических особенностей

в отношении которой предпринимаются действия или приемы, связанные с тактическим риском [3, с. 54].

В криминалистической науке отсутствует единый подход к пониманию и содержательному наполнению понятия риска. При этом учеными с учетом решений, принимаемых следователем в ходе расследования, рассматриваются и обусловленные ими риски, в частности криминалистический, следственный, тактический. Последнему в основном и уделяется внимание ученых-криминалистов.

Как отмечает В. Ю. Шепитько, в криминалистике целесообразно рассматривать не криминалистический и не следственный риски, а именно тактический риск, определяя его как выполнение следователем или судьей деятельности в условиях возможного возникновения негативных последствий [4, с. 424].

Перспектива наступления негативных результатов чаще возможности получения положительных требует принятия вынужденных мер, которые несут в себе возможный дополнительный риск. Процесс принятия решений в условиях тактического риска требует учета имеющегося уровня неопределенности и направляется на решение соответствующих задач.

К ним относятся методы принятия решений, а также психология принятия тактических решений в данных условиях, отражающих уровень криминалистических знаний и положительного опыта следственной практики [5, с. 12]. Указанное в полной мере характеризуется личностными качествами следователя, в частности навыками организации расследования и проведения следственных (розыскных) действий, диагностирования проявлений противодействия и опытом их преодоления и т. д. В этом случае вероятность получить ожидаемый положительный результат увеличивается.

Во время тактического риска избежать негативных последствий можно, если решение принимается в условиях уверенности в наступлении положительных результатов, в более выигрышной ситуации [6, с. 54].

Выигрышность ситуации, по нашему мнению, является оценочным критерием и может иметь для разных сотрудников правоохранительных органов существенные различия. Так, для одних следователей принятие решений в условиях информационной неопределенности, проявлений противодействия расследованию и получение положительного результата не составит особого труда. Для других — потребует существенных затрат времени, сил и средств.

В значительной степени на получаемый результат влияет готовность и возможность следователя принимать решения. При этом готовность, по нашему мнению, следует рассматривать как психологи-

ческую настроенность следователя к действиям, то есть как практический критерий деятельности. Возможность, в свою очередь, рассматривается с позиции целесообразности выделения такого количества времени, что негативно не отразится на расследовании этого и других дел, находящихся в производстве следователя. Однако достаточно часто возникают информационные и временные ограничения для принятия следователем взвешенных решений. Временной критерий, в свою очередь, обусловлен необходимостью, а зачастую и обязанностью принятия процессуальных решений или совершения процессуальных действий не позднее предельного срока, определенного уголовным процессуальным кодексом Украины.

Об ошибке как результате рискованных действий, по мнению Г. А. Зорина, можно говорить только в том случае, когда риск был мотивированным. По аналогии с уголовным правом в криминалистической рискологии неосторожность можно рассматривать как риск по самоуверенности и риск по небрежности [7, с. 15].

Переоценка следователем своих сил или недооценка сложившейся ситуации и влияния противоборствующей стороны, самоустранение от принятия соответствующих решений в надежде на то, что ситуация разрешится сама собой, в основном приводят к ее ухудшению. Это, безусловно, накладывает свой негативный отпечаток на процесс организации расследования и планирования проведения отдельных следственных (розыскных) действий. Соответственно следователю в принятии решений необходимо учитывать все указанные и иные факторы.

1. Психология. Словарь / под общей ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1990. 494 с. [Вернуться к статье](#)
2. Безпека життєдіяльності : підручник / О. І. Запорожець [та ін.]. К. : Центр учбової літератури, 2013. 448 с. [Вернуться к статье](#)
3. Коновалова В. Е. Допрос: тактика и психология. Х. : Консум, 1999. 157 с. [Вернуться к статье](#)
4. Шепітько В. Ю. Криміналістика : Енциклопедичний словник (українсько-російський і російсько-український) ; за ред. В. Я. Тація. Х. : Право, 2001. 560 с. [Вернуться к статье](#)
5. Осипов Ю. Ю. Деятельность следователя в условиях тактического риска : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Высш. юрид. заоч. школа МВД РФ. М. : 1992. 23 с. [Вернуться к статье](#)
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 478 с. [Вернуться к статье](#)
7. Зорин Г. А. Криминалистический риск: природа и методы оценки : учеб. пособие. Минск : БГУ, 1990. 89 с. [Вернуться к статье](#)

А. В. Репин

*заместитель начальника кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России*

ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДЪЯВЛЕННОМУ ОБВИНЕНИЮ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ВЫБОР ТАКТИКИ ДОПРОСА

Допрос обвиняемого является следственным действием, при производстве которого следователю нередко приходится сталкиваться с различными формами противодействия как со стороны самого обвиняемого, так и со стороны его защитника. Оказываемое противодействие напрямую влияет на возникновение ситуации допроса, а следовательно, требует готовности к нейтрализации и преодолению такого противодействия.

Одним из факторов, определяющих сущность и содержание ситуации допроса, является позиция допрашиваемого. На наш взгляд, формирование той или иной позиции происходит при взаимодействии трех ее составляющих элементов. Во-первых, это проявление того или иного способа психологической защиты, во-вторых, связанные с этим приводимые оправдательные или объясняющие мотивы и причины преступления обстоятельства и, как следствие, в-третьих, отношение к предъявленному обвинению.

Вопросы, связанные с выяснением отношения обвиняемого к предъявленному обвинению как одному из элементов, влияющих на формирование позиции допрашиваемого, неоднозначны и заслуживают отдельного внимания. Вызвано это тем, что авторами нередко эти вопросы рассматриваются излишне упрощенно, в результате чего, в зависимости от отношения, выраженного обвиняемым (признание вины полностью, частично или непризнание вины), предлагается судить о его позиции (содействие или противодействие), а также о характере складывающейся на допросе ситуации (бесконфликтная, конфликтная с нестрогим или строгим соперничеством). Мы не можем полностью согласиться с такой позицией и считаем, что отношение к предъявленному обвинению как показатель, характеризующий занятую обвиняемым позицию (содействие или противодействие), можно рассматривать достаточно условно.

Во-первых, необходимо четкое понимание значения признания вины обвиняемым. Правильная психологическая оценка, анализ материалов уголовных дел, показаний самих обвиняемых свидетельствуют, что полное, глубокое, так называемое «чистосердечное раская-

ние» встречается много реже, чем кажется на первый взгляд. Следует помнить, что признание — это не только правдивое описание своих преступных действий, но и признание его результатов [1, с. 62]. Однако, как показывает практика, чаще всего имеет место формальное признание фактических обстоятельств события, его юридической оценки и сожаление о неблагоприятных последствиях [2, с. 178].

Кроме того, следует разграничивать тактическое и доказательственное значение признания обвиняемого. Доказательственное значение признания обвиняемым вины будет иметь место в том случае, если признаются все факты, образующие элементы состава преступления, включая субъективную сторону (вину и мотив преступления), и оно подтверждается его развернутыми показаниями [3, с. 114]. О. В. Полстовалов справедливо отмечает, что «на практике следовательно нередко ограничиваются получением признания на допросе в качестве подозреваемого и считают на этом свою миссию выполненной, не торопясь получить дополнительные доказательства. Такое отношение к процессу расследования следует признать халатным» [4, с. 21].

Во-вторых, о соответствии отношения к предъявленному обвинению занимаемой позиции можно говорить лишь в том случае, если:

- а) следователем установлены все составляющие основу предъявляемого обвинения обстоятельства; им дана правильная юридическая квалификация; обвиняемому разъяснена сущность обвинения;
- б) обвиняемому предъявленное обвинение и его квалификация понятны во всех деталях.

Однако, как показывают многочисленные исследования, такая ситуация встречается далеко не всегда. А. Д. Назаров, анализируя следственные ошибки, отмечает, что многие из них связаны с неправильной квалификацией преступления, а это, в свою очередь, отражается на отношении к предъявленному обвинению. Свыше 70 % ошибок связаны с «завышением» следователем квалификации [5, с. 81]. Как правило, следователи завышают квалификацию сознательно, в целях избежания возможного возвращения дела на дополнительное расследование.

Кроме того, значительная часть ошибок связана с неправильным определением формы вины. В результате проведенного нами анализа показаний обвиняемых выявлено, что нередко при признании вины частично или непризнании вины оспариваются не столько обстоятельства преступления, изложенные в постановлении, сколько юридические формулировки, раскрывающие субъективную сторону состава преступления. Так, наиболее часто обвиняемые не соглашались с формулировками типа «внезапно возникший умысел», «имея (или реализуя) свой преступный умысел», «по предварительному сговору», «умышленно», «осознавая противоправность своих деяний» и т. п. Это

свидетельствует о том, что следователи при предъявлении обвинения не уделяли должного внимания разъяснению его сущности, в том числе значению и сущности указанных юридических формулировок.

Таким образом, видно, что отношение обвиняемого к предъявленному обвинению во многом зависит от объективности и полноты изложения обстоятельств совершенного преступления в постановлении, их правильной квалификации и адекватности их восприятия допрашиваемым.

В-третьих, как показывает практика, отношение обвиняемого к предъявленному обвинению на протяжении расследования не стабильно. Так, если в среднем на первом допросе в качестве обвиняемого свою вину в совершении преступления признают полностью 61 % обвиняемых, частично — 25 % и не признают вину 14 %, то в ходе последующих допросов в среднем 18,5 % меняют свое отношение к предъявленному обвинению [3, с. 122–125].

На изменение отношения к предъявленному обвинению влияют и такие факторы, как время, прошедшее с момента совершения преступления до задержания лица; наличие судимости (преступного опыта); преобладание мотива на содействие или противодействие и другие.

Таким образом, отношение к предъявленному обвинению формируется под воздействием множества различных факторов, и расценивать признание вины полностью, частично или непризнание вины как показатель, характеризующий позицию обвиняемого на допросе в целом, можно лишь с большой долей условности. Реально же представление о характере занимаемой обвиняемым позиции (содействие или противодействие) можно получить лишь при сопоставлении отношения к предъявленному обвинению с проявляемыми способами психологической защиты, приводимыми оправдательными или объясняющими преступление обстоятельствами и при рассмотрении этих элементов во взаимосвязи, с учетом вида совершенного преступления.

1. Шахриманьян И. К. Психологические основы отдельных следственных действий. М., 1972. 112 с. [Вернуться к статье](#)

2. Севостьянов Р. А. «Признание вины» и «раскаяние» как критерии исправления осужденного: теоретические аспекты // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2017. № 1. С. 177–181. [Вернуться к статье](#)

3. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004. 240 с. [Вернуться к статье](#)

4. Полстовалов О. В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы : монография. Уфа : РИО БашГУ, 2002. 152 с. [Вернуться к статье](#)

5. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса : учеб. пособие. Красноярск : КГУ, 2000. 323 с. [Вернуться к статье](#)

Д. Б. Санаков

*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники Днепропетровского государственного
университета внутренних дел (Украина),
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕПРАВОМЕРНОМУ КОНТЕНТУ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ПУТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Стремительное развитие киберпреступности требует постоянного совершенствования существующих и выработки новых мер противодействия, в частности — осуществления контроля доступа к распространению неправомерного веб-контента спецподразделениями киберполиции и его межрегиональными подразделениями.

В этой статье предметом анализа являются вопросы фильтрации информационного наполнения веб-сайтов, задачи которой ограничиваются запретом доступа к определенным сайтам и применением схем, его усложняющих, с целью: 1) защиты граждан от таких преступлений (правонарушений), от ущерба, наносимого им постоянным пребыванием вредящей информации в Интернете (в частности, детская сексуальная эксплуатация); 2) ограничение свободного использования определенных высказываний; 3) введение запрета на доступ к информационному наполнению политического содержания; 4) защита экономических интересов, что касается преимущественно мультимедийного контента, распространяющегося без разрешения владельцев авторских прав с использованием различных приложений, например голосовой связи через IP-протокол (VOIP).

Там, где государство жестко контролирует контент обычных СМИ, вводятся и строгие ограничения по законодательному запрету размещения в веб-сети определенных сведений, блокирование доступа к отдельным сайтам и контроль доступа пользователей. Жесткий контроль характерен преимущественно для стран Восточной и Центральной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки [1; 2]. Такие государства проявляют наибольшую активность по ограничению доступа к интерактивной информации, однако в ряде других стран запрещен доступ к сайтам определенного содержания, например с детской порнографией или веб-страниц с вредоносным программным обеспечением. По крайней мере, вопрос о введении запретов там рассматривается, причем с использованием технологий, применяемых для ограничения свободы слова в Интернете [3, с. 207–212]:

1. Технология фильтрации. Для фильтрации web-контента предлагаются два разных подхода. Первый — провайдер предоставляет доступ к Интернету только пользователям, которые, по действующему законодательству, должны (или им рекомендуется) применять механизмы фильтрации; второй — инфраструктура фильтрации устанавливается в пунктах стратегического назначения, служащих связующим звеном между национальными сетями и международной магистральной сетью, как разновидность виртуальной границы. Вторым подходом предпочитают страны с уже развернутой телекоммуникационной сетью или с существующим государственным надзором и контролем, где изначально необходимость применения фильтрации web-контента так или иначе была очевидной (например, китайская система «Great Firewall» («Золотой щит»).

1.1. Блокировка по IP-адресу. Метод предусматривает введение запрета на доступ к определенным IP-адресам, включенным в список запрещенных. Это наиболее простая и примитивная в использовании технология. Она не требует значительных капиталовложений в специализированное оборудование (ведь ее функции ограничиваются проверкой заголовков TCP/IP) и практически не влияет на производительность сети.

1.2. Блокировка по домену. Первичная форма методики блокирования трансформировалась в метод блокировки с использованием не IP-адреса, а имени домена в качестве критерия фильтрации. Этот подход повысил избирательность фильтрации, но не повлиял на законопослушные домены, пользующиеся услугами одного и того же хостинг-провайдера и списками запрещенных IP-адресов. Одной из стран, отдающих предпочтение именно этому методу, является Германия, где принят закон [4], по которому предусмотрена возможность интернет-провайдеров блокировать DNS-запросы, касающиеся имен доменов, включенных правоохранительными органами в специальный, постоянно обновляющийся, список с тем, чтобы блокировать доступ к сайтам с детской порнографией в максимально сжатые сроки после их идентификации. Такие страны, как Австралия, Великобритания и Норвегия, также применяют блокирование по DNS. В случаях, когда пользователь запрашивает IP-адрес, внесенный в «черный список» имен доменов, DNS-сервер возвращает адрес на статическую web-страницу с предупреждением о том, чтобы сторона запроса обратила внимание на информационное наполнение интересующей ее страницы (например, kid.telenor.net). С технической точки зрения избежать такой блокировки достаточно просто: достаточно лишь изменить конфигурацию компьютера так, чтобы он обращался к DNS-

серверу другой страны (например, к OpenDNS) (например, www.opendns.com).

1.3. Блокировка по URL. Более эффективным методом блокировки является проверка полного адреса запрашиваемого ресурса в сети (URL) и предоставление доступа или отказ в нем на основании более сложных правил. Это позволяет блокировать доступ только к определенным частям веб-сайта. С технической точки зрения такой метод фильтрации, как правило, осуществляется путем установления прокси-сервера, который может быть и прозрачным, и непрозрачным, но обязательным для применения. Прокси-сервер блокирует все попытки получить веб-контент, минуя его. Поскольку такой сервер становится единственным источником веб-контента для всех пользователей, можно легко создать правила, контролировать режим его работы в зависимости от запрашиваемого домена, страницы или даже параметров информации. Например, можно блокировать интерактивные запросы, в которых содержатся ключевые слова из «черного списка» и выполняются через Google или другую поисковую систему, поскольку условия поиска будут отображаться как параметры «get» («Отправить») в URL, что дает доступ к полученным результатам. Эта технология используется отдельными странами для массовой фильтрации веб-контента, в том числе с применением программ SmartFilter и Fortinet Fortiguard от компании McAfee.

1.4. Блокировка по ключевым словам, или пакетная фильтрация. При ее использовании блокируется объем контента, больший необходимого. Так, может блокироваться доступ к учебным материалам по репродуктивной биологии, ведь информационное наполнение по этим темам обычно содержит слова, которые ассоциируются с порнографией. Такую информацию, как правило, используют в сочетании с «белыми списками» доменов, вызывающих доверие, где ограничения по ключевым словам не производятся. Однако этот метод требует слишком много ресурсов, из-за чего анализ информационного трафика становится экономически и технически нецелесообразным. В то же время на рынке компьютерных технологий существует значительное количество различных коммерческих решений по кодированию информации для нейтрализации механизмов контроля, в частности Tor и FreeNet, которые способны скрыть определенные действия пользователя так, чтобы доступной была только информация о соединении с узлом, принадлежащим этим сетям, однако конкретных сведений о полученном контенте у контролирующих подразделений не будет [3, с. 209].

1.5. Изменение результатов поиска. Как вариант, вместо (или кроме) механизмов блокировки доступа к информации можно прописать команду удалять противозаконный или нежелательный контент из ре-

зультатов поиска в Интернете. Как правило, такие сведения также фильтруют с помощью некоторых указанных нами методов, а цель удаления такого контента заключается в том, чтобы скрыть сам факт существования какой-либо цензуры.

2. Прозрачность и информация конечного пользователя. Следует различать не только методы проверки контента, но и страны, которые пытаются обеспечить прозрачность механизмов фильтрации и контроля, сообщают пользователю о том, что запрашиваемый ресурс запрещен, или предлагают изменить критерии фильтрации, а также страны, где маршруты запроса или параметры фильтрации меняются без объяснений.

Противоположный подход наблюдаем в таких странах, как Саудовская Аравия, где, несмотря на применение фильтрации к значительному по объемам контенту, пользователю, кроме сообщения о причинах блокировки информации, предлагаются механизмы обращения в государственные органы для пересмотра правил запретов. В любом случае полного «черного списка» ресурсов, подлежащих фильтрации, не существует ни в открытом, ни в ограниченном доступе для спецподразделений киберполиции, как следствие — систему часто взламывают с конкретной целью, например, для фильтрации сексуальных снимков несовершеннолетних или иных потребностей, кроме прямой [3, с. 209].

Таким образом, за последние несколько лет органы государственной власти различных стран существенно активизировали деятельность, направленную на фильтрацию веб-контента. Вероятно, в ближайшее время эта тенденция сохранится, несмотря на то, что механизмы фильтрации может обойти пользователь, имеющий даже минимальные знания. Фильтрация контента стала в последнее время одной из основных тем, которая активно обсуждается лицами и организациями, выступающими за более жесткое регулирование Интернета, и правозащитными организациями. Именно поэтому отечественные специализированные подразделения по борьбе с киберпреступностью и торговлей людьми должны учитывать эти тенденции и набирать опыт зарубежных стран с целью противодействия этим преступлениям, прежде всего распространению детской порнографии в сети Интернет.

1. Deibert R. Access Denied: The Practice and Policy of Global Internet Filtering [Electronic resource] : MIT Press, 2008. URL: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=1349743> (date of the application: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. 2016 World Press Freedom Index: a «deep and disturbing» decline in media freedom [Electronic resource]. URL: <https://rsf.org/en/reports/2016-world-press-freedom-index-deep-and-disturbing-decline-media-freedom> (date of the application: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Санакоєв Д. Б. Протидія порнографії в Інтернет підрозділами з боротьби з кіберзлочинністю та торгівлею людьми // Право і безпека. 2011. № 2 (39). С. 207–212. [Вернуться к статье](#)

4. Gesetzesbeschluss des Deutschen Bundestages [Elektronische Ressource]. URL: http://www.doerre.com/jugendschutz/20090619_br_sperrgesetz.pdf (Berufungsdatum: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*Э. И. Санюк
аспирант кафедры криминалистики
юридического факультета
Белорусского государственного университета*

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ОБЪЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Одной из ключевых задач криминалистики является разработка и совершенствование методов и средств практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Одним из таких методов является метод моделирования. С теоретической точки зрения моделированию может быть подвергнуто любое действие, объект. Однако на современном этапе использование данного метода в практической деятельности правоохранительных органов вызывает множество научных дискуссий.

Главной теоретической проблемой моделирования (в частности, моделирования личности преступника) является вопрос о возможности и обоснованности использования данного метода в криминалистике. Изучение научной литературы показывает, что методологические возможности метода моделирования «полностью не используются: наибольшее внимание уделяется процессу моделирования как средству отражения информации об объектах, обобщения информации, поступающей в процессе расследования; основной акцент делается на возможности создания только определенной модели объекта — идеальной (мысленной) или материально реализованной (физической)» [1, с. 59].

В данном исследовании мы хотели бы рассмотреть сквозь призму метода моделирования личность преступника. Рассматривая личность преступника как объект моделирования, мы не ведем речь о физической замене объекта моделирования его аналогом. Для изучения личности преступника используется своеобразная информационная модель, изучение которой помогает выработать рекомендации по расследованию и раскрытию преступлений.

Как указывает Г. Н. Мухин, «разрабатываемая исследователем вероятностная идеальная модель по существу является детализированной версией об особенностях личности и преступного поведения неустановленного преступника» [2, с. 292].

Р. Л. Ахмедшин рассматривает личность преступника как «вероятностную модель собирания ориентирующей информации о преступлении и преступнике» [3, с. 16]. То есть исследователь расширяет по-

нятие, включая в него и информацию о преступлении. Безусловно, модель совершения самого преступления и модель личности лица, совершившего преступления, находятся в тесной взаимосвязи, однако считаем правильным не объединять две данные модели по причине наличия разного объекта. При моделировании личности преступника более уместно говорить не об информации о преступлении, а об информации о преступной деятельности или преступном поведении, которые характеризуют объект.

Рассматривая моделирование личности преступника следует также обратить внимание на результаты, которые могут быть получены в процессе применения данного метода. Так, ранее указывалось, что при моделировании возможно создать идеальную (мысленную) или материально реализованную (физическую) модель. Однако А. В. Дулов указывает, что «это очень важный и необходимый аспект, но моделирование не ограничивается только этим. В действительности мысленное воспроизведение действий, прогнозирование результатов — одна из характерных особенностей человеческой деятельности, человеческого мышления» [1, с. 59]. То есть фактически при создании модели имеется возможность не только «описать» свойства и характеристики объекта моделирования, но и воспроизвести действия, совершаемые преступником, а также спрогнозировать его дальнейшие действия.

Большинство исследователей склоняются к мнению, что модель личности преступника представляет собой некую совокупность свойств, признаков, характеристик субъекта преступления, выявленных на основе анализа следов преступления, иных доказательств. Интересное мнение высказывается А. В. Дуловым и А. И. Чувак. В своей совместной работе они отмечают, что одна из особенностей «изучения личности обвиняемого заключается в том, что в ходе этого процесса необходимо последовательно строить и использовать несколько видов моделей» [1, с. 59]. С учетом описанных выше возможностей метода моделирования данная точка зрения представляется верной.

Для рассмотрения вопроса о модели личности преступника считаем важным обратить внимание на информацию, которую целесообразно включать в данную модель.

К первой группе информации мы можем отнести информацию о свойствах, признаках, характеристиках субъекта преступления. Для изучения данной группы мы можем пользоваться методиками изучения личности как структурного элемента криминалистической характеристики преступления.

Ко второй группе информации можно отнести информацию о преступном поведении субъекта. К данной информации предлагаем отно-

сить сведения, свидетельствующие о приготовлении к преступной деятельности, сведения о месте совершения преступления, способе совершения преступления, сокрытии преступления и т. п.

К третьей группе информации можно отнести предполагаемую информацию о дальнейшей преступной деятельности преступника. К таким сведениям могут быть отнесены предполагаемые места совершения преступления, категория жертв, интервал совершения преступлений (при наличии повторности) и др.

К четвертой группе информации могут быть отнесены сведения о поведении преступника при обращении подозрения на него правоохранительных органов, а также в процессе проведения следственных действий с его участием.

Следует подчеркнуть, что при формировании таких сведений следователь должен помнить о том, что в процессе исследования данных о личности необходимо системно и полно изучать информацию, относящуюся к предмету доказывания. При этом не следует забывать, что такая информация должна быть получена в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, личность преступника как объект моделирования представляет собой сложную идеальную модель лица, совершившего преступление, которая включает в себя следующие компоненты:

- 1) совокупность (систему) свойств, признаков, характеристик субъекта преступления;
- 2) модель преступного поведения субъекта;
- 3) прогноз дальнейших действий преступника;
- 4) модель поведения преступника при взаимодействии со следствием.

1. Дулов А. В., Чувак И. А. Основы построения модели изучения личности обвиняемого в процессе расследования преступлений // Юридический журнал. 2009. № 3. С. 58–61. [Вернуться к статье](#)

2. Мухин Г. Н. Теоретические проблемы моделирования личности неустановленного преступника // Право и демократия : сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Бибило [и др.]. Минск, 2015. Вып. 26. С. 292–304. [Вернуться к статье](#)

3. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 2006. 48 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

*Д. А. Свиридов
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь*

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» внесены изменения в ряд кодексов. Внесены они и в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК), что обусловлено современными реалиями в области модернизации уголовной ответственности за преступления против порядка осуществления экономической деятельности.

Наряду с другими изменениями и дополнениями уголовного законодательства в Законе предлагается изложить статью 233 УК в новой редакции, сохранив уголовную ответственность лишь за предпринимательскую деятельность, осуществляемую без специального разрешения (лицензии).

Сравнительный анализ действующей нормы и нормы, которая должна вступить в силу 19 июля 2019 года, показывает, что основными отличиями являются следующие:

- изменено название статьи 233 с «Незаконная предпринимательская деятельность» на «Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии)»;
- исключена уголовная ответственность за предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с законодательными актами считается запрещенной либо осуществляется без регистрации в установленном порядке;
- снижен верхний предел санкции части первой статьи, связанный с лишением свободы, с 3 до 2 лет;
- из санкции части 3 статьи исключено наказание в виде конфискации имущества;
- в соответствии с изменениями самой статьи, внесены изменения в примечание к ней, в котором рассматривается понятие дохода от предпринимательской деятельности.

В целом же корректировки, внесенные в УК, концептуально соответствуют курсу государства на либерализацию экономической дея-

тельности, раскрепощение деловой инициативы, а также позволят исключить случаи привлечения руководителей добросовестных организаций и индивидуальных предпринимателей к ответственности за легально осуществляемую деятельность. Вместе с тем необходимо тщательно осмыслить внесенные изменения с криминалистической точки зрения, т. е. актуальности уже сформированной частной криминалистической методики расследования незаконной предпринимательской деятельности. Нарушены ли основные взаимосвязи элементов частной методики? Насколько они соответствуют законодательству? Необходима ли глубокая переработка структуры и содержания частной криминалистической методики в целом? На данные вопросы представляется возможным ответить, внимательно исследовав изменения уголовного законодательства.

Так, в частности выглядит несколько сомнительным изменение названия статьи. Прежде всего, необходимо разобраться с термином «незаконный»: «не основывающийся на законе; нарушающий закон» (Большой толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова), «нарушающий закон, права» (Толковый словарь русского языка Ушакова); «противозаконный, не согласный с законами, правилами, постановлениями» (Толковый словарь Даля) [1]. Таким образом, видится верным утверждать, что любая деятельность, в том числе и предпринимательская, осуществляемая с нарушением правил, порядка и условий, предусмотренных нормативным правовым актом, есть деятельность незаконная. Нормативными правовыми актами (например, Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» в действующей редакции) предусмотрены виды деятельности, которые требуют получения специального разрешения (лицензии). Нарушение данных требований влечет за собой признание осуществления такой деятельности в качестве незаконной. Кроме того, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее — КоАП) сохранил название статьи 12.7 «Незаконная предпринимательская деятельность».

Далее рассмотрим изменения законодательства, связанного с размерами и видами наказания. В целом эти изменения отвечают духу развития экономических отношений в Республике Беларусь. Однако с точки зрения криминалистики данные изменения по своей сути никак не могут повлиять на частную криминалистическую методику, т. к. вид и размер наказания определяются судом при вынесении приговора по личному убеждению судьи с учетом собранных материалов уголовного дела, а, кроме того, вид и размер наказания не входят в предмет науки криминалистики.

Наиболее значимым изменением, которое затрагивает частную криминалистическую методику расследования незаконной предпринимательской деятельности, является декриминализация законодателем таких действий, как «осуществление деятельности, которая в соответствии с законодательными актами считается запрещенной либо осуществляется без регистрации в установленном порядке». Данные действия помещены законодателем в ст. 12.7 КоАП «Незаконная предпринимательская деятельность». Учитывая тот факт, что осуществление запрещенной деятельности и предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации ранее рассматривалось в качестве альтернативных действий вместе с осуществлением предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), исключение вышеуказанных действий повлияет на способы осуществления незаконной предпринимательской деятельности, но не сделает их неактуальными, т. к. способы базируются в том числе и на отсутствии специального разрешения (лицензии). Кроме того, факт отсутствия регистрации в рамках уголовного дела все равно придется устанавливать с позиции полноты, всесторонности и объективности расследования. В случае установления факта осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) лицом, не зарегистрированным в установленном порядке, в рамках расследования должны быть выделены материалы и направлены в соответствующие органы для решения вопроса о привлечении такого лица к административной ответственности по ч. 1-1 ст. 12.7 КоАП.

Помимо прочих изменений, внесены изменения в примечание к статье 233 УК — увеличен размер крупного (1000 и более базовых величин) и особо крупного (2000 базовых величин) ущерба, что также не влияет на структуру и содержание частной криминалистической методики расследования незаконной предпринимательской деятельности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что изменения, внесенные в ст. 233 УК, не разрушают структуру частной криминалистической методики незаконной предпринимательской деятельности, а лишь требуют некоторой корректировки.

1. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/poisk-find.html?searchword=%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9&ordering=&searchphrase=all> (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

Е. А. Тимофеева
старший оперуполномоченный ОБЭП КМ УВД
администрации Московского РУВД г. Минска (Беларусь)

О ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ В ТОВАРИЩЕСТВАХ СОБСТВЕННИКОВ, ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗАСТРОЙЩИКОВ

На сегодняшний день в Республике Беларусь удельный вес жилищного фонда, находящегося в частной собственности, достаточно высок (более 86 %) и растет из года в год. Увеличение количества приватизированных квартир, а соответственно и числа частных собственников жилья, вызывает необходимость развивать коллективные формы владения и управления жилищным фондом.

В условиях либерализации и активности населения образуются новые формы общественных объединений и организаций. Одной из них, связанной непосредственно с развитием института частной собственности, стали товарищества собственников жилья и организации застройщиков. Они явились результатом выражения интересов граждан, получивших право собственности на жилье в многоквартирных домах.

Создание товариществ собственников и организаций застройщиков в Республике Беларусь способствует практическому освоению гражданами нашей страны принципов самоуправления. Опыт передовых товариществ собственников жилья, организаций застройщиков наглядно демонстрирует жильцам многоквартирных домов возможности, которые они могут реализовать в рамках самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности, реально снижая зависимость от управленческих структур государства.

Реформирование системы управления жилищно-коммунального хозяйства предполагает активное включение населения в заботы по содержанию и воспроизводству жилищного фонда. Приватизация жилья, позволяющая значительной части граждан стать собственниками, обуславливает и новое отношение населения к жилищному фонду. Владелец жилья получает не только новые права, но и новые обязанности, связанные с хозяйственным управлением недвижимым имуществом. Полностью оплачивая жилищно-коммунальные услуги, граждане вправе поставить под свой контроль денежные потоки и работу организаций, занимающихся обслуживанием жилищного фонда, добиваться желаемого качества соответствующих услуг. Они непосредственно заинтересованы в решении проблем и создании эффективных

механизмов ресурсосбережения и рационализации затрат в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг. В связи с этим особую значимость приобретают вопросы самоорганизации граждан в сфере защиты своих жилищных интересов.

Через товарищества собственников, организации застройщиков рядовые жильцы многоквартирных домов могут реально влиять на разработку и осуществление районных (городских) программ ремонта жилого фонда. Кроме того, общественный контроль со стороны членов товарищества собственников жилья, как правило, является препятствием для нерационального расходования денежных средств, отчисляемых ими на строительство и (или) на содержание многоквартирных жилых комплексов. Ввиду данного обстоятельства сфера деятельности товариществ собственников, организаций застройщиков — это та сфера по управлению общим имуществом жилых домов, куда в меньшей степени вмешивается государство, в том числе и правоохранительные органы нашего государства.

Так, доходы товарищества собственников — это плата самих собственников за техническое обслуживание по установленным государством тарифам и (или) в некоторых случаях доходы от аренды. Иначе говоря, денежный фонд товарищества собственников формируется строго за счет отчислений самих собственников. Управление общим имуществом жилых домов осуществляется самими собственниками в лице избранного им представителя и за счет производимых ими ежемесячных отчислений.

Денежные средства, перечисляемые собственниками или членами организаций застройщиков, должны расходоваться строго на целевые нужды каждого дома. Однако, как показывает сложившаяся практика, не всегда должностные лица товариществ собственников, организаций застройщиков поступают добросовестно в части вопроса законности и целевого расходования денежных средств, отчисляемых самими собственниками, членами организации застройщиков. Из-за недостаточного мониторинга со стороны государственных органов, в том числе правоохранительных, и постоянного контроля деятельности данных объединений она становится уязвимой и подверженной коррупционным рискам.

Свидетельством этого является возбуждение в Республике Беларусь за последнее десятилетие ряда уголовных дел в отношении должностных лиц товариществ собственников, организаций застройщиков по факту хищений ими путем злоупотребления служебными полномочиями. Практика показывает, что хищения, совершенные в товариществах собственников, организациях застройщиков, вызвали широкий общественный резонанс, поскольку речь идет не о денежных

средствах, выделяемых государством, а о собственных денежных средствах, перечисляемых самими гражданами.

Недостаточный контроль рассматриваемой сферы деятельности со стороны правоохранительных органов приводит к должностным злоупотреблениям и корыстным преступлениям в отношении собственников денежных средств.

Ввиду того, что все финансовые процессы и денежные потоки, происходящие в объединениях по управлению общим домовым имуществом, отдаются на откуп самим собственникам жилых помещений в лице их представителей, а также отсутствует организованный надлежащим образом мониторинг со стороны государственных органов, в том числе и правоохранительных, деятельность данных объединений становится уязвимой для совершения хищений денежных средств должностными лицами в лице нанятых председателей и бухгалтеров. Наряду с этим последние, совершая различного рода хищения, чувствуют свою безнаказанность. Существование в настоящее время в стране плановых проверок товариществ собственников, организаций застройщиков со стороны местных исполнительных, распорядительных органов не позволяет надлежащим образом осуществить контроль за деятельностью данных объединений и дает возможность должностным лицам подготовиться к проведению проверки. Внезапность, внеплановость проведения проверок со стороны государственных органов позволит осуществить более качественный контроль за деятельностью объединений, а в некоторых случаях в ходе проверки поможет установить признаки, предпосылки совершения хищений должностными лицами товариществ собственников, организаций застройщиков. Осуществление постоянного контроля, мониторинга за деятельностью товариществ собственников, организаций застройщиков с постоянным вмешательством правоохранительных органов позволит предупредить совершение различного рода коррупционных проявлений, в том числе и хищений денежных средств самих собственников.

УДК 343.9

*О. А. Федоренко
младший научный сотрудник лаборатории
по проблемам противодействия преступности
Национальной академии внутренних дел (Украина)*

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, КОТОРАЯ СОВЕРШАЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБСТАНОВКИ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Стремительное развитие компьютерных технологий и компьютерной техники, повсеместное проникновение телекоммуникационных сетей почти во все сферы жизнедеятельности человека, развертывание процесса информатизации общества приводит к значительному росту показателей уровня киберпреступности. Огромный технический потенциал и безграничные возможности Интернета все чаще в современных условиях могут быть использованы в преступных целях. Несмотря на виртуальность преступлений, ущерб они наносят вполне реальный, а количество преступлений увеличивается с каждым годом. В настоящее время киберпреступность является серьезной проблемой, а деятельность кибермошенников приносят большие убытки. Подтверждение такой информации можно увидеть в статистической отчетности, представляемой банками в Национальный банк Украины, например: в 2017 году было зарегистрировано 77,6 тыс. мошеннических случаев с платежными карточками на сумму 163,7 млн грн. [1].

Расследование преступлений с использованием киберпространства существенно отличается от расследования других «традиционных» преступлений. Что касается особенностей личности интернет-мошенника, то они исследованы недостаточно, что приводит к теоретическим дискуссиям и трудностям в процессе расследования. Причины отдельного преступления, как и причины преступности, не могут быть выяснены без учета личности преступника. Исследование личности преступника оптимизирует процесс выдвижения следственных версий и обеспечивает выбор наиболее оптимальных тактических приемов проведения отдельных следственных (розыскных) действий при расследовании мошенничеств, совершаемых в сети Интернет. С помощью анализа поведения и психологии преступника можно установить истинные причины и условия совершенного преступления, оценить общественную опасность преступника, осуществить правильную уголовно-правовую квалификацию содеянного и, как следствие, назначить справедливое наказание.

Кибермошенничество является достаточно «молодым» видом преступлений. По статистическим данным, возраст лиц, совершающих мошенничества в сети Интернет, составляет от 15 до 45 лет. Материалы экспертных исследований определяют, что на момент совершения противоправных действий возраст 33 % преступников не превышал 20 лет, 13 % были старше 40 лет, 54 % имели возраст от 20 до 40 лет. Практика показывает, что все чаще такими преступниками становятся несовершеннолетние [2]. Большинство преступников имеют среднее специальное и высшее образование, наделены высокими интеллектуальными способностями.

Аналитики утверждают, что большая часть сотрудников, которые совершали различные компьютерные преступления по инфраструктуре информационных технологий компаний, занимали технические должности в организации, где такие преступления были совершены [3].

Одной из характерных особенностей интернет-преступности вообще и интернет-мошенничества в частности является отсутствие судимости у преступников. Обычно такие мошенничества совершаются из корыстных побуждений. Хотя в последнее время широкое распространение приобретают мошенничества с использованием электронно-вычислительной техники лицами, находящимися в местах лишения свободы [4].

Учитывая новизну и разнообразие интернет-преступлений, изучение личности преступника приобретает особую актуальность, поскольку дело приходится иметь с субъектами, ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных структур [5]. Их методы совершенствуются и становятся все более сложными. Учет характеристики личности при расследовании конкретного преступления такой категории позволяет избежать ненужных затрат времени, а также определить приоритетные задачи и направления. Данный вопрос в криминологической науке относится к категории недостаточно изученных. Проблема усугубляется сильным отличием технологий Интернет-преступлений от существовавших ранее технологий совершения преступлений и предусматривает рассмотрение данного вопроса в рамках отдельной отрасли интернет-права, которая не сформировалась до конца.

1. Убытки украинских банков от незаконных действий с платежными карточками: [Электронный ресурс]. URL: https://bank.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=63383127 (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Несовершеннолетние мошенники через Интернет разводят Черкас на деньги [Электронный ресурс]. URL: <http://provce.ck.ua/неповнолітні-шahражі-через-інтернет-розводять-ч> (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт : [монография]. М. : Норма, 2004. 432 с. [Вернуться к статье](#)
4. Актуальные вопросы расследования киберпреступлений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 10 дек. 2013 г. / МВД Украины, Харьк. нац. ун-т внутр. дел. М. : ХНУВД, 2013. 272 с. [Вернуться к статье](#)
5. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск, 2009. [Вернуться к статье](#)

А. Н. Хох

*заведующий лабораторией исследования материалов,
веществ и изделий Научно-практического центра
Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь*

ВОЗМОЖНОСТИ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ ИЗ РАСТИТЕЛЬНОГО СЫРЬЯ

Практический интерес к применению метода спорово-пыльцевого анализа (далее — СПА) при решении криминалистических задач постоянно возрастает. Это обусловлено тем, что в процессе цветения растения продуцируют огромное количество пыльцевых зерен и спор, которые оседают на поверхности любых объектов материального мира. Таким образом, происходит формирование палинологических спектров определенного флористического состава, с разнообразным количественным содержанием отдельных компонентов в зависимости от географического района, времени года и многих других факторов.

В настоящее время широкие возможности и перспективы открывает использование спорово-пыльцевого анализа при расследовании уголовных дел по незаконному обороту наркотических средств, изготовленных из растительного сырья (например, кока (*Erythroxylum coca*), конопля (*Cannabis*), мак снотворный (*Papaver somniferum*), псилоцибе (*Psilocybe*) и др.) [1, с. 25].

Необходимо отметить, что на протяжении последних 2 лет именно наркотики растительного происхождения преобладают в структуре наркотического рынка Республики Беларусь. Так, например, количество изымаемого гашиша, который в 2018 г. пытались перевезти транзитом по территории Беларуси, составило 700 кг, в то время как в 2017 г. эта цифра не превышала 200 кг [2].

Зачастую при расследовании уголовных дел о распространении и употреблении наркотических средств возникает необходимость в получении информации о том, имеют ли сравниваемые объекты общий (единый) источник происхождения. В данном случае для формирования качественной доказательственной базы требуется проведение судебно-ботанической экспертизы с использованием СПА. Ее главное преимущество заключается в возможности обнаружения сразу нескольких десятков качественно-количественных показателей, характе-

ризирующих спорово-пыльцевые спектры, что позволяет максимально приблизить групповую идентификацию к индивидуальной. Следует, однако, учитывать, что проведение экспертиз такого рода — это длительный и трудоемкий процесс, предполагающий наличие у эксперта необходимых специальных знаний и навыков. Определение таксономической принадлежности пыльцевых зерен и спор практически невозможно без наличия атласов-определителей с микрофотографиями пыльцы и спор и их детальными морфологическими описаниями, а также без эталонной сравнительной коллекции препаратов пыльцы древесных и травянистых растений, особенно широко распространенных, и спор высших споровых растений. Невзирая на некоторые объективные сложности, метод СПА продолжает оставаться наиболее востребованным и информативным, поскольку позволяет ответить на вопросы, на которые другие методы достоверных ответов не дают, а также установить обстоятельства, имеющие значение для расследования.

Исходя из существующих потребностей судебной и следственной практики, в 2017 г. в Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь на основании экспериментальных результатов, полученных в ходе реализации задания 3.2.01 «Разработка новых подходов к исследованию объектов растительного происхождения при проведении судебно-экспертных исследований» по ГПНИ «Информатика, космос и безопасность», была подготовлена методика «Экспертное исследование наркотических, психотропных и других объектов растительного происхождения методом спорово-пыльцевого анализа». Методика была рассмотрена и одобрена Межведомственным научно-методическим советом в области судебной экспертизы при Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь и включена в локальный электронный ресурс «Реестр методик и иных методических материалов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». Ее суть заключается в установлении принадлежности или непринадлежности сравниваемых наркотических объектов растительного происхождения к единой растительной массе на основе качественной (таксономический состав) и количественной (процентное содержание) оценки сравниваемых спорово-пыльцевых спектров. Использование данной методики позволило экспертам добиться единого подхода к подготовке и проведению палинологических экспертных исследований, в выделении и оценке идентификационных признаков.

В целом, резюмируя все вышеизложенное, можно сделать заключение о том, что данные спорово-пыльцевого анализа содержат исключительно важную доказательственную информацию при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиче-

ских средств, изготовленных из растительного сырья, имеют несомненное практическое значение для решения актуальных криминалистических задач, а использование данного метода является началом нового направления в судебной палинологии в Республике Беларусь.

Для дальнейшего совершенствования проведения судебно-ботанических экспертиз с применением спорово-пыльцевого анализа требуется продолжить работу по созданию необходимых методических пособий и инструментария, активному внедрению перспективных научно-методических разработок в экспертную практику, а также регулярному проведению обучения для сотрудников органов предварительного расследования и экспертных подразделений.

1. Использование возможностей судебной палинологии и фитолитного анализа при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркосодержащих растений и их частей / Голохваст К. С. [и др.] // Наркоконтроль. 2017. №. 1. С. 23–28. [Вернуться к статье](#)

2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Обзор наркоситуации в республике за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.gov.by/main.aspx?guid=304623> (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

*Чжу Цзюй Чжэн
магистрант кафедры криминалистики
юридического факультета
Белорусского государственного университета*

ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Китайской Народной Республике (КНР), как и в Беларуси и других странах, при проведении осмотров мест происшествия, обысков, поисковых мероприятий на предмет обнаружения взрывных устройств, взрывоопасных, наркотических веществ и иных объектов, представляющих опасность для окружающих и запрещенных к обращению, продолжают применяться традиционные методы, которые зачастую малоэффективны и порождают большое количество различных проблем.

В связи с необходимостью решения этих проблем в КНР в последние годы большое внимание уделялось разработке технических методов, позволяющих, не повреждая упаковку, определять физические характеристики предметов, находящихся внутри нее [1, с. 21–43]. Так, использование рентгена позволяет быстро произвести проверку плотно загруженного контейнера, чтобы с помощью стратификации (расслоения) выяснить физические характеристики материалов, из которых сделаны товары. Тем самым без причинения вреда здоровью людей можно провести бесконтактную проверку исследуемых объектов на предмет наличия в их составе взрывоопасных веществ. В КНР успешно разрабатывались технические средства, позволяющие на молекулярном уровне распознавать наличие в исследуемых предметах наркотических средств и взрывоопасных веществ. С целью решения такого рода задач в последние годы быстро развиваются следующие технологии:

1. Множественное рентгеноскопирование (рентгеноскопирование под двойным углом). Данная методика базируется на физическом явлении «неодинаковости эффекта затухания» рентгеновских лучей, если на один и тот же материальный объект были направлены рентгеновские лучи различной мощности. В ходе исследования используются энергии двух рентгеновских зондов (определителей) разной мощности. После этого в отношении двух различных зафиксированных прибором сигналов проводится их математическая обработка с целью получения «атомного» порядкового номера проверяемого предмета.

Этот номер позволит отличить данный предмет от других объектов. Технология двойного (множественного) рентгеноскопирования основывается на увеличении количества источников излучения. В результате применения двух различных углов, под которыми направляются рентгеновские лучи, на экране монитора удастся избежать нежелательного в данном случае эффекта наложения изображений сканируемых предметов, что существенно увеличивает точность прибора.

Соединение двух подобных техник приводит к значительному повышению эффективности. Теперь можно оперативно, не открывая и не повреждая багаж, выявлять спрятанные среди других вещей опасные предметы, перевозимые авиационным и наземным транспортом. В настоящее время на территории Китая организовано фабричное производство оборудования, позволяющего использовать данную методику.

2. Получение изображений с помощью метода компьютерной томографии. Данная методика осуществляется посредством вращения проверяемого предмета под определенным углом. Таким образом получают данные о лучевых проекциях с разных ракурсов. Затем с помощью компьютерной программы, использующей специальный реконструирующий алгоритм, получают трехмерное изображение плотностей внутри осматриваемого объекта. Данная техника получения трехмерного изображения широко используется в медицине, авиации, военном деле, металлургии, механике, нефтепереработке.

В области борьбы с преступностью данная технология позволяет в ходе обыска эффективно распознать спрятанные вещи. Вероятность ошибки в результате использования данной методики незначительна. Кроме того, она позволяет изучать объекты в режиме реального времени. Небольшая площадь, требуемая для размещения данной техники, идеально подходит для проведения поисковых мероприятий на таможне, автовокзалах, правительственных учреждениях, при проведении спортивных мероприятий, в различного рода общественных местах. Поэтому данная методика обладает уникальными технологическими достоинствами. В настоящее время КНР в данной области технических разработок находится на лидирующих позициях в мире.

3. Получение изображения с помощью мегагерцевой волны. Плюсами данной методики является то, что в отношении целого ряда неметаллических объектов она обладает очень хорошей проникающей способностью, более того, она может помочь выявлению полостей внутри изделий из древесины или спрятанных внутри вещей, которые невозможно рассмотреть при инфракрасном излучении. Недостатками является то, что этот метод бесполезен для изучения металлических объектов, т. к. данного типа волны в последнем случае почти полно-

стью поглощаются. Выделяют также активную и пассивную разновидности данного метода. В КНР данный метод находится на стадии лабораторной доработки значительного распространения.

Следует отметить, что в настоящее время постоянно повышаются международные требования по обеспечению безопасности подобного рода приборов, а также требования к проводимой проверке с точки зрения критериев скорости действия, точности, автоматизированности процесса работы.

Ни одна из вышеописанных методик не является универсальной, и все они применяются в сочетании с традиционными методами осуществления поисковых мероприятий [2, с. 248–269]. Вместе с тем актуальной на сегодняшний день является проблема развития национальных китайских инновационных технологий в данной сфере.

1. Исследования места преступления / ред. Ли Чан Ю. Пекин : Изд-во Ун-та обществ. безопасности, 2006. 175 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ли Чанюй. Осмотры места совершения преступления: криминалистика. Пекин : Изд-во Ун-та обществ. безопасности, 2006. 412 с. [Вернуться к статье](#)

*К. В. Чупругин
адъюнкт Института национальной безопасности
Республики Беларусь*

КАТЕГОРИЯ НЕГЛАСНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь, как и многих других стран, использование негласно полученной информации для выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности не считается методами, которые нарушают конституционные права и свободы граждан. Более того, они рассматриваются как один из самых эффективных способов борьбы с преступностью.

В соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК Беларуси протоколы оперативно-розыскных мероприятий признаются источниками доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в установленном порядке. Иными словами, чтобы материалы оперативно-розыскной деятельности были признаны доказательствами, они должны быть проверены и оценены в соответствии со ст. 104, 105 УПК. Собирание доказательств, согласно ст. 103 УПК, производится только путем проведения процессуальных действий [1]. В свою очередь, абз. 3 ст. 49 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает, что материалы оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в целях доказывания в уголовном процессе [2].

Процедура легализации материалов оперативно-розыскной деятельности активно рассматривается как в научных исследованиях [3], так и в учебных изданиях.

В то же время в ряде стран оперативно-розыскные мероприятия получают официальный уголовно-процессуальный статус. Так, в соответствии со ст. 246 УПК Украины [4] стало возможным проведение следственных действий, результаты которых не подлежат разглашению и получают негласно.

Статьей 231 УПК Казахстана [5] также закреплён перечень негласных следственных действий. УПК Грузии [6] включил в себя главу 16 «Тайные следственные действия». В уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики оперативно-розыскные мероприятия проводятся в рамках следственных действий и регламентированы гл. 11 «Специальные следственные действия» [7].

Представляет интерес точка зрения ряда ученых Российской Федерации. Так, А. М. Баранов выступает за включение негласных способов собирания доказательств в Уголовно-процессуальный кодекс и придание им статуса процессуальных действий [8]. А. Е. Шарихин предлагает рассматривать организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности как элемент предварительного расследования в скрытой форме, раскрыв содержание оперативно-розыскных мероприятий в Уголовно-процессуальном кодексе [9].

В Республике Беларусь к данной проблеме обращались М. В. Галезник, А. Е. Гучок, А. Н. Тукало и др.

В большинстве случаев научной аргументации конкретных предложений не приводится. Нам представляется, что ключевым является вопрос единообразного понимания категории негласности как в оперативно-розыскной, так и в уголовно-процессуальной деятельности.

В свою очередь, появление негласных следственных действий в ряде случаев делает проблематичным обеспечение защиты конституционных прав и свобод граждан. Действующий УПК Республики Беларусь в качестве основных принципов уголовно-процессуальной деятельности закрепляет как ее гласность, так и состязательность. Их реализация при производстве негласных следственных действий ставится под сомнение, равно как и право защитника присутствовать при производстве следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого). Возникает вопрос: является ли прослушивание переговоров подозреваемого (обвиняемого) следственным действием с его участием?

Нам представляется, что юридическая сущность негласности получения информации в любом виде деятельности заключается в возможности ее получения помимо (вопреки) воли(е) ее собственника либо владельца. Такое понимание негласности дает возможность системно рассматривать оперативно-розыскную деятельность и провести границу между ею и уголовным процессом.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Хлус А. М. Прокурорский надзор за законностью легализации материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Законность и правопорядок. Правовой научно-практический журнал. 2007. № 4. С. 40–44. [Вернуться к статье](#)

4. Верховна Рада України 1994–2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Информационная система ПАРАГРАФ [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=3;-227 (дата обращения: 29.01.2019) [Вернуться к статье](#)
6. Законодательный Вестник Грузии [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=103> (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)
7. ООО «Бюро деловой информации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (дата обращения: 29.01.2019) [Вернуться к статье](#)
8. Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в УСП // Государство и право. 2004. № 8. С. 62–66. [Вернуться к статье](#)
9. Шарихин А. Е. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении экономической безопасности России: Проблемы и перспективы. М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. 166 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7

*Т. Л. Щерба**доцент кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент**Ю. В. Полковниченко**курсант Академии МВД Республики Беларусь*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Киберпреступления — чрезвычайно многогранное и сложное явление. Объектами таких преступных посягательств могут быть сами технические средства (компьютеры и периферия) как материальные объекты или программное обеспечение и базы данных, для которых технические средства являются окружением; компьютер может выступать как предмет посягательств или как инструмент. При этом киберпреступления следует отличать от иных преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий.

При расследовании уголовных дел вышеуказанной категории не всегда следователь обладает необходимым объемом знаний, достаточным для качественного сбора необходимых доказательств. В связи с этим необходимым является использование специальных знаний в области высоких технологий.

Как справедливо отмечают Е. Р. Россинская и А. И. Усов, участие специалиста обязательно в осуществлении любого следственного действия, связанного с манипуляциями ЭВМ, т. к. малейшие некачественные действия с компьютерной системой могут закончиться в ряде случаев безвозвратной утратой ценной доказательственной информации [1, с. 93–94].

Анализ практики показывает, что применение специальных знаний при расследовании киберпреступлений чаще всего осуществляется при проведении следственных и иных процессуальных действий, а также судебной компьютерно-технической экспертизы (далее — КТЭ).

При проведении следственных действий специальные знания могут использоваться как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах. Наиболее целесообразным и необходимым при расследовании киберпреступлений является участие специалиста при проведении следующих следственных действий: осмотр (в том числе осмотр места происшествия), обыск, выемка, следственный эксперимент, допрос (чаще в непроцессуальной форме при непосредственной подго-

товке к допросу). Вместе с тем, как показывает практика, зачастую следователи не могут привлечь специалиста в области высоких технологий в связи с их дефицитом. Поэтому представляется обоснованным развитие практики самостоятельного изучения следователем тонкостей сферы высоких технологий, в том числе и в рамках повышения квалификации, что позволит ему объективно, всесторонне и полно изучить все обстоятельства уголовного дела.

При этом данный аспект является актуальным не только в отношении следователей, специализирующихся на расследовании киберпреступлений. В настоящее время преступники все чаще для совершения преступлений используют компьютерные технологии. Наиболее ярко данная тенденция проявляется при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, мошенничеств и др. Вышеуказанное обуславливает необходимость изучения модификации высоких технологий для большого круга следователей.

Следующим способом использования специальных знаний по данной категории дел является проведение КТЭ. В зависимости от обстоятельств уголовного дела (материалов проверки) можно выделить следующие виды КТЭ: а) аппаратно-компьютерная экспертиза; б) программно-компьютерная экспертиза; в) информационно-компьютерная экспертиза; г) компьютерно-сетевая экспертиза. Такое деление наиболее полно охватывает технологические особенности и эксплуатационные свойства объектов экспертизы, предъявляемых для исследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 226 УПК экспертиза назначается, если есть необходимость решения каких-либо вопросов с помощью специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. В нашем случае этими специальными познаниями являются познания в следующих научных областях: электроника, электротехника, информационные системы и процессы, радиотехника и связь, вычислительная техника (в т. ч. программирование) и автоматизация.

Необходимость назначения КТЭ определяется следователем или судом. Она не относится к числу обязательных экспертиз, предусмотренных ст. 228 УПК. При проведении исследования в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 61 УПК эксперт вправе потребовать, кроме представленных следователем объектов, материалы уголовного дела, относящиеся к предмету экспертизы; заявлять ходатайства о предоставлении ему необходимых дополнительных материалов; присутствовать при производстве следственных действий. Последнее имеет важное значение особенно по делам о киберпреступлениях, когда ввиду особенностей работы с ЭВМ, а в некоторых случаях массивности техники (например, проведение компьютерно-сетевой экспертизы сервера

(с учетом того, что в некоторых организациях для размещения сервера выделены отдельные технические помещения), исследование проводится на месте (в офисах организаций, учреждениях, помещениях, квартирах и иных местах, где находится компьютерная техника и информация). В таком случае после обзорной стадии следственного действия и ознакомления эксперта с обстановкой выносится постановление о назначении экспертизы и эксперт приступает к исследованию.

Таким образом, участие специалиста в следственных действиях не только обеспечивает более квалифицированные действия следователя при их проведении, но и позволяет самому специалисту «на месте» проникнуть в суть дела, помочь следователю при назначении вопросов КТЭ, а также в случае необходимости провести ее на месте происшествия. Вместе с тем дефицит специалистов в области высоких технологий, а также распространенность не только киберпреступлений, но и других преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, обуславливают необходимость самообучения либо повышения квалификации следователей в рассматриваемой сфере.

1. Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и закон, 2001. 414 с. [Вернуться к статье](#)

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 343.148.5

С. С. Воронов

*начальник кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Судебно-бухгалтерская экспертиза — важное средство собирания доказательств по многим уголовным делам о преступлениях, причинивших ущерб отношениям собственности.

Научно обоснованное заключение эксперта-бухгалтера способствует установлению объективной истины по уголовному делу, поэтому знание сущности судебно-бухгалтерской экспертизы, порядка и ситуаций ее назначения является одним из условий, обеспечивающих решение задач, возникающих в следственной практике.

Вместе с тем в практике правоохранительных органов встречаются случаи необоснованного назначения судебно-бухгалтерских экспертиз, что приводит к повышенной нагрузке на сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, затягиванию сроков предварительного расследования по делу (ввиду длинной очереди за ее проведением), растворению самой сущности судебно-бухгалтерской экспертизы в рутине ревизионных действий.

Судебно-бухгалтерская экспертиза должна назначаться в случаях, когда без применения специальных экономических знаний следователь (судья) не может разрешить возникшие по делу существенные вопросы. Основания для назначения судебно-бухгалтерской экспертизы определяются конкретными обстоятельствами уголовного дела.

Подобными обстоятельствами, как правило, являются:

1. Обоснованные возражения подозреваемого (обвиняемого) против выводов, сделанных по итогам исследования документов, документальной ревизии, если для проверки данных возражений необхо-

димы специальные экономические знания и не требуется проводить повторное исследование документов, повторную ревизию.

Такие возражения обычно возникают в тех случаях, когда специалист-ревизор, ревизор не принимает к зачету бухгалтерские документы, предъявленные ему подозреваемым (обвиняемым), применяет неправильные методы исследования, проводит неполный анализ операций и т. д.

2. Несоответствие между выводами, сделанными по итогам исследования документов, документальной ревизии и другими материалами уголовного дела, если оно не может быть разрешено без применения специальных экономических знаний.

В научной литературе встречаются и иные обстоятельства, в которых автор видит необходимость в назначении судебно-бухгалтерской экспертизы.

Так, по мнению Т. В. Зыряновой, А. Л. Полухиной, к таким обстоятельствам относятся:

- противоречия между выводами первоначальной и повторной ревизий;
- отсутствие документального подтверждения выводов ревизора о недостатке, которая не дифференцирована по материально ответственным лицам;
- проведение ревизии без участия должностных и материально ответственных лиц или в неполном объеме: без освещения отдельных эпизодов преступной деятельности, без использования черновых записей, изъятых у должностных лиц;
- возникновение сомнения в правильности исчисления размера ущерба или когда применяемые ревизором методы определения ущерба вызывают сомнения;
- необходимость, которая вытекает из заключения эксперта другой специальности [1, с. 25–33].

Вместе с тем назначение судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовным делам экономической направленности не является обязательным. Судебно-бухгалтерскую экспертизу нельзя назначать для проверки выводов, сделанных по итогам исследования документов, документальной ревизии при отсутствии противоречий между справкой об исследовании документов, актом ревизии и другими материалами уголовного дела.

В подобных случаях эксперт-бухгалтер либо подтверждает выводы, содержащиеся в справке об исследовании документов, акте ревизии (проверки) без глубокого анализа учетных документов, либо дублирует работу специалиста-ревизора, ревизора. В первом случае заключение эксперта, по существу, не дает нового доказательства по

уголовному делу, а во втором случае эксперт превращается в ревизора, что недопустимо.

Более того, некоторые авторы идут еще дальше. Они предлагают распространить необходимость назначения судебно-бухгалтерской экспертизы и на стадию возбуждения уголовного дела. Например, с точки зрения Л. В. Поповой, был бы уместен императивный (по аналогии с положениями ст. 196 УПК РФ) порядок назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Такой подход позволит не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела, безрезультативных затрат бюджетных средств на производство по уголовному делу, а предприниматель, не отвлекаясь от ведения своего бизнеса, не будет претерпевать неоправданного беспокойства [2, с. 12–16].

Если реализовать подход, предложенный Л. В. Поповой, тогда «неоправданное беспокойство» будет претерпевать уже сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, проводя бессмысленные судебно-бухгалтерские экспертизы. И затраты бюджетных средств в таком случае будут безрезультатными.

Все вопросы, которые возникают у следователя при принятии решения о возбуждении уголовного дела по преступлениям экономической направленности, могут быть с успехом решены посредством проведения оперативно-розыскного мероприятия «исследование документов», в ходе которого специалист-ревизор подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции делаает обоснованные выводы относительно финансово-хозяйственных операций, которые стали предметом проверки.

Эта точка зрения находит свою поддержку и в научной литературе. Так, по мнению Д. Б. Чернышева, в качестве положительного опыта необходимо отметить включение в штат оперативных подразделений, отвечающих за борьбу с экономическими преступлениями, сотрудников, имеющих специальные познания в области бухгалтерского учета, которые могут еще на стадии доследственной проверки провести предварительное исследование документов, определить направление усилий оперативного подразделения на установление и изъятие документов и носителей информации, необходимых для дальнейшей бухгалтерской экспертизы [3, с. 23–26].

1. Зырянова Т. В., Полухина А. Л. Бухгалтерская экспертиза как вид экономических экспертиз // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 48. С. 25–33. [Вернуться к статье](#)

2. Попова Л. В. Некоторые особенности возбуждения уголовного дела по «предпринимательским» преступлениям // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 12–16. [Вернуться к статье](#)

3. Чернышев Д. Б. О некоторых проблемах, связанных с подготовкой к назначению судебной бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. 2017. № 18. С. 23–26. [Вернуться к статье](#)

*Д. В. Жолудева
младший научный сотрудник лаборатории
криминалистических исследований
научного отдела речеведческих, криминалистических
и экономических исследований Научно-практического центра
Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь*

НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЗНАЧИМОСТИ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА-ПОЧЕРКОВЕДА

Переоценить значимость качественного проведения экспертного исследования в уголовном процессе невозможно. Особенное место в системе криминалистических экспертиз отводится почерковедческой экспертизе, как одной из наиболее сложных, по причине большого удельного веса такой категории, как внутреннее убеждение эксперта, при составлении заключения и формулировании вывода.

С целью объективизации процесса экспертного исследования почерка в экспертизе применяется ряд методов, основанных на вероятностном моделировании, в частности вероятностно-статистическое моделирование. Сущность данного метода оценки совпадений признаков при идентификации почерка заключается в установлении вероятности появления комплекса признаков, совпадающих в исследуемом документе и в образцах, для определения индивидуализирующей способности комплекса [1, с. 19].

На данный момент эксперты используют таблицы идентификационной значимости частных признаков почерка, составленные практически 50 лет назад. Изменившиеся прописи, возросшая доступность высшего образования, компьютеризация многих сфер деятельности и некоторые другие факторы оказали влияние на процесс формирования почерка у населения.

Необходимость обновления данных становится очевидной уже на первых этапах обработки массива анкет. После составления алфавитных разработок для 120 анкет, участвующих в эксперименте и составляющих четверть от общего объема, необходимого к обсчету, а также после внесения выявленных частных признаков различных букв в специально составленные модульные таблицы описания частных признаков был проведен подсчет предварительных значений относи-

тельной частоты встречаемости того или иного частного признака с целью отслеживания динамического процесса. Расчет предварительного значения относительной частоты встречаемости был произведен по формуле:

$$W(A) = \frac{m}{n}$$

где W — это относительная частота встречаемости;

A — определенный частный признак в той либо иной букве;

m — число анкет (почерков), в которых присутствует данный частный признак;

n — общее число анкет, прошедших через обсчет и обработку.

Идентификационная значимость частного признака представляет собой отрицательный десятичный логарифм относительной частоты встречаемости данного признака, иными словами, чем в большем количестве почерков мы наблюдаем проявление определенного частного признака, тем меньшей будет его идентификационная значимость. Расчет идентификационной значимости осуществлялся по следующей формуле:

$$J(A) = -\lg W(A),$$

где J — это идентификационная значимость определенного признака;

A — определенный частный признак в той либо иной букве;

W — относительная частота встречаемости определенного признака.

Приведем пример на конкретном частном признаке: упрощенное конструктивное строение буквы «к» по типу буквы «и» встретилось в 31 анкете на этапе обсчета первой четверти анкет. Имея 120 обработанных анкет, используя первую формулу, получим значение относительной частоты встречаемости в 0,26. Используя вторую формулу логорифмизации, получим идентификационную значимость данного признака, равную 0,59.

Между тем, если мы обратимся к расчетам, произведенным в 60–70 годах прошлого века, в соответствующих графах напротив данного признака мы увидим значения 0,07 и 1,00, в корне отличающиеся от высчитанных нами [2, с. 42]. Если мы обратимся к современной работе российского кандидата наук Е. В. Прокурова (2015 г.), то увидим значения соответственно 0,05 и 1,28 [3]. Данный факт приводит к предположению, что важно произвести новый обсчет не только по причине устаревания данных 60-х и 70-х годов XX века, но с условием обеспечения верности результатов именно для населения Республики Беларусь, взяв в расчет такие критерии, как половозрастной состав, регион проживания, тип населенного пункта, а также уровень образования. Безусловно, полученные нами данные будут претерпевать некоторые

изменения в процессе дальнейшего обсчета анкет, однако начало обсчета второй серии анкет (второй четверти от общего количества) подтвердило динамику полученных результатов.

1. Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе : метод. пособие / под ред. В. Ф. Орловой. М. : ВНИИСЭ, 1976. 360 с. [Вернуться к статье](#)

2. Шахтарина Н. И. Судебно-почерковедческая экспертиза с использованием данных количественной значимости частных признаков почерка // Экспертная техника. М. : ЦНИИСЭ, 1968. Вып. 26. 119 с. [Вернуться к статье](#)

3. Прокуров Е. В. Современные проблемы объективизации экспертной оценки признаков почерка : дис. ... канд. юрид.наук. Волгоград : ВЮИ МВД РФ, 2015. 402 л. [Вернуться к статье](#)

Е. А. Лаппо

*начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Могилевского института МВД
Республики Беларусь, кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О ПОРАЖАЮЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ПУЛЬ, ВЫСТРЕЛЕННЫХ ИЗ РУЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

В настоящее время при проведении занятий по огневой подготовке в различных военизированных организациях и подчиненных им учреждениях образования используется учебное ручное стрелковое огнестрельное оружие, переведенное в указанную категорию из боевого, утратившего свои первоначальные баллистические свойства, как не отвечающее предъявляемым требованиям.

При этом конструкция пистолета подвергается следующим изменениям:

- 1) ударник укорачивается на такую длину, при которой в результате удара по нему курка осуществить выстрел становится невозможным;
- 2) в стенке патронника с помощью металлорежущего инструмента проделывается сквозное отверстие (диаметром от 5 до 10 мм) для сброса пороховых газов в момент вероятного выстрела (тем самым предполагается, что кинетическая энергия выстреленной из такого ствола пули не достигнет величины, достаточной для поражения человека).

В ходе эксперимента нами производилась стрельба из пистолета конструкции Макарова (далее — ПМ) с частичным устранением изменений в его конструкции, описанных выше, для чего ударник указанного пистолета был заменен на заведомо исправный. В магазин пистолета помещался патрон 9×18 ПМ, снаряженный оболочечной двухэлементной пулей со свинцовым сердечником (FMG). Стрельба из пистолета производилась с измерением скорости метаемого элемента по вырезу передней брюшной стенки свиньи породы «белая» толщиной 4–5 см, как наиболее полно соответствующая аналогичному органу среднестатистического человека. Дистанция стрельбы между дульным срезом оружия и мишенью составляла 5 м и была обусловлена мерами безопасности.

В результате экспериментальной стрельбы средняя скорость метаемого элемента составила 127 м/с.

Скорость пуль определялась в результате стрельбы группой из десяти выстрелов, после чего вычислялось:

среднее значение скорости (полученные данные округлялись до целых значений) — v_{cp}

$$v_{cp} = \sum_{i=1}^{10} v_i / 10;$$

Выстрел	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Скорость (м/с)	120	144	122	127	121	125	124	131	127	132

$$v_{cp} = \frac{120+144+122+127+121+125+124+131+127+132}{10} = 127 \text{ (м/с)};$$

Для полученного значения средней скорости пули была определена ее кинетическая энергия по формуле:

$$E = \frac{mV^2}{2},$$

где:

E — кинетическая энергия снаряда (Дж);

m — масса метаемого снаряда (кг);

V — скорость метаемого снаряда (м/с).

После чего рассчитывалась площадь поперечного сечения пули по формуле:

$$S = \frac{\pi D^2}{4},$$

где:

S — площадь поперечного сечения метаемого снаряда (мм²);

$\pi = 3,14$ (постоянная величина);

D — диаметр метаемого снаряда (мм).

Удельная кинетическая энергия рассчитывалась по формуле:

$$E_y = \frac{E}{S},$$

где E_y — удельная кинетическая энергия пули (Дж/мм²).

Полученная в результате проведенных вычислений величина удельной кинетической энергии для пули патрона 9х18 ПСО при производстве стрельбы из указанного оружия составила 1,67 Дж/мм², что в три раза превышает установленный в судебной баллистике минимальный порог поражаемости человека (0,5 Дж/мм²).

В результате попадания пуль в биообъект в основном были образованы сквозные проникающие повреждения на всю его толщину. Кроме того, в единичных случаях причинялись слепые повреждения с разворотом пули в конечном участке образованного канала. Траектории пуль на дистанции стрельбы имели некоторое снижение на 10–

15 см, в результате чего при производстве стрельбы требовалась корректировка оружия относительно нормальной линии прицеливания.

Таким образом, изложенное позволяет сформулировать следующий вывод: поражающая способность пуль, выстреленных из учебного ручного стрелкового огнестрельного оружия при условиях, описанных выше (замена ударника пистолета на исправный), превышает установленную в судебной баллистической экспертизе величину минимальной удельной кинетической энергии в три раза и достаточна для причинения тяжких телесных повреждений человеку.

Е. П. Орехова

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

Н. В. Григорьева

*магистрант Академии управления
при Президенте Республики Беларусь*

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЧЕРКА И ПИСЬМА

В судебном почерковедении на современном этапе формируется и укрепляется теория диагностического исследования рукописных текстов, а также разрабатываются диагностико-классификационные, непосредственно диагностические и ситуационно-диагностические задачи почерковедения. Решение диагностических задач в отношении почерковых объектов считается достаточно сложным, но востребованным в доказательственном праве.

К концу 80-х годов XX века были сформированы теоретические основы диагностической экспертизы почерка. Основной вклад в развитие судебно-почерковедческой диагностики внесли А. А. Куприянова, Н. В. Манилкин, В. Ф. Орлова, Е. Л. Седова, В. В. Серегин и др. [1; 2; 3].

В Харьковском НИИ судебных экспертиз было предложено определить диагностические задачи почерка в таком варианте: установление внешней обстановки и условий выполнения рукописи; установление внутреннего состояния писавшего; установление по почерку иных обстоятельств неидентификационного характера (например, годность графического материала, выполнение рукописи двумя лицами одновременно, сходный характер почерков) [4, с. 144].

При разработке теоретической основы судебной почерковедческой диагностики были некоторые разногласия по поводу проблемных вопросов. Так, В. В. Серегин определение личностных свойств в почерке относил к диагностическим исследованиям [3, с. 11]. А. А. Куприянова же предлагала не относить их к предмету почерковедческой диагностики [5, с. 10]. В дальнейшем данная позиция была отражена в методическом пособии по судебной почерковедческой экспертизе, где предлагалось рассматривать определение свойств личности как классификационную задачу.

В период формирования теоретических знаний о судебном почерковедении проходило деление на исследование идентификационной

составляющей почерка и диагностической. Полагаем, две эти составляющие стоит рассматривать во взаимосвязи друг с другом, поскольку даже на практике при проведении судебной почерковедческой экспертизы невозможно говорить о диагностике, не проводя идентификационное исследование; всё чаще происходят интеграционные процессы.

Новое направление в развитии судебного почерковедения связано с изучением почерка во взаимосвязи и взаимозависимости с личностью. Сложность состоит в том, что и почерк, и личность — два наиболее сложных объекта в плане изучения. На сегодняшний день существуют наработки, связанные с решением диагностических задач касаясь личности и почерка, возможности установления личности неизвестного преступника по почерку, опираясь на психологию и морфологию человека [5]. Проводятся исследования рукописей, выполненных с подражанием почерку другого лица, исследования письма лиц, находящихся в психопатологических состояниях, исследования письма лиц, находящихся в состоянии физической усталости, исследования по установлению пола, возраста и психологических свойств исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности, исследования письма лиц, находящихся в стрессовом, эмоциональном состоянии и другие. Установление по почерку психологических свойств исполнителя рукописи является одним из перспективных направлений развития судебного почерковедения [6, с. 36]. В Государственной службе медицинских судебных экспертиз в 2013 году начали проводить психолого-криминалистические экспертизы письма, направленные на установление психофизиологического состояния человека в момент написания определенного текста.

Разработаны методические рекомендации по диагностике необычного психофизиологического состояния исполнителя рукописи, обусловленного наркотической абстиненцией. Они предназначены для судебных экспертов и отражают в первую очередь естественнонаучные предпосылки распознавания необычного состояния лица, вызванного применением наркотических и психотропных препаратов, представлен ряд диагностических признаков письма, характерных для такого состояния лица, определен порядок и последовательность решения задач диагностического исследования [7, с. 14].

В настоящее время все больше внедряются нетрадиционные методы и методики экспертного исследования почерка и письма, к которым можно отнести: 1) методику вероятностной оценки различий частных признаков при сходстве почерков; 2) методику исследования кратких записей; 3) модифицированную методику установления факта намеренного изменения почерка; 4) методику исследования подписей,

выполненных в необычных условиях, в целях установления их подлинности (неподлинности).

Таким образом, в настоящее время судебное почерковедение способно обеспечить решение многочисленных задач. Среди актуальных направлений можно выделить формализацию процесса идентификации личности писавшего по его почерку, разработку и расширение теоретической и методической базы диагностических и ситуационных исследований.

1. Куприянова А. А., Манилкин Н. В., Седова Е. Л. Возможности дифференциации необычного психофизиологического состояния пишущего, обусловленного наркотической и алкогольной абстиненцией, в судебном почерковедении : метод. рекомендации / А. А. Куприянова ; НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск : Право и экономика, 2017. 24 с. [Вернуться к статье](#)

2. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие для студ. вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2006. 160 с. [Вернуться к статье](#)

3. Серегин В. В. Возможности судебно-почерковедческой диагностики свойств исполнителей рукописей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 27 с. [Вернуться к статье](#)

4. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе / М-во юстиции УССР. Харьков. науч.-исслед. ин-т судебных экспертиз им. засл. проф. Н. С. Бокариуса ; редкол.: Л. Е. Ароцкер [и др.]. Киев : [б. и.], 1972. 96 с. [Вернуться к статье](#)

5. Куприянова, А. А. Теоретические основы и методика судебно-почерковедческих диагностических исследований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 25 с. [Вернуться к статье](#)

6. Куприянова А. А. Методика решения судебно-почерковедческих диагностических задач ; Гос. учреждение Рос. федер. центр судеб. эксп. при Минюсте России. М. : Наука, 2006. 64 с. [Вернуться к статье](#)

7. Куприянова А. А., Манилкин Н. В., Седова Е. Л. Методические рекомендации по судебно-почерковедческой диагностике необычного психофизиологического состояния исполнителя рукописи, обусловленного наркотической абстиненцией; НПЦ Гос. ком. судеб. эксп. Респ. Беларусь. Минск : Право и экономика, 2014. 25 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 616-053.71:343.122]:343.148.22

В. Н. Семёнов

*начальник управления судебно-психологических экспертиз —
государственный медицинский судебный эксперт-психолог
Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь,
кандидат психологических наук*

КРИТЕРИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКЕ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ

Применительно к новым реалиям экспертной практики (увеличение числа комплексных экспертиз, назначаемых по уголовным делам, возбужденным по ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и особенностям психосексуального онтогенеза (рост информированности в вопросах, касающихся различных аспектов половой жизни, опережающий сформированность личностных структур, отвечающих за регуляцию их поведения), наблюдаемым у несовершеннолетних в нашей стране, прежняя система критериев психологической экспертной оценки беспомощного состояния недостаточно эффективно обеспечивает объективность и обоснованность экспертного вывода. На практике это может приводить к альтернативным экспертным оценкам беспомощного состояния у одного и того же несовершеннолетнего потерпевшего по одним и тем же обстоятельствам совершения противоправных действий сексуальной направленности, что в свою очередь создает сложности в использовании такого заключения эксперта у правоприменителя.

В связи с этим к настоящему времени сложились необходимые предпосылки для пересмотра и уточнения основных положений теоретико-методического подхода к психологической экспертной оценке «беспомощного состояния» у несовершеннолетних потерпевших от противоправных действий сексуальной направленности (далее — несовершеннолетних потерпевших) [1; 2; 3; 4; 5; 6]. С учетом сказанного объективизация, операционализация и унификация критериев оценки беспомощного состояния у несовершеннолетних потерпевших являются одними из наиболее актуальных задач для экспертной психологической практики на современном этапе ее развития.

* Здесь и далее по тексту юридический термин «беспомощное состояние» применяется лишь в качестве эквивалента более громоздкого экспертного понятия «способность понимать характер и значение совершаемых действий и оказывать им сопротивление» и не может использоваться в заключении эксперта.

В контексте действующих в белорусском законодательстве правовых оснований объектом комплексного исследования в экспертизе несовершеннолетних потерпевших является их психическое состояние в юридически значимой ситуации, а предметом — оценка интеллектуального и волевого критериев беспомощного состояния [7; 8; 9].

Изучение практики проведения комплексных экспертиз в подразделениях Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь показало, что наибольшие затруднения у экспертов-психологов возникают при оценке интеллектуального и волевого компонентов юридического критерия беспомощного состояния у несовершеннолетних потерпевших возрастной группы от 12 до 16 лет, однократно и многократно вступавших в «половое сношение» с лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста. Подобные затруднения возникают в связи с наличием у несовершеннолетних потерпевших определенного объема знаний в сфере половых отношений, появлением у них первичных проявлений полового влечения, а также недостаточной систематизированностью и унифицированностью психологических критериев экспертной оценки.

В целях оптимизации рассматриваемой области психологической экспертной практики была проведена эффективная работа по уточнению, систематизации, операционализации и унификации психологических критериев, используемых для оценки интеллектуального и волевого компонентов беспомощного состояния, описаны процедура диагностики беспомощного состояния посредством полуструктурированного интервью и алгоритм принятия экспертного решения о наличии либо отсутствии беспомощного состояния. В предлагаемой нами модифицированной системе психологической экспертной оценки беспомощного состояния констатация сохранности либо нарушения каждой из юридически значимых способностей потерпевшего требует выполнения всех соответствующих им психологических критериев. Каждый из психологических критериев оценивается в процессе полуструктурированного интервью, в ходе которого учитываются возрастные и индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего потерпевшего.

Таким образом, в рамках настоящей статьи в сжатом и схематичном виде была описана в теоретическом и практическом аспектах проблема экспертной оценки беспомощного состояния у несовершеннолетних потерпевших от противоправных действий сексуальной направленности, а также представлен актуальный способ ее решения посредством разработки системы унифицированных психологических критериев и алгоритма экспертной оценки юридически значимых спо-

способностей несовершеннолетних потерпевших в результате противоправных действий сексуальной направленности.

1. Дмитриева Т. Б. Медицинская психология. Курс лекций : учеб. пособие / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. 4-е изд. М. : Генезис, 2016. 656 с. [Вернуться к статье](#)
2. Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М. : Генезис, 2010. 352 с. [Вернуться к статье](#)
3. Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М. : Изд-во Москов. ун-та, 1999. 497 с. [Вернуться к статье](#)
4. Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М. : Юридическая литература, 1990. 208 с. [Вернуться к статье](#)
5. Об уточнении экспертных категорий и критериев оценки юридически релевантных феноменов психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших по правонарушениям сексуального характера (информационное письмо) / А. А. Ткаченко [и др.]. М. : ГНЦСиСП им. В. П. Сербского, 2012. 11 с. [Вернуться к статье](#)
6. Ткаченко А. А. Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза «беспомощного состояния» потерпевших — жертв сексуальных правонарушений : методические рекомендации / сост. А. А. Ткаченко, Е. Ю. Яковлева. М. : ГНЦСиСП им. В. П. Сербского, 2008. 44 с. [Вернуться к статье](#)
7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и свободы (ст.ст. 166-170 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 27 сент. 2012 г., № 7. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=S21200007&p1=1> (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3. URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3. URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900295#load_text_none_1_ (дата обращения: 29.01.2019). [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Акимов М. А. Уголовно-правовая квалификация воинских преступлений, совершенных в период военного положения.....</i>	<i>7</i>
<i>Бакиновская О. А. Направления совершенствования законодательства по предупреждению коррупционных правонарушений в сфере государственных закупок.....</i>	<i>10</i>
<i>Бахур О. И. Иные меры уголовной ответственности по уголовному законодательству государств — членов ЕАЭС.....</i>	<i>13</i>
<i>Валеев Р. Г., Фурса В. В. Защита от сексуальных посягательств согласно современному уголовному законодательству Украины.....</i>	<i>16</i>
<i>Воспякова О. Ф. О некоторых аспектах применения принудительных мер воспитательного характера.....</i>	<i>20</i>
<i>Вульвач Р. С. Превентивный надзор как метод предупреждения рецидивной преступности.....</i>	<i>23</i>
<i>Гааг І. А. Аб змесце суб'єктыўнага боку злачынстваў супраць правасуддзя, што ўчыняюцца службовымі асобамі, якія забяспечваюць ажыццяўленне правасуддзя.....</i>	<i>27</i>
<i>Густова Э. В. О проблемах толкования уголовного закона.....</i>	<i>31</i>
<i>Дудко Т. И. Сравнительная характеристика уголовного законодательства романо-германской и англосаксонской правовых семей, предусматривающего ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность.....</i>	<i>35</i>
<i>Духовник Ю. Е. Уголовно-правовая оценка деяний при мнимом исполнении приказа или распоряжения.....</i>	<i>38</i>
<i>Ермакова О. В. Обоснованность использования института административной преюдиции в рамках ст. 282 УК РФ.....</i>	<i>41</i>
<i>Иващенко В. А. Ответственность за торговлю людьми в законодательстве Украины: уголовно-правовой аспект.....</i>	<i>44</i>
<i>Каменский Д. В. О сущности понятия «мошенничество» в сфере экономических правоотношений.....</i>	<i>47</i>
<i>Карпович А. Г. Теоретико-правовые аспекты соотношения самостоятельной занятости и незаконной предпринимательской деятельности.....</i>	<i>50</i>
<i>Ковальчук А. В. Уголовно-правовые привилегии как конструкт экономики уголовно-правового воздействия.....</i>	<i>53</i>
<i>Козелецкая Н. И. Особенности уголовной ответственности за оскорбление.....</i>	<i>56</i>
<i>Круглов В. А. Унификация категорий преступлений (сравнительный анализ законодательств Беларуси и России).....</i>	<i>60</i>
<i>Луценко Н. С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по законодательству Российской</i>	

Федерации и освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности по законодательству Республики Беларусь (сравнительно-правовой анализ)	63
Ляшко А. А. Сравнительная характеристика уголовной и гражданской правосубъектности несовершеннолетних	67
Мальков С. М. Особенности квалификации преступлений, связанных с нарушением установленных правил взаимоотношений между военнослужащими при соучастии	70
Морозова А. А. Проблемы уголовно-правовой оценки посредничества в коммерческом подкупе	74
Нарбутувич О. А. Об ответственности за контрабанду в государствах — членах ЕАЭС	77
Новикова Е. В. О моменте юридического окончания незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	80
Петров С. А. Уголовная ответственность за отдельные виды транспортных преступлений по уголовному законодательству России и Республики Беларусь	83
Политова А. С. Незаконное обогащение: спорные вопросы правоприменительной практики	88
Полякова Н. В. Разграничение отдельных составов преступлений и правонарушений в сфере миграции: законодательство и правоприменительная практика	91
Примаченок А. А. Истоки уголовного права как отрасли законодательства (к 100-летию принятия руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года)	94
Рябцева Л. А. Специальный субъект преступления: понятие и общая характеристика	97
Свиб А. Ф. Предупреждение подростковой организованной преступности в Республике Беларусь	100
Свило С. М. Определение проституции в уголовном праве Республики Беларусь	103
Семенюк Д. П. Признаки отличия преступления от административного правонарушения и дисциплинарного проступка ..	106
Сілаеў С. А. Да пытання аб працяглым характары злачынстваў, звязаных з невыкананнем абавязкаў па выплаце грашовых сродкаў	110
Соколовска И. И., Бригманис В. А. Реализация права на завершение уголовного процесса в разумный срок посредством применения видеоконференцсвязи	113
Сороковик И. А. Генезис возраста уголовной ответственности по законодательству Беларуси	116
Тепляшин П. В. Уголовно-исполнительные системы республики Беларусь и Российской Федерации: компаративистский анализ в контексте славянского типа пенитенциарных систем	119

Терских А. И. Проблемы уголовно-правовой оценки деяний в сфере оборота криптовалюты (на примере уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь).....	123
Ткачев И. О. Сравнительная характеристика институтов судебного штрафа и уголовно-правовой компенсации по уголовному праву Российской Федерации и Республики Беларусь.....	126
Харламова А. А. Вопросы противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества.....	129
Херцмане Б. А. Понятие и квалификация эмоционального насилия в уголовном праве Латвийской Республики.....	132
Черненко Т. Г. Уголовно-правовое значение установления момента окончания длящегося преступления.....	136
Чупин И. Е. Анализ практики разрешения материалов по сообщениям должностных лиц учреждений здравоохранения об утрате лекарственных препаратов, содержащих в своем составе наркотические средства, психотропные вещества при отсутствии признаков хищения (ст. 330 УК Республики Беларусь).....	139
Шеслер В. А. К вопросу о предмете хищения, предусмотренного ст. 229 УК РФ, и его влиянии на дифференциацию уголовной ответственности.....	142
Яцута И. С. К вопросу об ответственности за пропаганду нацизма.....	145

КРИМИНОЛОГИЯ

Борисова Ж. А. Перспективы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью в социальных сетях.....	148
Вайда Т. С. «Язык ненависти» как составляющий компонент криминологической характеристики экстремизма.....	151
Вишневский К. В. Терроризм как фактор массовой виктимизации населения.....	155
Вишневская Т. И. Состояние преступности лиц пожилого возраста в Республике Беларусь.....	159
Гетьман А. Д. Основные способы преступлений при использовании чужих официальных документов, удостоверяющих личность.....	162
Демидова И. А. Теория правового поведения.....	165
Драгун М. Д. Оперативно-розыскная характеристика противодействия оперативно-розыскной деятельности.....	168
Дрозд А. Н. Тестирование на предмет потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как форма ранней профилактики преступлений.....	171
Зеленяк П. А. Преступления против жизни и здоровья детей: особенности виктимизации.....	175
Каразей О. Г. О «Гендерном вопросе» в контексте профилактики насилия.....	179

<i>Кобец П. Н., Краснова К. А.</i> Социальные и правовые аспекты предупреждения совершения преступлений лицами, страдающими психическими расстройствами и суицидальными наклонностями (на примере США).....	183
<i>Кудинов В. А.</i> Анализ зависимости количества зарегистрированных в едином реестре досудебных расследований уголовных правонарушений в Украине в 2018 году от месяца	186
<i>Лебешев И. С.</i> Организация индивидуальной воспитательной работы с рецидивистами, отбывающими наказание в местах лишения свободы	190
<i>Мельковский А. В.</i> Безопасность современного предприятия как фактор предупреждения преступных посягательств	193
<i>Резюк В. И.</i> Субъект хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как коррупционного преступления, совершаемого должностным лицом — руководителем негосударственной организации	196
<i>Титаренко А. А.</i> Криминологический сценарий развития преступности как одна из составляющих формирования программ противодействия преступности в государстве (методологический подход)	200
<i>Хотькина О. К.</i> Коррупционные аспекты причин и условий рецидивной наркопреступности.....	204
<i>Челядинский С. А.</i> Концептуальные подходы к понятию экстремизма и экстремистской деятельности	207
<i>Шамёнов В. И.</i> О применении правового просвещения граждан как меры профилактики коррупционного поведения.....	210
<i>Шаркова Е. А.</i> Совершенствование правоприменительной практики в отношении несовершеннолетних преступников в Республике Беларусь.....	213
<i>Шулте А. Я.</i> Домашнее насилие: проблемы, решения, риски (опыт Латвийской Республики)	218

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Карханина Л. В.</i> Перспективы применения мер поощрения к несовершеннолетним осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях	222
<i>Кузьменкова С. В.</i> Некоторые проблемы применения наказания в виде ареста в отношении лиц, обязанных возмещать расходы на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении.....	225
<i>Кутуков С. А.</i> Основные направления работы с лицами, в отношении которых принято решение об осуществлении мер безопасности (государственной защиты), содержащимися и отбывающими наказание в учреждениях ФСИН России	228
<i>Масленников Е. Е.</i> Актуальные проблемы комплектования учреждений уголовно-исполнительной системы России персоналом	232

<i>Павлов П. А.</i> К вопросу взаимодействия в системе деятельности следственных изоляторов.....	234
<i>Прихожая Л. Е.</i> Раздельное содержание осужденных в системе обеспечения безопасности в местах лишения свободы.....	237
<i>Смирнов И. А.</i> Проблемы института судимости в механизме ресоциализации положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы в России	240
<i>Тит А. А.</i> Условно-досрочное освобождение для осужденных к пожизненному заключению в Республике Беларусь: перспективы и целесообразность введения	243
<i>Шабаль В. С.</i> Перспективы совершенствования деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности	246

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Абрамова Л. Л.</i> Установление фактических оснований начала производства по уголовному делу: проблемы законодательной регламентации	249
<i>Анохин Ю. В., Белицкий В. Ю.</i> Некоторые аспекты реализации принципа non bis in idem в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.....	252
<i>Бойко А. П.</i> Некоторые проблемы обеспечения безопасности участников уголовного процесса в Украине.....	256
<i>Волобеев А. О.</i> Проблемно-дискуссионные вопросы проведения негласных следственных (розыскных) действий во время расследования уголовных производств, связанных с незаконным обращением с оружием и боевыми припасами.....	259
<i>Волобуева Е. А.</i> Процессуальная регламентация проведения допроса: дискуссионные вопросы.....	263
<i>Гаркуша А. Г.</i> Некоторые аспекты задержания лица на стадии досудебного расследования.....	266
<i>Дараган В. В.</i> Некоторые вопросы организации взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями национальной полиции Украины в процессе расследования преступлений в сфере государственных закупок	269
<i>Захарко А. В.</i> Уголовная процессуальная регламентация отдельных видов задержания по законодательству Украины и Республики Беларусь ..	273
<i>Карлов А. Л.</i> Условия для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по законодательству России и Республики Беларусь	277
<i>Кушкина О. В.</i> Актуальные вопросы производства опознания живого лица на стадии предварительного расследования	280
<i>Лазутина Л. Ф.</i> Координирующая деятельность прокуратуры Республики Беларусь в сфере борьбы с преступностью и коррупцией	283
<i>Литвинов В. В.</i> Актуальные вопросы обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве Украины	287

<i>Манько М. Н.</i> Мировой опыт применения досудебного соглашения о сотрудничестве (на примере Италии)	290
<i>Марцынкевич Н. А.</i> Расходы на реализацию имущественных прав подозреваемых, обвиняемых, временно отстраненных от должности.....	293
<i>Овсянников Ю. В.</i> Правовое регулирование процедуры получения объяснений в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения.....	296
<i>Павлова Н. В.</i> Относительно признания доказательством материалов видеозаписи и фотосъемки события преступления согласно законодательству Украины	300
<i>Пидюков П. П., Устименко Т. П.</i> Проблемы социальной защиты украинского общества в условиях евроинтеграции и усиление ответственности за вред, причиненный коррупционными и иными противоправными деяниями	303
<i>Расулова Н. С.</i> Уголовно-процессуальные аспекты использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела в России и Республике Беларусь	307
<i>Самко А. В.</i> О возможности применения мер пресечения по уголовным делам частного обвинения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства	310
<i>Солдатенко Е. А., Юнацкий А. В.</i> Процедура доказывания в суде апелляционной инстанции в уголовном производстве украины и ее особенности.....	314
<i>Федченко В. М.</i> Упрощенное уголовное производство и уголовное производство, совершенное на основании соглашений, как правовые аспекты, которые влияют на пределы доказывания по УПК Украины	318
<i>Черняк Н. П.</i> Некоторые проблемные аспекты процессуальной «независимости» и «самостоятельности» следователя в уголовном процессе украины	322
<i>Шилко Ж. А.</i> О необходимости повышения уровня теоретической и практической подготовки следователей как одном из ключевых условий перехода к электронному уголовному делу	325
<i>Якубова С. М.</i> О некоторых аспектах исполнения Российской Федерацией постановлений Европейского Суда по правам человека	328

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Авдеев Д. А.</i> О некоторых аспектах способа совершения угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества	331
<i>Бедняк А. С.</i> Проверка документов в деятельности полицейских украины: криминалистический аспект	334
<i>Бояров В. И.</i> Некоторые вопросы тактики представительства интересов потерпевшего в делах о групповых проявлениях экстремизма .	337
<i>Вельчинская Е. В., Вельчинский В. В.</i> Особенности изучения ядовитых веществ токсикологической и судебной химией: консолидация знаний	340

<i>Войчишена М. В.</i> Оборот порнографических предметов как общественно опасное деяние: понятие порнографии, правовые основы противодействия.....	343
<i>Гайдин А. И.</i> Содержание элемента обстановки в механизме мошенничеств, совершаемых с использованием электронных платежных систем.....	347
<i>Григорович В. Л.</i> Криминалистическая характеристика как элемент частной методики расследования преступлений	354
<i>Евдохова Л. Н., Ищенко Л. Е.</i> Использование специальных знаний товароведов-экспертов при расследовании хищений, осуществляемых путем присвоений и растрат	357
<i>Егоров В. П.</i> Роль и значение предварительного исследования при проведении осмотра места происшествия	360
<i>Ефимов Н. Н.</i> Отдельные аспекты проведения допроса при расследовании преступлений против морали	363
<i>Козел В. М.</i> Взаимодействие следователя с оперативными работниками в ходе подготовки и проведения отдельных следственных действий при планировании расследования уголовных дел.....	366
<i>Костюкович Э. П.</i> К вопросу об использовании металлоискателей, георадаров и других технических средств для поиска археологических артефактов.....	369
<i>Ларкин М. А.</i> Некоторые особенности планирования первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений).....	372
<i>Мовчан А. В.</i> Отдельные аспекты подготовки специалистов по криминальному анализу для органов национальной полиции Украины... ..	374
<i>Мотолько А. Ф.</i> Использование возможностей сети Интернет в ходе предварительного следствия.....	377
<i>Наркевиц И. Э., Бриеде А. К.</i> Использование экспресс-метода исследования трасологических следов в раскрытии преступного деяния	380
<i>Панченя Д. Н.</i> Зарождение научных взглядов об использовании текстильных волокон в криминалистике зарубежных стран	385
<i>Петрусевич М. Г.</i> Направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании массовых беспорядков	388
<i>Плетенец В. Н.</i> Особенности принятия решений в условиях тактического риска противодействия уголовному судопроизводству	391
<i>Репин А. В.</i> Отношение к предъявленному обвинению как фактор, влияющий на выбор тактики допроса.....	394
<i>Санакоев Д. Б.</i> Противодействие неправомерному контенту: международная практика и пути ее реализации	397
<i>Санюк Э. И.</i> Личность преступника как объект моделирования.....	402

<i>Свиридов Д. А.</i> Методика расследования незаконной предпринимательской деятельности в свете изменений Уголовного кодекса Республики Беларусь	405
<i>Тимофеева Е. А.</i> О проблеме существования хищений в товариществах собственников, организациях застройщиков	408
<i>Федоренко О. А.</i> Особенности установления личности, которая совершает преступление с использованием обстановки киберпространства	411
<i>Хох А. Н.</i> Возможности спорово-пыльцевого анализа при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, изготовленных из растительного сырья	414
<i>Чжу Цзюй Чжэн</i> применение научно-технических технологий в противодействии преступности в Китайской Народной Республике	417
<i>Чупругин К. В.</i> Категория негласности в юридической деятельности	420
<i>Щерба Т. Л., Полковниченко Ю. В.</i> Использование специальных знаний при расследовании киберпреступлений	423

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

<i>Воронов С. С.</i> Актуальные проблемы назначения судебно-бухгалтерских экспертиз по уголовным делам об экономических преступлениях	426
<i>Жолудева Д. В.</i> Новые значения идентификационной значимости частных признаков почерка как средство повышения объективизации заключения эксперта-почерковеда	430
<i>Лаппо Е. А.</i> К вопросу о поражающей способности пуль, выстреленных из ручного стрелкового огнестрельного оружия	433
<i>Орехова Е. П., Григорьева Н. В.</i> К вопросу о развитии диагностических исследований почерка и письма	436
<i>Семёнов В. Н.</i> Критериально-ориентированный подход к экспертной оценке беспомощного состояния у несовершеннолетних потерпевших	439

[Вернуться на титульный экран издания](#)